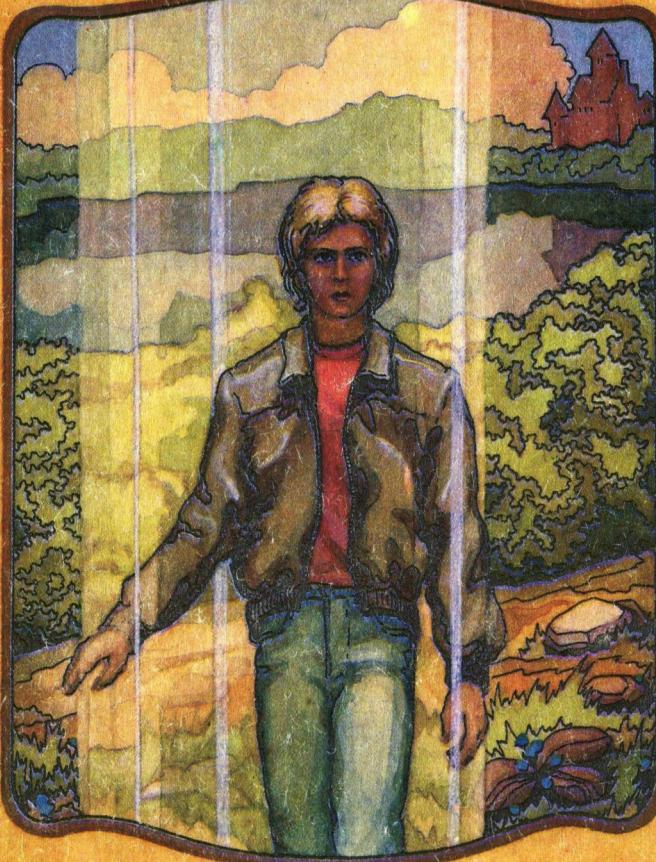

Сказка о любви и
Бекмане

Теа Бекман
Крестоносцы
в джинсах

Тед Бекман *Крестоносец в джинсах*

Тед Бекман

*Крестоносец
в
джинсах*

Скандинавия

Альпы

Борис
Страсбург
Базель
Карвендел
Кре
Генуя
Пиза
Кельн
Спирс
р. Рейн
р. Некар
Ремшайд
оз. Боденское
р. Рейн
р. Альб
р. Тренто

Римская империя (немецкие земли)

Теа-Бекман

Крестоносец
в
джинсах

Художник
Саников О.Я.

Справщик

1992

ББК 84.4Н
Б97

Thea Beckman
Kruistocht in spijkerbroek

Lemniscaat, Rottherdam
1975

Перевод с нидерландского и послесловие
Н.В.Ивановой

Впервые на русском языке — широко известный за рубежом историко-фантастический роман норвежской писательницы Теа Бекман “Крестоносец в джинсах”. Это захватывающее повествование о малоизвестных нашему читателю исторических событиях — детских крестовых походах, в которых принимает участие волею случая попавший в средневековые современный подросток. Увлекательные приключения, монахи-авантюристы и жестокие рыцари, взаимопомощь и самоотверженность маленьких крестоносцев, удивительные исторические факты будут интересны не только детям, но и взрослым.

ISBN 5-87754-022-X

© Н.В.Иванова
© Странник, 1993

БОЛЬШОЙ ПРЫЖОК

А

это транслятор материи, — пояснил доктор Симиак.

Машина поразила воображение мальчика. Затаив дыхание, Долф Вега разглядывал громоздкий аппарат, занимавший целую стену. Пол опутывали толстые, защищенные плотной изоляцией провода. Долф поднял глаза на панель: цифры и знаки, которыми были снабжены лампочки, кнопки и ручки, ничего не говорили ему.

Рядом с мощной машиной, соединяющей прошлое с настоящим, Долф внезапно ощутил собственную незначительность. Отец Долфа, доктор Вега, был дружен с обоими изобретателями машины времени. Уже не первый месяц Долф выпрашивал разрешения посмотреть ее, и наконец ему было позволено в честь рождественских каникул заглянуть в лабораторию. Однако Долф не предполагал, что зрелище окажется столь внушительным.

— Что это?

Долф показал на блок в центральной части прибора, немного похожий на телефонную будку, с толстыми стенами и прозрачной, в рост человека, дверью. Но дверь была не стеклянная, как сказал доктор Симиак, а из особого, небьющегося материала.

— Сюда помещается клетка или какой-нибудь предмет, который предстоит отправить в прошлое, — продолжил объяснение доктор Кнефелтур, ассистент лаборатории.

— И назад они вернутся в этой же кабине?

— Конечно, если повезет.

— Как это — если повезет?

— Видишь ли, друг мой, — включился в разговор доктор Симиак, — отправив в прошлое клетку с животным, мы сможем вернуть ее лишь часа через три, не раньше. Дело в том, что наш транслятор поглощает много энергии, перегревается, и ему требуется время, чтобы остыть. Самое главное при этом, чтобы клетка оставалась точно на том же месте, куда ее доставит

машина времени, поскольку координаты посадки записываются приборами. Стоит кому-нибудь сдвинуть клетку или самой клетке чуть сползти на покатом участке, и к нам возвратится лишь горстка земли, захваченная машиной там, где стояла клетка, а животное затеряется в прошлом.

— А почему вы работаете только с животными? Они ведь не могут рассказать вам, что повидали в прошлом.

Замечанию мальчика трудно было отказать в логике.

— Изобретение наше пока еще несовершенно, другожок, и, прежде чем посыпать в прошлое человека, мы обязаны удостовериться, что машина гарантирует полную безопасность. Ну и потом — нас останавливает вес человека.

— Почему?

— Больше шестицентнера килограммов машине не осилить. И еще одно: мы же не видим, куда именно попадает клетка с животным. Пока у нас нет обратной связи. А значит, человек, который случайно окажется посреди болот или на море, не сможет отправить нам сигнал бедствия и неминуемо погибнет.

— Плохо то, что после экспедиции с крупными животными, обезьянами, например, машина несколько недель не работает, — вставил ассистент Кнефелтур.

— Путь назад съедает такое количество энергии, что предохранители плавятся, и машина выходит из строя. А ремонт может продлиться и месяц, и два.

— Вот это да! А сейчас ваши приборы в порядке?

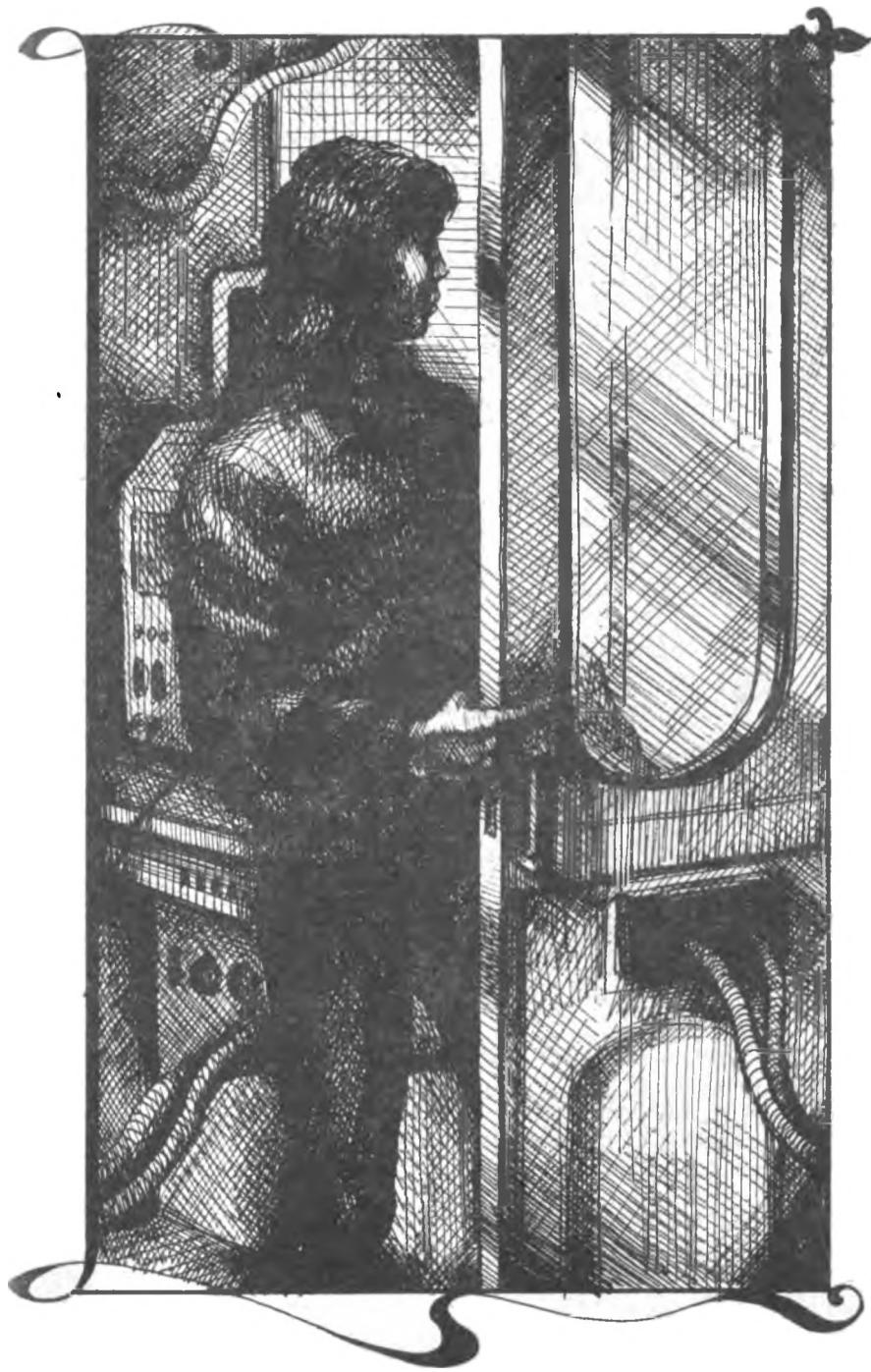
— Работают. После Нового года мы надеемся привести опыт с обезьянами, которых специально учили захватывать из клетки находящиеся вблизи предметы.

Долф кивнул. Он смотрел на кабину и пытался представить, как чувствует себя запертый в ней человек, ожидая встречи с прошлым...

И вдруг у него невольно вырвалось:

— Я хочу попробовать.

Исследователи недоуменно взорились на Долфа. Перед ними стоял паренек неполных шестнадцати лет. Конечно, рослый и крепкий, старшеклассник все-таки... Да еще любитель истории. Но ведь ребенок... И

он заявляет, что... Нет, это невозможно. Просто он бредит приключениями, головокружительными и невероятными, сродни телевизионным.

— Во мне весу меньше шестицентов килограммов...

— продолжал Долф.

— Глупости! — оборвал его доктор Симиак.

— Глаза есть, язык есть, значит, расскажу вам обо всем, что увижу, — настойчиво убеждал Долф. На самом деле он не был так спокоен, как казалось. Сердце его возбужденно билось.

— Чепуха, полнейшая чепуха, — приговаривал ассистент Кнефелтур, но в голосе его отчетливо слышались нотки сомнения.

— Слишком рискованно, — вставил свое слово доктор Симиак, но и его голос выдавал волнение.

Взрослые стояли на своем, и тем сильнее хотелось Долфу отправиться в путешествие на машине времени.

— Я же лучше любого подопытного кролика, — настаивал он. — Вес у меня подходящий, зрение отличное. На худой конец, возьму с собой оружие. Дело нешуточное, ясно, но я сумею постоять за себя, вот увидите. Да и всего-то на два часа, только-только успеешь... Ой, ведь у меня дома есть книга о рыцарском турнире, который состоялся 14 июня 1212 года в Монт-Живр — это в центре Франции, — а устраивал его герцог Дампьерский. Вот бы туда попасть! Так хочется увидеть все своими глазами. Зато потом расскажу вам, так ли уж отлаженно действует ваша машина, как вы думаете. А что вам могут сообщить ваши подопытные кролики? Да ничего. Вы, конечно, исследуете их, стряхнете пыль со шкурки, но никаких точных данных у вас не будет. Только я смогу доставить вам настоящие научные данные.

Взрослые колеблются, ура!

— Я ничего не боюсь, — скороговоркой прибавил он.

— Мальчик мой, мне кажется, ты не понимаешь, — очень серьезно заговорил доктор Симиак, — что, если мы поддадимся твоим уговорам, чего мы, впрочем, не собираемся делать, у нас будет лишь один шанс вернуть тебя назад. Если же первая попытка не удастся

— положим, тебя не окажется в нужный момент на условленном месте, — ты пропал. В таком случае ты обречен на скитания по средневековью до конца дней своих.

— Я буду очень точен, — торжественно пообещал Долф.

— Ты думаешь, все так просто, — проворчал доктор Кнефелтур, но огонек любопытства загорелся в его глазах.

— Держу пари, что компьютер может точно рассчитать место моего приследования, — упорствовал Долф. — Я возьму мелки и отмечу посадочную полосу, а через два часа без труда найду ее. Захвачу нож — вдруг понадобится постоять за себя. Ну и...

— Прекрати же наконец, мальчик! — взмолился доктор Симиак, и голос его дрогнул. — Риск слишком велик. Никогда еще человеку не удавалось проникнуть в прошлое. События могут принять самый неожиданный оборот. Как мы возьмем на себя ответственность за все, что может случиться с тобой?

— Кто-то должен быть первым, — ответил на это Долф, — а я готов.

Только не раздумывать, только не сомневаться... Сейчас же, не теряя ни секунды, начать опыт. Такой невероятной, такой сумасшедшей удачи, такой возможности побывать в мире своих далеких предков больше не будет никогда!

Взрослые исчерпали свои доводы, отговаривая Долфа от его затеи, но он уже не слушал их. Взгляд его был устремлен на "телефонную будку", эти ворота в прошлое, прямиком ведущие к рыцарским турнирам и приключениям. Стоял пасмурный зимний день, но в комнате было тепло. Долф сжимал в руках теплую куртку на меховой подкладке. Словно повинуясь неосознанному импульсу, он вдруг решительно натянул ее.

— Отправьте меня.

Это прозвучало даже не просьбой, а приказанием.

Над панелью машины висели часы. Долф скользнул взглядом по циферблату. Без пятнадцати минут час.

Почти машинально он сверился со своими новенькими наручными часами, подарком Деда Мороза.

— Давайте точно условимся о времени, когда я должен вернуться на посадочную площадку и ожидать обратного рейса.

И тут произошло неожиданное. То ли ученых сра-
зил его упрямый натиск, то ли их прельстила возмож-
ность испытать наконец свое детище, Долф так и не понял. Еще не веря своему счастью, он увидел, как оба они согласно кивнули.

Доктор Кнефелтур бросился к компьютеру и стал вводить данные.

“14 июня 1212 года... Монтживрей, Франция. Надо бы посмотреть по карте, где это находится...” — так бормотал доктор Кнефелтур, в то время как пальцы его нажимали на клавиши прибора. Начал суетиться и доктор Симиак. Он выбежал из комнаты и скоро возвратился, держа в руках мелки — угольно-черный и бледно-желтый. Потом он принес Долфу длинный, острый, как бритва, хлебный нож, который мальчик засунул за пояс.

— Чтобы ты наверняка поспел к назначенному времени, — заговорил ученый, — дадим тебе на путешествие по прошлому полных четыре часа, начиная с этой минуты.

Теперь это снова был истинный исследователь, для которого в настоящую минуту не существовало ничего, кроме эксперимента. Он отметил время: без пяти минут час.

— Еще минут пять займет подготовка машины, следовательно, ровно в час начнется твое путешествие. Запомни как следует, мой мальчик, в пять часов дня, минута в минуту, машина снова придет за тобой на то же место.

— Я обязательно буду там.

Долф шагнул к аппарату.

В это время подошел ассистент Кнефелтур с ре-
зультатами своих расчетов. Увидев, как Долф откры-
вает дверь камеры, он снова дрогнул.

— Неужели тебе и вправду так нужен этот опыт?

— резко прозвучал его голос. — Помни: у нас будет только одна попытка вернуть тебя...

— Знаю, — с этими словами Долф вошел внутрь камеры.

Доктор Симиак приблизился к нему, чтобы захлопнуть дверцу, и напомнил:

— Держись подальше от людских глаз — очень уж ты неподходяще одет. Ох, парень, может, ты еще передумаешь? Выбрось из головы эту блажь.

— Вы же сами не хотите этого, — твердо ответил Долф. — Вы ведь и мечтать не могли о такой удаче.

В словах мальчика была большая доля истины, и ученый не нашелся с ответом. Доктор Кнефелтур, сидя за пультом, начал колдовать над приборами. Все еще держа дверцу открытой, доктор Симиак сказал внезапно окрипшим голосом:

— Хорошо... Встань точно посередине квадратной пластины. Вот так, не касайся стенок камеры. Теперь закрой глаза и не шевелись. Потерпи немного — нужно три минуты, чтобы аппарат заработал... Только не дотрагивайся ни до чего! Я...

— Пожалуйста, не говорите больше со мной, — попросил Долф.

Он крепко зажмурился. Послышался щелчок закрывшейся двери, теперь ни один звук не проникал в кабину.

Долф застыл на месте. “Начну считать, — подумал он, — сосчитаю трижды до шестидесяти. Только спокойно...”

Он считал медленно, сосредоточенно, заставляя себя ни о чем не думать, чтобы не растерять свою решимость.

“Только бы не поддаться страху, не сделать лишнего движения, только бы не закричать... тридцать один, тридцать два...”

Он сбился со счета, и теперь не мог сказать, считает ли по второму или по третьему разу. Интересно, что же все-таки у них получилось?

“...сорок пять, сорок шесть...”

Он старался представить себе цифры написанными, но перед глазами вертелись цветные пятна.

“...пятьдесят восемь, пятьдесят девять...”

И вдруг пропали все ощущения. Абсолютно все.

На мальчика обрушился мощный удар, от которого голова пошла кругом, боль пронзила все тело. Вокруг что-то шумело, потом звуки стали утихать, что-то знакомое почудилось ему в этом шуме.

Шелест ветра в кронах деревьев, птички трели. Он все еще не решался пошевелиться, открыть глаза. Теплый луч солнца скользнул по лицу. Головокружение прекратилось. Он открыл глаза... Машина времени доставила его. Но куда?

ПОТЕРПЕВШИЙ КРУШЕНИЕ

Долф Вега стоял на краю обрыва. Крутые склоны его густо заросли травой. Дорога заворачивала налево, а справа поднималась вверх и тоже скрывалась за поворотом, так что разглядеть, что творится вокруг, не было никакой возможности. Он опустил глаза и отметил, что стоит на плоском камне. "Значит, все в порядке, — пришла первая, еще несмелая мысль, но двигаться было страшновато. — Неужели это не сон? Все-таки добрался, ну а что тут у них за время, мы еще посмотрим". Он бросил взгляд на часы: две минуты второго. Может, они остановились? Нет, идут... Он еще раз глянул под ноги — камень тут. Как им удалось так точно рассчитать посадку? Лучшего места не придумать: легко заметить и найти потом. Долф вспомнил, что у него есть мелки, вынул их из кармана куртки и склонился над камнем. Он старательно обвел ступни сначала светлой, а затем темной линией. Довольный, спрятал мелки и соскочил с камня. "Теперь нужно как следует запомнить дорогу, — пришла ясная мысль, — тогда я быстро отыщу камень, как подоспеет время". Вот и отличный ориентир — раскидистая береска на том краю оврага.

Жара давала себя знать. Он вспотел в меховой куртке, но снять ее не решился, хотя под курткой был толстый серый свитер. И еще — джинсы, носки

и теплые ботинки. Вид, конечно, дурацкий, учтивая, что здесь лето в разгаре. Солнце пекло непокрытую голову. Яркие лучи заливали пыльную каменистую дорогу.

“Видно, я попал в горные места, — решил Долф. — Посмотрим, куда ведет эта дорога”.

Он начал спускаться по склону, пыль под ногами взметнулась вверх. За поворотом открывалась долина, на горизонте виднелся какой-то город.

“Должно быть, Монтживре, — обрадовался он. — Точно. Теперь все сходится”.

И в самом деле, хотя далекие контуры едва проступали в жарком солнечном мареве, даже отсюда было видно, что это не современный город. Смутно угадывались башни и крепостные стены. Далеко внизу петляла дорога, по которой в направлении городских ворот тащились повозки. В долине на клочках земли трудились крестьяне.

“Франция тринадцатого века. Средневековье...” — повторял он, все еще не до конца веря в случившееся.

Едва он собрался продолжить спуск, как уловил шум. Звуки раздавались далеко позади. Топот копыт, крики, возня. Он настороженно огляделся, но ничего не увидел. Поворот скрывал от него часть дороги, расположенную выше.

Вновь до него донеслись возгласы, звон оружия. Дело принимало нешуточный оборот. А что, если на высокогорной тропе скрестились пути двух воинствующих рыцарей, направлявшихся на турнир?

“Вот бы посмотреть... — вздохнул Долф. — Так, чтобы они меня не заметили”.

Он бросился назад, готовый каждую секунду нырнуть в заросли кустарника. Миновав помеченный камень, он свернул в сторону. То, что он увидел в клубах вздымавшейся пыли, заставило сразу позабыть о предосторожностях.

Прямо на дороге завязалась драка, да еще какая! Двое всадников на лошадях налетели на человека, который спешился со своего ослика. Бедное животное ревело в кустах, в то время как его хозяин с воплями и проклятиями орудовал увесистой дубинкой. Темные

плащи, кожаные жилеты обоих всадников, их простые шлемы из грубой кожи свидетельствовали о том, что эти люди не принадлежат к благородному сословию. Их неповоротливые лошади без чепраков имели довольно жалкий и неухоженный вид. Явно затупившиеся мечами нападавшие наносили беспорядочные удары, а неизвестный отчаянно молотил своей дубинкой. В тот момент, когда Долф показался из-за поворота, владелец ослика отвесил одному из своих противников столь сокрушительный удар, что меч выскользнул у того из рук и, отлетев на несколько метров, упал возле обочины. Однако, как бы отважно ни защищался неизвестный путник, схватка была неравной. Долф почувствовал, как кровь застучала у него в висках.

— Разбойники! — вырвалось у него.

Он больше не думал об осторожности: помедли он еще немного, и у него на глазах двое бандитов одолеют мирного путника. Не сдерживая больше закипающую ярость, он выхватил нож из-за пояса и метнулся на дорогу. Неожиданно перед самым его лицом мелькнули сапоги одного из всадников, и Долф увидел, как шпоры вонзаются в бока лошади. Не помня себя, он взмахнул ножом. Тут же раздался вопль. Ого, удар пришелся в цель! Нож, скользнув под плащом всадника, распорол ему бедро. Долф угрожающе поднял нож перед собой. В эту минуту меч просвистел у него над головой, мальчик попытался увернуться, но мощный удар едва не сбил его с ног. Резкая боль пронзила плечо и руку — если бы не нож, который Долф выставил перед собой, да не толстая куртка, немного смягчившая удар, не устоять бы ему. Не мешкая, Долф нацелился снова...

Но в эту минуту второй разбойник с воплем свалился с лошади. Хозяину ослика удалось-таки сбросить его. Противник Долфа, истекая кровью, попытался повернуть лошадь и напасть на мальчика сзади, но Долф ловко отскочил в сторону, и всадник промчался мимо. Вслед за ним поскакала вторая лошадь без своего седока. Еще немного, и они скрылись из виду.

Раненый стонал, лежа на дороге. Вдруг раздался странный всхлипывающий звук, и все стихло.

Поединок завершился.

Тяжело дыша, Долф плюхнулся на пожухлую траву у края дороги, смахнув прядь волос с мокрого лба и в растерянности посмотрел на окровавленный нож, все еще зажатый в руке.

“Я ударил его ножом, я ранил человека...” — пронеслось у него в голове.

Перед ним стоял незнакомец. Он тоже едва дышал, утирая пот со лба. Он что-то сказал, но Долф не понял его. Правда, мальчик особенно не прислушивался — все случившееся словно оглушило его. Теперь, когда опасность миновала, оцепенение сковало его. Угрызения совести мучили Долфа, он готов был расплакаться. Левое плечо горело огнем.

Наконец человек отдохнул. Первым делом он направился к своему ослику. Привязав животное к дереву, он склонился над телом, распластанным на земле, и, сдерживая ярость, пнул лежащего ногой.

При виде этого Долф сжался. Разбойник был мертв. Увесистая дубина путника сразила его. Мальчика охватила непроизвольная дрожь, и, когда неизвестный знаками подозвал его, Долф с трудом заставил себя подняться. Опасаясь перелома, Долф ощупал левую руку. Кости целы.

Человек поднял голову мертвого разбойника и показал Долфу, что нужно взяться за ноги. Вдвоем они подтащили тело к обочине и только теперь взглянули в глаза друг другу. Широкая улыбка появилась на лице человека, и Долф понял, что ему нечего опасаться. Ведь он, Долф, спас неизвестному жизнь. И тот не выказывал враждебных намерений по отношению к мальчику. Он заговорил снова, и Долфу даже показалось, он различил слово, звучавшее как “спасибо”.

Затем путник отвязал животное и знаками поманил Долфа за собой. Долф с радостью последовал за ним. Он уже понял, как опасно здесь путешествовать в одиночку. Да и сбежавший разбойник в любую минуту может вернуться с подмогой.

Однако, вместо того, чтобы вернуться на дорогу,

ведущую к городу, человек с осликом свернул на боковую тропку, которая через некоторое время привела их к заросшей травой поляне, раскинувшейся на косогоре. До чего же великолепный вид на поля и город, показавшийся вдалеке, открывался отсюда! Воздух был наполнен птичьим гомоном, высоко в небе парили ястребы. В чистом нагретом воздухе пахло душистым разнотравьем. На какую-то долю секунды мальчику вспомнились каникулы, проведенные в деревне. Его спутник достал из мешка хлеб, мясо и пригласил Долфа разделить с ним трапезу. Они с наслаждением растянулись на траве и принялись за еду. Хлеб оказался на удивление вкусным. Отведав мяса, Долф растерялся. Он не понял, свинина это или баарина, но вкус был необычайным, напоминал мясо диких животных — да, пожалуй, больше ни с чем не сравнить... Ели молча, не проронив ни слова. Крепкие белые зубы незнакомца аппетитно отхватывали куски мяса. Насытившись, он сделал глоток из кожаной фляги, затем протянул ее мальчику. Долф отпил немного — похоже на вино пополам с водой. Приятно кисловатый, чуть терпкий напиток отлично утолял жажду.

Плечо все еще давало себя знать, но боль понемногу стихала. Долф почувствовал себя совсем хорошо и решительно сбросил куртку. Его попутчик с нескрываемым изумлением взорился на свитер и джинсы. Только теперь Долф сообразил, что перед ним совсем молодой человек. Он разглядывал длинные темные волосы, большие карие глаза, смуглую кожу юноши, зеленый плащ, перехваченный у пояса кожаным ремнем. Короткий кинжал, вложенный в ножны. Довершали наряд коричневые сапоги и брошенная рядом шляпа или, скорее даже, высокий зеленый колпак. Долф нашел, что новый знакомый выглядит весьма экстравагантно — ни дать ни взять ~~хиппи~~ из Амстердамского университета.

С едой было покончено. Юноша поднял глаза на Долфа и, ткнув себя в грудь, сказал:

— Леонардо... Леонардо Фибоначчи из Пизы.

— Пизы? — переспросил Долф, думая, что ослышался.

Но молодой человек кивнул, подтверждая. Теперь,

по-видимому, настала очередь Долфа назвать себя. У них тут принято говорить, откуда ты родом. Долф указал на себя:

— Рудольф Вега... из Амстелвеена.

До сих пор он не задумывался над тем, на каком языке он будет говорить, а теперь начинается самое трудное. Французского он не знает, о франкском диалекте* говорить вообще не приходится, познания в латыни тоже не блестящи...

Леонардо зачастил скороговоркой, да так, что у Долфа голова пошла кругом. Одно ясно — это не старофранцузский и не итальянский. Речь Леонардо немного походила на родной язык Долфа, нидерландский, чем-то напоминала немецкий, но в то же время это не был ни тот и ни другой язык.

— Пожалуйста, помедленнее, я не понимаю! — взмолился мальчик.

Собеседник понял его просьбу и повторил рассказ, на этот раз медленнее, с расстановкой, помогая себе энергичными жестами. Долф старательно ловил каждое слово, очень многое казалось ему знакомым... Стартогерманское наречие!

“До чего же похоже на средневековый нидерландский язык, — промелькнула мысль. — И понять несложно, особенно если говорят медленно”.

И в самом деле кое-что ему удалось разобрать. Например, то, что молодой человек — студент, который провел два года в Париже, а теперь держит путь в Болонью, где намерен завершить образование. Он путешествует уже не первую неделю, и до сих пор все обходилось без приключений. Но вот только что, еще и часу не прошло, как его подстерегли разбойники, рассчитывающие на легкую добычу. Однако им довелось испытать не только ловкость Леонардо и крепость его дубинки, но и отвагу внезапно появившегося спасителя. Вот, пожалуй, и все, что с большим напряже-

* Франкский диалект — один из западногерманских диалектов, широко распространенных в период раннего средневековья на территории современной Германии и Нидерландов. Основа современного нидерландского языка, в ту пору еще не имевшего своего названия.

нием удалось выяснить Долфу. Настала очередь студента выслушать рассказ Долфа. От волнения лицо мальчика покрылось испариной, но, делать нечего, отступать нельзя. Он начал, старательно подражая Леонардо в произношении слов. Он направляется на знаменитый рыцарский турнир, который устраивает герцог Жан Дампьерский в Монтживрэй, поведал Долф, взмахом руки указывая на город вдалеке.

— Дампьер? Монтживрэй? — недоуменно переспросил Леонардо.

Долф еще раз внятно произнес название города и кивнул в сторону затерянных в жарком мареве крыш. Леонардо лишь пожал плечами:

— Это не Монтживрэй вовсе, а Спирс.

Какой еще Спирс? Долф в тревоге посмотрел на север.

И вновь его спутник ответил решительным “нет”.

— Там Вормс, — откликнулся он, глядя в направлении севера.

Было от чего потерять дар речи. Нет, невозможно. Вормс находится в Германии, на Рейне... Ой, значит, этот Спирс, там внизу, тоже?.. Похолодев от ужаса, Долф всматривался в далекий город, очертания которого едва проступали в тумане. Мало-помалу ему удалось разглядеть громаду церкви, нависшую над городком. Силуэт церкви что-то напоминал ему. Года три тому назад родители вместе с Долфом проводили отпуск в Швейцарии. По пути туда сделали остановку в Шпайере. В памяти Долфа возникли многолюдные кварталы промышленного гиганта, могучая эстакада, соединявшая берега древнего Рейна, широкие автомагистрали. Особенно запомнился ему величественный собор, самая старая часть которого, как говорили, датировалась двенадцатым веком. Неужели тот самый? Если Спирс и Шпайер — одно и то же, то очевидно и другое: он попал не во Францию, а в Германию. Возможно ли это?

◆ Город огибала блестевшая серебром полоска. Река.

Он протянул руку:

— Рейн?

Леонардо кивнул.

Ошиблись, все-таки они ошиблись, пронеслось в голове. Долф рывком обернулся к юноше:

— Какой у нас год?

— Одна тысяча двести двенадцатый.

Слава богу, хоть с этим все в порядке.

— А число?

— ?

— Ну, день месяца?

До итальянца, наконец, дошел смысл его слов.

— День Святого Яна*.

Ответ юноши ничего не сказал Долфу, но продолжать расспросы он остерегался. Он заметил, что дружелюбный интерес Леонардо сменяется подозрением.

— Святой Ян, колдовская ночь... — пробормотал студент.

Долф все еще не мог взять в толк, о чем ведет речь Леонардо. Он сделал еще одну попытку.

— А по счету от начала месяца?

— Двадцать четвертый, — немедленно отозвался Леонардо, поразившись невежеству собеседника.

Долф молчал. Он собирался с мыслями. Ошибка в десять дней! Что это, сбой компьютера или поправка на разницу в летосчислении между нашим веком и тринадцатым столетием? Надо будет выяснить, как только он вернется назад. Из задумчивости его вывел вопрос студента:

— Ты откуда родом?

Понять вопрос было нетрудно.

— Амстервейен. Знаешь, где это? — (Леонардо пожал плечами.) — В Голландии, — пояснил Долф.

— Так ты из Голландии? А мою речь отчего не понимаешь? Люди из ваших краев говорят на этом языке. Или ты разбираешь только свое наречие?

“До чего же сложно с ними... — вздохнул Долф.

— Если бы знать об этом раньше... Надо вспомнить,

* День Святого Яна — древний дохристианский праздник, день летнего солнцестояния, отмечаемый 24 июня. С этим днем связано множество обычаем языческого происхождения (разжигание костров, гадание). Впоследствии церковь приурочила к этому времени свой праздник — день Иоанна Крестителя.

что мы проходили из истории средних веков. Так... Распространение католицизма, борьба за господство между германским императором и папой римским, за кладка крупнейших соборов, вот таких, как тот, кафедральный собор Спирса. А еще дороги, по которым опасно передвигаться, почти никакого сообщения между городами, крестовые походы, рыцарские турниры, заговоры придворных против своего монарха. Науки не было, сплошные суеверия. Люди спасались от нечистой силы всякими амулетами, по любому поводу осеняли себя крестным знамением. Чуть что не так, сваливали на козни дьявола. А путешествовали все же много, хоть и рискованно это было..."

Взгляд его привлекли два серых комочека. Зайцы... Зверьки застыли, присев на задние лапки, не сводя с людей испуганных глаз. Леонардо засмеялся и швырнул в них горсть земли. В одну секунду поляна опустела.

Высоко над ними, в темных верхушках деревьев, заливались птицы. Ослепительно хороша эта земля, сияющая свежестью и чистотой в лучах летнего солнца. На пашнях и в садах, прочертивших крутые, сбегающие к реке склоны, трудились люди. Ни шума автомобилей, ни гула самолетов. Воздух еще не впитал в себя ядовитые выбросы заводских труб. Слезы наворачивались на глаза. Что стало с этой ласковой, гостеприимной землей в двадцатом веке!

Медленно подбирая слова, он обратился к Леонардо:

— Не бойся, друг, я простой парень, как и ты, тоже учусь. Просто я сбился с пути.

— О, так ты владеешь латынью?

— Нет, не очень.

— Так ты, наверное, силен в математике?

Долф с облегчением подтвердил. Нельзя сказать, чтобы он уж очень любил решать задачи, но ведь не годится же уступать средневековому студенту.

Он исподтишка бросил взгляд на циферблат. Половина часа пролетели незаметно. Теперь понятно, что из-за ошибки прибора он попал совсем не туда, куда

рассчитывал. Рыцарского турнира ему не видать. Посмотреть бы хоть этот город поближе...

Но Леонардо уже нашел полоску чистого песка и потянул за собой Долфа. При помощи сухой ветки он изобразил на земле треугольник и параллелограмм. Долф улыбнулся и, взяв ветку, начертил усеченный конус, квадрат и пирамиду. Молодые люди обменялись сердечным рукопожатием. Они нашли общий язык.

Впервые в жизни Долф горько пожалел, что его познания в математике не слишком глубоки. Дурачась, он написал формулу теоремы Пифагора: $a^2 + b^2 = c^2$. Но Леонардо задумался, глядя на знаки с недоумением. Наконец мальчик сообразил, что средневековый студиозус знает только римские цифры. Он проворно стер написанное, затем набросал ряд римских цифр от I до X, а под ними ряд арабских от 1 до 10. Восторгу Леонардо не было предела.

— Да это же восточные знаки! — вскричал он.

Долф скромно кивнул:

— Мы постоянно пользуемся ими. Так считать гораздо удобнее, чем римскими.

Понял ли его Леонардо? Так или иначе, слова Долфа дошли до него.

— Я слышал о них, но сами знаки вижу впервые. Ну-ка, покажи еще раз.

Они перешли на другое место, где песка было больше, и Долф приступил к объяснению. Лекция по курсу элементарной математики, которую он прочел средневековому юноше, заняла немало времени. Леонардо схватывал на лету, хотя Долф с большим трудом объяснялся на старинном наречии. Особый прилив энтузиазма вызвал у студента самый обычный нуль.

Время летело.

— Где ты выучился всему этому? — наконец спросил итальянец.

— В школе, в Голландии.

— Невероятно! — вскричал Леонардо. — Голландия населена варварами, грубыми рыцарями и невежественными монахами, которые и латыни-то как следуют не знают. У вас даже нет своего университета.

Долф снова почувствовал себя неуютно. Он украд-

кой посмотрел на часы и вздрогнул. Половина пятого! Занятый подсчетами и объяснениями азов математики на странном — полунидерландском-полунемецком — наречие, он совсем позабыл о времени. Теперь уже не удастся побродить по средневековому городу. Четыре часа, подаренные ему на странствия во времени, он растратил на болтовню, решение задачек и драку... Чем докажет он доктору Кнефелтуру, что и в самом деле побывал в тринацатом веке, на склонах холмов, опоясывавших Спирс-на-Рейне? Леонардо, конечно, оказался занятной личностью, но все же...

Он поднялся, стряхнул песок и потянулся за курткой.

— Пора идти, — произнес он устало.

— Но куда? Зачем? — Леонардо тоже выпрямился.

— Пойдем вместе.

Долф грустно покачал головой. Будучи не в настроении, он почему-то всегда засовывал руки в карманы. Так он поступил и теперь. Вдруг пальцы нашупали мелок. Больше мелки ему не понадобятся, а Леонардо обрадуется подарку, решил он.

— Вот, — он протянул мелки студенту, — возьми на память. Будешь ими писать.

Понял ли его студент? Он взглянул на Долфа, затем на предмет, протянутый ему, и нерешительно дотронулся до мелка. Долф осмотрелся, поднял с земли камень и провел по нему черту.

— Вот видишь? Возьми в знак дужбы.

Леонардо просиял. Он кивнул, стянул одним махом тонкий шнурок, который носил на шее вместо цепочки. На шнурке покачивался эмалевый медальон с изображением святой Девы. Он крепко вдавил медальон в ладонь Долфа, принимая у него мелки.

Долф был счастлив (подумать только — медальон тринацатого века, вот обрадуется доктор Кнефелтур!) и даже поднес подарок к губам. Леонардо удовлетворенно наблюдал за ним. На прощание они тепло пожали друг другу руки.

Долф надел медальон на шею, спрятав его под свитер, натянул куртку, еще раз помахал своему новому знакомому и побежал вверх по склону холма, туда, где

пролегала седая от пыли дорога. Было без четверти пять. Как раз хватит времени, чтобы не спеша добраться до условного места и спокойно дождаться, пока машина времени доставит его обратно в двадцатый век.

Он вышел на пригород, ожидая увидеть пустынную дорогу, и остановился как вкопанный. Он слышал явственный шум. Только теперь Долф сообразил, что уже давно различал отдаленный гул, просто не обращал внимания на эти звуки. Тысячеголосый детский хор, сопровождаемый нарастающим грохотом шагов по каменистому пыльному тракту. Ничего не понимая, Долф вглядывался в безбрежное море детских фишкарек, запрудивших дорогу. Гигантская процессия, состоявшая из сотен, нет, тысяч и тысяч детей. Неисчислимое множество ребятишек виделось ему сверху. Они плотно, от края до края, заполнили дорогу. Он посмотрел направо, туда, где дорога делала поворот. Ничего, кроме нескончаемой, змеящейся процессии. Наверное, отмечают праздник святого Яна. Впрочем, сейчас главное — отыскать камень. На пустынном месте это было проще простого, но как разглядеть его за этой движущейся стеной?

Участников шествия, казалось, не интересовало ничего вокруг. Они сосредоточенно спускались в долину с раскинувшимся за ней городом. Откуда они взялись? Неужели это Спирс привлек к себе тысячи путников? И что это — просто праздничное шествие или дальнее паломничество?

Сплошные вопросы, но искать ответы нет времени. Медлить нельзя. Где же камень? Не на шутку встревожившись, он начал спускаться вниз по склону. Вот и березка, это ее он увидел, как только открыл глаза, приземлившись. Камень должен быть напротив. Он шагнул вперед, сердце выбивало барабанную дробь, нехорошие предчувствия охватили его. Вот бы обойти эту многотысячную толпу или хотя бы протиснуться сквозь нее...

В тесной узкой ложбине прокладывать путь было трудно. Если кто и пытался дать дорогу рослому парню, который, орудуя локтями и коленями, пробивался

во встречном направлении, сзади тут же напирали новые ряды, угрожая смять замешкавшихся.

Множество маленьких рук хватали Долфа, цеплялись за него, то и дело чья-то изможденная фигура с ходу налетала на мальчика. Его ботинок нечаянно придавил босую ногу, раздался крик боли.

Но камень, где же камень? Долф озирался, не зная, как быть дальше. На гребне холма он заметил Леонардо, с неменьшим изумлением наблюдавшего за дорогой, на которую выплескивались все новые толпы маленьких пилигримов. Студент помахал Долфу, но тому было не до него. Он расталкивал плотно сомкнувшуюся массу, прорываясь к дереву, — камень все-таки должен быть поблизости. До него рукой подать.

Его сильно толкнул какой-то высокий детина, две девчонки уцепились за него, чтобы не упасть. Мальчишка в грязных лохмотьях привстал на цыпочки и принял кривляться, размахивая руками. В ту же секунду Долф понял, что мальчишка вскочил на камень. Ребята, проходя мимо, показывали на него пальцами, смеялись, что-то кричали в ответ. Долфу доставалось все больше тычков и пинков, он изо всех сил сопротивлялся неиссякаемому потоку, втягивающему и его в свой круговорот.

— Пропустите меня! — Его крик перекрыл звук множества голосов. — А ты отойди, быстро! Дай я встану!

Сорванец, пританцовывая, гримасничал и не думал освобождать место для пришельца. Он продолжал дурачиться, тем более, что зрители шумно подбадривали его. Иные норовили задержаться, но, как и Долфу, им с большим трудом удавалось устоять на ногах. В один миг живая стена отделила кривляку от Долфа. Отчаяние придало мальчику силы, он молотил кулаками направо и налево, наступал на чьи-то ноги. Вдруг раздался истошный вопль, толпа, окружавшая камень, рассеялась. Долф поднял глаза. Камень был совершенно пуст, и лишь на месте следа, обведенного меловым контуром, зияла дыра. Оставшееся расстояние Долф преодолел одним прыжком, да так и застыл возле камня. Сердце, казалось, выпрыгивало из груди, ужас пе-

рехватил горло. В полном отчаянии он принял счи-тать:

“...пять, шесть, семь... Только не думать ни о чем, только не спрашивать, куда девался этот бедняга. — Он зажмурил глаза. — ...Двадцать три, двадцать четы-ре... Нет, он все-таки спрыгнул с камня, я же видел... Двадцать восемь, двадцать девять... А завизжали они просто оттого, что я придавил кого-то, а вовсе не по-тому, что... Тридцать пять... тридцать шесть... еще не-сколько секунд, вот сейчас меня оглушит громовой удар, и я открою глаза в лаборатории профессора!.. Сорок восемь, сорок девять... Да нет же, этот балбес и в самом деле соскочил с камня, я еще успеваю...”

Он боялся смотреть на циферблат, боялся пошеве-литься, но ужаснее всего было поверить собственным глазам: каких-нибудь пять минут назад здесь валял дурака средневековый мальчишка, и вот теперь его нет...

Но как ни старался Долф отогнать навязчивую мысль и не возвращаться к разыгравшейся только что сцене, в глубине души крепла уверенность: мальчишку стянула с камня машина времени, а он, Долф Вега, опоздал.

Словно наяву, прозвучали слова ученого: “Если на-ша попытка не удастся — положим, тебя не окажется в нужный момент на установленном месте, — ты пропал. Ты обречешь себя на скитания по средневековью до конца своих дней”.

Долф перевел дыхание, взял себя в руки и открыл глаза. Бросил взгляд на стрелки. Пять часов шесть минут. Вопреки очевидному, он еще продолжал наде-яться. Тягостно ползли минуты, и ничего не происходило. Пришло осознание: “Я пропал; я упустил свой единственный шанс”. Сумятица мыслей, вызванная горьким открытием, мало-помалу улеглась. Наконец к Долфу вернулась способность рассуждать. Он продол-жал стоять на камне, ощупывая пробитую впадину. Да, профессор, чтобы исключить всякий риск, разогнал ма-шину на полную мощность. Много времени пройдет, прежде чем она снова включится.

Придавленный смертельной усталостью, Долф удру-

ченно сошел с камня, его взгляд скользил по движущимся шеренгам, ни на ком не задерживаясь, ничего не видя. Маленькие путники к этому времени заметно выдохлись, ряды их, прежде плотно сомкнутые, сильно растянулись. Измученные дети, с трудом передвигая ноги, брали к неведомой цели. Не слышно песен, смолкли шутки, утихли даже слова молитвы. Долф смотрел на них невидящим взором, но вряд ли то, что он видел, проникало в его сознание. Последние волны шествия выплеснулись на дорогу. Среди отставших было много девочек и малышей, худых, замурзанных, закутанных в лохмотья. Снова опустела дорога, но вот — шлеп-шлеп-шлеп — еще несколько человек молча, без сил, плетутся, вздымая пыль босыми ногами. Малыш лет шести споткнулся и упал с громким ревом. Девчушка постарше подхватила его и потянула за собой. За ними горделиво вышагивал высокий, богато одетый мальчик. На ногах мягкие сапожки, шитый серебром кушак, кинжалчик за поясом. Картинка, а не мальчик. За обе руки его цеплялись малыши, которых он подбадривал разговорами. А вслед за ними, спотыкаясь и хромая, ковыляли обессиленные оборвьши.

Откуда взялась эта процесия? Что гнало ее в путь? Каков тайный смысл этого передвижения людских волн? Еще один маленький странник упал и остался лежать, никто не поспешил к нему на помощь. Шлеп-шлеп-шлеп — мелькали босые ноги. И в какой-то момент Долф понял, что больше не выдержит этого. Не может он видеть беспомощного ребенка, брошенного посреди дороги. А ведь еще и часу не прошло, как на этом самом месте испустил дух раненый разбойник. Долф бросился вперед. Секунда, и он склонился над маленьким телом. Девочка. Он попытался поставить ее на ноги, но, заглянув в лицо, испуганно отпрянул. Веки приоткрыты, глаза глубоко запали, щеки осунулись. Она почти ничего не весила. Да жива ли она еще?

В отчаянии он огляделся. Еще одна стайка детей спешила мимо. Они с удивлением посмотрели на Долфа и, плохо соображая от голода и усталости, без-

думно продолжали путь. Что же ему делать теперь с этой девочкой, потерявшей сознание?

Неожиданно рядом с ним появился Леонардо со своим верным осликом.

— Она умирает! — воскликнул Долф.

Леонардо пощупал тоненькое запястье и тут же отпустил руку.

— Умерла, — печально произнес он.

Долф осторожно опустил тело на землю.

— Но почему? — Слезы струились по щекам Долфа.

— Да что же здесь, наконец, происходит? Куда идут эти дети?

Леонардо не отвечал. Он поднял девочку и положил ее на траву. Сложив по христианскому обычаю ее руки на груди, осенил крестным знамением, прочитал молитву и начал сгребать камни вокруг тщедушного тельца. Долф помогал ему, опустившись на колени. А рядом все слышалось — шлеп-шлеп-шлеп... Это тянулись ребята, замыкающие шествие.

Настанет ли конец этой процессии? Сколько еще измученных, больных детей пройдет по этой дороге?

Леонардо поднялся.

— Поздно. Пойдем-ка лучше в город, хоть я боюсь, что нынче вечером городские ворота будут наглухо закрыты.

Долф начал привыкать к его странному наречию и уже сносно понимал его.

Ответа на свой вопрос он все-таки не получил.

— Кто эти дети? — продолжал допытываться он.

Леонардо покачал головой. Он тоже был под гнетущим впечатлением от увиденного.

— Дети... Что-то я слышал о них. Детский крестовый поход, вот что.

— Что ты сказал?

— Ну, они отправляются в Святую Землю, хотят освободить Иерусалим от неверных.

— Эти малыши? — Леонардо кивнул в ответ. — Ты что? Дети будут биться с турками?

Взгляд Леонардо остановился на холмике, который вырос над телом девочки.

— Но как? — спросил Долф, позабыв на минуту

про собственные несчастья. — Я же видел совсем маленьких, шести-семилетних. Что это за крестовый поход? Нет, невозможно...

Понял ли студент то, что пытался сказать Долф, неизвестно, но он наконец ответил:

— Это в самом деле крестовый поход. Детский. Во Франции уже был такой, но там собралось меньше детей. Мне рассказывали...

— Не понимаю, — выговорил Долф.

— Да и я понимаю не больше твоего. Когда я впервые услышал об этом, поверить не мог. А теперь вот сам вижу.

— Нет, — повторял Долф, — это сон, кошмарный сон. Я проснусь. Какое счастье, что все это во сне. Детский крестовый поход — даже представить страшно... Поход — занятие для конных рыцарей, мужчин в латах, а не для детей.

Леонардо молчал. Подхватив ослика под уздцы, он зашагал вперед. Долф поспешил за студентом. Этот неведомый мир вселял в него страх. Они поравнялись с мальчишкой, который еле-еле ковылял вслед за остальными. Босые ноги разбиты в кровь. Леонардо, по-прежнему не говоря ни слова, подхватил его и усадил на ослика. Нашлось там место и для хнычущей девочки, которую они подобрали на обочине дороги. Леонардо хранил молчание, и Долф не заговаривал с ним. Но теплые чувства мальчика, будто слезы, которые он сдерживал целый день, пролились горячей влагой на сердце. Что за странный юноша? Его не смущала смерть разбойника, он, сохраняя присутствие духа, похоронил мертвую девочку, и вдруг такая забота о несчастных малышах. Долф скользнул взглядом по застывшему лицу юноши, хотя ему самому больше всего хотелось крепко зажмуриться, чтобы отогнать воспоминание о той девочке и ее потухших глазах, устремленных к безжалостным небесам.

Так, в полном молчании, они продолжали свой путь к городу Спирсу, где уже звонили в колокола и на-крепко запирали городские ворота.

ГРОЗА

аслышив удары набата, жители Спирса в испуге, еще толком ничего не понимая, высыпали из своих домов. Люди спешили к крепостным стенам, на ходу расспрашивали друг друга, что за враг угрожает городу. Но кто мог дать им ответ? Те, кому удалось занять удобные

для наблюдения позиций, первыми увидели, как шествие детей заполняет дорогу, и сразу все поняли.

— Это маленькие бродяги, которые хотят попасть в Святую землю, — передавали они стоящим позади, — целая армия воров и попрошаек.

Некоторые женщины, впрочем, потребовали открыть ворота и впустить детей. Но отцы города наотрез отказались. Они напомнили людям, что не было еще такого города в германских землях, жители которого сами бы отдали свои дома на разграбление маленьким крестоносцам. Вон их сколько! Изголодались в дороге, а пусти их в город, сразу потащат все, что плохо лежит. Они думают, всеевышний все простит им за паломничество в Иерусалим. Так неужели добрые горожане Спирса позволят разорить свои очаги? Куда разумнее, как наставляли народ городские старосты, запереть по домам собственных детей. Всем известно, какой соблазн для несмысленых — шествие под предводительством юного Николаса, если даже отприски благородных рыцарей тайком покидают родовые замки и вступают под знамена похода. Хотя среди тех, кто напрашивается на приключения и не гнушается обирать почтенных людей, больше всего, конечно, бродяг и нищих. Это они бегут от работы и не имеют почтения к старшим. А сам Николас, их вожак? Разве не был он крепостным? И мы поверим, что ему, не разумеющему грамоты подпаску, открылась в видениях божественная истина и слышались голоса ангелов небесных? Да если что и привиделось этому деревенщице, так это сон о том, как он разбогатеет, а слышался ему звон золотых монет, не иначе, насмехались достойные горожане.

— Богохульство! — вдруг резко прозвучало над толпой. — Николас — святой, избранный Богом.

Мнения разделились. Большинство жителей, опасаясь за свое добро, были против того, чтобы открыть ворота. Так и остались они накрепко запертыми.

Немногие добрые души поднялись все-таки на крепостную стену и оттуда наблюдали за ползущей мимо колонной. Принесли хлеб и стали бросать его сверху в самую гущу голодной толпы. Дети с визгом налетали на куски хлеба, накидывались с кулаками на счастливчиков, которым доставалась еда. Отчаянные попытки вырвать друг у друга хоть корочку заканчивались тем, что от хлеба оставались одни крошки, втоптанные в грязь. В проигрыше, конечно, были самые маленькие и слабые.

Спустя некоторое время наблюдатели увидели, что неподалеку от города, на берегу реки, расположился исполинский лагерь. Долгая дорога под нещадно палившим солнцем измотала путников. Здесь, у реки, можно было, по крайней мере, утолить жажду, а быть может, и голод, если удастся наловить рыбы. Сотни детей боязливо вступили в стремительно бегущий поток, многие плескались у берега. Кто-то, сбитый с ног течением, начал тонуть.

К вечеру на берегу заполыхали костры. Аппетитный запах жареного мяса, хлеба и рыбы разносился по окрестностям. Откуда взялось мясо? Как удалось детям добыть муку? Все объяснялось просто: они совершили набег на поля, тянувшиеся по склонам долины, а потом истолкли камнями незрелые зерна, из которых был испечен грубый, почти несъедобный хлеб.

На Соборной площади в это время толпа внимала пламенной речи негодующего монаха.

— Горе нам, о жители Спирса, ибо за бессердечие кара Всевышнего падет на наши головы, — возвещал он. — Дети выполняют его волю, мы же без всякого сострадания запираем перед ними ворота. Не сами ли мы понуждаем их к воровству, ибо ничего не остается им, как выкрасть у честного крестьянина его поросенка. И тогда мы же, очерствевшие сердцем, спешим обвинить этих детей во всех смертных грехах. Но тем

самым мы оскорбляем Господа. Ибо сказано в Писании: накормите голодных, напоите жаждущих, укройте нагих. А что же сделали мы? Глухие к заповедям господним, заперли свои ворота на замок. Горе вам, безбожники, да настигнет вас возмездие!

Но страх перед тысячами протянутых за подаянием детских рук оказался сильнее сострадания, и ворота по-прежнему оставались запертыми. Под сигнальный звон колокола в домах гасли огни; жители, наконец, успокоившись, отходили ко сну. Они были взвуждены событиями этого дня и поэтому не обратили внимания на гнетущую духоту, разлитую в вечернем воздухе. Их усталые глаза, весь день напряженно всматривающиеся вдали, не заметили, как небо приобрело свинцовый оттенок, как потемнело солнце на закате.

Когда Леонардо и Долф достигли городской черты, было семь часов вечера, ворота не открывали.

— Видно, сюда не пускают даже мирных путников, не имеющих никакого отношения к безумной затее, именуемой крестовым походом, — обескураженно заметил студент.

А Долф показал на малышей, клевавших носом на спине ослика.

— Кто поверит, глядя на них, что мы не из этой компании, — улыбнулся Долф. — Заночуем здесь.

Мальчику было жарко в зимней одежде. Солнце скрылось за горизонтом, но парило еще сильнее, чем прежде. Небо тяжелой, пропитанной испарениями простыней нависло над землей. Ни одно дуновение ветерка не шевелило неподвижную листву. Животные едва двигались на пастбищах. Людям каждый шаг давался с трудом.

Леонардо поднял удивленный взгляд на своего нового приятеля.

— Ты что же, собрался спать под открытым небом? — недоверчиво спросил он.

— А почему нет? Ночью будет тепло.

Леонардо в замешательстве покачал головой.

— Да если мы тут останемся на ночь, нам в два счета перережут глотку! Ты сам не знаешь, что гово-

ришь, Рудольф. Повезло же тебе: с твоей беспечностью проделать путь из самой Голландии и оставаться целым.

— Что же нам делать? — растерянно спросил Долф. Леонардо махнул рукой в сторону берега.

— Детей отправим туда, да и нам лучше заночевать в лагере. Народу там много. Если ночью нападут разбойники, им не добраться до середины лагеря, да и нам не страшно в самой гуще людей.

— Не пойду! — воскликнул Долф. — Не могу видеть, как они мучаются.

И снова, должно быть, Леонардо не понял его.

— Пойми ты, чем больше народа, тем безопаснее. А что будет с нами, если заночуем вдвоем?

Долф с неохотой подчинился старшему товарищу. Ребята добрались до лагеря, когда небо совсем потемнело. Очень хотелось пить. Но фляга студента, Долф знал это, была почти пуста. Показалась река. Сотни детей носились по берегу, шлепая по воде босыми ногами, плескались, смывая дорожную пыль, и тут же пили речную воду. Долф замер.

— Они пьют эту воду! — воскликнул он.

— Ну, разумеется, — коротко отозвался Леонардо.

Он подвел к реке ослика. Животное, нагнув голову, принялось жадно глотать. Юноша наклонился, наполнил флягу и, ополоснув лицо, тоже припал к воде.

“Не мешало бы окунуться, — подумал Долф, вдруг ощущив прилипшую к телу рубашку, — Рейн как-нибудь...”

Он стянул одежду и остался в трусах. Спрятал в кустах рубашку, брюки и свитер и помчался к реке. Вокруг него дети, нагишом, окатывали друг друга водой, дурачились. Прозрачные от худобы тела матово поблескивали в быстро надвигающихся сумерках. Долф сделал для себя открытие: вода была поразительно чистой. Стоя в реке по пояс, он хорошо различал свои ступни. Попробовал воду на вкус. Необыкновенно!

Вдруг до него донесся отчаянный вопль. Мальчишка забрел на большую глубину и не устоял на ногах. Течение относило его в сторону. Плавать он не умеет, это ясно, и те несколько метров, что отделяют его от суши, ему не осилить. Беспомощно баражаясь, он все

больше удалялся от берега. Долф, не раздумывая, бросился на помощь. Несколько взмахов кролем — и он поравнялся с тонущим. Схватил парня за длинные волосы и поплыл к берегу, уворачиваясь от судорожно цеплявшихся за него рук. Очень скоро он ощутил под ногами землю. Долф поднял незадачливого пловца, уложил его на сухое место, а сам вернулся, заслышав новые крики о помощи. Рядом с Долфом уже кто-то плыл на выручку. Удивительно быстро смельчак оказался там, откуда доносились крики. Долф кивнул ему и собрался поворачивать к берегу, но сзади снова позвали на помощь. Да неужели же никому нет дела до этих детей?

После он никак не мог вспомнить, скольких он вытащил из воды в тот вечер. Пять, может быть — шесть... А ведь и другие тоже спасли по несколько малышей.

Между тем спустились сумерки. Ребята сушились у костров. На углях поджаривалась рыба, а то и куски уворованного мяса. Тайком собранное на чужих полях зерно истолкли и теперь из него пекли каменной твердости хлебцы. Благо дров хватало. Никто больше не купался и не ловил рыбу. Мало-помалу все успокоились. Усталость и сон сморили многих еще за скучным ужином. Счастливцы выхватывали недоеденный хлеб, который те сжимали в руках. Другие ссорились из-за мест для ночлега, самым задиристым доставались и лучшие куски, и наиболее удобные места. Своего друга Долф отыскал подле одного из костров. Леонардо оделял хлебом и мясом прибившихся к нему двоих карапузов, а рядом уже дожидались своей очереди другие. Себе Долф и Леонардо не оставили ничего — им продержаться все же было легче.

Долфу хотелось о многом расспросить студента, побольше узнать о времени, в которое он попал, но переживания дня так утомили его, что он просто растянулся у костра рядом с Леонардо. Тот положил своего ослика между собой и другом, намотав на руку уздачку.

— Эта малышня, того и гляди, ночью приберет к рукам нашего ослика да пустит в дело, — пояснил он.

В городе раздался колокольный звон — вечерний сигнал к тушению огней. В ответ ребята, словно по команде, забросали пламя песком, чтобы костры не разгорались, и улеглись спать. Долф скатал куртку, сунул ее под голову и тоже постарался уснуть.

Однако то, что казалось возможным при ярком свете дня, теперь, в темноте, было не так просто. Он вслушивался в звуки, доносившиеся с реки: всплески рыб, шорох трав, мерный шум волн у берега. Но мысли о родном городе, о родителях не отпускали его. Боль сжимала сердце. Всего каких-нибудь полсуток тому назад он еще был человеком двадцатого столетия. Школа, рождественские каникулы. Да и в лабораторию он попал лишь потому, что отец со студенческих лет дружил с доктором Симиаком. Сегодня утром, не прошло еще и двенадцати часов, он чувствовал на лице покалывание зимнего ветра. А девять часов назад стоял перед машиной времени и с дурацким упрямством уговаривал ученых...

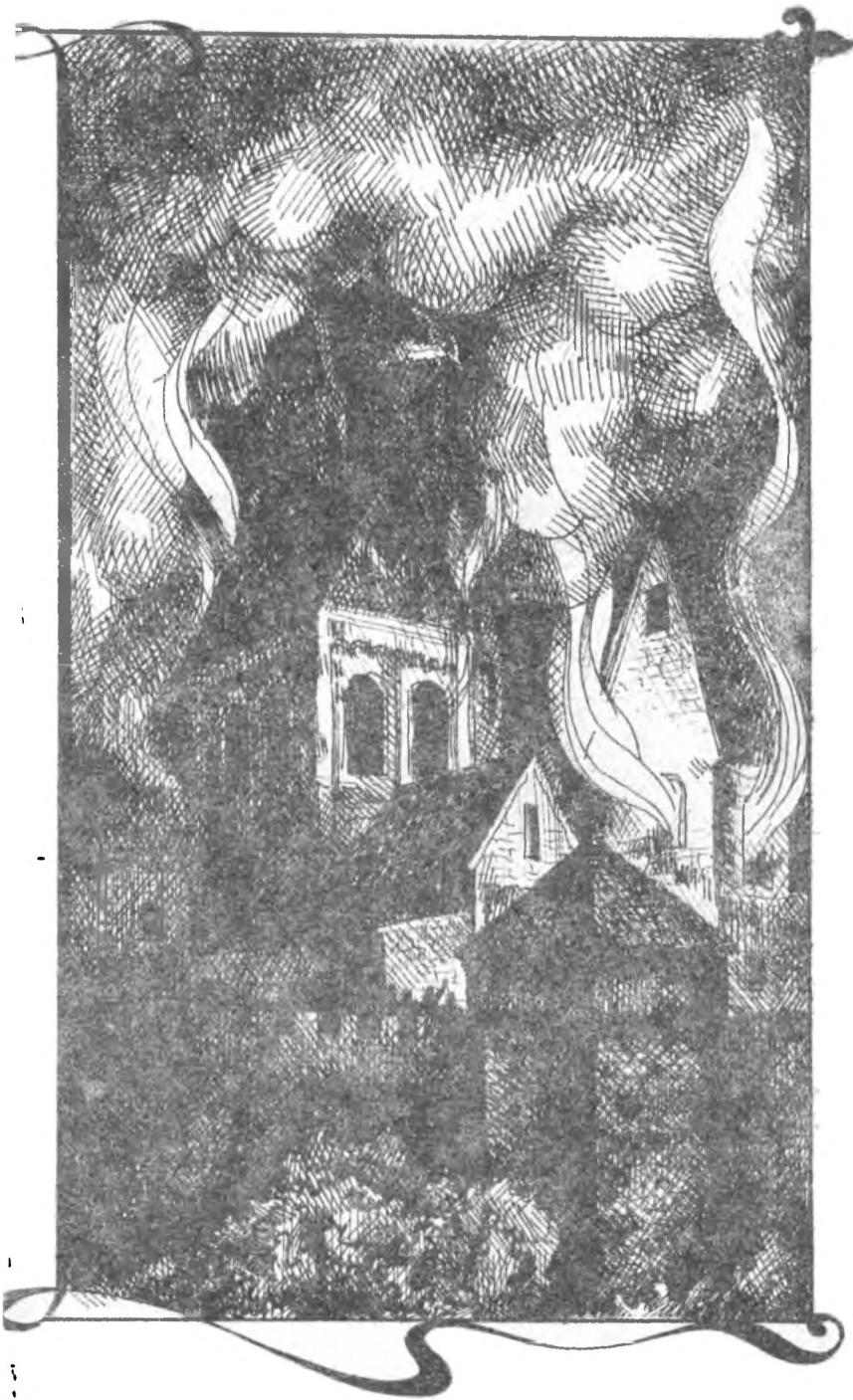
И вот он лежит на каменистом берегу Рейна, былинки щекочут шею, в плече снова разливается боль, от голода сосет под ложечкой, и тысячи детей вокруг видят во сне Иерусалим...

Вспомнилась мама. Как она переживает сейчас! Во всем винит ученых.

В памяти возник мальчишка, которого машина умчала в двадцатый век вместо него, Долфа. Каково ему там теперь? Так же страшно и одиноко, как Долфу в этом средневековье?

— В таком случае не один я затерялся во времени, — вслух произнес Долф, и, как ни странно, это утешило его. Так он и заснул с мыслью о средневековом подростке, заброшенном в двадцатый век. Вдалеке грохотал гром.

Гроза разразилась около двух часов ночи. Могучие раскаты грома подняли детей на ноги. В ярком свете молний, вспышки которых поминутно озаряли небо, река словно занялась огнем. Долф проснулся вместе со всеми и в испуге вскочил. Налетел шквал ветра, потоки ливня обрушились на землю. Тлеющие костры с шипением гасли. Отовсюду слышались вопли, отча-

янные молитвы смешивались с песней, которую завели дрожащие голоса, заглушаемые ударами грома; шумом дождя и завыванием ветра. Долф нашарил куртку, но не успел накинуть ее, как вымок насквозь. Неподалеку Леонардо успокаивал перепуганного ослика. Дети в страхе сбивались в кучку, крепко держась за руки, обратив побледневшие от ужаса лица к грозовому небу. Слезы текли у них по щекам, перемешиваясь со струями дождя. Грозовой шквал, казалось, никак не обойдет речную пойму — с таким яростным, словно предвещавшим всемирный потоп, неистовством бушевала над ней стихия. Девочка лет десяти прильнула к Долфу, ее била дрожь, насквозь промокшее, ветхое платьице было порвано во многих местах. И снова Долф снял куртку и набросил ее на худенькие плечи девочки. В теплой и к тому же непромокаемой куртке можно было выдержать и не такой штурм. Девочка с облегчением вздохнула и теснее прижалась к нему. Бедняжка...

Гроза разразилась не только над лагерем путешественников, она обрушилась и на город. Молния угодила в церковную башню (которая тогда еще не была кафедральным собором), деревянный шпиль и рама часов быстро загорелись. Дождь лил вовсю, но порывы ветра лишь сильнее раздували пламя. Полыхающие куски дерева взлетали в воздух и падали на деревянные и соломенные крыши. А это уже грозило настоящей бедой. Выбежали из домов люди, им приказано было взять по два ведра каждому. Они образовали длинную цепь, которая растянулась до самой пристани, и под хлеставшим непрерывно дождем передавали из рук в руки деревянные ведра. Внезапно над самой серединой людской цепи блеснула молния — две женщины были убиты на месте. Послышались горестные стенания, но горожане продолжали перехватывать ведра, наполненные водой, поверх обугленных тел — так велика была угроза пожара, нависшая над их домами.

Дети сгрудились вокруг залитых костров и, немея от испуга, не сводили глаз с города, над которым высоко вздымались языки пламени. Буйство разгулявшейся стихии не заглушало криков отчаяния,

доносившихся из-за городских стен. Леонардо, стоя рядом с Долфом и девочкой, которую тот прикрывал от ветра, тоже всматривался в зловещую картину.

— Получили по заслугам! — крикнул он, перекрывая шум ветра.

— Но ведь город может сгореть, — ответил Долф, а студент только покачал головой.

— В такой ливень не сгорит...

И впрямь, дома залило так, что огонь гас, едва коснувшись крыши. Море огня, охватившее церковь и окрестные здания, поглощало несметные количества воды. Влага с шипением испарялась, и облака пара смешивались с клубами дыма. Удушливая пелена нависла над городом. Вспышки молний да второпях зажженные факелы, которыми освещались улицы и городские стены, озаряли зрелице, достойное преисподней. Дети затихли и позабыли о собственных страхах при виде этой фантастической картины. Наверное, они тоже почувствовали, что город постигло возмездие. В полном молчании все следили, как языки пламени взлетают над городскими стенами, ныряют вниз и снова взмывают ввысь. Шум грозы перекрывал набатный колокол.

Наконец непогода улеглась. Горизонт еще загорался сполохами, но дождь прекратился, завеса облаков рассеялась. На небе высияли звезды. Месяц застыл над речной гладью, озаряя промокшую до нитки деревню. Вскоре поднялся туман и скрыл небесное светило, но Долфу показалось, что недолгий проблеск его успокоил ребят. Девочка, которая жалась к нему, пошевелилась и что-то пробормотала. Рядом с Долфом она чувствовала себя спокойно и надежно. Ей было тепло. “А ведь у меня никогда не было сестренки... — как-то невзначай подумалось ему, и он тут же забыл об этом. — Нужно подняться и дойти до города — там сейчас необходима помощь”, — приказал себе Долф и сразу почувствовал, как ноги в промокших джинсах налились свинцовой тяжестью. Впрочем, что ему за дело до жителей Спирса?

Рядом послышался голос Леонардо:

— Хорошо, что мы с тобой вечером не пошли в город.

Та же мысль пришла в голову и Долфу. Что там у них сгорело? Постоялый двор? Ратуша? Склады? Он не знал, да и какая ему разница. Здесь, в чистом поле, под открытым небом, Долф в полной безопасности. Разумеется, он вымок и порядком продрог, но зато лагерь уцелел. Мальчик заметил, что все вокруг бормочут слова молитвы. В предрассветном полумраке он увидел, как Леонардо осеняет себя крестом. И вдруг почувствовал в глубине души смутное желание поступить так же — просто потому, что он не знал, как выразить переполнявшее его чувство благодарности. Он сам удивился неожиданному порыву: уж что-что, а религия в семье профессора Веги никогда не была в почете.

День занимался бледным, быстро разгоравшимся рассветом, снова становилось жарко. Пожар в городе был побежден. Столбы дыма еще курились над тлеющими пепелищами, но главная опасность миновала, и усталые люди тушили последние очаги пожара.

На Соборной площади вновь проповедовал вчерашний монах:

— Жители города Спирса, не я ли предупреждал вас, что кара Всевышнего падет на ваши головы, если, упорствуя, вы откажете в приюте невинным детям. Посмотрите же, что принесла вам минувшая ночь! Господь Бог в своей неизреченией милости даровал прощение многажды согрешившим, но вас, отринувших детей его, наказал. Он послал огонь с небес, дабы погубить нечестивый град в дыму и пламени. Город спасся, говорите вы? Но кто же спас его? Тысячи детей, призванных выручить гроб Господень из лап неверных. Дети, брошенные вами на произвол судьбы в открытом поле, сжалились над вами, жители Спирса. Это они молили Бога явить свою милость, и Господь смилиостивился над вами, повернув вспять огонь, посланный с небес, пролил влагу, погасившую пожар. Детей, для которых пожалели вы хлеба и бобов, теперь благодарите за спасение своего города. Покайтесь, люди, покуда не сгубили навеки душу свою, покуда не стала она добычей дьявола. Покайтесь и возблагодарите Бога. Принесите детям богатые дары, ибо лишь за-

ступничество этих безгрешных спасло вас от верной гибели.

Склонив головы, пробирались жители Спирса в свои уцелевшие дома.

В походном лагере царило оживление. Тысячи юных бродяг сушили промокшую одежду, собирали скучные пожитки, которые разметало ночным ураганом. Грязь со своих мордашек они смывали рейнской водой и ею же наполняли пустые желудки. Как же забавно и деловито выглядели эти снующие по лагерю сорванцы! Они радовались, что миновала страшная ночь и что каждый шаг приближает их к Иерусалиму, белому городу мечты. Пусть варвары с криками разбегутся, за-видев их приближение, раскаленное дыхание Всевышнего настигнет и испепелит их. Опустевший белокаменный город, самый прекрасный и богатый на земле, святыня христианского мира, примет детское воинство. В нем обретут они вечное блаженство. Так им обещали..

— Есть хочется, — пожаловался Долф своему другу, который в эту минуту поглаживал ослика, протягивая ему пучок травы.

— Думаю, им хочется есть не меньше нашего, — спокойно заметил Леснардо, взмахом руки указав на необъятный лагерь.

Долф пристыженно умолк. Девочка, которая ночью искала у него защиты, устремила на него выжидательный взгляд. Теперь она следовала за ним, как тень. Каким образом удалось Долфу завоевать ее безграничное доверие, он и сам не знал. Во всяком случае, он почти не обращал на нее внимания.

Он разложил одежду, чтобы просушить на солнце. Девочка тоже, недолго думая, сбросила промокшее платьице, под которым была ветхая сорочка сурового полотна. Она произнесла несколько непонятных слов и вдруг припустила к реке, волоча за собой платье.

Долф побежал за ней. Мало ли что может случиться, если этот несмышленыш по неосторожности зайдет на глубину. Но очень скоро ему стало понятно, что для беспокойства нет причин. Девочка опустилась на колени на прибрежном мелководье и, сняв с себя со-

рочку, аккуратно выполоскала свою одежонку. Заходить в прозрачную воду глубже она остерегалась. Долф обратил внимание на то, как тщательно она промывала волосы, как долго плескалась в воде. А ведь на уроках истории что-то такое говорили о грязи, неопрятности и плачевном состоянии гигиены в средние века, вследствие чего то и дело возникали губительные эпидемии.

Он скользнул сочувственным взглядом по исхудавшей, тоненькой фигурке: лопатки торчат, как крылья, а ребра можно просто пересчитать. Тонкие, слабенькие ноги, казалось, едва несут крохотный вес этого изможденного тельца. И при всем том ее движения свидетельствовали о природной живости и грации.

Выходя из воды, она натянула еще мокрую рубашку и подняла к нему сияющее лицо, довольная тем, что этот мальчик пошел вслед за ней и теперь ждал ее. Наконец он как следует рассмотрел ее лицо, облепленное мокрыми белокурыми волосами. Милая девчушка. Он протянул руки, приподнял девочку и дружески кивнул ей. Прямо на него глянули большие серые глаза, казавшиеся огромными на осунувшемся личике. Он отметил изящный лоб, мягкую линию подбородка, и жалость шевельнулась в нем. Кто эта девочка, что втянуло ее в безумный водоворот этого похода?

Он взял ее мокрое платьице, отжал его и разложил на траве. Девочка доверчиво уселилась на траве рядом.

— Как твое имя? — спросил он.

— Марише.

Голос звучал чисто и нежно.

— Откуда ты?

Смысла этого вопроса не был ясен девочке. Если слово "имя" показалось ей знакомым, то следующая фраза уже была сказана на абсолютно непонятном языке.

— Wo komst du her? — переспросил Долф по-немецки.

На этот раз она обрадованно закивала:

— Из Кельна.

Дитя города! Выросла в сумрачной тени крепостных

стен. Сквозь узкие окошечки проникал шум стройки с Соборной площади. Именно в тысяча двести двенадцатом году развернулось строительство прославленного в веках Кельнского собора. Дата случайно застряла в памяти Долфа.

Он не стал расспрашивать Марику. Ее одурачили, как и всех этих детей. Но что случилось с ними, что толкнуло их на это безрассудство? Ему, здравомыслящему школьнику из двадцатого века, нипочем этого не понять.

— Пойдем, — бросил он, поднимаясь.

Но ей не хотелось вставать, и она потянула его назад.

— Чего тебе?

— А тебя как зовут?

Она права, не годится любопытствовать, самому оставаясь в тени. Вздохнув, он снова опустился на траву и произнес, ткнув себя в грудь:

— Рудольф Вега ван Амстелвеен.

Она побледнела. Робость и страх промелькнули в серых глазах.

— Рудольф...

Девочка отпрянула, губы ее задрожали.

— Не бойся, — воскликнул Долф.

— Благородный господин... — испуганно прошептала она.

Теперь он понял все. Она приняла его за сына рыцаря, а, может быть, за беглого оруженосца. Видно, имя "Рудольф" здесь получают только отпрыски знатных фамилий. Он решительно тряхнул головой.

— Мой отец ученый, ну... писец.

Понимает она или нет? Кажется, да.

— Ты тоже умеешь читать? — благоговейно спросила она. — И писать?

Он кивнул.

— А где это — Амстелвеен?

— Далеко, в Голландии.

О Голландии она, видно, слыхала. Девочка подняла руку, притянула волосы.

— Кому служит твой отец?

И тут Долф совершил ошибку.

— Мой отец — подданный голландской королевы. Марике покачала головой.

“Какой же я болван! — подумал Долф. — Да у нас в Голландии в тысяча двести двенадцатом году и королей-то еще не было, а страна входила в Священное Римское империю на правах графства”.

— Наш сюзерен — Виллем, граф Голландии, — быстро нашелся он.

— Да? Он сам отпустил тебя или пришлось бежать?

— Мой отец не знает, где я, — объяснил он, на сей раз не погрешив против истины. Ответ, по-видимому, удовлетворил девочку. Она с восхищением взглянула на Долфа, наконец встала и, взяв его за руку, пошла к лагерю.

Леонардо уже накормил ослика. Марике набросила на себя почти высохшее платье.

— Пошли? — спросил студент.

— Куда? — поинтересовался Долф, тоже натягивая одежду.

— В Болонью, конечно.

Долф не знал, что сказать. Прежде чем он успел опомниться, Марике потянула его за рукав, возбужденно показывая на город. Они протерли глаза, еще не веря себе. Нет, это не сон.

Городские ворота широко распахнулись, и сотни мужчин, женщин, детей, нагруженные блюдами и корзинами, хлынули наружу. Они со всех ног торопились к лагерю, обитатели которого в немом изумлении взирали на процессию.

Долф видел, что навстречу горожанам выступил мальчишка, одетый в белоснежный плащ и добротные сапоги. Позади него кутались в темные рясы два монаха. Эта троица, приковавшая все взоры, двинулась навстречу жителям Спирса, чтобы обменяться несколькими словами с теми, кто шел в первых рядах. Мальчишка в плаще обвел всех величавым жестом, словно благословляя пришедших. Затем он отступил в сторону, взял увесистый каравай хлеба и заговорил, обращаясь к потрясенным детям. Его пронзительный голос разносился далеко:

— Дети, вам явлены дары Господни, так возблагодарите же Господа нашего за его милость!

Тысячи ребят, рухнув на колени, обратили к Богу благодарственные молитвы.

— Ну, вот нам и принесли поесть, — здраво рассудил Леонардо.

Горожане разбрелись по лагерю, щедро оделяя всех припасами. На сей раз каждому досталось вдоволь, даже самые маленькие не были в обиде. Сияющая Марике зажала в руке еще теплый пирожок и ела так аппетитно, что смотреть на нее было одно удовольствие. Долф и Леонардо поделили между собой жареную курицу, и Долф, к своему удивлению, признался, что в жизни не едал ничего вкуснее.

С какой стати вдруг обитатели Спирса проявили сегодня чудеса щедрости? Внезапный приступ человеческого колюбия как-то не вязался со вчерашним бессердечием этих людей. Долф терялся в догадках.

Леонардо показал на обгоревшую колокольню.

— Перетрусили, — презрительно процедил он.

Краюху хлеба, которая перепала им, он затолкал в сумку, привязанную к седлу.

Неудержимое веселье охватило лагерь маленьких крестоносцев. Согревшиеся, отдохнувшие и насытившиеся, они покидали свою стоянку и тянулись цепью мимо городских стен по направлению к старой дороге, которая огибала реку и вела на юг. Долф глядел им вслед.

“А как же я?” — растерянно думал он.

Разумнее всего, пожалуй, не уходить далеко от города, а значит, и от камня. Это единственная надежда возвратиться назад, в свое время. Но как узнает доктор Симиак, что он, Долф, до сих пор ждет в установленном месте, пока заработает машина? Это может растянуться на три месяца. Как продержаться здесь столько времени? Он почти ничего не знает об этом диковинном, жестоком и непонятном мире. Если паняться на работу в городе, придется снова отвечать на каверзные вопросы. Дело кончится тем, что его обвинят в колдовстве, ереси и прогонят прочь. Хорошо еще, если в

темницу не бросят. В таком случае много ли у него шансов выжить?

Дети с песнями проходили мимо. Босые ноги шуршали по траве. Леонардо заметил малыша с распухшей щиколоткой, тот едва ковылял, и студент посадил его на спину своего ослика.

— Я думаю, — с напускным равнодушием сказал он, — нам придется пока двигаться ними. Крестоносцы идут туда же, куда и я. Такое путешествие более продолжительно, но зато безопаснее.

Слова, или, скорее, их смысл, с трудом проникали в сознание Долфа. Он понимал, что от решения, которое он сейчас примет, зависит все его будущее. В средневековье его потянули романтические бредни. Сбой в компьютере — и вот он здесь, в самой гуще крестового похода на Иерусалим. Безумная затея, верно. Но почему же его до глубины души трогают маленькие крестоносцы? И тот малыш, повредивший ногу, которого подхватил Леонардо. А мимо шлепали тысячи и тысячи босых ног. Он посмотрел на Марике — в глазах девочки светилась непоколебимая вера в его силу, и ответ сам пришел к нему. Он не бросит этих детей. Он много знает, он сильнее и проворнее любого из них. Он нужен Марике. А теперь он ясно чувствовал, что нужен всем им, отставшим от колонны, изувеченным в пути, выбившимся из сил. Из восьми тысяч маленьких путников наверняка не меньше тысячи уже едва передвигали ноги. Слишком малы они для тягот пути, расстояний, зноя и бедствий. Он вспомнил о тех, кого удалось вытащить из реки. Подумал о Леонардо, странствующем студенте. Почему он решил пойти вместе с детьми? Неужели потому, что сам боится грабителей? Ерунда! Этот парень не из пугливых. Значит, он тоже откликнулся на зов несчастных, замученных детей, знает, что нужен им.

— Я иду с тобой, — произнес Долф.

Эти три слова лишили его последнего шанса возвратиться к камню и сделали его жителем этого мира. Уничтожена единственная надежда, порвана последняя нить, связывающая его с прошлым.

— Прекрасно, — отозвался довольный Леонардо.

Ладонка Марике скользнула по руке Долфа, и они

двинулись в путь. В Иерусалим вместе с детским воинством.

КОРОЛЬ ИЕРУСАЛИМСКИЙ

Иескончаемая людская колонна неспешно текла по старой дороге на Базель вдоль рейнских берегов. Леонардо, Марике и Долф оказались в последних рядах, хотя сами они чувствовали себя великолепно и охотно шагали бы в голове шествия. Долфу показалось, что студент медлит не без умысла — чтобы подхватить то одного, то другого усталого малыша и подвезти на своем ослике. Ребята сняли с его спины поклажу и понесли ее сами. А верный ослик, не отличавшийся и десятой долей того упрямства, которым обладал Долф, покорно тащил троих, а то и четверых ездоков. По крайней мере, двое из них были серьезно больны: не разговаривали, отталкивали хлеб, который протягивал им Долф, и лишь напряженно смотрели перед собой воспаленными глазами. Они так ослабли, подумал Долф, что оставь их гут, прямо на дороге, — они даже не попытаются спастись, пока смерть не положит конец их страданиям.

До сих пор он гнал от себя многочисленные вопросы. Это было не так трудно, потому что нескончаемое движение по каменистой дороге, палиций зной и монотонное пение сковывали мозг оцепенением, гасившим всякий проблеск любопытства. В своей зимней одежде Долф обливался потом, хотя день выдался не столь жаркий, как накануне. Пришлось снять куртку. Немного погодя он сбросил и свитер, но чувствовал, что кожа, отвыкшая за зиму от солнечных лучей, неминуемо сгорит в этот июньский день. Ничего не оставалось, как снова облачиться в толстый свитер. Ушибленное плечо уже не так болело, да и надежные зимние ботинки, в которые он был обут, делали тяжелый переход вполне сносным. Но как же дети, совсем

босые, кое-как прикрыты лохмотьями, проделали этот путь по камням? В голове не укладывалось.

Растянувшееся на многие километры шествие виделось мальчику безликой массой, которая, волна за волной, выплескивалась на дорогу. Кроме Марики и Леонардо, он не знал никого. Несколько раз взгляд его привлекал к себе нарядно одетый мальчишка, которого он заметил еще прошлым вечером. Мальчишка сновал взад и вперед между шеренгами с самым деловым видом, и его бодрый голос то и дело доносился сквозь мелодию песнопений. Глядя на него, Долф всякий раз думал: "И что он во все сует свой нос?" — но тут же забывал об этом. Долфа тревожили двое больных малышей, которые притихли на спине.

Внезапно гигантская колонна замерла: издалека слышался колокольный звон. Дети привычно бухнулись на колени. Некоторые растянулись на траве вдоль дороги. Словно повинуясь таинственному призыву, все принялись молиться. Точно так же поступила и Марики. Даже Леонардо присоединился к ним. Долф понял, что нужно последовать их примеру, раз здесь так принято. Украдкой бросил взгляд на часы. Двадцать минут первого. Значит, колокола возвещают полдень, что-то вроде послеобеденного отдыха.

Марики стояла на коленях чуть впереди него, перед глазами Долфа мелькнули ступни ее маленьких ног. Любопытство одолело Долфа, и он незаметно дотронулся до них. Девочка ничего не почувствовала. Кончики его пальцев нашупали мозоль под коркой засохшей грязи, коросту, покрывающую свежую царину. Как же она ходит, и кажется, что ей совсем не больно? Наверно, всю жизнь так и пробегала босиком по грязным улочкам старого Кельна, да и зимой, видно, тоже.

Завершив молитву, дети поудобнее устроились на земле и принялись за остатки припасов, принесенных горожанами. Те, кто ухитрился быстрее других покончить с едой, или те, у кого ничего не было, просто отыхали. Откинувшись назад, прикрыв глаза, они собирались с силами перед началом нового пути. И тут Долф снова увидел одного из тех монахов, которых

запомнил еще с утра. Монах в своей темной грубо-шерстной рясе, в сандалиях на босу ногу расхаживал между отдыхающими детьми. Суровое лицо его было неподвижно, колючие темные глаза изучающе скользили по рядам. Считает он их, что ли?

“Один из главарей похода? — задал себе вопрос Долф. — Но кому пришла в голову эта безумная затея? Сегодня я уже видел двух монахов — они сопровождают того парня в белом, которого трудно не заметить. Теперь один из них делает смотр растянувшейся колонне, словно генерал своим войскам перед боем. Что-то вчера его не было видно возле ребенка, замертво упавшего на дороге, а ведь как раз там должен был находиться этот человек!”

Теперь, когда он, наконец, опустился на траву и нескончаемое шарканье босых ног больше не мешало ему думать, вопросы снова подступили к нему. Захотелось проникнуть в самую суть тайны, которая окутывала этот загадочный поход. Кто лучше объяснит ему все это, нежели Марике, которая наверняка здесь с первого дня?

Едва они снова тронулись в путь, он взял девочку за руку и начал:

— Когда вы отправились из Кельна?

Пришлось повторить вопрос трижды, прежде чем она поняла его и захихикала, в точности как девчонка, которой показалось, что учитель на уроке сказал что-то очень забавное.

— Как странно ты разговариваешь, — переменил он тему.

— Так я же не отсюда.

— Это верно.

Кельнский диалект Марике больше походил на его родной нидерландский язык и разговор быстро наладился.

— Так когда же вы ушли из Кельна?

— До Троицы десять дней оставалось.

— А почему вы тронулись в путь?

— Николас принес нам весть. Он говорил так кративо, прямо заслушаешься!

— Николас?

Это имя он уже слышал.

Девочка махнула в сторону удаляющейся колонны.

— Николас слышал ангелов небесных, — благоговейно произнесла она, — они говорили с ним и возвестили ему Божью волю.

— Значит, ангелы повелели Николасу собрать целую армию ребят в поход? — недоверчиво переспросил Долф.

Марике согласно кивнула.

— Случилось чудо, — снова встрепенулась она, — правда, правда, я сама видела.

— Видела, как Николас разговаривал с ангелами?

— Нет, не то, я видела, как Николас проповедовал на Соборной площади в Кельне.

— И что же?

— Мы приняли крест и пошли за ним. И городских детей много было, и из окрестных деревень, так красиво...

— А теперь, значит, уже не так красиво? — спокойно продолжал Долф.

Он встретил вопросительный взгляд девочки.

— Ну так как, тебе это по-прежнему нравится? — повторил он свой вопрос. — Может быть, путешествие оказалось совсем не таким, как ты мечтала, и ты жалеешь, что сбежала из дома?

Она поняла только его последние слова.

— У меня нет дома.

— А в Кельне?

— В Кельне тоже нет — я сирота...

Долф опешил. Может ли статья, что эта хорошенькая девочка с таким нежным лицом — сирота, отверженная всеми нищенка, которая бродяжничает на улицах большого города. Никто не заботится о ней, никому нет дела, на что она живет. Даже представить себе трудно.

— Неужто у тебя нет отца, нет семьи?

Марике покачала головой.

— А мама?

— Умерла.

И впрямь сирота, забытый всеми ребенок. Ничего

удивительного, если ее потянуло за Николасом, который наобещал им золотые горы.

— Так что же ангелы возвестили Николасу? — продолжал допытываться он.

— Господь приказал ему собрать под свои знамена столько детей, сколько он сможет. Одних только безгрешных детей. Господь укажет им путь в Святую землю — сначала через высокие горы, а потом по морю. И море расступится, едва Николас возденет руки, а мы пройдем по воде, даже не замочив ноги, не погружаясь в нее. Николас приведет нас в Иерусалим.

— Но там же турки!

— Бог направил нас туда, Бог и защитит нас. Он поразит сарацин слепотой и опалит их молниями. Он повелит земле расступиться и поглотить этих неверных, эти исчадия ада. А мы навеки пребудем в прекрасном белокаменном Иерусалиме, и никогда больше мы не будем терпеть голод и холод. Вечное блаженство ожидает нас там. Мы уберем цветами гроб Господень, позаботимся о святых местах. Пилигримы всегда найдут у нас кров и еду.

Таков был приблизительно рассказ Марики. Совершенно очевидно, что она повторяла все это с чужого голоса.

Долф удивленно заморгал. Что же это за народ такой, который легко одурачить подобной чепухой? Кто вложил в голову Николасу идею этой сумасбродной авантюры? Да и сам Николас — обыкновенный мошенник или душевнобольной, которого преследуют видения, голоса?

— Кто эти монахи? — посырьезнев, спросил он.

— Дон Ансельм и дон Йоханнес, эти святые люди пришли в Кельн вместе с Николасом. Они и сказали нам, что Николас тоже святой, которому явлено было знамение небесное. Они своими глазами видели, как Николас пас овец, и вдруг в небесах прямо над ним загорелся сверкающий крест, зазвучали трубные голоса. Истинная правда.

— Правда, только потому что всю историю рассказали монахи? — стоял на своем Долф.

Марики удивленно глядела на него.

— Святые отцы не могут лгать.
— Ну, разумеется, — поторопился согласиться Долф.

Ему вспомнился буравящий взгляд монаха, который осматривал шеренги путников во время привала.

— Кто это? — осведомился он у девочки.
— Дон Ансельм, хоть нам больше по душе дон Йоханнес.

— Хорошо ли монахи заботятся о вас?
— Не понимаю.
— Ну, следят, чтобы у вас было вдоволь еды? Ухаживают за больными? Смотрят, чтобы не заблудились отставшие?

Глаза Марике изумленно расширились.
— Кто же заботится о тысячах детей? — настаивал Долф.

— Обо всех нас думает Бог! — вскричала Марике, до которой наконец дошел смысл его вопросов.
— И часто он это делает? — скептически поинтересовался Долф.

— До чего же ты глуп, Рудольф ван Амстелвеен! — потеряв терпение, заявила Марике. — Разве ты не видел, как жители города принесли нам пищу? Значит, Бог повелел им.

— И ты веришь, Марике, что море расступится перед вами?

— Конечно, дон Ансельм поведал нам, как воды расступились перед Моисеем. Море покоряется воле святых.

“Дались им эти святые! Сколько можно повторять одно и то же, — раздраженно подумал Долф. — Хороши святые! Детей вокруг пальца обводят. Неужто и взрослые верят рассказням ненормального подпаска?”

— Сам архиепископ Кельнский напутствовал нас и дал нам свое благословение, — мечтательно продолжала Марике. — Красиво...

“Час от часу не легче! — думал Долф. — Впрочем, кто их разберет, этих средневековых. Им с детства гвердят притчу о Моисее, перед которым расступились волны Красного моря, позволив иудеям беспрепятственно пройти на другой берег. Потом волны сомкну-

лись вновь и поглотили в бездонной пучине войска египтян, преследовавших иудеев. Они, конечно, верят в эту сказку, а, в таком случае, почему бы чуду не повториться еще разок? Вот они и потянулись за Николасом, чтобы увидеть своими глазами, как расступается море — представляют ли они себе, что такое море? — и они посуху достигнут Святой земли. Как будто это получасовая прогулка! Им хочется чуда, надежда на него поддерживает детей, дает им силы шагать тысячи миль. Неужели я один среди многотысячной толпы догадываюсь, что никакого чуда не будет?"

Марике потянула его за руку.

— Сердишься на меня? — нахмутившись, спросила она.

Верно, ее испугало выражение, промелькнувшее на его лице. Он успокаивающе сжал худенькие плечи.

— Не на тебя, Марике.

— На кого же?

Этого он сам не знал.

— Лучше бы вы оставили крестовые походы тем, кому пристало ими заниматься, хотя бы Готфриду Бульонскому, что ли, — едко заметил он.

Марике буквально прыснула.

Нет, не понять ему эту девчонку.

— Готфрид Бульонский давным-давно на небесах.

В памяти Долфа всплывали какие-то даты. Одна тысяча девяносто шестой год, первый крестовый поход.

— Ты права, Марике, с цифрами я не в ладах. Я хотел сказать, Ричард Львиное Сердце.

— Но он тоже умер, как я слышала, — огорченно отозвалась Марике.

— Неужели мало других рыцарей без страха и упрека, храбрых всадников, одетых в латы, на добрых лошадях, сопровождаемых меткими лучниками? Освобождать Святую землю — их удел, а не безоружных детей.

В ее взгляде он прочел укор.

— Разве сам ты не сын благородного господина, Рудольф? Как ты можешь так говорить?..

— Мой отец всего-навсего писец, — оборвал ее

Долф. Но, увидев слезы, выступившие у нее на глазах, тут же пожалел, что не сдержался. — Успокойся, Марике, я не хотел тебя обидеть — ты мне очень нравишься.

И как всегда, его слова утешили ее.

Если бы не Марике, которая поставила на ноги споткнувшегося малыша, Долф, погруженный в свои мысли, прошел бы мимо. День близился к концу, и все больше детей отставали или просто валились с ног от усталости. “Сколько еще маленьких жизней потребует новый день пути? — с тревогой думал Долф. И как помочь им? Не потащит же он на себе каждого обессиленного маленького путешественника”.

Взгляд Долфа снова остановился на проворном, богато одетом парне. Теперь мальчишка тащил кого-то на спине, но шагал, не сбавляя темпа. Силен, должно быть. Ослик Леонардо изнемогал под тяжестью израненных и больных седоков. Сам юноша поддерживал нескольких ребят, которые едва передвигали ноги. Марике заботливо присматривала за теми, кто сидел на ослике, — бедняги то и дело сползали. А Долф тянул на буксире уже четверых. Другие подростки тоже несли на руках малышей, помогали тем, кто не мог идти сам. Не такие уж они плохие товарищи, как ему показалось вчера. И все-таки несколько раз он был свидетелем того, как ослабевшие дети оставались лежать на дороге, по никто по-прежнему и не думал помогать им. Тягучий знойный день собирал свою страшную дань.

Арьергард, в котором они шли, двигался медленно, совсем оторвавшись от головной колонны. И чем дальше, тем идти становилось труднее. Долфа мучила жажда. Часы показывали половину пятого. Всего сутки назад он еще мог надеяться. Нет, об этом нельзя думать. Он упустил свой шанс, другой вернулся вместо него в двадцатый век. А он, Долф, живет теперь в одна тысяча двести двенадцатом году. Вот он бредет к морю по каменистой дороге, сжигаемой палящим солнцем. Нет, он запретит себе думать о том, как все могло бы быть. Он обязан выжить в этом времени, предназначенному ему судьбой.

“А что, если поселиться в Болонье вместе с Леонардо? — родилась еще неясная мысль. — Из меня получится толковый учитель математики, владеющий к тому же тайнами арабского исчисления. Можно подналечь на латынь, и я смогу преподавать в университете, о котором рассказывал Леонардо. Или стану каким-нибудь счетоводом, наверняка они существуют и здесь. Я должен выстоять, чтобы на склоне дней поведать потомкам о судьбе странника, затерянного во времени”.

Долф еще не отдавал себе в этом отчета, а мозг его напряженно работал, подготавливая мальчика к новой жизни.

Наконец перед ними открылось поле. Можно устроиться на ночлег. Те, кто еще был в состоянии двигаться, разошлись во все стороны в поисках хвороста. иные направились на речку, чтобы, как водится, разжиться ужином, но скоро вернулись ни с чем. Путь к воде преграждало болото, заросшее камышами. Значит, рыбы сегодня не будет.

Ребята утоляли жажду в ручейке, который пересекал поле и медленно струился к реке. Земля была влажная и вязкая, хотя жара стояла уже несколько дней. Верно, и здесь прошлой ночью бушевала гроза. Долф осмотрелся вокруг и понял, что место для стоянки выбрано крайне неудачно. Еще один такой ливень — и они застрянут по колено в грязи.

Леонардо проследил за взглядом друга и угадал его опасения.

— Не волнуйся, Рудольф, сегодня погода не испортится. Смотри, какое ясное небо, значит, ночь будет прохладной, но без дождя.

Долф ровным счетом ничего не понимал в этих припомах. Дома, когда случалось отправляться с друзьями в поход, не было ничего проще: открой газету или посмотри телевизор, вот тебе и прогноз на завтра. А здесь оставалось полагаться на познания Леонардо, и Долф, не тревожась больше, побрел за хворостом.

Сухостоя здесь почти не было, те немногие ветки и сучья, что собрали ребята, были еще сырьими. Некоторые мальчишки складывали и разжигали костры так

сноровисто, словно всю жизнь провели на лесных тропах. Те же, кому не повезло, просто наломали толстых веток и долго возились с ними, пытаясь разжечь костер. Долф притащил столько хворосту, сколько мог унести. Он не боялся за себя и Леонардо: холодная ночь им не страшна. А каково Марике в легком платьице и больным малышам, которые весь день тряслись на ослике, — у них зуб на зуб не попадает от холода. “Простудились ночью во время грозы, — подумал Долф. — Если их не согреть сейчас, они схватят воспаление легких, тогда им конец — сопротивляемости у этих крох никакой”.

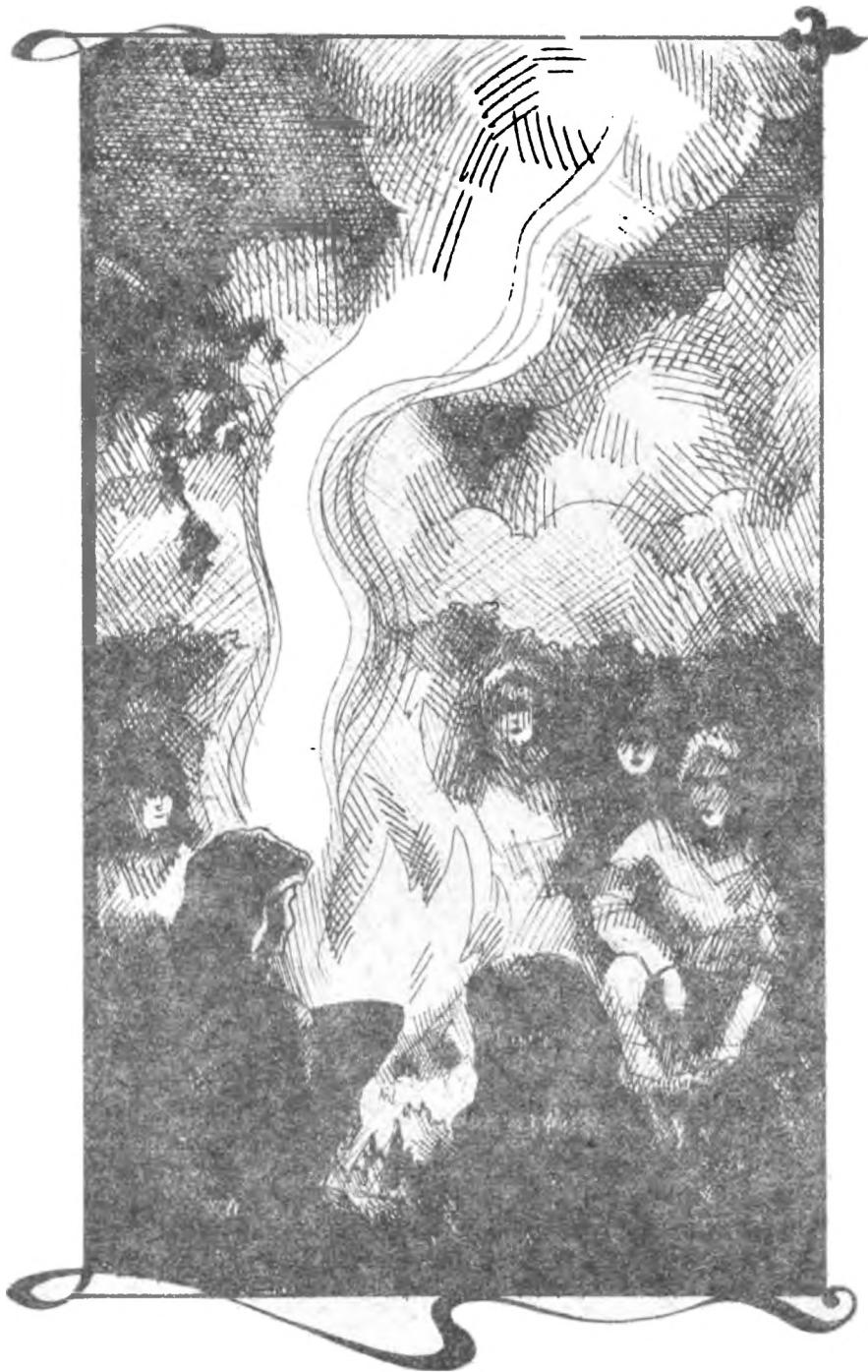
Когда разгорелся их костер, Леонардо вынул из своей котомки остатки съестного: мешочек с сухим горохом, немного зелени и краюху хлеба. Имей они кастрюльку, приготовили бы суп, подумал Долф.

— Пойду взгляну, нет ли у кого-нибудь котелка. Посмотри пока за малышами и давай им пить, — сказал он Марике.

Он осторожно пробирался по громадному лагерю. Большинство ребят уже спали. Кто-то еще хлопотал у костра, поджаривая неизвестно откуда взявшееся мясо. И многое другое открылось его взору. Он видел изувеченных детей, их разбитые ноги некому было перевязать. Мухи роились над незаживающими, покрытыми грязной коркой коленями. Разбитые лбы, гнойники, расквашенные носы, воспаленные глаза, вывихнутые лодыжки... Никому не было до них дела...

Впрочем, многие все-таки оставались здоровы и веселы. Они пытались справиться с едва разгоравшимися кострами, готовили нехитрый ужин, пуская в дело то, что оставалось от провизии, принесенной жителями Спирса. Они дурачились, играли, напевали песни. Издалека доносились звуки диковинных инструментов: флейты, свирели, простенькой скрипки. Вдалеке зазвонили колокола. А кругом, куда ни брось взгляд, ни деревушки, ни единого дома.

Возле одного из костров Долф разглядел четверых ребят, которые еще и не думали ложиться. Перед ними стоял котелок. Его-то Долф и попросил у них на время.

— Вы ведь уже поели...

Но выяснилось, что ребята не ели.

— Берто отдал наш последний хлеб, — пояснил один из них. Странная одежда Долфа, по-видимому, настораживала его.

— Пошли к нам, — предложил Долф, — приготовим суп.

В одном из мальчиков он узнал смелого пловца, которого заметил накануне вечером. Ребята пошептались между собой, затем поднялись и пошли за Долфом, который привел всю компанию к Леонардо. Марике поспешила за водой для супа.

— Погляди-ка, — позвал его Леонардо, который, казалось, не имел ничего против появления еще четверых едоков. На ладони у него лежали два крапчатых яйца.

— Где ты их нашел?

— В камышах. Там полно гнезд, только целых яиц мало.

Четверка мальчишек отправилась в заросли камыша на поиски гнезд. Спустя полчаса они возвратились, неся штук шесть яиц и мертвую уточку, почти цыпленка.

Суп представлял собой непривычную смесь, густую от гороха и яичных желтков, пахнущую пряными травами, но все вместе получилось гораздо вкуснее, чем предполагал Долф. У Леонардо была деревянная ложка, при помощи которой Марике удалось влить в рот больным малышам немного горячей жидкости. Дети не сводили с Марике благодарного щенячьего взгляда. Только после этого сама девочка, студент и все остальные доели остатки супа, по очереди поднося к губам котелок. Получилось не так много, но еда согрела их.

— Замечательно, — удовлетворенно протянул Долф, когда все уютно устроились вместе.

Теперь он мог как следует рассмотреть ребят. Они познакомились. Самый рослый из них по имени Франк (лет четырнадцати, должно быть, прикинул Долф) был из семьи кельнского кожевника. Что потянуло его в поход, неясно. Парня, который хорошо плавал, звали

Петер, Небольшого роста, но коренастый, с крепкими кулаками, он уверял, что ему уже двенадцать лет. Он вырос на берегу моря, восточнее Кельна, где простирались владения архиепископа. Третьего, самого младшего по виду, звали Эверарт. Его отец был дровосеком, и за всю свою жизнь мальчишка не видел ничего, кроме чащи да господской охоты, но зато знал уйму интересного о лесе и его обитателях. Четвертый, племистый, крепкий малый, звался Берто. Он наотрез отказался говорить о своем прошлом.

— Сейчас я крестоносец, и этим все сказано, — бросил он. Берто понравился Долфу.

Долф назвал себя так, как уже стало привычным для него: Рудольф Вега ван Амстелвеен. Это имя явно производило впечатление на собеседников.

Мальчик показал на окружающую их низину:

— Не лучшее место для стоянки.

Его тут же поддержал Эверарт:

— Лучше всего пройти еще вперед. — Он повернулся к югу: — Там и берег повыше, и места лесистые.

— А кто выбирает место для привала? — поинтересовался Долф.

— Николас, — тут же ответил Франк, — он же нас ведет. Но обычно он слушает советы дона Ансельма.

— Монаха?

Ребята закивали.

Долф поднялся.

— Настало время мне поговорить с вашим Николасом, — сказал он.

Потрясенный Берто уставился на Долфа, приоткрыв рот.

— Кто проводит меня к нему? — продолжал Долф.

— Но ты же не смесишь... — нерешительно начал Берто.

— Смеешь! — горячо вступилась Марике. — Рудольф, — благородней крови.

Никто не мог бы разубедить ее в этом.

Тогда поднялся Франк.

— Нашли, — коротко сказал он, — его шатер вон там, за рощей.

Мальчики шагали по лагерю, стараясь держаться поближе друг к другу. Почти все ребята уже спали. Костры еще дымились и потихоньку гасли. Вдалеке снова послышался колокольный звон. Колокола звонили тут, по всей видимости, в течение целого дня, но Долф больше полагался на свои водонепроницаемые, ударостойкие часы с автоматическим заводом. Они показывали уже почти половину девятого. Как обычно на исходе жаркого дня, над рекой и долиной поднимался влажный туман, окутавший спящих детей. Взгляд с трудом проникал сквозь пелену тумана.

— Красивый у тебя браслет, — заметил Франк, от которого не ускользнуло, как Долф посмотрел на часы.

- Подарок отца.
- Серебро, наверное?
- Нержавеющая сталь.
- Дамасская?
- Вроде того.
- Богатый у тебя отец.

— Да не то чтобы очень, — ответил Долф, которому стало не по себе. Конечно, в сравнении со средневековыми простолюдинами его отец сказочно богат. Ну, а в масштабах двадцатого века доктор Вега располагал обычным жалованьем научного работника.

— Почему же ты сбежал из дома, если тебе там неплохо жилось? — продолжал свои расспросы Франк.

- А что особенного? Приключений захотелось.

Франк удовлетворенно кивнул. Сам он, по-видимому, увязался в поход именно по этой причине.

Они шли довольно долго и наконец выбрались на возвышенность. Земля здесь уже не была такой топкой. Миновав рощицу, они увидели яркий костер, вокруг которого разместилась группа ребят и взрослых. Несмотря на сумрак, позади костра Долф заметил стаинного образца круглый походный шатер. Два белых вола, расположившись на лужайке, мирно щипали траву. Чуть поодаль белел крытый верх повозки, которую охраняли не меньше двадцати ребят с дубинками. Николас, как видно, не желает рисковать.

Вся компания ужинала. От запаха еды у Долфа и Франка слюнки потекли. Те несколько ложек похлеб-

ки, что им удалось проглотить, не утолили голод. Над костром на вертеле что-то жарилось. Похоже, птица. Значит, они тоже подманили уток.

Вокруг огня расположились: мальчишка, одетый во все белое, двое монахов и еще восемь подростков; их знатное происхождение угадывалось по нарядной одежде и манерам. Среди них был и тот вертлявый, который и раньше попадался на глаза Долфу.

Все они застыли с набитыми ртами, не сводя изумленных глаз с этого высокого парня, внезапно выросшего перед ними. Долф, однажды приняв решение, шел к своей цели напролом, сохраняя при этом способность трезво оценивать обстановку.

— Я Рудолф Вега ван Амстелвеен, — четко и с достоинством представился он.

Как всегда, его имя возымело действие. Тощий монах, которого называли дон Ансельм, едва заметно приподнял руку. Дон Йоханнес, помоложе, здоровее на вид и приветливее, кивнул Долфу. Николас сделал движение, словно собирался привстать, но передумал. Разряженные дети с нескрываемым любопытством наблюдали за происходящим, позабыв о еде.

— И я тоже голоден, — спокойно продолжал Долф, указывая на жареную дичь. Примелькавшийся Долфу неугомонный мальчишка тут же протянул ему кусок жаркого, освобождая место.

— Садись, Рудолф Вега ван Амстелвеен. Мы рады приветствовать тебя.

Понятно, этот кружок избранных принимал его за такого же, как и они сами, отпрыска знатных родителей, хотя одежда мальчика удивляла их. Долф знаком пригласил Франка подойти и сесть рядом с ним. Присутствующие обменялись неодобрительными взглядами — им это явно не понравилось.

— Кто ты таков? — строго спросил дон Ансельм.

Франк назвался, и тут Долф сообразил, что должен объяснить разницу в общественном положении между сыном вольного гражданина и этими господскими детьми. Он опустил руку на плечо Франка со словами:

— Это мой друг.

Все в замешательстве молчали. Все тот же непоседа

предложил мясо Франку, и Долф подумал, что не так уж он плох, этот парень.

Насытившись, Долф принял рассмотривать юных аристократов, которые тоже во все глаза разглядывали своих гостей. Любопытство на их лицах смешивалось с подозрительностью. Долф обратил внимание на хорошенькую девочку в длинном платье из тонкого льна, со множеством украшений. Шею девочки охватывала серебряная цепочка, на которой висел крест, сверкающий драгоценными камнями. Сосед Долфа был облачен в багряный плащ, желтые чулки; шитый серебром пояс был украшен великолепным кинжалом с богато отделанной рукоятью. Одежда других ребят отличалась не меньшей пышностью. Мальчик, закутанный в белоснежное покрывало, по-видимому, и был Николас.

Долф начал говорить. Он понизил голос, чтобы не так чувствовался акцент и чтобы сразу заставить слушать себя. Когда говоришь негромко, к тебе волей-неволей вынуждены прислушиваться.

— Вчера я вступил под знамена крестового похода. Хочу дойти с вами вместе до Святой земли и помочь вам завоевать Белокаменный Город, — заявил Долф, чтобы рассеять сомнения относительно своих намерений.

Монахи кивали, оценивающий взгляд дона Ансельма скользнул по крепкой фигуре мальчика.

— Родом я из Голландии, там люди и говорят по-другому, и одеваются не так, как у вас, — продолжал Долф, объясняя тем самым все, что могло показаться странным в его облике. А странностей было с лихвой! Его слушали внимательно.

— Но то, что я здесь у вас повидал, — Долф перешел к самому главному, — мне вовсе не по душе. Благополучие этих детей не безразлично мне. Мне попадались больные, о которых некому позаботиться. Видел я и мальчиков, падавших от истощения прямо на дороге. А раненые и покалеченные, на которых никто не обращает внимания... Сколько их скончалось в пути, утонуло в реке! Отец, — он обратился к Ансельму, — этот поход организован из рук вон плохо. Нужно устроить все по-другому.

Мрачный Ансельм сдвинул брови, но не проронил ни слова. Йоханнес же, напротив, проявил живой интерес к словам Долфа. Николас воздел руку:

— Господь заботится о нас и хранит нас, — заучено, словно автомат, пробубнил он.

— Думаю, Господь не будет в обиде, если мы поможем ему позаботиться о нас, — не удержался Долф.

У костра воцарилось молчаливое замешательство.

— Рудолф ван Амстелвеен, уж не явился ли ты сюда учить нас? — угрожающе спросил дон Ансельм.

— Именно так. Стоило мне пожаловаться на голод, вы тут же предложили мне кусок мяса. За это я благодарю вас. Но ведь здесь, на этом поле, еще восемь, а то и десять тысяч детей, которые голодны не меньше моего. Кто же накормит их?

— Господь подаст им, — поспешил ответил Николас.

Долф повернулся к бывшему подпаску.

— Николас, послушай меня, — медленно и серьезно убеждал он. — Господь повелел тебе привести этих детей в Святую землю. Значит, на твои плечи возложил он ответственность за их судьбу. Он поручил тебе встать со своим воинством перед вратами Белокаменного Города, но воинство должно проделать этот путь здоровым и невредимым. Путь долг и опасен. Можно не допустить беды, руководствуясь здравым смыслом да при хорошем устройстве похода. Бог поставил тебя во главе похода, но разве вести за собой не означает и заботиться о пастве, доверенной твоей опеке? Бог не пожелает, чтобы маленькие воины гибли в дороге.

— А ведь Рудолф ван Амстелвеен прав, — неожиданно отозвался богато одетый мальчик рядом с Долфом. — Когда мой отец собирался на войну, он всегда заботился о том, чтобы его люди были хорошо накормлены в пути.

Дон Ансельм отрезал:

— Помолчи, Каролюс!

Но Каролюс и не думал молчать.

— Вы ничего не знаете, потому что едете впереди! — вскричал он. — Но хаос, царящий в конце колонны, ужасен. Я же говорил вам об этом, и я очень рад, что теперь на моей стороне Рудолф ван Амстелвеен.

“удача! По крайней мере, один союзник уже есть”,
— с благодарностью подумал Долф. !

— Рудолф ван Амстелвеен заблуждается, — холодно возразил дон Айсельм. — Наш крестовый поход не обычный. Мы не затем отправились в путь, чтобы проливать кровь, завоевывая Иерусалим огнем и мечом. Мы победим сарацинов безгрешностью и чистотой нашего воинства.

— Знаю, — спокойно парировал Долф, — но думаю, мы вышли в путь вовсе не для того, чтобы погибнуть от голода, холода и невзгод. Все эти ребята, — он обвел рукой вокруг, — все до единого мечтают увидеть Иерусалим своими собственными глазами. А если дело пойдет так и дальше, то вряд ли десятая доля вашей колонны достигнет цели. И только потому, что те, кому доверено вести их, плохо заботятся о своей армии, в то время как сами не терпят нужды ни в чем.

И он с некоторым упреком показал на остатки трапезы, на шатер и повозку.

— Вам не нужно идти пешком — вас везут. Вы не голодаете, не простужаетесь, когда льет дождь и ветер свистит над лагерем. Выбираете место для ночлега, не задумываясь, удобно ли оно для тысяч детей, которые не смогут укрыться в шатрах вместе с вами...

— Мы остановились потому, что волы не могли идти дальше, — произнесла нарядная девочка.

— Места здесь для всех хватает, вон какое поле огромное, — оправдывался Николас.

— Ну да, болотистое и открытое всем ветрам. Вчера ночью многие простудились, завтра они будут совсем больны. Как быть с ними? Кто позаботится о них? Кто будет отпаивать их горячим настоем из трав? Кто разожжет для них жаркий костер? — Мало-помалу терпению Долфа наступал конец. Он начал выходить из себя. — Послушай, Николас, Господу угодно ниспослать этим детям великое множество испытаний, но не затем, чтобы погубить всех нас. Значит, те, кто ведет крестоносцев, должны позаботиться о безопасности своего единства, о том, чтобы оно, не потеряв в числе, предстало пред вратами иерусалимскими. А раз на то есть Божья воля, следует исполнить ее наилучшим об-

разом. А пока — что ни день — дети гибнут от голода, жажды, истощения. И это еще начало... Такое не может быть угодно Богу, Николас. Если он испытывает нас страданиями, то для того лишь, чтобы, поддерживая друг друга в трудную минуту, мы все-таки исполнили его волю. Значит, необходимо, не жалея сил, наводить порядок в наших рядах. Хвала Господу!

— Аминь, — отозвался мальчик, стоявший рядом с ним.

“Ух, проповедую, точно пастор перед телекамерой! — смущенно подумал Долф. — Откуда только взялись эти благочестивые речи? Неужели и меня захватила безумная идея этого похода? Нет, конечно, я прекрасно понимаю, что он обречен...”

Однако Долф заметил, что его красноречие подействовало на окружающих самым решительным образом. Рядом с ним мальчишка воодушевленно захлопал в ладоши, осенив себя крестом и порывисто обнял Долфа.

— Ты добрый сын благородного отца! — с неподдельной радостью воскликнул он.

Оба монаха сидели все так же неподвижно. Ансельм не спускал цепкого взгляда с юного незнакомца, зато на круглой физиономии Йоханнеса расплылась благодушная улыбка.

— Рудольф ван Амстелвеен, я не сомневаюсь, что само прорицание послало нам тебя, — сердечно промолвил он. — Теперь скажи, чего ты хочешь?

Именно это Долф обдумывал весь день накануне.

— Первым делом нужно разделить всех ребят на отряды и каждому поручить свое дело. Это совсем не трудно — ребят у нас хватает. — Он стал загибать пальцы. — Прежде всего — охрана. В этот отряд возьмем самых рослых и сильных ребят, вооружив их, чем сможем, хотя бы дубинками. Они позаботятся о безопасности остальных, будут днем и ночью охранять нас, а если возникнет нужда, смогут и наших забияк успокоить. Затем нам понадобится отряд охотников, пусть каждый день у нас будет вдоволь свежего мяса. Я заметил, эти места кишат зверем и птицей.

— Постой-ка, — недовольно прервал его Николас,

— так дело не пойдет. Ты предлагаешь нам браконьерство.

Долф показал на вертел:

— А где вы сегодня добыли дичь?

— Каролюс настрелял, — ответил Николас.

Мальчик, который стоял ближе всех к Долфу, энергично закивал и протянул руку в сторону шатра. У входа были прислонены самодельный лук и колчан.

— Любую птицу бью влет, — похвальился он, — охочусь без сокола.

— Ну, а это разве не браконьерство?

— Как сказать... — Николас пожал плечами. Разговор, казалось, порядком наскучил ему.

— Уж не думаешь ли ты, что здесь заповедная охота? — поддразнил его Долф.

— Как это — заповедная? — Языковой барьер мешал ему. — Вся дичь принадлежит хозяевам земель, по которым мы проходим. Только господа имеют право охотиться тут. Ты что же, хочешь, чтобы святые пилигримы осквернили себя, посягнув на куропаток и косуль во владениях знатного рыцаря?

— Я готов осквернить себя. — пробурчал Долф и обратился к маленькому стрелку: — А ты что думаешь, Каролюс?

Парнишка подскочил от радости.

— Я соберу отряд охотников! — вскричал он. — Научу их делать луки и стрелы, посмотришь, как они начнут охотиться! Хотя бы это и запрещено. Рудолф ван Амстелвеен прав: детей нужно накормить.

— Хорош благородный рыцарь, который браконьерствует, — процидил кто-то из знатных отпрысков.

— Вовсе это не браконьерство, а воля Всевышнего, — резко отозвался Каролюс.

Остальные молчали, сбитые с толку.

— В конце концов, король все-таки я, значит, у меня есть священное право выбирать себе ловчих. Не так ли, Рудольф?

Долф не понимал, о чем идет речь, но на всякий случай кивнул в подтверждение. Забавный Каролюс был ему по душе. Замечательно, если он наладит охоту

и обеспечит мясом ребят! Законно это или незаконно, а голод не тетка.

— Теперь рыболовы, — продолжал он. — Я видел отличных пловцов, у некоторых есть даже сети. Мы возьмем только тех, кто хорошо плавает, для остальных это очень опасное занятие. — Он повернулся к Франку: — Петер сможет сбрать рыбаков?

— Конечно, — без колебаний ответил Франк. — Петер сам плавает, как рыба, и друзей у него много.

— Великолепно. Каролюс — во главе охотников, Петер — во главе рыбаков. А кому поручим наводить порядок?

— Я готов.

Вперед выступил статный, благородного вида юноша. Знатного юношу звали Фредо, идея сбрать боевой отряд пришлась ему по вкусу.

— Я командую стражниками, которые охраняют повозку. Рудольф прав: нужно расставить охрану по всему лагерю — по ночам пропадают дети.

При этих словах Долф вздрогнул.

— А кто будет ухаживать за больными и ранеными? Надо изменить порядок нашей колонны. Впереди пусть идут ребята с луками и дубинками: они сразу отпугнут разбойников и прочий сброд. За ними — малыши и больные, но, конечно, в сопровождении старших, которые помогут им. Тех, что выбились из сил, оставим в повозке, а в первом же большом городе поручим их заботам местных жителей. Вы-то сами здоровы и можете идти пешком. За малышами снова пойдут сильные, выносливые ребята, они будут следить, чтобы никто не отставал; и замыкать колонну тоже должны большие ребята, готовые с оружием в руках отразить нападение с тыла. Если мы построимся таким образом, думаю, больше не будет пропавших без вести, печальный конец которых некому оплакать. Ты согласен, Фредо?

— Отличный план, — одобрил мальчик.

— Мне идти пешком? — с опаской осведомилась нарядная девочка. — Я не хочу.

Долф перевел взгляд на ее ноги в изящных серебристых туфельках. Да, в таких далеко не уйдешь.

— Как зовут тебя? — спросил он.

— Хильда ван Марбург.

Это имя ему ни о чем не говорило, но звучало изысканно.

— Если ты согласна ухаживать за больными, поедешь в повозке вместе с ними.

Хильда с облегчением вздохнула.

Каролюс немедленно повернулся к Долфу.

— Я проехал в повозке не так уж много, — заявил он, — но мне кажется, это недостойно монарха, которому подобает заботиться о нуждах своих подданных. Я преотличным образом могу идти пешком.

Теплая улыбка появилась на лице Долфа. Непоседливый, беспокойный Каролюс все больше нравился ему. Он спрашивал себя: что потянуло этого знатного отпрыска вслед за беднотой?

— Ты говоришь так, словно привык повелевать, Рудольф ван Амстелвеен, — заметил дон Йоханнес. — Каковы владения твоего отца? Ты старший сын?

Долф расправил плечи. В свои пятнадцать лет при росте метр шестьдесят он был вровень со взрослыми мужчинами того времени. Они, должно быть, принимают его за восемнадцатилетнего. Их настораживает его рост и уверенная манера держаться. В сущности, ничего особенного для его современников. А в тридцатом столетии лишь благородные господа могли позволить себе столь независимый тон. Долф решил обратить себе на пользу то впечатление, которое ему удалось произвести.

— Простите великодушно, — произнес он. — Воспоминания о моем прошлом причиняют мне боль. Молю вас, не задавайте подобных вопросов, ибо ответы поставят меня в затруднительное положение.

Ребята, сгрудившиеся вокруг Долфа, хорошо понимали его. Ведь им тоже не хотелось мысленно возвращаться в покинутые родовые гнезда, не хотелось вспоминать сурогового владельца замка и его грубую челядь, неотесанных крепостных, тягучие зимние вечера. А в Иерусалиме, жемчужине христианского мира, сияет вечное лето и круглый год благоухают цветы...

Избавившись таким образом от всех вопросов отно-

сительно своего происхождения, Долф продолжал разывать планы на будущее:

— Ночлег тоже устроим иначе. Соберем команды вязальщиков хвороста, поваров и сторожей. Нам необходима вместительная посуда, и несколько обеденных смен. Все съестное, что добудем за день, пусть находится под охраной стражи до вечера, когда мы разожжем большие костры и повара займутся своим делом. После ужина отряды хорошо вооруженных стражников заступят в караул на подступах к лагерю.

Каролюс согласно кивал, Фредо тоже одобрительно хмыкнул, но дон Ансельм сердито бросил:

— На это уйдет слишком много времени, мы задержимся в пути, а ведь нужно перевалить через горы еще до наступления осени.

На что Долф ответил:

— Конечно, первые дни привыкать будет нелегко, но, вот увидите, едва каждый хорошенъко запомнит свои обязанности, дело пойдет на лад.

Мальчик взглянул на второго монаха, и тот ободряюще улыбнулся ему. Дон Йоханнес производил впечатление приятного человека.

У Каролюса вырвался возглас:

— Рудолф ван Амстелвеен — воплощение мудрости! Самое главное для войска — правильное построение. Рудолф, ты можешь положиться на меня.

Поскольку слово Каролюса, судя по всему, было решающим, остальные ребята не смели высказать свое недовольство. Долф заметил, что один лишь Николас сохраняет мрачный вид, покачивая головой, и решил поднажать еще.

— Ребята здесь собрались из разных мест, — заговорил он, показывая на спящий лагерь, — и каждый обучен какому-то ремеслу. Вон у моего костра сидит парень, который вырос в лесах и знает след любого зверя. Такие ребята пригодятся в отряде Каролюса.

— Как его зовут? — оживился Каролюс.

— Эверарт. Завтра же утром пришлю его к тебе. Он тебе подойдет. Чтобы наши отряды на самом деле были сильными, смогли бы накормить и взять под свою защиту тысячи детей, ребята должны сами вы-

бирать дело по душе. Каждый знает и умеет что-нибудь такое, что пригодится остальным.

Слова Долфа привели присутствующих в неописуемое изумление. В средневековом мире каждому было определено свое место. Человек всю жизнь оставался тем, кем ему суждено родиться. Конечно, и в тринадцатом веке человек мог добиться успехов на своем поприще. Общественные перегородки не были окончательно застывшими, но лишь выдающимся личностям удавалось преодолеть их, чтобы изменить свое положение. Сама идея позволить каждому самостоятельно выбрать себе дело, да еще на общее благо, звучала столь неправдоподобно для кучки маленьких аристократов, что они лишь растерянно пожимали плечами.

Но Долф знал, что говорил. Он-то понимал, как меняется человек, который с удовольствием делает любимое дело. Однако, заметив недоумение на лицах, он сообразил, что его мысль не доходит до сознания собеседников, и постарался переменить тему.

— Мне послышалось, дон Ансельм упомянул горы...
Каким маршрутом мы пойдем в Святую землю?

Он хорошо представлял себе карту Европы, но откуда знают путь эти люди?

Дружелюбно настроенный дон Йоханнес ответил:

- Мы выйдем к морю близ Генуи.
- Генуи? — удивился Долф. — Ничего не понимаю. Зачем нам Генуя?
- Господь повелел Николасу привести святое воинство в Геную, — коротко сказал угрюмый дон Ансельм.

“Этого только не хватало”, — подумал Долф. Он не мог прийти в себя от ужаса.

— Вы собираетесь переходить Альпы?

Святые отцы подтвердили. Кровь застыла у него в жилах. Что такое средневековые Альпы? Есть ли там дороги? Должны быть, ведь там побывали римляне тысячу лет назад. Да и войска Ганнибала на слонах. Долф, задумавшись, устремил взгляд вперед, потрясенный открывшейся перед ним картиной: тысячи маленьких, беззащитных странников, преодолевающих самую неприступную горную цепь Европы. Эта попытка за-

кончится трагически. Он знал Альпы. Сколько раз доводилось ему с родителями бывать в Швейцарии, Австрии, Италии! Они ехали на хорошей машине по асфальтированным дорогам мимо ресторанов, отелей и кемпингов. Попадались им и полицейские патрули, и станции автосервиса. Отправляясь в отпуск по этим дорогам, человек был застрахован от множества случайностей.

Но здесь все иначе. Труднодоступные горные тропы над пропастью на головокружительной высоте. Грабители, подстерегающие свои жертвы в засаде. Владельческие рыцари, требующие уплаты дорожных сборов, если только они сразу не решат прикончить путников и поживиться их добром.

— Значит, через Альпы в Геную, — повторил он.
— А дальше как? От Генуи до Иерусалима еще тысячи миль.

Ответ он знал заранее, но хотелось услышать его от этих взрослых людей, и он его услышал.

— Господь сотворит чудо. Морская пучина развернется, и мы, не омочив ног, придем в Святую землю.

“Сами-то они в это верят?” — задал он себе вопрос.

В сумрачной тени, подступившей к кругу огня, он давно уже заметил темную фигуру. Человек внимательно прислушивался к разговору. Почудилось, он узнает Леонардо, неразлучного со своей дубинкой. Что он здесь делает?

— Если уж переходить Альпы, — предложил Долф, напрягая память, — лучше взять направление на Бреннер*. Этот перевал не так опасен для перехода.

— Мы пойдем по старой дороге Монт-Сени**, — словно отрубил дон Ансельм. — Это кратчайший путь, дорога мне известна. Однажды я совершил этим путем паломничество в Рим.

* Бреннер — горный перевал, расположенный в Восточных Альпах, на границе Австрии и Италии. Один из наиболее низких и удобных путей через Альпы.

** Монт-Сени — перевал между Котскими и Грайскими Альпами во Франции, недалеко от границы с Италией.

— Я тоже знаю эту дорогу! — теряя самообладание, вскричал Долф. — Она так же опасна, как и дорога через Большой Сен-Бернар*.

Снова неловкое молчание было ему ответом. Долфа бросило в краску.

— Мне пришлось много путешествовать, — тихо добавил он.

Мама предпочитала не летать самолетом. Слишком хороша наша прекрасная земля, чтобы вот так запросто оставлять под крылом самолета тысячи километров, обычно говорила она. Поэтому семья доктора Веги отправлялась в отпуск на автомобиле. Они искоlesили все дороги в предгорьях Альп. Отец Долфа, страстный поклонник автотуризма, никогда не пользовался удобными тоннелями для транспорта, выбирая обездные пути. Только так можно посмотреть мир. И как всех жителей равнины, Долфа неудержимо притягивали горы с их безмолвной красотой. Он очень любил эти путешествия в горах. Но сейчас...

— Давайте свернем к востоку возле Страсбурга, — предложил он, — затем пересечем Шварцвальд, пройдем Баварию и горную цепь Карвендел, за ней как раз будет Инсбрук, а там рукой подать до перевала Бреннер. Спустимся через Больцано. Крюк немалый, согласен, но другого пути, чтобы безопасно переправить через горы восемь тысяч детей, у нас нет.

— Ни в коем случае, — раздраженно отозвался Ансельм. — Незачем делать петлю. Да и горный кряж Карвендел — известное пристанище грабителей.

— Ну, в горах это дело обычное, — наивно высказался Долф.

— А ты бывал там? Хорошо знаешь эти горы? — Каролюса снова охватило возбуждение.

— Да я тут все дороги знаю.

Они ему не верят — это ясно.

Дон Йоханнес негромко добавил:

— В Монт-Сени есть знаменитое аббатство, где путники находят кров и пищу.

* Большой Сен-Бернар — перевал в западной части Пеннинских Альп, на границе Швейцарии и Италии.

— Пища и кров для восьми тысяч странников? — насмешливо поинтересовался Долф. — Или только для четырех? Добрую половину детей мы потеряем по пути туда.

Темная фигура, которая все это время маячила в темноте, выступила вперед. Это и впрямь оказался Леонардо. Опираясь на свою дубинку, он спокойно произнес:

— Прошу благородное собрание простить меня. Я — странствующий студент Леонардо Фибоначчи из Пизы. Направляюсь в Болонью. Сострадание к несчастным детям заставило меня на время присоединиться к крестовому походу. Я также знаю Альпы, мне хорошо известны многие горные тропы, и я заявляю: Рудольф ван Амстелвеен прав. Восхождение на Монт-Сени будет стоить жизни тысячам детей. Там, на страшной высоте, все голо — ни кустика, ни травинки. Ледяной, мертвящий холод... Дети погибнут от холода, замерзнут насмерть. То ли дело — Бреннер: и подъем не крутой, и места не такие суровые.

— Там нас растерзают медведи, — все так же угрюмо настаивал Ансельм.

— Какие медведи?! — изумленно переспросил Долф и в ту же секунду пожалел, что вовремя не прикусил языка.

Николас воскликнул:

— А я говорю, ты не знаешь эти горы!

Долф растерялся, но Леонардо нелегко было сбить с толку.

— Неужели на перевале Монт-Сени нет медведей и волков? — продолжал он наступать.

Монаху оставалось лишь признать, что это не так.

“Господи, только медведей нам не хватало!” — подумал Долф. — Такого я не предполагал. И волки тоже есть. Чего еще ожидать?”

Студент невозмутимо разглядывал избранное общество, все так же опираясь на палку. Он был строен и ростом не выше Долфа, но спокойствие и уверенность в себе давали ему чувство превосходства над окружающими. Долф залюбовался им, когда Леонардо, небрежно постукивая палкой по земле, заметил:

— Нам с этим другом никакие медведи не страшны.

Коротышка Каролюс, который от нетерпения не мог усидеть на месте, не удержался:

— Неужели мы не послушаем совета двух опытных путешественников?

— Я боюсь волков, — вставила девочка в голубом плаще.

Междуд тем самообладание вновь возвратилось к Долфу.

— Все боятся, — сказал он. — Но при хорошей подготовке похода, имей мы отряды лучников и сторожей, можно не страшиться хищников.

Совет продолжался до поздней ночи. Наконец все сошлись на том, чтобы вместо печально известного Монт-Сени принять маршрут, предложенный Долфом и Леонардо. Девочка в богатом наряде задремала, прислонившись к плечу Каролюса. Длинные светлые косы упали на колени. Красивая девочка. Ей было лет двенадцать, не больше.

Непоседа Каролюс опустил руку ей на плечо, его взгляд, устремленный на белокурую головку девочки, потепел.

— Твоя сестра? — спросил Долф.

— Хильда Марбургская, дочь графа Людвига, — шепнул ему Каролюс, — воспитывалась при дворе своего дяди, архиепископа Кельнского. В монастыре, конечно. Сам архиепископ благословил ее, отправляя с нами в поход. Она будет королевой Иерусалима.

— Неплохая перспектива, — вырвалось у Долфа.

— А меня, — мечтательно продолжал Каролюс, — коронуют на царство Иерусалимское. Вместе с Хильдой мы вкусим вечное блаженство в Белокаменном Городе.

Детские мечты, детские фантазии, такие трогательные и несбыточные... Что ответить ему? Долф не придумал ничего лучше, как отвесить поклон маленькому королю — дань почтения, благосклонно принятая Каролюсом.

— Рудолф ван Амстелвеен, — объявил он, не вставая, чтобы не потревожить спящую Хильду, — отныне назначаю тебя своим главным оруженосцем. — Сво-

бодной рукой он коснулся плеча Долфа. — Тем самым я дарю тебе право ночевать в шатре, — заговорщики добавил он.

— Благодарю тебя, Каролюс, но мне привычнее засыпать у своего костра. Там тоже есть замечательная девочка, которой нужна моя защита.

Каролюс понимающе кивнул. Долф поднялся.

“Вот меня и посвятил в рыцари король Иерусалимский, — забавляясь, подумал он. — Теперь вместе с тысячами одураченных красивой сказкой детей я отправляюсь в поход, который не под силу и взрослым, хорошо вооруженным мужчинам. Что же это за безумное время такое?”

И снова поймал себя на мысли, что людей средневековья ему никогда не понять до конца.

Вместе с Леонардо и Франком, который уже клевал носом, Долф вернулся к своему костру, возле которого ребят ожидал Петер. Он один не спал и нес вахту. Франк вкратце рассказал ему о том, что произошло.

Долф укладывался спать. Он растянулся на земле подле Леонардо и тихонько спросил:

— Как ты оказался там, дружище? Ты шел за нами?

— Ах, это обычная мера предосторожности, — с напускной небрежностью пробормотал студент. — Я заметил, что вы с Франком ушли. На лице у тебя было написано, что ты выскажешь все, что накипело на душе. Я понял, что ты можешь сорваться, и решил держаться поближе. Что ты думаешь об этих святошах?

— Недоумки какие-то! — не раздумывая, выпалил Долф.

— Ничего подобного, Рудольф. Во всяком случае, Ансельм не столь прост, как хочет казаться.

— Ты в самом деле так думаешь? — встрепенулся Долф.

— Тс-с-с, не так громко. Именно так я и думаю. Еще вчера я обратил на них внимание. Что-то тут не то. Зачем им этот крестовый поход на детей?

— Обратить язычников Иерусалима на путь веры.

— Так они говорят, — пробормотал Леонардо.

Долф порадовался, что сомнения на этот счет появились не только у него.

— Почему ты решил, что монахи не настоящие?

— Меня удивило, что они выслушали тебя до конца, — задумчиво пояснил Леонардо, — а ведь им пришло возмутиться, объявить тебя еретиком.

— Мне казалось, я обратился к ним с самой благочестивой речью, — наивно ответил Долф.

Леонардо затрясся от смеха.

— Рудолф, друг мой, никогда в жизни я не слыхал более странных вещей, чем нынче вечером от тебя. Ты необыкновенно умен. Одного не пойму: как ты успел набраться всей этой премудрости в свои юные годы. Но рассуждаешь ты, как истинный еретик. На твоем месте я бы вел себя осмотрительнее.

Долф вздохнул. Прав Леонардо: как ни старайся, изображать религиозное рвение, которого не чувствуешь, ему не под силу.

— Я лишь слово в слово повторил то, что говорили они сами о приказах свыше и прочем, — принялся объяснять он.

Студент поднялся, пристально глядя на Долфа.

— Ты искренне верил в то, о чем говорил, Рудолф?

Мальчик почувствовал, что краснеет. К счастью, огонь уже едва теплился, так что итальянец ничего не заметил.

— Ты так же мало веришь всему этому, как и я сам, Рудолф. Ведь я тоже немало путешествовал и кое-что повидал. Думаю, Николас не обманывает ребят — его самого дурачат двое мошенников с притворно умильными физиономиями и в рясах с чужого плеча. Никакие это не монахи. Самый последний служка тут же заткнул бы тебе рот. А эти? Внимательно выслушали твои советы. Похоже, этой парочке выгодно доставить в Геную как можно больше ребят целыми и невредимыми. Для чего? Ты задавал себе этот вопрос, Рудолф?

— Конечно, — немедленно отозвался Долф.

— Тогда не нужно долго объяснять, чего тебе следует остерегаться и почему необходимо соблюдать осторожность.

Леонардо собирался заснуть, но Долф схватил его за руку:

— Друг, ты веришь, что морская пучина расступится перед нами?

Студент лишь хмыкнул в ответ.

— Ты веришь в чудеса?

— Иной раз приходится верить, — Леонардо опять привстал. — Ты, например, самое настоящее чудо. В то мгновение, когда мне грозила гибель от рук бандитов, ты словно с неба свалился, чтобы спасти меня. А еще ты принес с собой непостижимую тайну арабского исчисления! Вместе мы попали в самую гущу этого крестового похода, и снова чудо: чужеземец, неожиданно явившийся накануне Святого Яна, оказывается более опытным и знающим, нежели те, кто стоят во главе этого похода. И ты еще спрашиваешь, верю ли я в чудеса? Да со мной, кроме чудес, ничего и не случается.

Долфу стало весело, и его настроение передалось Леонардо.

— Доброй ночи.

Не прошло и пяти минут, как друзья крепко спали.

ОПАСНАЯ ОХОТА

 После ночи, которую ребята провели на заболоченном поле к югу от Страсбурга, дела пошли на лад. Ежевечерне, выслушав проповедь — дон Ансельм не упсгал случая еще раз напомнить о благородной цели похода — и помолившись, ребята расходились по отрядам, которыми командовали Долф, Леонардо, Франк, Петер и Каролюс. Первое время трудно было навести порядок, но мало-помалу все стало на свои места. Тяжелобольных, находившихся отныне под неусыпным присмотром, разместили в повозке. Хильда, маленькая королева Иерусалима, выхаживала их. И не только потому, что ей хотелось устроиться в повозке. В монастыре, где воспитывалась Хильда, девочке обучали уходу за больными. Довольная тем, что ей поручили это милосердное дело, Хильда подобрала несколько

подружек себе в помощь, обучила их заваривать настой из целебных трав, готовить больным пищу и укрепляющие снадобья. Бинтов, конечно, не было, но ребята научились делать их. Своеобразная процедура изготавления бинтов порядком удивила Долфа.

Девочки сплетали из жестких травяных стеблей широкие полосы, затем сворачивали их и складывали про запас. Кровоточащие раны сначала покрывали слоем травы, предварительно пережеванной: зелень, смешанная со слюной, оказывала кровоостанавливающее и противовоспалительное действие при том, что траву давали жевать абсолютно здоровым ребятам. На подобный "тампон" накладывалась повязка, сплетенная из травы, которую тую затягивали. Готово. К изумлению Долфа, случаев заражения крови не было. Прошло немного времени, и Долф убедился, что службу милосердия можно полностью доверить Хильде ван Марбург. Привычка принимать решения и отдавать приказы была у нее в крови.

Не пришлось шагать пешком и Николасу: кто-то должен был править волами. Но когда оба монаха тоже вознамерились забраться в повозку, Долф за протестовал.

— Так вы не хотите разделить тяготы со своей паствой?! — вскричал он так, чтобы его услышали находившиеся вблизи.

Монахам, опасавшимся за свой престиж, не оставалось ничего, кроме как трусить за повозкой. Дон Ансельм полоснул Долфа злобным взглядом, и мальчик понял: отныне он приобрел заклятого врага. Долф тут же отогнал эту мысль — и без того хлопот достаточно, чтобы обращать внимание на лжемонаха.

Фредо, сын воина, знал толк в подготовке защитников. Долф потихоньку называл эти отряды "боевиками". Ребята с азартом принялись за изготовление стрел, луков, дубинок. Каролюс обучал их стрельбе, Леонардо показывал, как орудовать дубинкой, попадая точно по цели. Мальчишки, настроенные по-боевому, несли по ночам вахту на подходе к огромному лагерю, каждые два часа сменяя друг друга. А днем они то и дело появлялись в разных концах растянувшегося на

многие километры шествия, утихомиривали забияк, прикрывали голову и хвост колонны, отгоняли зверье. Но страшнее хищников все-таки были люди. Рассерженные крестьяне опасались, как бы многотысячная толпа не вытоптала их посевы, не опустошила поля. Иной раз обедневшие дворяне норовили выкрасть детей, чтобы затем выгодно продать их или самим поживиться дармовой рабочей силой. Подозрительные личности, неизвестно с какими намерениями, терлись среди детей. Теперь отряды стражников держали всех на расстоянии, и ребята наконец почувствовали себя в относительной безопасности.

В то же время сами "боевики" были далеко не образцом поведения. Парни, получив оружие, поддавались соблазну покуражиться над младшими и более слабыми. Но каждый был уверен: стоит пожаловаться Леонардо — и он защитит.

Долф при постоянной дружеской поддержке Леонардо, совершенно не стремясь к тому, стал подлинным руководителем похода. Он принес из двадцатого века нечто дотоле неведомое большинству этих ребят: сознание ответственности за ближних, чувство долга, которое он, дитя своего времени, впитал с младенчества. Для него все дети были равны. Он не делал различий между крепостными и знатью, вольными горожанами и бездомными нищими. Всякого оценивал по его достоинствам. Ребята знали: если ты наделен хоть каким-нибудь талантом, тебе непременно дадут попробовать силы в любимом деле. Именно так Петер, с рождения влакивший жалкое существование крепостного, стал признанным командиром рыбаков. Он щедро делился со всеми умением плести рыболовные снасти, издалека распознавать подводные течения, выдававшие, где прячется рыба. В команду рыбаков набирали только тех, кто умел плавать. Они вносили заметную лепту в дневной рацион путников и потому пользовались всеобщим уважением.

Каролюс, главный стрелок, подобрал в помощники Эверарта и мускулистого Берто, а теперь со свойственным ему пылом тренировал свою команду. Стрелки трудились на славу. Они понимали, что это занятие

можно счесть браконьерством, которое признавалось одним из тягчайших преступлений того времени, и старались не попадаться на пути охотничьих выездов знати. А это удавалось далеко не всегда. Бывало, что ребят догонял разъяренный лесник, настигали скорые на расправу крестьяне или их взбешенный господин. Тут уж спасало только бегство, если, конечно, маленький Каролюс, пустив в ход все свое красноречие и знание придворных нравов, не убеждал мечущего громы и молний владельца угодий, что Господь повелел пилигримам кормиться всеми плодами, которыми изобилует его земля. Через некоторое время юные охотники стали действовать хитрее, благополучно избегая хозяйствской мести, поскольку колонна продвигалась все дальше и можно было не опасаться, что их схватят дважды на одном и том же месте.

Долф не забывал о том, что через неделю-другую им предстоит пробираться по изрезанной горами местности. Он с ужасом смотрел на разбитые в кровь босые ноги ребят. Своими опасениями Долф поделился с Франком, сыном кожевника. Тот сразу смекнул, что от него требуется. Теперь с наступлением сумерек ребята принимались свежевать дневную добычу Каролюса и его стрелков. Копили ворохи мягких кроличьих шкурок, бобровых, заячьих шубок, шкуры косуль и оленей. После захода солнца сотни мальчиков и девочек старательно скоблили и вымачивали их, затем по трафарету резали и сшивали заготовки. Работа не из легких, тем более что инструмента не было и в помине. Зато смекалки не занимать! Девочки научились плести тонкие прочные нити из волокон растений. Куда только не сгодились самодельные нитки: теперь можно было вязать рыболовные сети, тачать обувь, латать одежду. Пошла в дело и древесная кора, обтянутая кожей. Самодельная обувь оказалась незаменимой для покалеченных, израненных ног.

Помимо того, что ухитрялись добыть команды охотников и рыбаков, изрядная толика съестного перепадала от жителей окрестных городов и сел.

Хотя сообщение между поселениями в те времена было непростым, новости и слухи разлетались с непо-

стижимой быстротой. Весть о беде, постигший Спирс, мгновенно разошлась по всей округе. За восемьдесят миль от злосчастного города люди повторяли историю о том, как жестоко обошлись зажиточные горожане с детским воинством, и как в одну ночь громы небесные заставили их поплатиться за бессердечие. Лишь горячие молитвы маленьких пилигримов спасли город от полной гибели.

Это известие поразило воображение людей, и теперь, едва лишь процессия крестоносцев показывалась вдали, горожане, торговцы, землепашцы спешили детям навстречу — в надежде щедрыми дарами откупиться от гнева всевышнего. “Боевики” из команды Фредо строго следили за тем, чтобы вся снедь, принесенная днем, сберегалась до вечера. По заведенному порядку есть разрешалось только на привале, а притянуть для себя что-нибудь вкусное считалось большиным грехом.

— Все мы, — твердил Долф, — идем одной дорогой, и цель у нас одна, а это значит, что мы тоже равны. Тот, кто присваивает себе больше, чем надлежит, грешит против законов нашего воинства и недостоин увидеть стены Иерусалима.

И ребята хорошо понимали его.

Они приближались к Страсбургу берегом Рейна. Вypadали нелегкие дни, когда солнце пряталось за тучи, промозглый ветер свистел над холмами, вода в реке бурлила и пенилась, а ловить рыбу становилось опасно. В такие дни сырость и холод особенно донимали плохо одетых детей. Особенно тревожило растущее число больных. Как тут не утратить веру в высший смысл всех этих испытаний, когда ноги целый день — шлеп-шлеп-шлеп — месят грязь, негде высушить промокшие лохмотья, а костер, чтобы приготовить еду, с таким трудом разжигаешь сырьими дровами. Но именно в эти минуты ребята видели Кароляса, который представлял перед ними в своем нарядном плаще, в сапожках из оленьей кожи, опоясанного серебряным кушаком. В самые тягостные дни маленький король, казалось, излучал энергию. Только что его видели в одном месте, и вот он уже в другом конце колонны. Он покрывал

двойное расстояние, словно молодая гончая: утешал дрожащих, плачущих детей, которые, сотрясаясь от кашля, едва передвигали распухшие ноги, закутывал в плащ окоченевшего малыша. Ловкие пальцы Каролюса быстро сплетали тонкие веточки с длинными побегами травы — получался своеобразный навес. Взявшись за концы такой крыши, четверо ребят вполне могли укрыться от потоков ливня. Глядя на Каролюса, остальные тоже перенимали это искусство. Долф смотрел на вереницу мальчиков и девочек, которые с песнями шлепали по лужам, по четыре в ряд, раскинув над собой плетеные навесы, и не мог сдержать улыбку. Маленький Каролюс стал ему теперь еще ближе.

Однажды прохладным, но сухим днем юный король со своим отрядом отправился на охоту. В лесной чаще ребята нашли трех овец, отбившихся от стада. Каролюс не позволил убивать их. Овцем торжественно доставили в лагерь.

— Мы будем стричь их, а девочки наткнут шерсть, — объяснил он Николасу. — Вот из чего надо шить одежду.

— А мясо зажарим, — без промедления отозвался Николас.

Каролюс решительно взразил:

— Нет уж, оставим их, пусть идут с нами. Большие расстояния овцам не страшны.

— Хочу, чтобы их закололи, — упрямился Николас в предвкушении жаркого.

Охота в тот день не удалась, местность была безлюдной, и Каролюс велел позвать Долфа. Несмотря на то, что походом распоряжался Николас, маленький король гораздо больше доверял Рудолфу ван Амстелвеен. Разобравшись в споре, Долф горячо поддержал Каролюса.

— Разумеется, мы сохраним животных, — громко, чтобы все слышали, заявил он. — Лишь в самом крайнем случае, если в горах нам будет угрожать голод, заколем их на мясо.

Николас вовсе не был глуп, а его невежество объяснялось тем, что всю жизнь его учили только двум вещам — молиться и пасти овец. Рослый парень из

северных краев внушал ему страх. Николасу было известно, что в течение непродолжительного времени Долф приобрел множество друзей, готовых пойти за ним в огонь и воду. Отметил Николас и то, что, благодаря новшествам, заведенным Долфом, потери в стане крестоносцев сильно уменьшились, а беспорядочную толпу в какие-нибудь несколько дней заменили хорошо организованные отряды, где каждый отвечал за порученное ему дело. Николас терялся в догадках. Как объяснить превосходство этого чужеземца, почти мальчишки? Что он хочет сказать своим девизом: "Один за всех, все за одного?" Суеверный Николас понимал только, что с такими людьми, как Долф, не считаться нельзя и упаси Боже перечить им. Овцы были временно спасены.

В этот вечер Николас состригал густую овечью шерсть — занятие, привычное для него. Шерсть легко отделялась и аккуратно ложилась на землю. Затем девочки, мастерицы прядь, как следует промыли, вычесали ее и распределили между собой. Долф с любопытством наблюдал за движениями прях. Каждая намотала клок шерсти на спицу, зажатую в левой руке, и, аккуратно теребя нити, скатывала их между пальцами в одну толстую нитку, которая была гораздо прочнее, чем казалось на первый взгляд. Подружка подхватывала эту нитку и снова наматывала на спицу, пока не получался толстый клубок.

"Разве так прядут шерсть? — мысленно удивился Долф. — Я-то думал, что без прялки не обойтись". Мысль о том, что прялка еще не была изобретена в тысяча двести двенадцатом году, не сразу пришла ему в голову. Прядь шерсть таким образом можно было и на ходу, не замедляя движения.

Оба монаха и Николас все время торопили ребят. Любое промедление раздражало их. Теперь, когда никто не отставал от колонны, больных везли на повозке да и время не уходило на поиски еды, как было прежде, они шли быстрее. В отряде Каролюса собирались отличные ходоки, им ничего не стоило догнать процессию, когда все уже расположились на привал и устраивались на ночлег. Долф постановил заканчивать

дневной переход к четырем часам пополудни. Святые отцы было запротестовали, в особенности Ансельм, требовавший продолжать путь до захода солнца. И вновь большинство ребят поддержали Долфа: к исходу дня они совсем выбивались из сил и мечтали только об отдыхе да о том, чтобы поскорее заняться своими делами на досуге, ну и, конечно, ждали ужина. Рыбаки спускались к воде, охрана расставляла шатер, распрягала и кормила волов, а сборщики хвороста рассыпались по лесу.

К тому времени, когда костры ярко разгорались, рыбаки могли похвастаться первым уловом, вскоре спевали и охотники со своей добычей. К семи часам вечера с едой было покончено, и ребята спешили употребить оставшееся до захода солнца время на свои занятия: кто прядал шерсть, обрабатывал кожи, кто стирал и чинил одежду, а кто-то мастерил оружие. Долф всячески поощрял купание в реке, теперь это было не опасно: за малышами приглядывали опытные пловцы-рыбаки.

Спустя короткое время они подошли к Страсбургу, жители которого устроили детям радушный прием, накормили и помогли, чем только могли. Больных ребят поручили заботам горожан. По массивному деревянному мосту процессия пересекла Рейн. Теперь предстояло взять направление восточнее, пройти долину реки Кинциг и, переправившись через Дунай, выйти к Боденскому озеру. Ансельм не раз еще пробовал отговорить Долфа от избранного маршрута и, чтобы сократить путь, повернуть на Монт-Сени вместо долгого перехода через Баварию. Но Долф и слушать не хотел.

— Если вам не терпится попасть в Геную, выбирайте дорогу, по которой можно провести детей, а не ту, что наверняка погубит их, — не сдавался Долф.

И тогда он задал себе вопрос: “В чем причина спешки Ансельма? Стоит июль, у нас в запасе еще три месяца, чтобы перевалить через горы”. Но вслух ничего не сказал и расспросов затевать не стал. Он запомнил предостережение Леонардо.

Зато с Йоханнесом Долф легко нашел общий язык.

Неунывающий монах умел в трудные минуты поднять настроение ребят. Малыши обожали Йоханнеса и слепо верили ему, тогда как дон Ансельм пугал их своим колючим взглядом и суровостью тона.

“Пусть этот Йоханнес и плут, — размышлял Долф, — но, по крайней мере, симпатичный”.

Они вступили в Шварцвальдский лес. Высоко над головами ребят вздымались поросшие лесом горные кручи. Горный массив перерезала небольшая прозрачная речушка Кинциг, в которой плескалась форель. Долф все еще не мог смыкнуться с первозданной красотой природы. Его поражала и кристально чистая вода необыкновенного вкуса, и великое множество запруд, в которых гнездились целые семейства бобров, леса, изобилующие дичью. Животные здесь не боялись людей и становились легкой добычей стрелков. Охотничьи вылазки — отличная возможность покрасоваться своей ловкостью — вызывали неизменный восторг ребят. Сам Долф никогда не принимал участия в экспедициях под командой Каролюса, Эверарта и Берто. Он понимал, что без охоты им не обойтись, но как же больно смотреть на убитую молодую косулю, на кролика с размежженной головой!

В Шварцвальдском лесу становилось труднее прокладывать путь. Зелень и фрукты вовсе исчезли из рациона ребят. Марике, не знавшая никакого ремесла, потому что ей негде было научиться, тоже хотела заняться полезным делом. Она подружилась с Фридой, крестьянской девочкой, которая выросла среди полей и лучше всех разбиралась в съедобных ягодах, травах, кореньях. Девочки вместе собирали ягоды, заготавливали впрок богатые витаминами растения и целебные травы. Они, конечно, не подозревали о существовании витаминов, но Марике приходилось слышать, как Долф сетовал на нехватку зелени и фруктов. Одного этого было для нее достаточно, чтобы увериться в их необходимости. Хильда скоро оценила своих добровольных помощниц, которые приносили ей лечебные травы, снимавшие жар у больных.

Долф обычно не покидал лагеря и потому не имел представления об опасностях, которым подвергались

ребята на охоте. Маленький Каролюс, всегда помнивший о своем знатном происхождении и царственном будущем, стремился к рискованным приключениям, чреватым несчастными случаями. В здешних лесах попадались кабаны — они кочевали с места на место громадными стадами: самки и детеныши под защитой тяжеловесных самцов с мощными клыками. Мясо кабанов отличалось отменным вкусом, и ребята, поощряемые Каролюсом, не раз дерзко атаковали лесных исполинов, расплачиваясь за этоувечьями. Однажды вечером охотники на руках принесли Берто в лагерь. У мальчика было распорото бедро. Хильда побледнела от ужаса, но решительности у нее не убавилось. Поздравив Рудолфа, она сказала:

— Нужна помощь, будем зашивать рану.

Берто положили на импровизированную постель из еловых лап, четыре парня крепко держали его. Собравшись с духом, Хильда вонзила в кожу хорошо промытую иглу, стянула края раны и плотно соединила их крепкими волокнами. Берто скрчился от боли, но не издал ни звука. Каролюс, стоявший рядом, плакал навзрыд.

— Он спас мне жизнь, — сбивчиво объяснял маленький король. — На меня набросился кабан, но Берто выскочил вперед и поддел его копьем, да копье обломилось.

— Рана не такая тяжелая, как кажется на первый взгляд, — утешал его Долф. — поверь мне, Каролюс. Конечно, кровь хлещет так, что страшно смотреть, но зато рана очистится. Вот увидишь, скоро Берто пойдет на поправку.

С этого дня Долф запретил охоту на кабанов: слишком уж она была опасна. Но не всегда удавалось увернуться от случайной стычки со стадом.

Особенно опасны были рыси. Дикие кошки редко первыми нападали на человека, но случалось, самка, охранявшая детенышней, пугалась шума приближающейся толпы и в панике кидалась на людей. Разъяренная рысь могла растерзать ребенка.

Путь вдоль берега реки пролегал по неровной тропинке, порою настолько узкой, что возок застревал на повороте. Ребята, наваливаясь, толкали повозку, еже-

минутно угрожавшую перевернуться и скатиться в реку, в объезд каменистых выступов и громадных валунов. Больные на время сходили на землю; с повозкой случалось провозиться по несколько часов. Донимали ребят не только разбойники, но и крестьяне из прибрежной долины, угольщики, бродяги: у всех этих людей был повод опасаться крестоносцев. Вот тут-то "боевики" показали, на что они годятся... Долф не мог дождаться того момента, когда горные отроги останутся позади.

ЧУДО ХЛЕБОВ

Нропессия остановилась у Ротвайля, города на берегу реки Некар, который немедленно запер свои ворота перед целой армией детей. Слух о бедствиях, постигших Спирс, по-видимому, еще не достиг здешних мест. Возможно, однако, и другое: прослышиав об этом, горожане сочли рассказ пустой выдумкой. Стоял пасмурный вечер, дождь то стихал, то принимался на крапывить снова. На покатом склоне холма неподалеку от города разбили лагерь. Маленькая делегация — Николас, дон Ансельм и Петер — отправились вести переговоры с городскими властями. Долф, по обыкновению чем-то занятый в дальнем конце лагеря, не пошел с ними. Он едва успел заметить, как совещаются монахи и Николас, а тех уже и след простыл. Только Петер сумел пристроиться к ним — он хотел обратиться к горожанам от имени всех тех, кто не принадлежал к знатной верхушке этого похода. Ансельм сообразил, что нищенские лохмотья мальчишки скорее возбудят сочувствие горожан.

Николас сразу испортил все дело. Подогреваемый Ансельмом, он непрестанно твердил о своей священной миссии, был заносчив со старшинами и настоятелем собора. Это еще могло бы произвести впечатление, не вмешайся монах с угрозами и требованиями тотчас же обеспечить провиантом лагерь маленьких

крестоносцев, стоящих под стенами Ротвайля. Охотиться близ крупного города невозможно; надежды на улов тоже никакой: весь промысел рыбы в дунайских водах давно уже отдан на откуп местным жителям. Детям оставалось кормиться тем немногим, что удалось сберечь в пути, но эти жалкие крохи все равно не могли насытить восемь тысяч голодных ртов. Расчитывая на гговорчивость горожан, Ансельм напророчил детям изобилие съестного к исходу дня, и теперь упрямство жителей Ротвайля толкнуло монаха на необдуманный шаг. Он вскричал:

— Господь покарает тех, кто отказывает святому воинству в помощи и хлебе наущном!

Настоятель еще раз внимательно вгляделся в монаха и лишь пожал плечами:

— Мы не позволим разным мошенникам запугивать себя. Что же до пожара в Спирсе, то не ваших ли собственных это рук дело? Если среди вас имеются тяжелобольные, привезите их в город, мы позаботимся о них. Но вы глубоко заблуждаетесь, полагая, что наш город столь богат, чтобы прокормить восемь тысяч странников. Да, урожай еще не убран с наших полей, но они под надежной охраной. Берегитесь, если мы заметим, что дети крадут зерно или скот. Стражникам незамедлительно будет дан приказ образумить их градом стрел. Советую подумать об этом.

Ротвайль, воздвигнутый на вершине холма и обнесенный прочными крепостными стенами, простирая свое господство над всей долиной. Ансельм и Николас смекнули, что поживиться за чужой счет здесь не удастся. Из окошка башни, в которой происходила беседа, хорошо просматривались окрестные поля и луга, и повсюду неусыпную службу несла бдительная стража. Оно и понятно: Ротвайль располагался на плодородных, но неспокойных землях — среди горных отрогов и холмов находили пристанище бродяги и разного рода искатели приключений. Лишь воинственные приготовления жителей удерживали их на безопасном расстоянии. Городские старости подтвердили слова настоятеля о том, что отныне стражники не спустят глаз с маленьких крестоносцев.

— Побойтесь гнева Господнего! — Ансельм вновь попытался прибегнуть к угрозе, но его слова не оказали никакого действия на присутствующих.

— Нам нечего бояться, — отвечали отцы города.

Они уже успели посмотреть на небо и поняли, что нынешней ночью им не страшна гроза. А назавтра дети продолжат путь. Нет, нет, город не желает иметь ничего общего с этим крестовым походом.

Петер, тихий, задумчивый Петер, неожиданно вмешался в разговор. В самых почтительных выражениях он обратился к старейшинам с просьбой принять четверых больных, которых мучила лихорадка.

— Я пришлю нашего костоправа взглянуть на них, — пообещал настоятель.

Преодолевая робость, Петер напомнил настоятелю о данном только что согласии принять тяжелобольных на попечение горожан. Оспаривать собственное заявление, сделанное при свидетелях, почтенный муж не решился.

— Хорошо, привезите больных.

Петер низко поклонился, сохраняя непроницаемое выражение лица.

Делегация возвратилась в лагерь с пустыми руками. Выслушав рассказ Петера о переговорах в башне, Долф проникся благодарностью к парнишке, который сумел-таки уговорить горожан. Четверо малышей были настолько плохи, что Долф опасался за их жизнь. Они метались в жару, не в состоянии даже проглотить настой из трав, которым их пыталась напоить Фрида. Что же с ними приключилось? Долф терялся в догадках. “Навряд ли они выкарабкаются, так пусть хотя бы встретят свой смертный час в постелях, а не в тряском возке, не на ухабистой дороге, где их придется похоронить”, — размышлял Долф.

Берто и еще несколько мальчиков, пострадавших на охоте, категорически отказались покинуть лагерь. Раны быстро затягивались, и ребята уже могли передвигаться самостоятельно. Долф велел Франку, с которым он очень подружился, вновь запрячь волов и отвезти больных малышей в город. В последнюю минуту он передумал и сам вскочил в повозку. Они доставили

детей в монастырский приют, где больных поместили в огромную палату под присмотром одного из служителей.

— Гони обратно, — бросил Долф, — а я пока тут осмотрюсь.

— Чего тут смотреть? — Франк удивленно поднял брови. — Ротвайль — это тебе не Кельн.

— Согласен, но мы с тобой находимся все-таки здесь, а не в Кельне, — с улыбкой ответил Долф, и Франку нечего было возразить.

К этому времени Долф с легкостью объяснялся на древнегерманском наречии, и потому без колебаний отправился в экспедицию по средневековому Ротвайлю. Город выглядел именно так, как он его себе и представлял: запутанные кривые улочки, кое-где соединенные переброшенной над ними аркой. Кварталы ремесленников, которые занимались своим делом прямо на улице под навесом. Время близилось к семи часам вечера. Многие горожане сидели за трапезой, хотя народ по-прежнему заполнял улицы, столь узкие, что четверо прохожих уже создавали видимость людского скопления.

Люди таращили глаза на Долфа — его джинсы, свитер, обувь из кожзаменителя привлекали всеобщее внимание. Но главное — выражение лица, которое никак не подходило человеку средневековья. Нищие хватали его за рукава, выпрашивали милостыню. Вид их был ужасен. Калеки, слепые, увечные... Долф, содрогнувшись, ускорил шаг — ему нечего было подать им. Ноги сами привели его на улочку ювелиров и оружейников, и, завороженный, он застыл у входа в одну из лавок. Собственный нож Долфа, который и теперь торчал у него за поясом, сослужил ему за эти две недели хорошую службу. Но можно ли вообразить что-нибудь более прекрасное, чем этот богато отделанный кинжал в кожаных ножнах?

Он спросил оружейника о цене. Кинжал стоил двадцать серебряных монет. Долф вздохнул. У него не было ничего. А что, если...

Он вспомнил про кошелек с деньгами, засунутый в задний карман джинсов. Как же он сразу не сообразил! За все четырнадцать дней мысль о деньгах ни разу

не приходила ему в голову. Впрочем, что толку здесь от голландских гульденов, рейксдаалдеров и кваартье?* Тем не менее он важным жестом достал кошелек, нащупал в нем один из двух рейксдаалдеров и показал монету торговцу. Тот лишь издевательски ухмыльнулся:

— Целая серебряная монета — подумаешь, богатство! Двадцать серебряных динариев — и кинжал твой. — Но что-то в этой монете привлекло внимание торговца. — Откуда деньги?

— Из Голландии.

— Никогда не видел голландских монет. Если хочешь обменять их, отправляйся на соседнюю улицу, найдешь там лавку старого еврея.

Долф так и поступил. Спустя немного времени он стоял в темном коридорчике лавки. В голове у него складывался дерзкий план. Нет, он не собирался покупать кинжал, но...

— Я хочу обменять эти деньги на монеты, которые в ходу у вас, — заявил Долф, выкладывая на стол два рейксдаалдера и три гульдена.

Старик с интересом склонился над ними:

— Что это за деньги? Я таких не знаю.

— Из Голландии.

— Ты говоришь, они серебряные? — недоверчиво спросил меняла.

— Нет, — отозвался Долф, — это не серебро. Наши алхимики открыли металл, который прочнее и дороже золота, не говоря уже о серебре. При дворе графа Виллема состоят три алхимика, которые и поставляют ему этот чудесный белый металл. Из него у нас отливают монеты, которые не гнутся и не плавятся, никакой нож их не возьмет. В северных краях такие монеты ценятся очень дорого. Датчане, так те вообще пригоняют в голландские порты корабли, груженные кожами и драгоценными камнями, чтобы обменять свой товар на наши монеты.

Поверил старик или нет? Меняла продолжал всматриваться в монеты, изучая профиль королевы.

— Кто это?

* Названия голландских монет.

— Святая Юлианна, покровительница Голландии, — выпалил Долф.

Необыкновенные металлические кружочки, прочные, идеально ровные, с выбитыми по краю словами “Да пребудет с вами Бог”, поблескивали в лучах заходящего солнца. Старый меняла поддался искущению.

— Я дам тебе за нее десять динариев, — не очень уверенно произнес старик, пробуя монету на зуб. Она была такой прочной, что и самый острый нож не оставил бы царапины на ее поверхности. Старик не знал, что и подумать. Откуда в бедной Голландии взяться этим чудесным монетам?

— Пятьдесят динариев за пять таких монет, — невозмутимо подытожил Долф, прекрасно понимая, что меняла совсем не то хотел сказать.

— Ты потерял рассудок!

Долф горделиво выпрямился, опершись рукой на рукоять ножа, и свысока бросил:

— Как ты смеешь так говорить со мной, торговец? Я Рудолф Вега ван Амстелвеен.

— Конечно, конечно, благородный господин, — за-бормотал старик, весь съежившись, — прости меня, я всего лишь старый бедный еврей. Через наш Ротвайль торговые караваны не проходят.

— Так выбери себе другое место, — небрежно заметил Долф.

Старик печально смотрел на него. Ростом он был заметно ниже мальчика.

— Разве я сам бы не хотел бы поселиться в другом месте, благородный господин? Ты ведь знаешь, это невозможно.

Он грустно покачал седой головой, и Долф позабыл о роли надменного рыцаря. Его мучили угрызения совести. Он знал, что и в его время люди, охваченные безумной ненавистью, истребляли евреев. Это было еще до рождения Долфа, но век-то был все тот же, просвещенный двадцатый век. В далекой древности еврейскому народу, видно, тоже приходилось нелегко, если нельзя было даже переселиться в другое место. И он-то хорош — пугает несчастного старика, выманивает у него деньги.

Но воспоминание о тысячах маленьких голодных путников вернуло Долфу железную решимость.

— А ну-ка скажи, — продолжал он, напустив на себя свирепый вид, — сколько хлебов можно купить в Ротвайле на один динарий?

Старый еврей захихикал, словно услышал хорошую шутку.

— Штук пять можно, знатный господин.

— И больших?

Старик широко расставил руки.

— Не знаешь ли ты человека, который возьмется испечь их за одну ночь?

— Гардульф может, — после некоторого раздумья ответил меняла.

— Решено. В таком случае я отдаю эти деньги Гардульфу.

Пальцы старика тут же накрыли монету.

— Ах, благородный господин, разве Гардульф понимает в деньгах? Он простой булочник, к тому же по-томок чужеземца.

— Не имеет значения. Мне требуется великое множество хлебов. Там в долине, у костров, их ждут тысячи голодных детей.

— Ты хочешь купить еду для них? — изумился еврей. — Как так?

— Просто сердце мое еще не очерствело, подобно сердцам жителей Ротвайля.

Слова Долфа, казалось, забавляют старика. Он вновь пригнулся над столом, изучая монеты. Спина его тряслась, как будто меняла с трудом подавлял приступ смеха.

— Это все, что у тебя с собой, благородный господин?

— Есть еще мелочь.

Десяти- и двадцатипятисентовые монетки, два пятаца полетели на стол. Меняла проворно сгреб их и углубился в созерцание. С каждой монеты на него смотрела святая Юлианна, все так и есть. Особенно заинтересовали старика бронзовые монетки, на которых явственно проступала цифра 5.

— Это меч святой Юлианны, воздетый в защиту

голландцев, — с самым серьезным видом пояснил Долф.

Старый еврей сложил деньги в кучку и задумчиво произнес:

— Ладно, даю тебе за все вместе пятнадцать динариев из уважения к твоему знатному роду и к тому, что ты проделал дальний путь. Это чистое разорение для меня и моего семейства, но тебе я не могу отказать.

— Двадцать, — не уступал Долф. Сердце его выбивало барабанную дробь.

— О знатный юноша, у тебя доброе сердце, ты не станешь губить бедного еврея! — вопил Меняла.

“Помолчи, старик, — мысленно взмолился Долф, — и без того тошно вымогать у тебя эти деньги, но не могу я иначе...”

— Сделка не состоится, — жестко сказал он. — Покажи мне дорогу к булочнику.

Меняла не собирался выпускать из рук необычные, колдовские монеты и еще долго пытался сторговаться, но Долф, взваливший на свои плечи тяжкое бремя ответственности за все ребячье войско, стоял на своем.

Наконец он получил свои двадцать динариев, сложенные в кожаный мешочек, не зная толком, как поступить с тяжеловесными серебряными монетами. Взамен он отдал еврею ставший теперь ненужным кошелек, чем доставил старику немалую радость.

Скорее к булочнику Гардульфу!

Булочник уже погасил огонь в печи и сидел за вечерней трапезой в кругу домашних. Долф, свалившийся к ним, словно снег на голову, скороговоркой выпалил придуманное тут же приветствие, назвал свое имя, которое произвело обычное действие, и заказал булочнику восемь сотен самых больших хлебов, которые он только может испечь. Притом испечь немедленно! Он, Рудольф ван Амстелвеен, готов выложить булочнику двадцать серебряных динариев за эту работу.

— Цена маловата... — сокрушался ремесленник. — Поди испеки такую уйму всего за одну ночь. Вот-вот вечерний колокол пробьет сигнал тушить огни. Подмастерьев у меня только двое, да и те уже спят. Сжался

над нами, благородный господин, не накликай на нас беду.

Гардульф отличался своеобразной внешностью: рыжеволосый, зеленоглазый, с очень светлой кожей. За столом позевывали четверо таких же рыжеволосых малышей с мечтательными зелеными глазами.

— Ничего не поделаешь, добрый булочник, — твердо сказал Долф. — Неподалеку от города прямо под открытым небом стоят лагерем восемь тысяч голодных детей. Они призовут на твой город громы небесные, если город не накормит их.

— Ах, благородный господин, у нас никто не верит этим басням. Люди говорят, какой-то монах рассказывал о пожаре в Спирсе, но говорят также, что этот монах — большой мошенник...

Долф повелительным жестом поднял руку, призываая ремесленника замолчать:

— Ты прав, булочник Гардульф, но разве можно из-за одного пройдохи, который плетет небылицы, обречь на голодные муки восемь тысяч ни в чем неповинных детей? Взгляни-ка сюда.

С этими словами он вытряс содержимое кожаного мешочка на стол, над которым склонились четыре золотистые головки.

— Все это ты можешь заработать за одну ночь, булочник.

Хозяин дома впился в серебро жадным взглядом.

— Но мои слуги заснут у очага — они трудились с раннего утра и допоздна... Старшина гильдии не позволяет нам...

— Добрый человек, все это мне известно, — быстро подхватил Долф (хотя на самом деле это было не так), — поднимай слуг, я сам буду помогать тебе. Вот этими руками я могу многое, особенно если ты мне как следует объяснишь.

Булочник не отрывал взгляда от поблескивающих монет.

— А где я сейчас возьму дрова? — бубнил он. — Нужен воз, не меньше.

— Через час у тебя будет целый воз дров, я позабочусь об этом.

Долф пожалел, что отослал назад повозку.

— Слушай внимательно, булочник Гардульф, — сказал он. — В знак своего доверия оставляю тебе две серебряные монеты. Я ухожу, чтобы привезти тебе дрова до вечерней стражи. Начинай замешивать тесто, я скоро вернусь.

Он собрал остальные монеты в мешочек и выбежал из дома, оставив булочника и его семейство в полном недоумении.

Первым делом он договорился с привратником Западных ворот, чтобы тот пропустил телегу с дровами, даже если она не поспеет до того времени, как пропьет сигнальный колокол. После этого Долф со всех ног примчался в лагерь и позвал своих друзей.

— Соберите всех, кого найдете. Нужно доверху загрузить повозку дровами для булочника Гардульфа. Сегодня ночью он испечет нам хлеб.

Что тут началось! Каролюс тотчас убежал, за ним скрылись Франк, Леонардо и Фредо.

— Ташите дрова! — послышался издали отрывистый приказ Фредо. — Дрова нужны, чтобы испечь нам хлеб.

Услышав эту новость, не меньше сотни мальчишек рассыпались по лесу. Только Петер остался с Долфом.

— Что с тобой, Петер? Почему ты не пошел с ними?

— Как ты повезешь дрова в город?

— На повозке, разумеется.

— Нельзя ее трогать — там пятеро больных.

— Ты забыл, что мы отвезли больных в город? Постой, неужели заболели еще пять?

Петер мрачно кивнул.

— Все малыши, и хворь у них та же самая: горло опухло, жар, красные пятна.

“О Господи, — в полном отчаяния подумал Долф, — это же самая настоящая эпидемия. Было четыре, теперь еще пять — сколько их будет завтра? Что это за инфекция, а может быть, вирус?”

Словно в поисках ответа, он взглянул на застывшее лицо Петера.

— Тебе знакома эта болезнь? Часто ли она встречается?

— От нее умирают маленькие дети.

— Только маленькие?

— Они чаще.

Значит, какая-то заразная болезнь — одна из тех, которые победил двадцатый век. Что же делать? С чего начать?

Так, сперва изолировать больных. Всех ребят, у кого обнаружатся подозрительные симптомы, собрать вместе и не подпускать к ним здоровых. Тогда можно поставить эпидемии заслон. “Им нужно питание, полноценное и обильное питание, — думал он с чувством безнадежности, — им надо восстанавливать и подкреплять силы, иначе с болезнью не справиться”.

Между тем он совсем позабыл о деле, ради которого вернулся в лагерь. Не задавая больше вопросов, он кинулся к повозке. Хильда как раз занималась уборкой, одного из больных рвало. Фрида помогала подруге.

На этой повозке, которая стала перевозчиком заразы, он собирался утром доставить в лагерь хлеб! Долф крепко схватился за колесо, подождал, пока не прошла внезапно охватившая его дурнота. Все, не выдержать ему больше эту ношу. Ведь он же обыкновенный мальчишка... Несчастье в том, что он слишком много знает и понимает, да еще жалеет этих ни в чем не повинных детей. Он всхлипнул.

— Ты нездоров, сын мой?

Голос, полный дружеского участия, прозвучал совсем близко.

Долф поднял глаза. Перед ним стоял святой отец. Нет, не дон Ансельм, не дон дон Йоханнес, хотя, как и они, этот человек принадлежал к ордену бенедиктинцев. Сам не зная почему, Долф уже понял, что это самый настоящий святой отец, не из той компании, которой неизвестно зачем понадобилось вести восемь тысяч детей через альпийские перевалы.

— Эпидемия начинается, — в отчаянии прошептал Долф, — помогите мне, святой отец.

— Что начинается?

— Тяжелая заразная болезнь, которая убивает маленьких детей.

— Дай мне взглянуть на больных, сын мой.

Они взобрались на повозку. Хильда испуганно посмотрела на них.

— Случилось что-нибудь?

Малыши лежали на голой соломе. Горячечный бред, пылающие жаром воспаленные лица... Казалось, их худенькие тельца сами источают жар.

— Да, — скорбно подтвердил монах, — плохо дело. Это Багряная Смерть.

— Как? Неужели чума?

Долф задохнулся от волнения. “Только бы не это!”

— молил он в душе.

Священник осенил себя крестным знамением и взглянул мальчику в лицо. Его голубые глаза светились добротой и милосердием.

— Нет, не чума, сын мой, а Багряная Смерть. Видишь, как покраснели лица детей?

Долф и сам заметил этот неизменный признак болезни, но поначалу решил, что алые пятна на лице вызваны высокой температурой.

— Они умрут?

— На все воля Божья. Те, что покрепче, могут поправиться — конечно, если за ними хорошо ухаживать.

— Я стараюсь, — тихо произнесла Хильда.

Она не расставалась со своими украшениями, но выглядела измученной. Сколько часов провела она сегодня на ногах возле больных, мучимых горячкой и рвотой!

— Оставайся здесь, Хильда, — попросил он, — и ты, Фрида, тоже. Держитесь подальше от остальных ребят. Я расставлю посты, чтобы никто не подходил к повозке; болезнь заразная.

— А мы как же? — испуганно спросила Фрида.

— С вами ничего не будет, — заговорил священник.

— Багряная Смерть страшна только малышам, а ребят постарше она обходит.

— Мне нужно отдать распоряжения! — воскликнул Долф и соскочил на землю.

К повозке уже со всех сторон тянулись ребята с охапками дров.

— Святой отец, скажите им сами, чтобы не приближались к больным, — обратился Долф к монаху.

Голова у него шла кругом.

— Для чего они собирают дрова?

— Дрова нужно отвезти в город, булочнику Гардульфу. Ночью он испечет нам хлеб. Я уговорил стражу пропустить повозку с дровами через Западные ворота.

— Ну что ж, так тому и быть, — молвил незнакомец и зашагал навстречу ребятам.

Долф смотрел ему вслед. Мальчишки с вязанками дров окружили священника, и тот вместе с ними направился к городским воротам. Облегченно вздохнув, Долф снова обратился к Хильде:

— Попробуй перегнать повозку подальше отсюда. Жди здесь и никого не подпускай.

Он мигом вернулся в лагерь и отыскал Леонардо. Едва дыша, рассказал другу о случившемся. К ним присоединился Фредо. Сообща ребята выкатили повозку за пределы лагеря и укрыли ее в лесной чаще. На безопасном расстоянии поставили вооруженную охрану, преграждавшую доступ к больным. Леонардо и Петер обошли спящих детей. Как только замечали у кого-нибудь на лице красные пятна или слышали жалобы на боль в горле (именно так начинался страшный недуг), малыша тут же переводили к отдельному костру, который тоже окружила стража. Собрав вокруг одного костра всех, у кого можно было заподозрить болезнь, Леонардо распорядился напоить их крепким настоем из трав. В течение получаса он привел в импровизированный лазарет еще шестерых детей с явными признаками заболевания.

— Нужно понаблюдать за ними, — сказал он Долфу.

— Предоставляю это тебе, — ответил мальчик. —

А я пойду в город: я обещал помочь булочнику.

— У него в доме есть маленькие дети?

Леонардо был как всегда, практичен. Долф вздрогнул, вспомнив о четверке веснушчатых рыжеволосых малышей.

— Я смою с себя всю заразу! — крикнул он и сбежал к реке.

Он вытряхнул карманы, сбросил одежду и нырнул в темную, обжигающе холодную воду. Вода покалывала лицо, плечи, руки тысячами ледяных иголочек, но она же приносила бодрость и возвращала силы. Потом он тщательно прополоскал одежду, долго отжимал ее и, влажную, снова натянул на себя. Бр-р-р! Распихал по карманам всевозможные мелочи и бегом помчался в город. Весь в поту, запыхавшийся, он остановился у Западных ворот. Стражник вначале отказался впустить его.

— А где же обещанная повозка? — недоверчиво проворчал привратник. — Вместо нее тут прошли уж полсотни человек с вязанками дров.

— Ты пропустил их? — робко спросил Долф.

— Ну да, но с условием, что они покинут город, как только доставят груз. Все ваши уже ушли. Правда, с ними был еще святой отец, а иначе я бы ни за что не позволил им пройти.

— Ты добрый человек, — сказал Долф. — Я хочу вознаградить тебя. Подожди-ка...

Он нашупал в кармане замечательную вещь. Чем набиты карманы пятнадцатилетнего мальчишки? Всякой всячиной. Долф нашел у себя моток веревки, слипшуюся карамельку, грязный носовой платок, мясную пачку жевательной резинки, коробку спичек и еще, к своему удивлению, маленького пластмассового человечка. Он и не помнил, как попала к нему эта безделушка. Величественным жестом достал он фигурку и вложил в руку изумленного стражника.

— Храни этот талисман, добрый человек, — сказал он, — это... святой Ян, он убережет тебя от дурного глаза.

Путь в город был открыт.

Отыскать улицу булочников в затихшем темном городе оказалось делом непростым. После долгих поисков он заметил дом Гардульфа совершенно неожиданно для себя. Сквозь ставни пробивалась полоска света. Облегченно вздохнув, он постучался в дверь.

— Наконец-то, долго ходишь, — проворчал булочник.

— Прости, что вышло так. У нас большое несчастье.
— объяснил Долф, к этому времени окончательно по-
забывший о своей роли молодого аристократа.

— Что с твоей одеждой?

— Упал в воду.

Покачивая головой, Гардульф повел мальчика в пекарню. Там, к неописуемой радости, Долф увидел Франка, рьяно месившего тесто. Ученики, которых тоже подняли, старались вовсю.

— Я тут решил помочь немногого, — просто сказал Франк, и Долфу захотелось обнять мальчишку.

Он сбросил мокрый свитер, который хозяин тут же повесил сушить, и принялся за дело.

Для того, чтобы замешивать тесто, требовалась не-
дюжинная сила. Своими мускулистыми ручищами Гар-
дульф за один час успевал сделать больше, чем оба
мальчика вместе, но булочник не пенял им. Он видел,
что ребята, и без того непривычные к такому труду,
едва держаться на ногах.

На исходе ночи из печи показались первые поддоны с темным, золотисто-коричневым хлебом. Вскоре они уже не помегдались в тесной пекарне, и слуги составляли их за дверью. Долф наблюдал, как растет гора свежего хлеба, думая лишь об одном: “Детей надо накормить, я не позволю им заболеть, а значит, их надо как следует кормить”.

Франк побледнел от напряжения. Долф чувствовал себя немногим лучше. Когда подмастерья вынимали из печи последние булки, Гардульф спросил:

— Деньги у тебя с собой?

Долф молча протянул свой мешочек и увидел, как загорелись глаза булочника. Может, сумма все-таки непомерно велика? Впрочем, какая разница! Главное, сытный завтрак для изголодавшихся детей готов.

— Будешь грузить их на телегу? — продолжал булочник.

В пекарню заглянула жена Гардульфа. Она принесла ребятам теплого молока с булочками. Мальчишки выложились так, что им кусок в горло не лез, и мечтали хоть немного поспать, но, пересилив себя, попробовали угощение. Оказалось очень вкусно...

— Телега... — пробормотал Долф, когда до него наконец дошел смысл вопроса, — нет, с повозкой все. Франк!..

— Понятно, — зевая, отозвался тот, — иду в лагерь за ребятами, пусть помогут донести.

Спустя час целая сотня ребят явилась в город за свежеиспеченными хлебами. Донельзя гордые тем, что они сумели обойтись без подачек скаредных горожан, ребята шествовали со своей ношей по улицам Ротвайля. Редкие в этот утренний час прохожие останавливались, разинув рот. Город полнился слухами. Утверждали, что ночью с небес спустился ангел и даровал детскому воинству сотни хлебов...

Долф не спешил возвращаться с ребятами. У него еще были дела в городе. Почти не чувствуя под собой ног, он добрался до монастырского приюта и сообщил послушнику, ходившему за больными, что на детей обрушилась Багряная Смерть. Страх отразился на лице монаха. Один из больных скончался той же ночью, двоим полегчало, и еще один навряд ли протянет до вечера.

— Только хороший уход поможет им выкарабкаться, — произнес Долф севшим голосом. — И еще: прошу тебя, никого не подпускай к ним и смотри, чтобы старшие держались подальше от младших.

— Зачем ты принес болезнь в наш город, юноша? — скорбно ответствовал монах.

— Еще вчера мы не знали об этом. Сегодня у нас появились новые больные, но мы не станем впредь злоупотреблять вашим гостеприимством.

Монах покачал головой.

— Как же так? — в раздумье бормотал он. — Почему Господь не сохранил свое воинство от бед и напастей?

Долф слишком устал, чтобы развивать эту тему. Почти автоматически в уме у него сложилась фраза:

— Господь посыпает испытания своим крестоносцам.

Он вышел на улицу, и теперь не шагал, а плелся, с трудом передвигая ноги. За городскими воротами он увидел Леонардо, который вместе со своим осликом поджидал Долфа. Студент радостно приветствовал друга, усадил его на ослика, и в ту же минуту мальчика сморил сон. Хотелось узнать, как идут дела в лагере, необходи-

мо было грозно остановить колонну, но язык уже не слушался его. Даже его силам наступил предел.

СХВАТКА С БАГРЯНОЙ СМЕРТЬЮ

олф проснулся оттого, что кто-то дергал его за руку. Ему потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить, где он находится. Высоко в небе стояло солнце, вокруг царила необычайная тишина. Его разбудил Леонардо:

— Отправляемся.

Лагерь опустел; далеко впереди, за Ротвайлем, затянули песню детские голоса, процессия маленьких крестоносцев снова двинулась в путь. Лишь повозка с больными пока еще оставалась на месте да ребята с дубинками, замыкающие колонну, еще раз обходили стоянку. Лагерь караулили десять всадников, облаченных в кольчуги.

— Надо немедленно остановить их! — с жаром воскликнул Долф, вспомнив наконец события минувшей ночи.

— Невозможно, — угрюмо ответил Леонардо, указывая на всадников. — Я уж тебя не будил до последнего. Власти Ротвайля приказали до полудня покинуть городские земли.

“Вот оно что — болезни испугались”, — подумал Долф.

Он с трудом поднялся — каждое движение болью отдавалось во всем теле. Он стянул свитер и подставил натруженные плечи ласковым солнечным лучам. Пустяки, просто мышцы разболелись с непривычки.

Он рассеянно собирал свои пожитки, Марике вложила свою ладошку в его руку и потянула вперед. За ним шли Леонардо, Франк и Петер. Конец короткому отдыху, поход продолжается, а вместе с ним продолжаются их беды. Долф боялся взглянуть на повозку.

— Сколько больных сегодня? — осторожно спросил он.

— Говорят, сейчас там двадцать четыре человека, одни малыши, — тихо ответила Марике.

Долф повторил цифру про себя, не вполне осознавая, что это значит. Двадцать четыре смертельно больных ребенка вповалку в тряском возке. Сердца у них нет, что ли, у этих горожан? Но тут ему пришло в голову, что у многих из этих людей, как и у буочника, тоже есть маленькие дети, и они просто хотят уберечь их от верной смерти. И хотя людская жестокость возмутила его, он теперь понял, почему жители Ротвайля прогнали подальше от города крестоносцев, которые несли с собой гибельную болезнь. Он взглянул перед собой. Десять вооруженных всадников не отставали от ребят, замыкавших колонну.

На исходе долгого дня пути перед ними открылось море. Дети устроились на покатом берегу. Здесь и разыгралась решающая схватка с эпидемией.

Долф начал с того, что поделил ребят на группы и под присмотром хороших пловцов отправлял всех купаться, наказав строго-настрого не только вымыться как следует, но и выстирать всю одежду.

Те, кто искупались первыми, принялись разжигать костры, но и тут Долф ввел свои новшества. Малышей отсадили друг от друга и поместили среди старших ребят. До сих пор заболел только один мальчик старше восьми лет. С возрастом, должно быть, сильнее сопротивляемость организма, его иммунитет. Распихивая самых маленьких по всему лагерю, Долф пытался помешать им общаться и заражать друг друга, да и наблюдать за ними так проще. Есть ли толк от травяного настоя, которым по многу раз в день пичкали больных, придаст ли он им силы справиться с хворью — этого Долф не знал. Оставалось только надеяться...

Один из уголков гигантского лагеря приспособили под лазарет. Больные лежали по восемь человек в ряд. Они бредили, метались в жару. Бедняг закутывали во все теплое, что удалось собрать в лагере. Незаменимый в трудную минуту Каролюс, маленький король Иерусалима, научил ребят плести циновки и покрывала из соломы и длинных стеблей травы. Теперь соломенную постель умерших немедленно сжигали. Посуда каждо-

го больного хранилась отдельно, и после еды девочки отмывали ее горячей водой, скоблили с песком. Чего-чего, а воды хватало, с избытком. Сотня ребят каждый день уходила на поиски хвороста и дров для костра. Девочки трудились над соломенными циновками. Рыбаки сидели с удочками днем и ночью. Поисками провизии теперь занимались все: охотники, рыбаки, охрана, сборщики ягод. Долфу было все равно, где они добывали еду: в море, на крестьянских дворах и фермах либо в сельских закромах, в лесной чаще или на возделанных нивах... Малышей нужно было как следует кормить.

В самый разгар эпидемии, спустя трое суток после того, как на берегу моря вырос походный лагерь, наступил день, который принес с собой тридцать смертей и еще двадцать четыре новых случая болезни. Долф приказал вырыть глубокую яму в нескольких милях от лагеря. Она стала для умерших братской могилой. Вокруг ямы круглые сутки горели костры, отпугивающие не только диких зверей, но и чересчур любопытных ребят, а также взбудораженных беспокойным соседством крестьян из ближайших селений. Днем и ночью стража не отходила от места погребения.

На четвертый день умерло восемнадцать детей, среди них четырнадцатилетний подросток, и у двадцати детей обнаружились признаки болезни.

Телега служила теперь только для перевозки умерших, могилы рыли добровольцы под началом Петера. Рыболовы теперь обходились без него. Ужасная болезнь таинственным образом влекла его к себе. Он постоянно терся возле лазарета, сам вызывался выносить мертвые тела и сжигать их постели. Среди здоровых ребят его больше не видели.

На пятые сутки умерло шесть детей, заболело только семь. На шестые — заболел только один человек, хотя умерло еще семь. К исходу недели новых больных не было, но скончалось еще пятнадцать ребят.

Смерть являлась привычным спутником людей средневековья: ее не только страшились, но иногда и с облегчением ждали — ведь она приносила освобождение от бремени земных страданий и была преддве-

рием загробной жизни. Те, кто искренне верил в это и чью жизнь не омрачали тяжкие грехи, отходили в мир иной, уповая на милосердие Всевышнего. Считалось также, что умершие дети сразу же попадают на небеса, ибо Господь берет к себе чистых душой, а это значит, что дети, не успевшие согрешить, угодны ему.

Долгу не легко было понять своих новых друзей. Как им удается сохранять спокойствие и даже веселиться, когда совсем рядом смерть собирает свою страшную жатву? Те, кому посчастливилось не заболеть, все так же забавлялись, играли, веселились, словно в этой вынужденной остановке на берегу было что-то от праздничных каникул. Правда, если нужно, трудились они не покладая рук, но, закончив работу, вновь принимались за свои беззаботные игры и шалости.

Каждый новый случай смертельного заболевания они встречали без особого волнения. Просто кто-нибудь постарше приводил к Хильде плачущего малыша:

— У Вероники заболело горло, она ничего не ест...

— Маленький Петер все время зовет маму, у него, наверно, жар...

Подросток уходил, оставив малыша на попечение Хильды. Всем понятно без объяснений: больные остаются в лазарете, а кому из них суждено выжить или умереть, узнают потом. Жизнь продолжалась.

Тяжелее всех приходилось Хильде. В ней теперь трудно было узнать прежнюю нарядную девочку. Укашания, с которыми она не расставалась, потускнели, лицо осунулось, под глазами залегли темные круги, но силы ее, казалось, были неистощимы. Она отдавала подругам распоряжения, как это делала дома ее мать. Словно королева, всамделишная, а не придуманная, проходила она между рядами больных, и ни одна мелочь не ускользала от ее внимания. Вот малыш испачкался, его нужно немедленно умыть, кого-то стошило, этот в горячке скатился со своей циновки или совсем раскрылся. А здесь нужен священник... Со всей строгостью и щадением прирожденной сестры милосердия она следила за тем, чтобы посуду больных как следует мыли и чистили, чтобы каждый новый больной получал свежую циновку, чтобы в лазарете не

появлялись здоровые. Ее присутствие чувствовалось одновременно повсюду, она все видела и распоряжалась сразу всем. Привычку повелевать члены ее семейства впитали с молоком матери, и у нее это выходило так ладно, что Каролюс не мог скрыть своей гордости. Рядом с ней неизменно находилась Фрида с настоящими целебных трав. Девочкам помогал Фредо, командовавший охранниками как самый настоящий генерал. И еще Франк, который вместе с кожевниками успевал тачать по два десятка пар обуви каждый день. И конечно, Леонардо, правая рука Долфа, который вдобавок находил время развлечь малышей историями, забавными выдумками и даже азбукой.

От Николаса было мало толку. Бывший подиасок коротал дни в молитвах, упрашивая Бога отвести беду от детского воинства. Оба монаха постоянно находились подле умирающих либо хоронили тех, кто скончался. Между тем среди ребят стали появляться свои маленькие командиры, которые в делах повседневных тянулись за советом к Долфу. К этому высокому юношескому умел найти выход из любого положения, они испытывали неограниченное доверие.

Но познания Долфа были не беспредельны. Всего он, понятно, знать не мог. Он рылся в памяти, восстанавливая все, что слышал или читал об эпидемиях. К его удивлению, оказалось, что знает он не так мало. Как-никак проучился десять лет в школе в век технического прогресса. В остальном же он полагался просто на здравый смысл.

На восьмой день Долфу стало казаться, что победа в схватке с Багряной Смертью останется за ним. За двое суток никто не заболел. В лазарете пока находилось семьдесят восемь пациентов, примерно шестьдесят из них пошли на поправку. У малышей появился аппетит, жар спал, поблекли багровые пятна. Они еще не могли вставать, но грозная болезнь уже ослабила свой натиск. Еще одна спокойная неделя — и можно отправляться в путь. В тот же день Долфа пригласил к себе Николас. Долф очень устал, но зайти не отказался.

К Николасу Долф не испытывал уважения, хотя ни-

кому, даже Леонардо, не говорил об этом. Дети, почитавшие Николаса святым, относились к нему с благоговением. Святостью веяло от нарядных снежно-белых одежд Николаса, от набожного взгляда, которому открывались неземные видения, от елейного голоса, беседовавшего с ангелами. Долф же казался ребятам властным господином, строгим, но добрым и справедливым, чьи приказы выполняются без раздумий просто потому, что он знает и умеет больше всех. Ребята верили ему. Это он облегчил их странствие, благодаря его заботам суровый путь пилигримов превратился в налаженное путешествие. Это он подыскал каждому приятное и нетрудное занятие по душе, он предложил создать отряды охотников и рыболовов. В то же время Николас значил для ребят гораздо больше, чем простой командир. Он был избранником небес.

Николас и оба монаха ожидали Долфа в палатке. Никого из знати поблизости не было видно. Каролюс, Фредо и Хильда, как обычно, по горло заняты своими делами. Остальные дети благородного сословия, не обременявшие себя работой, проводили время на морском берегу.

— Садись, — дружелюбно сказал Николас, и Долф опустился на землю.

Он не стал задавать вопросов, ждал, что последует за этим.

— Больных осталось немного, — начал Ансельм. Его слова прозвучали скорее вопросом, чем утверждением.

— К счастью, да, — с готовностью подтвердил Долф. — Многие быстро поправляются. Я думаю, через неделю можно трогаться в путь.

— Завтра, — отрезал Ансельм.

— Что?

— Мы и без того замешкались.

Долф бросил на монаха возмущенный взгляд.

— А как прикажете поступить с теми семьюдесятью больными, которые еще лежат в лазарете? Не бросать же их здесь!

— Нет, конечно. Кто-то из них наверняка отайдет

в лучший мир еще сегодня ночью. Тех, кто завтра не сможет встать, придется везти.

— Исключено, — твердо заявил Долф. — До сих пор мы поручали наших больных заботам горожан, но то были обыкновенные недомогания, простуда или расстройства желудка. Этих больных никто не примет: их недуг заразен и может поразить других детей. Вы же не настолько невежественны, чтобы этого не знать.

Николас в ужасе воздел руки к небесам. Он видел, что Ансельм побелел от ярости.

— Но мы должны... — вставил свое слово бывший подпасок. — Сегодня ночью мне явился ангел, он порицал нас за промедление. Иерусалим ждет наших воинов.

— Иерусалим ждет четыре тысячи лет — ничего с ним не случится за две недели, — съязвил Долф и поймал на себе ошарашенный взгляд Николаса.

Долф изо всех сил старался сдерживаться, но это удавалось ему с большим трудом.

— Мы не повезем больных в город, возьмем их с собой, — настаивал Ансельм.

Тут уж Долф взорвался.

— Знаете что! — дерзко выпалил он. — Хотел бы я, чтобы вы на себе испытали эту болезнь, чтобы у вас раскалывалась от боли голова, пока вас целый день трясет на разбитой колымаге.

— Твои речи греховны, Рудольф ван Амстелвеен, — возвысил голос монах.

— Мои речи — небольшой грех в сравнении с тем, что предлагаете вы, дон Ансельм. Нам нельзя сейчас сниматься с места. Пусть минует хотя бы неделя. Ваш замысел преступен.

— Кто ты таков, чтобы учить нас?..

— Кто я таков — мое дело, — оборвал его Долф, — но я знаю одно. Вы хотите привести в Геную как можно больше детей. Правда, не знаю, зачем, ибо там им еще предстоит пережить самое горькое разочарование в своей жизни. Если же мы выступим завтра, до Генуи не доберется и половина.

Заявление Долфа прозвучало весьма смело. Более ясно высказывать свои сомнения относительно чудо-

творной миссии Николаса Долф остерегался. Ансельм затрясся в приступе бешенства.

Николас привычно забубнил:

— В Генуе Господь явит нам чудо.

— Что за чудо еще? — снова взорвался Долф. — Ах, да, осушит море... Вы сами-то в это верите?

— Господь обещал мне, — ответил Николас.

Долф презрительно фыркнул.

— Дети растерзают тебя на клочки, если чуда не произойдет, — бросил он.

Николас заметно побледнел, вздрогнул.

— Рудольф ван Амстелвеен, твои слова ранят наши сердца, словно острые кинжалы! — взвизгнул дон Ансельм. — Зачем ты тратишь силы, помогая детям, если не веришь словам богоизбранного Николаса?

— Да затем, что не могу вообще отговорить детей от этого похода! — вскричал Долф, потеряв всякое терпение. — Вы... вы придумали для этих несчастных сказку, красивее которой они в жизни ничего не слыхивали. Вы обманули их! Попомните мои слова, дон Ансельм, в Генуе у вас ничего не выйдет, и уже на берегу восемь тысяч детей поймут, что их мечта разбита вдребезги. Вот тогда придет час вашей расплаты — это я вам обещаю.

С этими словами Долф поднялся и шагнул из палатки, тут же наткнувшись на Леонардо, который поджидал его.

— Ты теперь всегда будешь за мной следить? — еще не остыл от гнева, набросился он на студента.

Леонардо невозмутимо улыбнулся.

— Я слышал, мы завтра отправляемся.

— Только через мой труп! — воскликнул Долф и помчался к лазарету.

...Еще издалека он заметил столб дыма над погребальным костром. Упряжка стояла, готовая тронуться.

— Сколько сегодня?.. — выдохнул он, останавливаясь рядом с Петером.

— Трое.

“Осталось пятнадцать тяжелобольных”, — размышлял Долф.

Смерть этих троих уже не так потрясла его. Он

пережил столько смертей, что будущее рисовалось ему в самых мрачных тонах: через несколько дней случаев со смертельным исходом будет уже не три, а тридцать или триста...

Он успел хорошо узнать Ансельма, чтобы не сомневаться: монахи вместе с Николасом осуществляют свой заутрашний план. Ансельм торопится. Но почему? Что за тайна окутывает этот немыслимый крестовый поход?

Он задумчиво смотрел на Петера, и гнев понемногу стихал, уступая место тревоге, горечи, страху.

— Ты хочешь увидеть Иерусалим, Петер? — внезапно спросил он.

— А кто не хочет...

— Почему ты ушел из дома, Петер?
Юноша поднял голову.

— А ты не ушел бы, Рудольф ван Амстелвеен, если бы дома тебе доставалось побоев больше, чем еды? Не ушел бы, зная, что тебе открыта дорога в Иерусалим, где вечно сияет солнце и где не придется работать?

— Почему же сестры и братья не пошли с тобой?
Петер закусил губу.

— Я самый старший. У меня было шесть братишек и сестер, троих унесла Багряная Смерть пару лет тому назад. Я тоже заболел, но вот видишь — живой.

Теперь понятно, почему именно Петер первым распознал смертельную болезнь, почему он вечно находил себе занятия в лазарете. Вдруг Долфа осенило:

— Скажи, Петер, ты знал, что те первые четверо малышей, которых мы оставили в Ротвайле, уже смертельно больны?

— Как не знать. Я же видел их.

— И несмотря на это, ты... Петер, как же ты мог так поступить? Почему ты ничего не сказал мне?

Петер снова перевел взгляд на языки пламени, подтолкнув несколько хворостинок поближе к огню.

— Жадный народ эти ротвайльцы — снега зимой не выпросишь.

Долф почувствовал, что земля уходит у него из-под ног.

— Мы стояли в башне городской ратуши, — продолжал Петер без всякого выражения, — а ведь нас принимали там не случайно. Из окон башни нам хотели показать тучные поля, сочные луга, на которых пасутся несметные стада скота. А сколько еще плодородной земли, богатой посевами и живностью, позади этих холмов! Процветают ротвайльцы, ничего не скажешь, и город красивый, каменный. В скалах они ухитрились прорубить каменоломни, в реке они моют золотой песок, серебро добывают в горах, а железо в шахтах далеко на севере... И эти люди сказали Николасу, что зоркая стража охраняет их угодья и что они готовы на месте уложить ребенка, который протянет руку к их добру. И ведь я стоял рядом, Рудолф бан Амстелвеен, и я должен был все это выслушать.

— Понимаю, — прошептал Долф, чувствуя, как кровь отхлынула от лица.

— Так вот, — все тем же ровным, бесстрастным голосом продолжал Петер, — дон Ансельм принял ссыпать важных господ угрозами, призвал на них громы небесные, напомнил им о том, как сгорел Спирс. Но городские старшины подняли его на смех. И я понял — почему. Вырос-то я как-никак в деревне. Они уже знали, что грозы им в предстоящую ночь бояться нечего. Поэтому...

— Ты решил позаботиться о наших больных, — договорил за него Долф, страшась своей догадки. — Это ты добился, чтобы их оставили в благополучном, процветающем городе, где полным-полно маленьких детей.

— На все воля Божья, — сдавленно проговорил Петер. — Господь внушил мне это.

— Ох, Петер, Петер...

Маленький рыболов не проронил больше ни слова. Он засыпал песком кучку золы — все, что осталось от смертного ложа трех больных, которые скончались сегодня. Потрясенный, Долф не мог прийти в себя. Сколько же ненависти накопилось в сердце крепостного, совсем еще ребенка, к богатым хозяевам, к знатным господам! Какие неизведанные тайны скрыты в набсжной душе средневекового человека! И с какой

легкостью перекладывают они на Всевышнего ответственность за свои дела! Собственные страсти, заблуждения, свою жажду мести они готовы приписать Богу, а то и дьяволу. Значит, вовсе не Петер принес в этот городок смертельный заразу, а само прорицание.

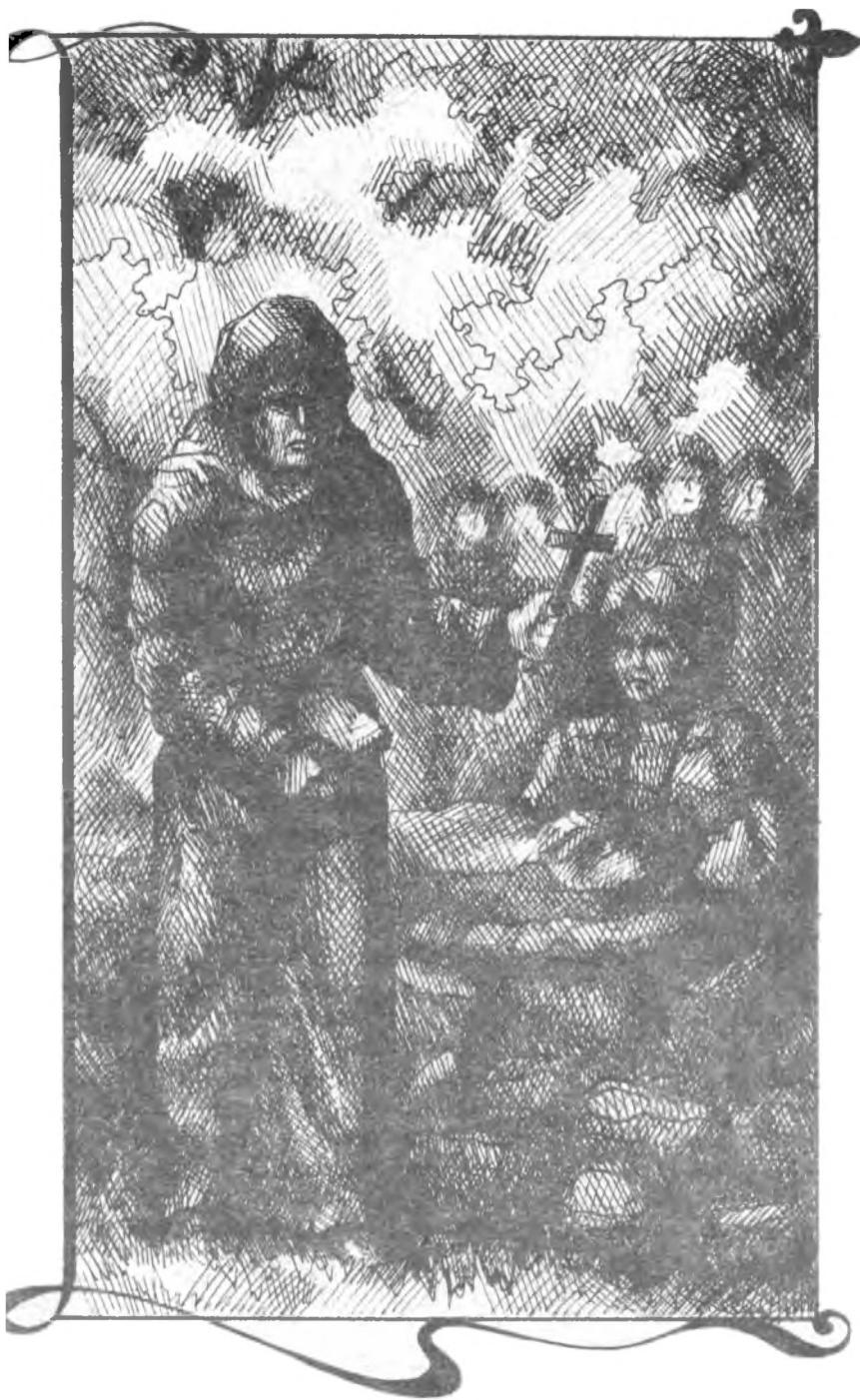
С содроганием он смотрел на своего друга. Разве Петер не рисковал жизнью много раз для того, чтобы накормить ребят? Разве не он спас десятки утопающих? Наконец, этот крепыш брался за любую, самую тяжелую и неприятную работу, чтобы облегчить ребятам тяготы пути. И оставался все таким же непонятным человеком средневековья.

Долф вздохнул и пошел прочь. В лазарете он окинул отсутствующим взглядом соломенные циновки. На Хильду он старался не смотреть. Не замечал он и священника, преклонившего колени перед умирающим. Завтра они выступают, завтра все усилия этих недель пропадут из-за преступной спешки Ансельма. Можно ли действовать на этого человека разумными доводами?

Священник, которого Долф видел коленопреклоненным, встал, нагнулся над умирающим. Он вложил ребенку в руки грубый крест, сплетенный из веток, прикрыл глаза, невидящий взгляд которых был устремлен в небо, и отвернулся.

“Четвертый за сегодня”, — машинально отметил Долф, но эта мысль не проникла в его сознание. У него не выходило из головы одно: эпидемия еще не побеждена, завтрашний поход принесет очередную вспышку. Как остановить детей? Монахов в компании с Николасом ему не переспорить: чуть что — ссылаются на повеление свыше.

Внезапно что-то неладное почудилось ему. Он заметил на себе внимательный взгляд. “Монах! Но я только что оставил обоих святош в палатке, вконец рассорившись с ними. Иоханнес, правда, не вмешивался в разговор, но он не покидал палатки. После того как я выскочил оттуда и остановился вместе с Петером у входа в лазарет, никто из монахов не проходил мимо”. Он всмотрелся в лицо незнакомца. Ему ответили открытый взгляд добрых голубых глаз.

— Вы? — прошептал Долф, узнавая священника.

— Да, сын мой.

— Как вы попали сюда?

— Иду вместе со всеми.

— Вы из Ротвайля?

Голубые глаза все так же кротко смотрели на него.

— Нет, сын мой. Я иду в вашей колонне уже две недели.

Долф оторопел.

— Не может быть! Я не встречал вас.

— Моя персона не слишком примечательна, — спокойно отозвался монах.

Долфу пришло на память, что в какой бы час дня и ночи он ни заходил к больным, всякий раз на глаза ему попадался святой отец. Он не обращал на него ни малейшего внимания, будучи в полной уверенности, что перед ним один из духовников Николаса.

— Кто же вы?

— Дон Тадеуш из Гаслахского аббатства.

— А где это?

— Восточнее Страсбурга — вы шли мимо нашего монастыря.

Теперь он припомнил монастырские постройки, прилепившиеся на горных склонах Шварцвальда. Вот с каких вершин спустился этот священник, которого поманил за собой крестовый поход. И Долф не заметил, что в их стане теперь вместо двух монахов-бенедиктинцев^{*} оказалось трое. Кроме, пожалуй, единственного случая. Они, помнится, стояли у ворот Ротвайля, когда незнакомец чудесным образом появился рядом с ним и взял на себя часть забот, которые одолевали Долфа.

Измученный тревогой и постоянным напряжением, мальчик вдруг почувствовал непреодолимое желание облегчить душу, высказать наболевшее человеку, который поддержал бы его в стычках с Ансельмом и Николасом.

— Дон Тадеуш, найдется ли у вас для меня немногого времени?

* Бенедиктинцы — католический орден, основанный в начале VI века в Италии.

— Разумеется, сын мой.

Они отошли в сторону и уселись на большой камень.

— Поведай мне, что за печаль у тебя на сердце, сын мой.

Долф показал на циновки, разложенные по четыре в ряд.

— Святой отец, мне известна причина губительной болезни. По наущению дьявола зловредные маленькие чудовища набрасываются на невинных детей. Они столь мизерны, что ускользают от человеческого ока. Полчища их несметны, ибо велико могущество дьявола.

Он старательно подыскивал слова, чтобы мысль его дошла до сознания человека этой далекой эпохи.

— Бесовские исчадия, дон Тадеуш, весьма опасны. Они проникают в глотку, отравляют кровь и в конце концов убивают беззащитного ребенка. Они так малы, что истребить их нет никакой возможности. В борьбе с ними есть один путь — не подпускать их к детям. Чистая вода, огонь, дым убивают этих чудовищ. Если же они добираются до своей жертвы, может случиться всякое. Те, что покрепче и здоровее, выдержат тяжелую болезнь. У них опухает глотка, портится кровь, но если кровь была здоровой, бесовские слуги захлебнутся в ней — и ребенок поправится. Самым маленьким, да еще тем, кто ослаб от голода, лишений или недугов, недостает сил, чтобы противиться дьявольским козням, и они погибают. Вы понимаете меня, дон Тадеуш?

Монах сосредоточенно кивнул. Долф перевел дыхание и продолжал:

— Прикончив одну жертву, посланцы нечистого тут же перепрыгивают на следующую. Дабы преградить им путь к здоровым детям, я распорядился держать тех, кто уже заболел, отдельно, а постели умерших немедленно сжигать, ибо в этих циновках слуги дьявола находят свое прибежище. Теперь вы понимаете, почему я гнал здоровых детей купаться. Для того чтобы окрепнуть и устоять против козней врага человеческого, дети должны побольше плескаться в проточной воде, как следует есть, промывать горло

крепким настоем из трав. Это настоящее сражение, дон Тадеуш, ибо дьявол нелегко выпускает свои жертвы из когтей. Мы почти вырвали у него победу: уже второй день у нас нет новых больных, большая часть тех, что заболели раньше, идут на поправку.

— Господь милостив, он извел бесовские орды, — поддакнул монах.

Долф старался сохранить терпение.

— Вы правы, отец, возблагодарим же Господа за ниспосланную нам поддержку. Господь сжался над бедными детьми, брошенными под открытым небом, он сделал так, чтобы дни были солнечными, а ночи теплыми. Его милостями у нас вдоволь и дров, и чистой воды, чтобы встретить врага во всеоружии. Он просветил наш разум, внушив держать больных по дальше от здоровых. И все же слуги дьявола еще не сдались, отец. Дети по-прежнему умирают. Дьявол на мереился извести наше воинство одним махом, и теперь слуги его свирепствуют, ибо не преуспели в этом. В бессильной злобе замышляет он новые козни. Это он нашептал Николасу и еще двум монахам, что приспело время отправляться в путь. Великая беда постигнет нас, ибо в дороге больные смешаются со здоровыми, а этого только и ждут чудовища, чтобы перескочить на новые жертвы. Вы понимаете меня, отец? Мы должны помешать им.

— Господь сильнее дьявола, сын мой. Ежели ему не угодно наше завтрашнее выступление, он воспрепятствует этому.

“Что мне от этого толку”, — подавленно думал Долф.

— Неужели вы не верите тому, что я поведал об этих исчадиях ада?

— Я верю тебе, ибо видел своими глазами, и свидетельствую: все, что ты делал, помогло одолеть недуг. Сердце мое возрадовалось, когда я уразумел, что Все-вышний просветил тебя, как победить бесовские козни. Но, сын мой, отчего же теперь ты боишься вверить себя провидению? Господь видит все, он позаботится о нас.

— Ну да, — твердо сказал Долф, — но лишь при условии, что мы достойны его заботы.

Монах, словно громом пораженный, воззрился на мальчика. Долф продолжал уже мягче:

— Конечно, Господь заботится обо всех нас, но он не жалует глупцов. Если человек ныряет, не умея плывать, си тонет, и Бог не спасает глупца. Там, где побеждает глупость, торжествует дьявол.

— Ты ведь родом из северных земель? Не там ли ты постиг эту мудрость? — недоверчиво допытывался монах.

— Там, отец, и я верю в свою правоту. Тронуться в путь завтра — величайшая глупость на свете.

Дон Тадеуш растерянно покачал головой.

— Ты необыкновенный юноша, Рудольф, — прошелся он.

— Знаю. Сейчас неважно, кто я и что я. Просто я хочу отвести от детей новую беду, не могу я видеть, как смерть сотнями уносит этих малышей. Пусть они здоровыми предстанут пред вратами Иерусалима. А потому мне предстоит схватка не только с полчищами слуг дьявола, но и с глупостью дона Ансельма. Вас, святой отец, я молю о помощи в этой схватке.

Дон Тадеуш положил руку на плечо мальчика:

— Если все, что ты поведал мне, истинная правда, Господь не даст нам завтра сойти с места. Доверься ему.

Священник поднялся — его снова звала Хильда. Долф проводил его разочарованным взглядом.

“Добрый человек, но помохи от него ни на грош”,

— сделал он неутешительный вывод.

Подоспело время трапезы. Последняя партия ребят возвратилась с вечернего купания. Они смеялись, без умолку тараторили. Запахи еды разносились над лагерем. Только сейчас Долф понял, как голоден. Он тяжело поднялся и побрел к своему костру, где Марике хлопотала над их скучными припасами. Леонардо ни где не было видно. Он появился, когда они заканчивали еду, и, не тряся слов попусту, набросился на свою порцию.

— Где ты был? — спросил Долф.

— Ох и сослужил я сегодня службу знатным господам в шатре, — невозмутимо отвечал студент.

— Тебе что за дело до них? Там и без тебя есть кому помогать.

— Остальные заняты, готовятся к завтрашнему походу, — все так же спокойно пояснил Леонардо.

Тревожные мысли вновь охватили Долфа. К изумлению Леонардо и остальных ребят, на глазах у него выступили слезы. Он не видел, как студент подмигнул девочке. Они дали ему выплакаться и теперь ждали.

Но Долф ничего не сказал им. Он с ожесточением скатал свою куртку, положил ее под голову и, примостившись спиной к огню, закрыл глаза.

“Все-таки они настоящи на своем, — устало подумал он. — Не хотят прислушаться к здравому смыслу, пусть пеняют на себя. Я сделал все, что мог. Это конец...”

ОБВИНЕНИЕ В ЕРЕСИ

А

оход, назначенный на следующий день, не состоялся. В предрассветный час в палатке Николаса разразился переполох: Ансельм и дон Йоханнес, скорчившиеся от резей в животе, катались по земле. Отец Тадеуш, вызванный из лазарета, ничем, кроме молитвы, не мог помочь страдальцам.

— Кликните Рудолфа ван Амстелвеена, — посоветовал он. — Юноша знает толк в недугах.

Полусонный Долф заглянул в палатку и озадаченно уставился на задыхающихся монахов. Он смотрел на землистые, искаженные судорогой лица, и ужас подкрадывался к нему. Что с ними стряслось? Температуры, по всей видимости, у них нет.

Ансельму было особенно худо. Он ворил благим матом, словно внутренности ему обжигало каленым железом. Спазмы мучили его, лоб покрылся испариной. Очевидно, за все свои сорок лет он не попадал в такую переделку. Даже Долф, не испытывавший к Ансельму ничего, кроме ненависти, готов был пожалеть его. Николас беспомощно суетился рядом. В дальнем углу испуганной стайкой жались друг к другу возможные отпрыски. Один Каролюс склонился над больным.

— Что с ними? — поднял он глаза на Долфа.

— Не знаю, может быть, отправились?

— Чем они могли отравиться? Мы все ели вчера на ужин рыбу, жареных куропаток, выпили по чашке травяного настоя. Почему же никто, кроме них, не заболел?

“Я сам бы хотел знать”, — размышлял Долф.

Он положил ладонь на влажный лоб Ансельма и произнес успокаивающим тоном:

— Не тревожьтесь, святой отец. Мы не покинем вас и, уж конечно, не заставим идти пешком. Вас с отцом Йоханнесом повезут вместе с другими больными.

— Надо отменить выступление! — не выдержал Николас.

— Отчего же? — с непроницаемым видом поинтересовался Долф. — У нас, конечно, много больных, но ведь никто не стал задерживаться из-за них. Не вы ли сами настаивали вчера на том, чтобы выступить в путь?

Николас растерянно смотрел на него.

— Но, Рудольф... ты же видишь, им совсем плохо, они не выдержат перехода! — взмолился он.

— Многие другие больные тоже навряд ли выдержат его, — с напускным безразличием заметил Долф. Он искренне наслаждался поворотом событий.

— Нет, нет, я не хочу идти дальше! Только не сейчас! — вскричал Николас.

— Ну что ж, раз ты так решил, — суворо произнес Долф, едва сдерживающий ликовение, — надо перенести их в лазарет.

Йоханнес, с трудом переведя дух, подал свой голос:

— Оставь нас в палатке: желудочные колики не заразны.

Его слова вновь возродили тревогу в душе мальчика. А вдруг это холера? Кажется, она именно так начинается... На помошь ему пришел дон Тадеуш.

— Болезнь может оказаться заразной, — сказал он, — нужно все-таки положить их отдельно, так будет лучше для всех.

— А кто же будет ухаживать за ними? — возмутился Каролюс.

— Я, — решительно ответил Долф.

На безопасном расстоянии от больных скярлатиной были сооружены еще две постели для занедуживших монахов. Ансельм и Йоханнес корчились от боли, Долф неотлучно находился при них. Приступы колик вызывали у них жесточайшую боль и понос. Долфу пришлось не раз отстирывать их грязную одежду в небольшом пруду. Подавляя отвращение, он гнал прочь мысль о холере. Ax, с каким удовольствием он швырнул бы эти рясы в костер!

Только к вечеру выяснилось: предосторожности Долфа совершенно излишни. Заметив Леонардо, Долф остановил его:

— Не подходи близко — я еще не знаю, что с ними.

Студент беззаботно усмехнулся и, не обращая внимания на его слова, подступил к измученным страдальцам.

— Совсем плохо? — удовлетворенно спросил он.

Долф, побелев от ужаса, тянул его в сторону.

— Леонардо, а может быть, это холера?

Итальянец насмешливо взглянул на Долфа:

— Довольно с нас эпидемий, Рудолф ван Амстелвейен. Больше не говори таких слов, не искушай судьбу. Успокойся, это не холера и не какая-нибудь зараза. Через неделю эти двое будут в полном порядке, я тебе обещаю.

— А ты откуда знаешь?

Леонардо пожал плечами.

— Да так, случайно, — пробормотал он.

— Ах ты плут! — радостно вскричал Долф. — Теперь я понял, ты подмешал им что-то вчера в еду, да? Какое-то снадобье, чтобы уложить их на несколько дней. О Леонардо, я никогда этого не забуду! А ведь по совести я должен порицать твой поступок.

— Что ты и делаешь, — заулыбался студент.

К этому времени уже более семидесяти малышей, вырванных из когтей Багряной Смерти, быстро шли на поправку. Для некоторых, напротив, надежды на выздоровление не было, они умирали один за другим. Новых случаев болезни по-прежнему не обнаруживалось, и Долф уверился в том, что победа в схватке с Багряной Смертью остается за ним. Он распорядился закрыть могильную яму и забросать ее камнями. Еще целые сутки на вершине погребального холма пылал костер, а затем насыпь увенчал деревянный крест. У могилы собирались тысячи детей, вместе с ними были Николас и все три монаха. Бывший подпасок обратился к ним:

— Дети! Господь явил нам свою милость. Он изничтожил Багряную Смерть, которая обрушилась на наше воинство. Он не допустил гибели благочестивых отцов, посланных в помощь мне возглавить наш поход. Возблагодарим же Всевышнего, дети. Завтра мы отправляемся в путь и вскоре вступим на горные тропы.

Альпийские перевалы выведут нас прямо к морю, и там Господь совершил чудо. Помолимся, дети.

Около двух недель провели они на морском берегу, эпидемия затухла. Теперь Долф постарался собрать вместе всех малышей, перенесших скарлатину, и обеспечить им хорошее питание, чтобы скорее восстановились силы. На душе у него было неспокойно. Неужели до самого конца этого пути волнения и заботы будут преследовать его?

Едва опасность эпидемии миновала, как возникли новые сложности. Николас наотрез отказался расстаться с повозкой, которую Долф приказал сжечь или сбросить в море.

— Без нее нам нельзя, — убеждал он Долфа.

— Ее нужно уничтожить, — твердил Долф, — повозка заражена — в ней возили больных и умерших. Здоровым это грозит смертью.

— Какая глупость! — запальчиво отвечал Николас.

— Мне подарили ее архиепископ Кельнский. Ты совершаешь тяжкий грех, называя этот дар смертельно опасным.

Ансельм и Йоханнес поддакивали. Долф разозлился.

— Что вы понимаете? — вызывающе бросил он. — Повозка заражена болезнью, это просто смерть на колесах. Сжечь ее, и все тут!

— Рудольф ван Амстельвеен, ты вечно изображаешь из себя важного господина, — раздраженно сказал Николас. — Кто ты такой, в конце концов? Ты поступаешь нам наперекор, во все суешь свой нос. Кто дал тебе право?..

— Никто не давал мне прав, — оборвал его Долф.

— Я повторяю: если не сжечь повозку сейчас же, через неделю вы получите еще сотню больных. Вы этого хотите?

Дон Тадеуш положил руку на плечо Долфа, урезонивая его.

— Доверься Богу, мой мальчик. Он поможет нам.

— Ничего вы не понимаете! — В бессильном отчаянии Долф топнул ногой. — И не хотите понимать. Для наших детей эта повозка хуже смертоносного яда. Подарок архиепископа превратился в прибежище дья-

воля. Но если вы так хотите, чтобы все это не кончилось добром, поступайте, как знаете. Только меня потом не вините в своих несчастьях.

И в который уже раз он в бешенстве выбежал из палатки.

Ночью над повозкой взвился столб пламени. Пожар занялся как-то сам собой. На месте, где стояла повозка, остались лишь дымящиеся обломки, съежившаяся кучка золы да обугленные колеса. Охранники, дежурившие ночью, божились, что ничего подозрительного не заметили. Огонь, по их словам, заполыхал где-то в недрах повозки без всякого постороннего вмешательства.

— Вы и впрямь никого не видели поблизости? — подозрительно допытывался Ансельм. — Подтверждайте, что Рудольф ван Амстелвеен не подходил к этому месту? А не приметили ли вы Леонардо, купеческого сына?

— Никого не было, — в один голос твердили ребята. — Только дон Тадеуш осенил повозку крестным знамением после вечерней молитвы, вот и все.

Фредо резко поднялся.

— Вы хотите сказать, что мои бойцы кривят душой? — вызывающе спросил он.

Ансельму оставалось лишь согласиться, что пожар был еще одним испытанием, посланным свыше. Суеверный страх закрадывался в душу монаха. Каждый раз, как только он поступал вопреки желаниям Рудольфа, происходило несчастье...

Прослышав о пожаре (он и в самом деле ни о чем не догадывался), Долф постарался скрыть свою радость. С этой минуты он смотрел на отца Тадеуша совсем другими глазами.

“Этот монах еще более ловок, чем Леонардо, и такой же хитрец, — думал он. — Но как здорово, что они мои друзья!”

День за днем колонна тянулась дальше, придерживаясь северного берега моря. Все выше поднималась гористая, неровная местность. Они подошли к отрогам, впоследствии получившим наименование Баварских Альп. Справа выросли неприступные горные кряжи.

Ребята двигались все дальше на восток мимо живописных речных долин, мимо тенистых лесов. Эти мрачные края почти не были заселены, слишком уж суровые и холодные стояли здесь зимы. Впрочем, и сейчас, в разгар лета погода то и дело менялась. Погожие дни уступали перед проливным дождем, за которыми устанавливались промозглые, туманные и сырьи ночи. Долф не сводил глаз с величественных хребтов, преграждавших путь на юг. Еще немного — и ребятам придется переходить через эти могучие кряжи. Как уследить за тысячами беспечных детей на многокилометровых горных тропах, которые подвергаются набегам бродяг, разбойников и хищных зверей? Чем кормить детей в этих пустынных местах, где не растет ничего, кроме сосен и мха? Пережитые дотоле невзгоды меркли перед тем, что ожидало их в горных теснинах.

Не слушая возражений, он настал на двухдневном отдыхе перед тем, как вступить в ущелье, ведущее к горному массиву Карвендел. Ансельм яростно воспротивился. К чему эта новая задержка?

— Надо запастись провиантом, — не вдаваясь в подробности, ответил Долф. — Вы хотите, чтобы дети пришли в Ломбардию здоровыми и невредимыми? Значит, вам не безразлично, если тысячи и тысячи на всегда останутся на этих горных дорогах.

Когда Николас, всегда державший сторону Ансельма, привычно забубнил что-то о провидении Всевышнего, Долф вышел из себя:

— Замолчи, глупец! Что ты видел в жизни, кроме овец да пастбищ? Я знаю эти горы и знаю, что ожидает нас здесь.

Он занялся делами. Ему, как обычно, помогали Леонардо и все его друзья. Времени прохладиться не было. Тяжелый труд отнимал все силы.

Ребята устроили лагерь на обширной поляне, окаймлявшей кристально чистое озеро. Долф отправил туда Петера и других рыбаков с неводами.

— Ловите все, что есть в озере! — крикнул он вдогонку. — Выбрасывайте только самую никудышную

мелочь, меньше пальца длиной. От нее все равно про-ку нет.

Лагерь тем временем приобрел вид настоящей коп-тильни: Черный, как сажа, дым костров, в которые подбрасывали смолистые поленья, курился низко над головами. Девочки почистили не одну сотню фунтов рыбы, выловленной в озере, и теперь коптили ее, на-называя на длинные тонкие шесты. Мясо, добытое охотниками, резали на куски, сушили и вялили, а из отходов и обрезков варили крепчайший бульон. Три дня подряд ребята кормились одним только жирным, наваристым супом.

К вящему недовольству поселян, не гнушались ре-бята и набегами на крестьянские дворы. На полях вов-сю колосился урожай. И дон Тадеуш решил взять на себя посредническую миссию. Прихватив с собой пятьдесят человек из охраны, он обходил крестьянские хутора и господские замки. Молва о несметном дет-ском воинстве, направляющемся в Иерусалим, и о чу-десах, сопутствующих маленьким крестоносцам, уже достигла баварских селений, и местные жители усту-пали путникам часть урожая, движимые скорее су-веренным страхом, нежели человеколюбием.

В лагере скапливались мешки, наполненные рожью, ячменем, просом. Зерно дробили, перемалывали самым примитивным образом и пекли из него сухие жесткие хлебцы, тысячами откладывая их на дорогу. Запасы провизии быстро пополнялись, и Долф опасался лишь, как бы они не испортились до срока.

Между тем в стане юных крестоносцев разыгрыва-лись подлинные маленькие драмы, такие, например, как та, что произошла с Гретой и ее братишкой. Грета, одиннадцатилетняя девочка, болезненная и худая, как щепка, не отпускала ни на шаг от себя трехлетнего карапуза. Наткнувшись на эту парочку во время одной из проверок, которые он учинял в лагере ежедневно, Долф обомлел. Он уже знал, что в поход уъязалось множество детей шести и семи лет, но такую кроху видел впервые. Как она оказалась здесь? Малыш и ходить-то еще как следует не мог. Долф разговорился с девочкой, и вот что он узнал.

Грета шла с ними от Страсбурга. В этом не было ничего особенного: на всем пути к маленьким крестоносцам присоединялось множество ребят, которых увлекала за собой легенда о Белокаменном Городе. Грета была сиротой. Уже год она скиталась по улицам Страсбурга. Никому не нужная, не имея крыши над головой, она жила подаянием да мелкими кражами, которыми иной раз удавалось прокормить себя и братишку. В один прекрасный день, словно спасительное чудо, у городских ворот появилось шествие детей-крестоносцев. Сжалившись над ними, горожане понесли в лагерь еду, одежду. Измученная, голодная девочка отважилась пробраться в лагерь. Походная жизнь детей показалась ей верхом довольства, и она вместе с братом так и осталась там.

Многое в рассказе Греты показалось Долфу знакомым — точно так же бедствовала и Марике.

— А твой братик? — вырвалось у него. — Он еще мал для таких переходов.

— Да он и не тяжелый вовсе, — робко отозвалась девочка.

Так вот оно что! Она тащила малыша на руках от самого Страсбурга. Он почувствовал, как слезы подступают к горлу.

Долф поручил девочку заботам Марике, а сам рассказал об этом отцу Тадеушу, который посоветовал ему найти двум сиротам пристанище в какой-нибудь бездетной крестьянской семье.

— Пусть им суждена доля крепостных, — сказал он Долфу, — зато они останутся живы.

А вот что приключилось с маленьким Тиссом. Как-то Долф заметил зареванного мальчишку, которого тщетно пытались успокоить девочки постарше. Сколько ему? От силы лет семь, у него как раз выпали два передних зуба. Во времена Долфа он был бы вполне благополучным первоклашкой, а тут — крестоносец, испытывающий все горя долгого пути наравне со старшими. Тисс рыдал так, что сердце разрывалось. Девочки беспомощно смотрели на Долфа: неужели не поможет?

— Что случилось? — спросил Долф, опускаясь на колени рядом с заплаканным малышом.

Слов почти нельзя было разобрать из-за судорожных всхлипываний, но кое-что Долф все же понял. Большие мальчишки в шутку напугали его:

— Видишь вон те горы? Мы скоро поднимемся туда. В горах живут во-о-от такие медведи, они растерзают тебя на клочки

— Что за мальчишки? — сурово допытывался Долф.
— Я накажу их.

Малыш затих и взглянул Долфу в лицо. Замурзанная мордашка, взъерошенные волосы, влажные дорожки непросохших слез придавали ему необычайно трогательный вид.

— А медведи как же? — напомнил он.

Его вопросу нельзя было отказать в железной детской логике. Действительно, наказать злых мальчишек будет справедливо, но как все-таки защитить его, маленького Тисса, от страшных медведей?

Долф вздохнул и осекся на полуслове. Дикие звери здесь, к сожалению, реальность, от которой не так-то просто отмахнуться. К тому же он чувствовал, что панический страх Тисса передается и девочкам. Как разрядить обстановку? Он беспомощно огляделся вокруг и заметил Леонардо.

— Поди сюда.

— В чем дело?

Леонардо вопросительно посматривал на кучку детей, как всегда, опираясь на свою дубинку.

— Беда какая? — спросил он.

— Леонардо, дружище, повтори этим ребятам то, что ты сказал в палатке Николаса, помнишь, в тот вечер, когда мы решили выбрать дорогу на Бреннер.

— А что я такого сказал?

— Про медведей...

— Ах, это! — засмеялся Леонардо.

Он погладил свою мощную дубинку и, постукивая ею по земле, понизил голос до шепота:

— С таким надежным другом мне никакой медведь не страшен.

Это произвело сильнейшее впечатление на перепуганных ребят. Они посматривали то на дубинку, то на ее владельца, такого сильного и крепкого. Спокойное

лицо, уверенный взгляд... Наконец-то все вздохнули с облегчением.

— А уж если медведь и подберется ко мне, — продолжал Леонардо все тем же угрожающе тихим голосом, — я его так тресну дубинкой по башке — бум! — что он сразу отлетит. Готовенький! И роскошная шкура вместе с головой сгодится на плащ, Тисс. В плаще из медвежьей шкуры ты будешь красоваться у стен Белокаменного Города, словно настоящий король.

Маленький Тисс просиял сквозь слезы и замахал короткими ручонками, раскачиваясь из стороны в сторону:

— У-у-у, вот идет страшный медведь! Мы убьем тебя, противный зверь!

— Именно так мы и поступим, — подтвердил Леонардо.

Тисс засеменил в сторону с криком:

— У-у-у, я медведь, огромный страшный медведь! Я вас всех съем!

В мечтах он уже бился с сарацинами*, закутанный в королевскую мантию из медвежьей шкуры.

Франк вместе со своей сотней кожевников работал не покладая рук с таким рвением, какого никогда прежде не проявлял в мастерской своего отца. Хлебный нож из нержавеющей стали, захваченный Долфом, оказался незаменимым инструментом для разделки кож. Теперь у рыбаков, по многу часов проводивших в воде, были коротенькие сапожки из оленьей кожи, по которым сразу можно было отличить ребят из команды Петера, — обстоятельство, которым они очень гордились. А тем временем, изготовленные на фабрике двадцатого века ботинки Долфа с прочными подошвами из искусственной кожи понемногу снашивались. Пожалуй, и ему придется привыкать к башмакам из заячьих шкурок. Шерсть, которую настригли с овец, пресвратилась в пряжу и ее хватило ровно на тридцать теплых пухистых накидок. Одна из таких накидок досталась Марике.

* Сарацины — название арабов в средневековой Европе.

Накануне решающего перехода через горный массив Долф совершил неосторожность, которая вновь навлекла на него злобу Ансельма и Николаса. Он предложил заколоть волов.

— Конечно, это великолепные животные, но горный переход им не по силам, — убеждал он Николаса. — Мясо успеем прокоптить еще сегодня, в дороге оно пригодится нам.

— Ах, волы?! — взвизгнул Николас. — Так тебе мои волы понадобились?

Ансельм злобно прошипел:

— Не имеешь права посягать на дары архиепископа Кельнского, Рудолф.

— Ничего подобного, — миролюбиво продолжал Долф, — я лишь предлагаю вам выход. Мне известно, что волы принадлежат Николасу, но он должен понять, что волы не горные козы и в походе от них больше осложнений, чем пользы.

Многие ребята приметили очередную ссору между своими главарями и Долфом. Те, что были поближе, побросали свои дела и с любопытством стягивались в кружок.

Долф показал на вход в расселину примерно в километре от стоянки, на исполинские кряжи, мрачно нависающие над лагерем.

— Как ты собираешься загнать волов на эту высоту, Николас? — спросил он.

Николас метнул на мальчика взгляд, полный ненависти.

— Рудолф ван Амстелвеен, ты постоянно мешаешь мне, вечно споришь со мной. По какому праву? Кто из нас предводительствует, ты или я? Ты твердишь, что хочешь помочь детям поскорее добраться до Иерусалима. Но единственное, чем ты занят на самом деле, так это тем, что мешаешь нам бесчисленными задержками в пути. Да еще тем, что сеешь между нами рознь.

— Доподлинно так, — вмешался Ансельм. — Ты, чужеземец, свалился к нам как снег на голову и тут же начал командовать. Возвращайся туда, откуда ты пришел. Мы не нуждаемся в твоих советах.

Долф огляделся по сторонам. Добрая сотня ребят

сомкнулась вокруг них молчаливой стеной. Что они понимают в этой перепалке? Чью сторону примут?

Он расправился, помятуя, что его рост производит впечатление. На нем были джинсы, по-рядком износившиеся. Солнце опалило его кожу, тяжелый физический труд развел мускулы. Гладкое мальчишеское лицо приобрело выражение суровой сдержанности. Вообще-то Долф не представлял себе, как он сейчас выглядит (он походил на закаленного спортсмена), и больше всего боялся, что его можно принять за нищего оборванца, что он проигрывает в сравнении с Николасом, закутанным в белоснежный хитон, и Ансельмом в его строгом облачении.

— Знаю, что я вам больше не нужен, — с достоинством отчеканил Долф. — А что вы сами сделали, чтобы завтра благополучно перевести ребят через горы? Позаботились о провизии, об их одежде, обуви, об оружии, о том, чтобы защитить их от диких зверей? Ничего вы не сделали. Только на молитвы вас и хватает. А хоть немного позаботиться о завтрашнем дне, подумать об опасностях, которые подстерегают детей в дороге, — нет, это не для вас. Этим занимался я.

Кольцо слушателей все плотнее охватывало спорящих. Вновь подошедших вполголоса посвящали в суть дела. Лишь немногие испуганно сторонились, большинство ребят придвигались ближе, чтобы не пропустить ни слова. Среди них преобладали девочки и мальчики: в это время дня рыбаки сидели на озере, а охотники прочесывали лесные заросли. Франк вместе со своим отрядом тоже ушел на озеро — отмывать и чистить шкуры. Охранники рассыпались по долине в поисках хвоста. В лагере оставались лишь совсем несмышленыши да те, кто готовил еду. Они-то и собирались сейчас.

— Ты никогда не был нужен нашим детям, Рудольф ван Амстелвеен, — надменно произнес Николас. — Господь заботится о нас, посыпая нам хлеб насущный и силы пройти через все испытания.

Лица ребят приняли благочестивое выражение. Долф едва сдерживал себя.

— Но при этом ~~он~~ предпочитает, чтобы мы рассчи-

тывали на свои силы и побольше думали сами, — бросил он.

— Еретик! — крикнул Ансельм.

Вот и все. Слово, до сих пор носившееся в воздухе, наконец произнесено. Долф ответил, сохранив невозмутимый вид:

— Не пытайтесь запугать меня, дон Ансельм, вам это все равно не удастся. А дело свое я знаю: наводить порядок после того, как вы здесь наломали дров. Господь знает, что работы у меня хватает.

Николас издал сдавленный вопль протesta. По его мнению, поведение Рудолфа переходило все границы. Ансельм воздел руки к небесам.

— Ты посланец нечистого, Рудолф ван Амстелвеен, и занят ты лишь тем, что сбиваешь нас с пути праведного и мешаешь нам исполнять волю Всевышнего.

Ребята в испуге отпрянули. В их широко открытых глазах Долф прочел немой вопрос: неужели он и вправду пособник дьявола?

Внезапно он осознал весь ужас своего положения. Одно лишь слово Ансельма или Николаса — и сотни сбитых с толку детей, пусть даже таких малышей, как эти, набросятся на него. Но где же Леонардо со своей дубинкой? Где Каролюс? Где его верные друзья и помощники? Он вспомнил о талисмане. Зажав медальон в ладони, он поцеловал грубое изображение девы Марии.

— Пресвятая Богородица покровительствует мне, дон Ансельм, — сказал он, придавая голосу угрожающие нотки. — Вы поплатитесь за оскорбления, нанесенные мне.

— Не клевещи, Рудолф. Не ты ли, сговорившись со старым евреем в Ротвайле, сбыл ему монеты, которые чеканил не иначе как сам дьявол?

“Пропади он пропадом, откуда ему это знать? — в растерянности соображал Долф. — Агентура у него работает исправно”.

— Не ты ли силою колдовских чар поджег ночью столь нужную нам повозку? — продолжал монах, возвышая голос. — И не ты ли владеешь ножом, выко-

ванном в кузницах преисподней, ибо нож твой не боится ржавчины и не становится тупым?

“Так, теперь я стал пособником дьявола только потому, что по случайности захватил с собой приличный хлебный нож. Что же дальше?” — размышлял Долф.

Стараясь казаться спокойным, он словно бы пропускал мимо ушей сыпавшиеся на него обвинения. Он не сводил взгляда с монаха, но в самой глубине его души шевелился страх.

— Объявляю тебя еретиком, исчадием ада. Несчастья будут сыпаться на нас до тех пор, пока ты пребываешь в стане крестоносцев, — закончил Ансельм свою обвинительную речь.

В толпе пронесся шум. Николас побледнел. Он не проронил ни слова. В глазах его сверкнула радость. Хвала Всевышнему, этот чужеземец с севера, успевший так навредить Николасу в глазах детей, разоблачен. Долф также молчал. Пока еще молчал. Во-первых, он полагал, что ему не одержать в споре верх над священником просто потому, что он не очень хорошо представляет себе, о чем у них тут идет речь. Во-вторых, он понимал, что его молчание вынуждает противника говорить — вполне возможно, тот допустит оплошность, которую можно будет использовать.

Раздались несмелые голоса:

— Рудолф ван Амстелвеен не еретик!

— Он спас моего братишку!

— Рудолф носит на груди икону, я сама видела, как он молится.

Робкие взгласы быстро потонули в общем гомоне, но и этого было достаточно, чтобы Долф собрался с силами. Значит, не все ребята отвернулись от него.

Эти голоса расслышал и Ансельм. Он желчно усмехнулся и стал обвинять мальчика в более тяжких грехах.

— Ты носишь одежду, которой никто из нас не видывал. Придя к нам, ты говорил на языке, неизвестном никому из живущих на земле. Когда все заболевают, ты остаешься здоров; когда все выбиваются из сил, ты не чувствуешь усталости. Наконец, когда все засыпают, ты потихоньку выбираешься из лагеря и

спешишь к потайному месту встречи. Там ты сообщаешься с самим дьяволом и его приспешниками, там ты совершаешь жертвоприношения в честь своего господина — Сатаны! Я выследил тебя, Рудолф ван Амстелвеен, я шел за тобой по пятам и видел зрелище, леденящее душу. Оно слишком чудовищно, чтобы поведать о нем этим безгрешным детям.

Долф тяжело вздохнул. Противник прибегает к лжи, а ложь — оружие слабых. Ну что ж, он даст хорошую отповедь.

— Дон Ансельм, как я слышал, почтенный настоятель собора в Ротвайле назвал вас отступником и лжесвященником, и вы ничего не ответили ему. Почему бы это?

— Стану я отвечать на клевету! — огрызнулся Ансельм, но лицо его выдавало испуг.

— А с какой стати мне отвечать на клевету? Да, я не ношу рясу, не облачаюсь в белоснежные покровы, и вдобавок у меня нет времени молиться по многу раз в день. Но это еще не повод обвинять меня в ереси, а тем более в пособничестве дьяволу. Посмеете ли вы отрицать, что это я принес детям хлебы, когда алчные ротвайльцы отказались накормить путников? Может быть, вы скажете, что не я помог им обуть разбитые ноги в мягкую обувь из заячьих шкурок? Возьмете ли вы на себя смелость утверждать, что хоть один из этих детей, напуганных вами, обвинит меня в жестоком обращении с ними, в корыстолюбии и алчности? Ну, дети, кого из вас я обидел словом или делом?

— Истинно так, — раздались голоса, — Рудолф ван Амстелвеен заботится о нас, словно добрый господин.

Из толпы с трудом выбрался малыш, подбежал к Долфу и схватил его за руку.

— Рудолф настоящий герой! — звонко крикнул он.

Это был Тисс, тот самый Тисс, напуганный медведями-великанами и не побоявшийся противоречить монаху.

Симпатии ребят снова были на стороне Долфа, но Ансельм приберег про запас еще один коварный ход.

— Все так, это ты накормил детей, Рудолф ван Амстелвеен. Объясни же нам, каким образом удалось все-

го за одну ночь испечь восемьсот хлебов без помощи твоего господина, Сатаны. Ни одному человеку не под силу...

— Зато под силу пятерым, дон Ансельм. Булочник Гардульф, оба его подмастерья, Франк и ваш покорный слуга трудились всю ночь не покладая рук и обошлись без помощи сатаны, своими силами.

— Ах вот оно что — булочник Гардульф! Всему городу известно, что это нечестивец, одно имя чего стоит. Значит, хлебы пеклись у него, ты признал это, Рудольф ван Амстелвеен.

“Черт бы его подрал, вот цепляется!” — подумал Долф.

— Ваши обвинения вздорны, дон Ансельм. Будь Гардульф и взаправду нечестивцем, жители Ротвайля давным-давно прогнали бы его. Они ведь не так глупы.

Ход его мысли убеждал ребят. Они согласно кивали, напирая на стоявших впереди. Словесный поединок, к удовольствию зрителей, начинал походить на подлинный турнир. Дети с трепетом ждали очередной атаки Ансельма. Вместо этого тишину прорезал визгливый голос Николаса:

— Нам не дойти до берега моря, пока Рудольф с нами.

Дело принимало опасный оборот, толпа угрожающе загудела.

— Господь отвернется от нас, ежели мы и дальше будем терпеть в своих рядах это дьявольское отродье!

— распалялся Николас. — Господь послал нам в предостережение Багряную Смерть, он испытывал нас непогодой и многими бедствиями. Несчастья будут идти по пятам за святым воинством, пока он, Рудольф ван Амстелвеен, остается здесь, препятствуя нашему движению.

Кольцо ребят вокруг Долфа подозрительно сжималось. Маленький Тисс испуганно крикнул:

— Не надо!

“Эх, только бы выиграть время, — в полном отчаянии думал Долф. — Если так пойдет и дальше, Николас доведет их до того, что они и перед судом Линча не остановятся...”

— Стойте!

Он помахал над головой скрещенными руками. Напряженный, повелительный взгляд сверлил толпу насквозь.

— Стойте! Мне предъявлены обвинения. Не отрицаю, дон Ансельм и Николас имеют право обвинять меня в ереси, но у них нет права обвинить меня без суда. Одних обвинений недостаточно, чтобы признать человека виноватым, нужны еще доказательства, и потому я требую суда по закону, и пусть на него соберутся все до единого. Торжественно клянусь покориться приговору высокого суда, сколь бы суров для меня он ни был. Обещаю также, что не сделаю попытки скрыться, если сегодня вечером предстану перед законным судом. Я не боюсь его, ибо нечего страшиться невинному. Не имеющий греха да вручит себя воле Господней, а на мне нет греха. Я все сказал.

С этими словами он повернулся к Николасу спиной и шагнул навстречу толпе. Ребята расступились, давая ему дорогу. Не поднимая глаз, ни на кого не глядя, Долф направился в свой уголок и опустился на землю у костра.

— Стерегите его, — прорезал тишину голос Николаса, — будет ему сегодня суд.

“Прекрасно, — с облегчением подумал Долф, — по крайней мере, у меня в запасе несколько часов, чтобы подготовиться”.

Зрители расходились. Человек двадцать с дубинками в руках окружили Долфа. Он делал вид, что не замечает их.

Долф старался не подавать виду, что приближение вечера страшит его. Насколько серьезно тут у них обвинение в ереси? Можно ли рассчитывать на помощь друзей, наконец, просто на чувство благодарности со стороны остальных ребят? Он не исключал и того, что они отступятся от него и приговорят к сожжению на костре.

Бедняга Долф! Имей он хоть малейшее представление о людях того далекого времени, ему не пришлось бы гадать, на что можно положиться. Конечно же, на преданность товарищей, которые не спасают перед смертельной угрозой, не отступят перед суевериями и

страхом. По своей сути Долф продолжал оставаться человеком двадцатого столетия, хорошо понимавшим, что такое измена и предательство. Что значило для современников Долфа данное ими честное слово? Долф знал, с какой легкостью нарушаются самые торжественные обещания и как редко встречаются в жизни настоящие дружба и верность.

Позади него Альпы, мрачные и неприступные, вздымали к небесам свои вершины. Там зияли узкие расселины, низвергались потоки. Завтра с восходом солнца маленькие крестоносцы вступят на эти горные тропы, но уже сегодняшний вечер решит, будет ли во главе похода идти Рудолф ван Амстелвеен. Долф сидел не шелохнувшись, понурив голову, и вдруг неожиданно для него самого смутный порыв, которому не было названия, зародился глубоко в душе, и с губ сами собой слетели слова: “Спаси и сохрани меня... Защитник обиженных и страждущих, помоги мне...”

Дон Тадеуш стоял на берегу озера и разглядывал рыболовов. Он улыбался, слыша возбужденные голоса, когда сеть, наполненная до краев, медленно поднималась из воды. Но вот она рвалась под собственной тяжестью, отливающая серебром добыча скользила в глубину, и берег оглашался воплями и проклятиями. Он умиллялся, глядя на дочерна загорелые тела в искрящихся брызгах воды, и в такие моменты все окружающее: белоснежные шапки вершин, необъятная, сверкающая сочной зеленью долина, июльское солнце над головой — вся эта несказанная красота представлялась ему исполненной неиссякаемой милости Божьей и любви.

Он любил детей, потому он и в поход отправился, надеясь помочь им по мере сил. Вскоре после того, как он пришел в стан маленьких крестоносцев в Шварцвальде, он приметил высокого юношу, чья горделивая осанка и голос, привыкший повелевать, изобличали по-томка знатного рода, прирожденного вожака. Поначалу Тадеуш решил, что это и есть Николас, избранный Богом пастушок. Необычный юноша покорил сердце священника. Ошибка раскрылась некоторое время спустя. Николаса легко можно было узнать по белоснеж-

ным одеждам, благостному выражению лица и чинной манере держаться, явно напускной и потому не шедшей ему. Разочарованию Тадеуша не было пределов. Но кто же тот неизвестный юноша? За три дня, что они шли до Ротвайля, священнику бросилось в глаза множество несообразностей. Хоть юный Рудольф, несомненно, был сыном знатного господина, ночевал он под открытым небом, а не в палатке со знатью. Он почти никогда не разговаривал с Николасом и монахами, если уж обращался к ним, дело кончалось ссорой. Тадеушу удалось узнать, что юный чужестранец родом с севера, присоединился к походу где-то на середине пути и тотчас же заставил всех считаться со своим мнением.

В латыни он не силен, но, по-видимому, обладает большими знаниями, успел посмотреть мир, смел и решителен, отменный врачеватель. И в то же время его не прельщают рискованные охотничьи вылазки, рыбалка. Он не занимается приготовлением пищи, выделкой кож или плетением сетей, но всегда появляется там, где нужен добрый совет и правильное решение. Дон Тадеуш в жизни еще не встречал ребенка, наделенного подобными достоинствами. Впрочем, можно ли Рудольфа считать ребенком? У него лицо юноши, фигура взрослого мужчины, а мудростью он превосходит пожившего отшельника...

И все же Рудольф еще такой ребенок... Дон Тадеуш почувствовал это, когда застал его плачущим возле повозки. Они стояли в тот день близ Ротвайля. Долф плакал из-за того, что Багряная Смерть несла детям тяжкие страдания. Тадеуш не мог больше держаться в стороне, он обратился к мальчику и предложил ему свою помощь. Изнурительная борьба с Багряной Смертью — борьба, которой юноша отдавал все свои силы, потрясла священника. Наконец Рудольф одолел полчища дьявольских слуг, отбросил их к последнему рубежу — повозке, в которой перевозили больных, а оба монаха упрямо отказывались расстаться с ней. Что еще оставалось преподобному Тадеушу, как не позаботиться о том, чтобы она сгорела? Выздоровевшие, повеселевшие ребята могли продолжать свой путь. Но где

же Рудолф приобрел столь выдающиеся познания в медицине? Откуда мальчику знать непостижимую тайну существ, несущих с собой Багрянью Смерть?

Глубоко задумавшись, дон Тадеуш смотрел на детей, шлепавших по воде. Он любил этих звонкоголосых, порывистых ребят с наивными, бесхитростными физиономиями, любил их всех. Но разве это сопоставимо с охватившей его душу привязанностью к одному необыкновенному юноше, Рудолфу ван Амстелвеен? Тревога не покидала его. Не владает ли он в тяжкий грех, втайне боготворя одного из этих детей, он, которому христианский долг велит любить каждого из малых сих равною любовью? И вот умный человек смиленно молит небеса простить ему великий грех возвышения одного над всеми.

Многое в этом мальчике оставалось для него загадкой. В вопросах веры он обнаруживал вопиющую наивность. С невинным видом иной раз заявлял такое, отчего волосы дыбом вставали. Неужели он все-таки еретик?

В глубине души отец Тадеуш не питал ни малейшего уважения к Николасу и обоим монахам, которые вели детское воинство из Кельна, но сомневаясь в том, что они исполняют волю Всевышнего, он бы не дерзнул. А Рудолф открыто и безбоязненно заявил о своих сомнениях. Тадеуш понимал, что должен бы любить своих братьев во Христе, этих бенедиктинцев, братской любовью, и лишь Рудолф со своими подозрениями виновен в том, что это не так. Досадно... Разумеется, дон Тадеуш предполагал, что наступит день, когда взаимная неприязнь Рудолфа и Ансельма сменитсся открытой враждой. На чьей стороне он должен быть тогда? Чувство долга обязывало его занять сторону святой церкви, сторону Ансельма, против этого юноши, к которому он успел привязаться всем сердцем...

Рыбаки погрузили свой дневной улов на ослика и, напевая, двинулись к лагерю. Леонардо приветственно помахал отцу Тадеушу, но тот ничего не замечал. Опустив голову, вышагивал за ребятами этот добрый человек, придавленный грузом сомнений.

ПРАВЫЙ СУД

епривычной тишиной встретил лагерь Каролюса и его охотников. Девочки молча хлопотали над котелками, укладывая связки сушеної и вяленой рыбы, обматывая их прочными пеньковыми жгутами. Затихли даже малыши; они возились со своими веточками, палочками, шишками, заменявшими им игрушки, но не визжали, не галдели, как обычно.

— Что у вас случилось? — обеспокоенно спрашивал Каролюс. — Что за похоронное настроение?

Дети боязливо помалкивали.

Каролюс вскипал от обиды. Раньше, бывало, все, кто был в лагере, сбегались встречать охотников, приветствовали их возгласами удивления и восторга, которых так не хватало сейчас маленькому Каролюсу. В сердцах отшвырнув добычу, он отправился искать Рудолфа. Вот кто наверняка объяснит ему причину зловещего молчания. Его друга нигде не было видно, не слышно было и знакомого голоса, уверенно подающего команды. Он приметил кучку ребят вдалеке и поспешил туда.

— В чем дело? Беда? Нужна помощь?

Все расступились, и тот, кого искал Каролюс, предстал перед его взором. Теперь, когда цепь ребят, окружавшая Долфа, распалась, Каролюс увидел, что тот сидит в полной отрешенности и, казалось, молится. Низко склоненная голова, потупленный взгляд. Он не оторвал взгляд от земли даже в ту минуту, когда Каролюс подскочил к нему с возгласом:

— Рудолф ван Амстелвеен! Твой король говорит с тобой, взгляни на него. Что с тобой?

Тут же позабыв о своем королевском достоинстве, он опустился на колени рядом с Долфом, взял его за руку и, волнуясь, шепнул:

— Ты не болен? О Рудолф, послушай же, ты так нужен нам.

Долф наконец посмотрел на него.

— Каролюс...

— Ну, что случилось? На лагерь напали? Уж не ранен ли ты? Вымолви хоть словечко!

— Меня обвиняют, Каролюс. Вечером дон Ансельм намеревается доказать, что я пособник дьявола и еретик.

— Ты? Вернейший из моих вассалов, благороднейший из моих друзей? — вскричал Каролюс, возбужденно жестикулируя, приплясывая от нетерпения. — Ну уж нет, я, король Иерусалимский, воспротивлюсь этому. Какая смехотворная ложь! Кто посмел тебя оклеветать? Я велю четвертовать его, бросить в темницу. Скажи только, кто осмелился возвести на тебя напраслину?

— Николас.

Каролюс осталбенел, да так и застыл на одной ножке посреди своих немыслимых па. Рот его медленно закрылся, занесенная нога опустилась на землю. Смысл услышанного с трудом доходил до него, и все-таки он упрямо тряхнул головой.

— Это недоразумение. Скорее всего, какой-то балбес — мало ли Николасов! — придумал чепуху, которую ты принимаешь слишком близко к сердцу. Мало ли дураков вокруг? Болтают всякое, придумывают глупейшие розыгрыши. Рудольф, это просто шутка.

Долф покачал головой.

— Только один Николас способен поднять голос против меня.

— Наш Николас?

— А кто еще?

— Нет, быть не может. Никогда в жизни не слыхал ничего более невероятного. Вот оно что... Пока я целыми днями пропадаю на охоте, здесь плетутся заговоры против моих верных вассалов... Не бывать тому!

Словно стрела, пущенная из лука, рванулся Каролюс к шатру требовать объяснений. Долф, усмехнувшись, проводил его взглядом. Что ж, если к кому-то он относился с еще большей теплотой, чем к Марике, то, несомненно, к этому подвижному как ртуть, добрейшей души парнишке. Но Долф не заблуждался на его счет: в настоящей борьбе Каролюс был абсолютно беспомощен. Скорый на слово и дело, находчивый,

изобретательный, он великолепно справлялся с ролью маленького короля, но всерьез его никто не принимал. Разодетый клоун, неунывающий шут — разве это противник для Ансельма? Тот лишь пожмет плечами и сделает все по-своему.

Вернулись рыбаки, а с ними Леонардо и дон Тадеуш. Гробовое молчание, нависшее над лагерем, было нарушено, а тут подоспели и проголодавшиеся кожевники, которые провели целый день у ручья.

Сообщение о предстоящем суде взбудоражило всех. Франк, размахивая хлебным ножом Долфа, держал перед своей командой зажигательную речь. Петер подбивал рыбаков окружить шатер и выступить против страшных обвинений. Марику возвратилась в лагерь позже других вместе со сборщиками плодов и ягод, тащившими корзины, полные даров леса. Первым ее побуждением было сразу броситься к Долфу, но отец Тадеуш удержал девочку.

— Обожди, — строго сказал он.

— Чего мне ждать? — кричала Марику. — Как они посмели обвинить Рудолфа? Господь покарает их.

— Господь покарает Николаса, — в страхе повторил Тадеуш.

Побледневшая Марику не сводила с него глаз.

— Как Николаса? — Голос ее срывался.

— Рудолфа обвиняют Николас и дон Ансельм, вечером они хотят доказать это.

Марику презрительно фыркнула.

— Ничего у них не выйдет. Какой же Рудолф еретик?

— Ах, Марику, ты же знаешь, что к нему можно придраться.

— Какое мне до этого дело! — воскликнула Марику, притопнув ногой. — Если они приговорят Рудолфа к сожжению, я умру вместе с ним.

— Помолимся, — дрожащим голосом взывал к ней дон Тадеуш.

— Не буду я молиться, я к Рудолфу хочу!

И Марику рванулась прочь.

Она принесла Долфу поесть и молча присела рядом. Так пролетели два часа. За это время Леонардо обошел

весь лагерь, выясняя настроения ребят. Они не знали, что и думать обо всей этой истории. Большинство, правда, склонялось к тому, что Рудольф с самого начала казался странным и что благочестия ему и впрямь не достает, но нельзя было не согласиться и с Леонардо, который напоминал детям о долге верности их господину, Рудольфу ван Амстелвеен. И все же от одного слова "еретик" они тряслись в страхе, пытаясь вообразить, на что способен приспешник дьявола...

Труднее всех приходилось отцу Тадеушу. Сердце его сжималось при мысли о смертельной опасности, нависшей над Рудольфом, хотя ему было ясно, что для обвинения в ереси имелись веские основания. Когда сомнения отпускали его, он начинал рассуждать здраво и склонялся к одной и той же мысли: давно уже все шло к тому, что Рудольф и Ансельм столкнутся, но кто бы мог подумать, что это произойдет именно теперь? Гроза грянула в самый неподходящий момент.

Тадеуш был недалек от истины. Ансельм мерил лагерь большими шагами, сотни испуганных взглядов провожали его мрачную фигуру. Ансельм был взбешен. До сих пор ему удавалось избегать прилюдных стычек с Рудольфом. Свои отношения с мальчиком он старался выяснить, скрывшись за пологом шатра. Он понимал, что Рудольф нужен маленьким крестоносцам. Неприступная преграда высились на их пути, и только Рудольф сможет провести их войско по горным тропам. Вообще-то Ансельма даже устраивало, что Рудольф так печется о детях, он лишь не мог взять в толк, чего ради старается юноша. Обвинение в богохульстве и ереси, да еще в присутствии сотен свидетелей, вырвалось у монаха помимо его воли. Теперь, увы, назад пути нет. Болван Николас только подлил масла в огонь. Хочешь не хочешь, он должен уничтожить Рудольфа.

Дон Ансельм с превеликим тщанием выбрал место для судилища. Неподалеку от стоянки покато сбегал к озеру обширный луг. Места здесь хватит для нескольких тысяч зрителей. Внизу у самого берега врос в землю исполинский валун.

На этой каменной глыбе восседал Николас, закутанный в белоснежные одежды, рядом с ним примостили-

ся, болтая ногами, Каролюс в полном парадном облачении. Он не позабыл ни об одном из атрибутов своего королевского достоинства: на нем была великолепная алая мантия, расшитый серебром пояс, изящный кинжалчик и берет с перьями. Дон Йоханнес с самым несчастным видом сидел подле Каролюса. Ансельм держался рядом с Николасом. У подножия валуна расположилась знать. Позади высокого суда полукругом рассыпалась сотня охранников с горящими факелами. Смеркалось. Стражники напряженно всматривались в полутьму. Напротив валуна оставалось пустое пространство, там в одиночестве стоял Долф. За его спиной тысячи и тысячи ребят заполняли огромное поле: самые маленькие в первых рядах, ребята постарше — позади. Местность спускалась под уклон, и всем было видно, что происходит у подножия камня.

Надо сказать, что в ту пору пышные церемонии и вообще любые знаки проявления верховной власти производили на людей сильнейшее впечатление, и, хоть сегодня дело касалось жизни Рудолфа ван Амстелвеена, которого они безмерно любили, зрители от души наслаждались спектаклем и ролью, отведенной им. Ансельм, как нельзя лучше понимая это, вознамерился устроить настояще представление, чтобы раз и навсегда внушить ребятам, кто их подданный господин.

Церемонию суда открыл Николас, который поднялся и громко повторил, в чем он обвиняет Долфа. Его визгливый голос далеко разносило ветром:

— Несомненно, Рудолф ван Амстелвеен — верный прислужник Сатаны. Он сносится с евреями и колдунами, он приносит нечестивые жертвы демонам. Это он навлек мор и болезни на воителей-крестоносцев, дабы извести нас. Он...

Долф вскинул руку, прерывая поток обвинений.

— Совсем напротив, Николас. Все, что ты говоришь, как раз подлежит сомнению. Приведи доказательства своим словам.

Огромная толпа ответила ропотом: подсудимому полагается молчать и говорить, лишь когда к нему обращаются.

Ансельм тоже вскочил и выкрикнул во весь голос:

— Правда ли, что ты, Рудолф, происходишь из графства Голландия, которое лежит далеко на севере?

— Да, это так, — спокойно подтвердил Долф.

Страх покинул его, и все случившееся приняло нереальные очертания. Он казался себе героем острожетного телесериала, а в фильмах, как известно, главному герою уготована благополучная судьба. Конечно, Долф сознавал, что играет сам с собой в прятки, все было как нельзя более серьезно, но он цеплялся за придуманную им уловку, которая помогала ему хотя бы сохранять спокойствие.

— Правда ли также, что ты вступил под наши знамена близ города Спирса, а не с самого начала похода в Кельне? — продолжал допрос Ансельм.

— И это правда.

— Как ты попал в Спирс?

— Я путешествовал.

— В одиночестве?

В голосе монаха прозвучали нотки недоверия.

— Я направляюсь в Болонью вместе со своим другом Леонардо Фибоначчи.

— Может ли Леонардо, купеческий сын, свидетельствовать в твою пользу?

Не тряся слов, Леонардо вступил в освещенный круг. Он небрежно опирался на свою дубинку и разглядывал высокий суд.

— Я готов.

— Где ты повстречался с Рудолфом ван Амстелвеном?

— Я держал путь из Парижа на юго-восток. В дороге на меня напали разбойники, и Рудолф спас мне жизнь. Лишь благодаря его отваге я стою теперь перед вами и свидетельствую о его благородстве, рассудительности и благочестии.

Ребята зашептались; Леонардо был всеобщим любимцем, а его ослик столько раз помогал в дороге больным и ослабевшим малышам.

— Тогда объясните нам, что побудило вас обоих отправиться за нами, — потребовал Ансельм.

— Крестоносцы повстречались нам неподалеку от

Спирса. Мы пожалели усталых детей, но нас не впустили в город вместе с ними. Колонна крестоносцев следовала по той же дороге, по которой пролегал наш путь, и мы пошли за ними.

— Это еще не причина отправляться в крестовый поход, — с насмешкой заметил Ансельм.

— Причина вполне достаточная, — все так же спокойно продолжал Леонардо. — Детям были уготованы бесчисленные страдания. Мы видели, как худо они одеты, как больно им ступить босыми, разбитыми в кровь ногами по каменистому тракту. На наших глазах несчастные падали замертво прямо на дороге, и некому было похоронить их. Тогда мы поняли: те, кто предводительствует в походе, не искушены в своем деле, этим детям требуется помочь. Могу поклясться, мы и вправду пригодились им. Мы научили детей, как самим позаботиться о себе, а своих сил мы с Рудольфом не жалели. Мы выполняли христианский долг, и только.

Удар пришелся прямо в цель. Из обвинителя Ансельм, того и гляди, превратится в обвиняемого. Поняв опасность, монах отпустил Леонардо на место.

— Сказанным выше установлено, что Рудольф ван Амстелвеен, равно как и Леонардо из Пизы, присоединились к нам на середине пути. Прекрасно! Многие приходили в стан крестоносцев, и всех мы принимали с радостью. Но по какому праву ты, Рудольф, стал у нас непрошенным командиром? Кто дал тебе право распоряжаться этими детьми?

Долф вскинул голову.

— Никто, — четко выговорил он. — Я сам возложил на себя такое право, но при этом я позволил им самим выбирать себе дело по душе и никого не принуждал делать то, что не хочется. Восемь тысяч свидетелей есть у меня.

Ребята одобрительно загаддали и захлопали в ладони. Они радовались от души. Но одолеть Ансельма было непросто, и Долф знал это.

— Осмелишься ли ты отрицать, Рудольф ван Амстелвеен, что владеешь таинственными силами, которые выше человеческого разумения?

— Я отрицаю это, — громко прозвучал ответ Долфа.
— Я самый обыкновенный человек. В борьбе я уступаю Берто, на рыцарском турнире мне далеко до Каролюса, а из пловцов мне не догнать не только Петера, но и еще десятка два ребят. Будь вы достаточно учены, чтобы проверить наши знания, вы бы нашли, что студент Леонардо умудрен в науках гораздо более меня, а я могу похвастать лишь сообразительностью да еще выносливостью и силой. Разве это преступление? С каких пор?

Смех и возгласы одобрения раздались в толпе. Долф поднял руку, призывая к тишине.

— Тело у меня крепкое, и не всякой хвори под силу свалить меня. Может, это грех? Здоровье, разум, сила — разве не есть щедрые дары Всевышнего, за которые нам никогда не отблагодарить его? Каждый день я возношу за это благодарственные молитвы.

“Так, с благочестием все в порядке”, — подумал он.

Дон Ансельм язвительно скривился:

— Ты возносишь молитвы? Интересно, когда же это? Ты уже почти четыре недели с нами, а многие ли видели тебя за молитвой? Зато я своими глазами видел, как ты, проходя мимо церкви, и не подумал перекреститься. Рудолф ван Амстелвеен, восемь тысяч детей свидетельствуют, что ты вероотступник, забывший Бога.

Долф не стал опровергать очевидное, вместо этого он воскликнул:

— Я не поклоняюсь Господу на людях, я служу ему в сердце своем!

— Хорошо сказано, сын мой, — сердечно отозвался дон Йоханнес.

Но ребята не спешили поддерживать Долфа, и он снова почувствовал себя неуверенно.

— Значит, для молитвы у тебя не хватает времени?
— наступал Ансельм. — Зато его с лихвой достает, чтобы корчить из себя важного господина, не так ли?

Долф топнул ногой.

— Хватит придираться ко мне! — вскричал он. — Какое дело вам или этим детям до того, откуда я

родом и сколько раз на дню я осеняю себя крестом?
Это мое дело! Вы хотите знать, причинял ли я детям зла? Нет, никогда!

Он обернулся к толпе, простирая руки перед собой.
— Дети, кого из вас я хоть раз ударил, толкнул или обругал?

— Никого! — в один голос взревела толпа.

Долф снова был на коне, он стал прежним доблестным героем крестового похода.

— Заботился ли я о том, чтобы вы были сыты?

— Да, да! — отвечал дружный хор.

— Кто ходил за больными, кто победил Багряную Смерть, кто вступался за маленьких и слабых?

— Рудолф ван Амстелвеен, да здравствует Рудолф!

— в исступлении повторяли они.

“Победа!” — с облегчением подумал он — и опять обманулся.

— Тихо! — прогремел Ансельм.

Дети, довольные тем, что представление еще не закончено и поединок продолжается, мгновенно затихли.

Монах набрал воздуху и начал:

— Я расскажу вам, добрые мои детки, о том, что доподлинно сотворил Рудолф ван Амстелвеен, якобы помогая вам. Пользуясь дьявольскими ухищрениями, он пытался отвлечь вас с пути истинного; несчетное число раз требовал он остановить наше паломничество, ибо цель его — не допустить нас до врат Иерусалимских. Это он сеял клевету и подстрекал своих друзей против Николаса. Он открыто заявил, что не верит богоизбранному Николасу, он утверждал, что море не расступится перед святым, что морская пучина поглотит наше воинство. Послушайте меня, дети, послушайте своего духовника, хотите ли вы попасть в Белокаменный Город, оскверненный нечестивыми са-рацинами?

— Да-а-а! — бушевала толпа. — Вперед, на Иерусалим!

— Как покараем того, кто задумал помешать нашему святому делу?

— Смерть ему! На костер его! Бросить его в воду со связанными руками! Поджарить на медленном огне!

Они были поистине неистощимы, изобретая разнообразные способы мучительной казни. Колесовать, повесить, сбросить в пропасть, четвертовать, привязать к волам и разорвать на части. Сколько выдумки! Неужели они не понимают, что творят? Неужто и впрямь желают смерти своему товарищу, которого единодушно защищали всего несколько минут назад? Мысли Долфа путались. Лицо его покрылось испариной, ноги подкашивались. В отчаянии он неистово замахал руками.

— Ну так докажите это! Кто докажет, что я хотел помешать вам дойти до цели?

Голос Долфа потонул в хаосе звуков.

Однако яростная вспышка толпы не значила ровным счетом ничего. Дети просто-напросто ответили на заданный им вопрос, высказав свое недвусмысленное отношение ко всякому, кто попытался бы встать на их пути в Иерусалим. Гнев их не был направлен против самого Рудолфа, но мальчик не понимал этого. Удар, нанесенный, как он полагал, черной неблагодарностью ребят, был слишком тяжел для него. Теперь ставкой в борьбе была даже не справедливость, а сама его жизнь.

— Докажите это! — взлетел над поляной его голос.
— Не верьте словам! Не трудно оболгать любого, труднее доказать вину.

— Спокойствие! — прервал всеобщее возбуждение Ансельм, хорошо разбиравшийся в происходящем.

Люди средневековья не жалели времени на столь важные вещи, как судилище.

— У меня есть доказательства. Послушайте, дети, послушайте меня.

Охранники под командой Франка и Петера тем временем утихомиривали разошедшихся ребят. Все напряженно ждали продолжения.

— Рудолф ван Амстелвеен, ответь мне по совести, — заговорил Ансельм, когда все умолкли, — не Сатана ли помог тебе испечь сотни хлебов всего за одну ночь?

— Булочник Гардульф из Ротвайля испек их, ему помогали слуги и мы с друзьями. За этот хлеб я отдал все деньги, которые взял с собой из Голландии.

— Откуда у тебя столько денег, чтобы заплатить за восемьсот хлебов?

Долф презрительно пожал плечами.

— Какой же студент отправится в долгий путь из Голландии в Болонью, не имея достаточно денег? Да и мой отец весьма богат...

Последние слова оказали на ребят именно то действие, на которое рассчитывал Долф.

— Булочник Гардульф известен в Ротвайле как нечестивец, — сорвался на крик Ансельм, — даже имя у него и то не христианское!

— Глупости! — воскликнул Долф. — Этот Гардульф не более нечестив, чем вы сами, дон Ансельм. Он родом из Ирландии, а вам следовало бы знать, что эта держава — оплот христианской веры, и несколько столетий тому назад нашу веру принесли в Европу ирландцы. Вам также должно быть известно, что в Ирландии имеется множество богатых монастырей, из которых христианство пошло во французские и германские земли. Если вы даже этого не знаете, то вы еще невежественнее, чем я думал.

— Рудолф ван Амстелвеен говорит истинную правду, — вмешался дон Тадеуш. — Святая церковь многим обязана преподобным отцам из Ирландии. Ирландская кровь делает честь происхождению.

Долф широко улыбнулся.

— Откуда тебе известно, что булочник Гардульф родом из Ирландии? — спросил Ансельм, явно сбитый с толку.

“По цвету его волос и глаз”, — подумал Долф, а вслух сказал:

— Он сам поведал мне об этом ночью, когда мы стояли у печи.

Воспоминание о чудесном явлении хлебов было еще свежо в памяти у всех. В то замечательное утро никто не задавался вопросом, откуда взялся волшебный завтрак, зато теперь они знали: о них позаботился Рудолф ван Амстелвеен. Рудолф всегда сумеет помочь в беде, он спас их даже от голода. Ребята перешептывались и переговаривались между собой, очень довольные тем, что у них такой могущественный покровитель.

— Хлеб-то и был отравлен, — быстро нашелся дон Ансельм, — ибо с того самого времени на нас обрушилась Багряная Смерть.

— Ложь! — яростно защищался Долф. — В лагере уже тогда было не меньше тридцати больных. В тот день не было ни единого человека, кто бы не позавтракал с нами. Все ели хлеб: и вы, дон Ансельм, и я тоже, и Леонардо, и отец Тадеуш. Разве кто-нибудь из нас отравился? И вы знаете лучше других, дон Ансельм, что не я принес болезнь в лагерь, я лишь боролся с ней в меру своих сил. На клевету вас толкает ненависть ко мне, а все ваши доказательства — сплошное мошенничество.

Тут у него вышла промашка, и Долф сразу почувствовал это. Нужно было тщательнее взвешивать свои слова, но осторожность изменила ему; он больше не хитрил, не раздумывал над ответами. Гордое достоинство человека двадцатого столетия восстало против этой комедии. Пусть это стоит ему жизни, он бросит им правду в лицо!

— Как ты смеешь, негодяй, называть святого отца мошенником? — завизжал Николас.

— Я и не то еще смею! — кричал Долф, отбросив всякую осмотрительность. — Ваши обвинения построены на песке — ложь и еще раз ложь, все ребята это знают. Я и не собираюсь их останавливать. Для чего мне это? Пусть идут в Геную, я и сам пойду с ними, чтобы увидеть ваше хваленое чудо. Встану рядом с Николасом, когда по мановению его руки море отступит от берегов. Кто же откажется от такого зрелища?

— Почему же ты вечно задерживаешь нас в пути? — издевательски спросил Ансельм.

— Если я и останавливал вас, то лишь потому, что честь не позволяет мне бросить на произвол судьбы обессиленных, больных детей; честь не позволяет мне смотреть, как они погибают от голода. Только поэтому. Если вы сочтете грехом заботу о своих младших братьях и сестрах, я готов понести за это наказание. Но я не позволю клеветать на себя людям, которые, встав во главе крестового похода, не в состоянии даже позаботиться о детях, вверивших им свою судьбу.

Он услышал одобрительный ропот за спиной. Чаша весов опять склонялась в его пользу.

— Оскорбляя меня, Рудолф ван Амстельвеен, ты на-носишь оскорбление Богу.

— Неправда. Как я могу оскорблять Бога заботой о его странниках?

Долф кивнул в сторону перепуганного Николаса.

— Вон стоит пастух Николас, святой Николас, ко-торый слышал ангельские голоса. Пусть он скажет, достаточно ли так называемых доказательств, которые высказал дон Ансельм, чтобы осудить меня. Я подчи-нююсь приговору Николаса.

Долф не собирался больше затягивать спор и хотел только одного: быстрее покончить с этим судилищем. Он рассчитывал на слабохарактерность Николаса, пре-красно понимая, что на карту поставлено все. Стоит Николасу поддержать Ансельма — и он, Долф, погиб. Но хватит ли у бывшего подпаска смелости на такой шаг? Усиливающийся ропот зрителей говорил о том, что большинство поддерживает Долфа. В конце кон-цов, Николас не настолько глуп, он понимает их на-строение. Неужели рискнет пойти наперекор остальным?

Он не отрывал пристального взгляда от Николаса, который в смущении ерзal, ощущая крайнюю нелов-кость. Стоя спиной к зрителям, Долф не мог видеть, как во главе большого отряда выступил вперед Франк. Факелы отбрасывали свет на знаменитый хлебный нож, которым маленький кожевник работал целый день и который теперь поблескивал у него в руке. Парни из команды сжимали остро отточенные камни и куски железа, служившие им для очистки кож. С другой стороны поля, наискось от Долфа, поднялся Леонардо вместе с Петером и Марике, за ними другие ребята, вооруженные короткими копьями, ржавыми спицами, веревками с твердыми нашлепками на конце. Фредо, который находился ближе всех к сотне факель-щиков, взмахнул рукой, словно собираясь подать сиг-нал.

Воцарилась мертвая тишина, ребята застыли, оза-ренные огнем факелов. Все ждали, что скажет Нико-

лас, и тот почувствовал исходящую от них угрозу. Оба монаха со своего валуна тоже заметили признаки готового вот-вот вспыхнуть мятежа. Ансельм заметно побледнел, Йоханнес улыбнулся, молитвенно сложив руки, будто просил Всеизыншего излить на Николаса свою мудрость, дабы тот принял справедливое решение. Напряжение росло.

Но еще один человек счел необходимым накалить обстановку до предела — то был Каролюс. В то время как Николас, уйдя в свои мысли, обдумывал “доказательства”, представленные Ансельмом, король Иерусалима взвился во весь свой небольшой рост, алая мантия полыхнула в отсветах пламени, пояс засверкал серебром. Он являл собой живописную картину.

— Я протестую против этого суда, — во весь голос заявил он. — Святые отцы и Николас не могут творить правосудие, ибо выносить приговоры — дело монарха. Я, ваш монарх в грядущем царстве, не позволю осудить невиновного и приговорить к смерти лучшего из моих подданных. Слушайте меня, дети Иерусалима: объявляю Рудолфа ван Амстелвеен невиновным в ереси, колдовстве и богохульстве, ибо этот благородный юноша — настоящий вождь и вернейший вассал. Обвиняю его в непочтительности, гордыне и дерзости, которые не являются преступлениями, наказуемыми смертью, — это лишь прегрешения, которые совершают каждый из нас. Посему, Рудолф ван Амстелвеен, повелеваю тебе преклонить колена перед судом, испросив у дона Ансельма прощения за те оскорблении, которые ты нанес ему сегодня.

Маленький Каролюс сделал очень ловкий ход, рассчитывая тем самым подвести дело к благополучному исходу и одновременно удовлетворить тягу зрителей к справедливому приговору. Долф поднял удивленный взгляд на Каролюса и кивнул ему; он понял, что маленький король нашел мудрый способ разом покончить с этой тяжбой. Он уже сделал шаг вперед...

Но слова Каролюса вызвали у Николаса внезапную вспышку гнева. Почести, которыми шесть недель тому назад был осыпан бывший подпасок, вознесшийся из крепостных в предводители крестового похода,

собственная повозка с упряжкой волов, возможность ночевать в шатре наравне со знатью — все это донельзя вскружило ему голову. Николас вообразил, что он и впрямь самая важная персона в стане крестоносцев, их подлинный командир, каждое слово которого встречается беспрекословным подчинением. И вдруг этот своенравный коротышка посягнул на то, что принадлежит лишь ему, святому Николасу, осмелился вынести собственный приговор. Что он себе позволяет, этот мальчишка?

— Замолчи! — взорвался Николас, вскакивая на ноги. Белое одеяние разлеталось по ветру, и языки пламени отбрасывали на него кровавую тень. — Замолчи, Каролюс, твой черед не подошел еще. Ты станешь королем лишь после того, как я приведу детей в Иерусалим, а пока это мой крестовый поход. Я заявляю: Рудолф ван Амстелвеен виновен. Он вступил в сделку с дьяволом и в ночной тиши совершает жертвоприношения своему ужасному господину. Он принял личину юноши, одного из нас, и пытается внушить нам, что хочет помочь детям, но, по правде говоря, он делает все, чтобы сбить нас с толку и помешать нам. Виновен, виновен, виновен, трижды виновен! Я, Николас, посланный небесами, приговариваю нечестивца Рудолфа ван Амстелвеен к смерти.

Рев толпы заставил Долфа обернуться, приготовившись к самому худшему — вот сейчас огромная неуправляемая масса хлынет прямо на него! Первым, кого он увидел, были его друзья, готовые к бою. Другие ребята воинственно напирали, вознамерившись тут же привести в исполнение приговор Николаса. Многие медлили в нерешительности. Большинство же исступленно выражало свое несогласие. При этом они тузили друг друга, толкали и молотили кулаками, крича во все горло. Внезапно голос Фредо перекрыл этот невообразимый гвалт:

— Защищайте его!

Леонардо взмахнул дубинкой и с криком: “Смерть предателям! Защитим Рудолфа!” — бросился вперед.

Долф понял, что сейчас начнется самая настоящая бойня.

— Растерзайте его в клочья! — приплясывая на камне, визжал Ансельм.

— Не прикасайтесь к нему! Ребята, поможем нашему спасителю!

Задние ряды напирали на стоявших впереди. Долф вскрикнул, но теперь уже ничто не могло помешать детям сцепиться в драке. Леонардо с дубинкой наперевес пробивался к той кучке ребят, что готовились схватить Долфа.

— Нет! — взмолился Долф.

В эту минуту среди полной неразберихи раздались звучный бас отца Тадеуша, воздевшего руки к небесам:

— Прекратите! Тихо, тихо! Не троньте его, дети. Рудольф невиновен, и я докажу это.

Он повторял это, пытаясь перекричать спорящих, до тех пор, пока ребята не утихомирились. Любопытство одержало верх: всем хотелось узнать, что скажет святой отец. Охрана растащила забияк и отправила их по местам.

— Тише, тише! Дон Тадеуш будет говорить.

Шеренга факельщиков распалась — они обступили Долфа, прикрывая его от разъяренной толпы, но по призыву дона Тадеуша построились вновь. Все примолкли в напряженном ожидании, по-прежнему настороже, готовые в любую секунду снова вцепиться в противника. Каролюс вскочил со своего места со словами.

— Спокойствие! Выслушаем отца Тадеуша!

Священник все так же стоял, воздев руки, в прозрачном круге света подле Долфа, затем он жестом приказал Леонардо, Франку и Петеру отойти в сторону, что они сделали с видом явного недовольства, после долгих колебаний.

Затем Тадеуш взял мальчика за руку и подвел к подножию валуна, на котором размещались судьи.

Ансельм вскинулся, чтобы одернуть монаха:

— Ты что, не слышал, что Николас уже вынес свой приговор, брат Тадеуш? Приговор окончательный, остается лишь привести его в исполнение. Для чего тебе вмешиваться в это дело?

Дон Тадеуш сбросил капюшон, блики света скользнули по выбритой макушке.

— Безрассудные, — медленно и внятно начал он, — безрассудные слепцы, вот вы кто! Неужели вам недостает ума, чтобы узнать избранника небес, коего повстречали вы на своем пути, ибо это и есть он, Рудолф ван Амстелвеен. Все вышний послал его к нам, чтобы привести детей в Святую землю. Господь узрел, что Николас не сможет накормить досыта тысячи крестьянонцев и сохранить им жизнь, и тогда он послал нам другого своего избранника: Рудолфа ван Амстелвеен, поручив ему божьих детей, которым Рудолф отдал весь свой юный пыл и сердце, полное братской любви. Разве не так? Враг рода человеческого, желая погубить невинные души, грозил им Багряной Смертью, — не этот ли юноша победил орды дьявольских слуг? Рудолф ван Амстелвеен печется о нашем хлебе насущном и о нашем здоровье телесном, его старания вселяют в нас силу и мужество. И после всего этого ты, брат Ансельм, и ты, Николас, дерзнули объявить Богом отмеченного юношу в колдовстве. Позор на ваши головы! Да еще хотите убить его руками тех самых детей, что обязаны ему жизнью. Так-то вы благодарите Бога за милость, ниспосланную им? Вы горько пожалеете об этом, дон Ансельм, и ты, Николас.

Бессильная злоба душила Ансельма.

— Брат Тадеуш, твои слова причиняют нам боль, не дай обмануть себя. Может ли еретик быть избранником Господа?

— Неисповедимы пути Господни, ведущие к исполнению высшей воли, брат Ансельм.

— Не старайся прибегнуть к уверткам, брат Тадеуш. Ты укоряешь нас в том, что мы не распознали в этом юноше отмеченного Богом избранника. Но как, скажи, нам было узнать его? Не по тому ли благочестию, которого у него нет и в помине? Быть может, по его наружности? А ведь привлекательной наружностью нас и вводит в соблазн нечистый.

Дети напирали, стараясь не шуметь. Затаив дыхание, следили они за поединком двух благочестивых отцов. Чем-то он закончится? Они успели совсем по-

забыть о раздоре, за минуту до этого расколожившем их на два противоборствующих лагеря. Навострив уши, раскрыв рты, распаренные, вспотевшие, ловили они каждое слово.

— Дон Тадеуш, — заявил Николас, покраснев как рак, — ваши слова доказывают только то, что вы стремитесь выгородить Рудольфа. Больше вы ничего доказать не можете.

— Нет, могу, — теперь уже в сильном волнении отозвался монах. — Это вы способны только обвинять, а у меня есть доказательство. Самое настоящее.

— Предъяви его! — срывааясь на крик, потребовал Ансельм.

Он испуганно взгляделся в пустые ладони Тадеуша, словно ожидая увидеть в них грамоту с печатью и божественным росчерком.

— Вот вам доказательство, — торжественно проговорил Тадеуш.

Он снова взял Долфа за левую руку, слегка приподнял рукав свитера и предъявил всем свое “доказательство”.

Шрам.

В раннем детстве Долфа укусила собака. Зубы пса вонзились чуть ниже локтя, оставив три глубокие раны. Раны вскоре зажили, но следы зубов виднелись до сих пор. Рваные шрамы на внутренней поверхности предплечья были и без того заметны, а уж летом белые полосы на загорелой коже особенно бросались в глаза. Долф, конечно, помнил об этих шрамах, но привык не обращать на них внимания. Одноклассники сначала спрашивали его: “Тебя что, вилкой прокололи?” — и очень веселились. Но каким образом шрамы, оставленные собачьими клыками, свидетельствуют о его невиновности, Долф не представлял. Он изумленно уставился на собственную руку.

— Вот знак, запечатленный Господом нашим, когда он объявил Рудольфу ван Амстелвеен о его священной миссии, знак святой Троицы. И вы еще сомневаетесь, безумцы, не различаете божественный замысел?

Вмешательство отца Тадеуша произвело неописуемое действие. Ребята проталкивались вперед, всем хо-

телось увидеть необыкновенную отметину. Долфу едва не вывернули руку, многие падали перед ним на колени, целовали его ботинки, обмахрившуюся кромку джинсов, руку со шрамом и только что не расплющили его в своем рвении. Те, кто громче всех кричали: «Смерть ему!» — теперь рады были ползти по земле, лишь бы коснуться Рудолфа. Тогда Долф начал кое-что понимать. Сам Николас спустился с камня и растолкал ребят.

— Дайте мне посмотреть, — потребовал бывший подпасок.

Долф показал ему свои шрамы. Он был совершенно сбит с толку, происходящее буквально оглушило его. Долф находил верхом бессмыслицы то, что три небольшие царапины могут привести ребят в такое исступление. Он понимал лишь, что спасен, да еще что отец Тадеуш сумел предотвратить кровопролитие благодаря присутствию духа или, вернее, природной смекалке.

— Расступитесь! — велел Николас, и дети подались назад, с интересом ожидая дальнейших событий.

Два провидением посланных юноши стояли рядом: Николас, предводитель крестоносцев, и Рудолф, появившийся в стане крестоносцев лишь несколько недель тому назад, странный, обладающий необыкновенной притягательной силой.

Николас, скжав запястье Долфа, напряженно вглядывался в белесые отметины. Ему и раньше доводилось видеть подобные шрамы у людей, на которых нападали волки и которые чудом оставались в живых. Неужели Рудолф до того, как стать крестоносцем, сразился с волком в диких, высокогорных лесах? Быть может, он убил страшного зверя? Значит, Рудолф обладает недюжинной силой? Николасу пришли на память все несчастья, которые предрекал ему Рудолф во время их стычки тогда в шатре. Угрозы сбывались. Стоило этому юноше проклясть обоих монахов — как они тут же свалились, подкошенные болезнью. Он проклял повозку — ночью ее охватило пламя. Казалось, Рудолф ван Амстелвеен владеет силами, далеко превосходящими все, что дано Николасу. Такого человека неразумно

иметь своим врагом. Если уж нельзя уничтожить его (а кто из ребят сейчас осмелится поднять руку на Рудольфа?), необходимо привлечь его на свою сторону. Все эти мысли стремительно промелькнули в сознании Николаса, ибо, как уже было сказано, его нельзя было назвать глупцом. Крестьянская сметка подсказывала ему, как правильнее поступить.

Все так же молча он выпустил руку Рудольфа из своей и преклонил перед соперником колени.

Толпа взорвалась неистовым ликованием. Сцена примирения растрогала зрителей, каждому хотелось бухнуться на колени вслед за Николасом, но на поляне было слишком тесно. Ансельм, едва сдерживая себя, наблюдал со своего камня. Итак, Николас был поставлен на колени и в прямом, и в переносном смысле, а это означало для монаха полный крах его замыслов. С какой радостью он бросил бы все, в бешенстве вырвался отсюда, чтобы никогда больше не слышать об этом крестовом походе! Только мысль о Генуе останавливал его.

Долф счел, что это уж слишком. Николаса он терпеть не мог, и все же ему было крайне неприятно, что тот унижается перед ним. Он порывисто поднял мальчишку с коленей.

— Встань, Николас, — громко сказал он. — Не пристало тебе склоняться предо мной. Будь моим другом отныне.

С этими словами он обнял предводителя крестоносцев.

Безудержное веселье охватило детей. Они хохотали, приплясывали, готовые расцеловать друг друга. Глядя на это неистовое буйство, трудно было поверить, что за плечами у этих детей долгий день, полный тяжких трудов. Взявшись за руки, они окружили поляну хороводами, распевая во весь голос, словно на большом празднике. Те самые забияки, которые только что едва не перебили своих же товарищ, теперь помирились и звонко расцеловались. Двадцать самых сильных парней подняли Долфа на руки и с триумфом внесли в лагерь. Марики бежала за ними, всхлипывая от радости.

Поздней ночью в лагере воцарилась тишина. На небе показалась луна, заблестели звезды. Дети погрузились в сон, на лицах у многих светились улыбки. Утром они снова отправятся в путь, с ними вместе будет их Рудольф, и каждый из них понесет за спиной мешок, полный припасов. Теперь-то у них хватит сил справиться со всеми напастями. Долф измучился, а сон все не шел к нему. События этого дня теснились в голове. Он почувствовал руку Леонардо в своей. Не хватало еще, чтобы студент тоже принял его за по-сланника небес.

“Только не это!” — мысленно взмолился Долф.

Он расслышал сдавленный смешок.

— Кто тебя так сделал: собака или волк? — шепотом спросил студент.

— Собака, — так же тихо отозвался Долф. — Мне было тогда четыре года.

— Вот крику-то было, наверное, — потихоньку посмеивался студент.

— Это уж точно. Хоть я почти ничего не помню, давно это случилось...

Недолгое молчание вскоре вновь прервал осторожный шепот, который прозвучал у самого уха:

— Николас не так глуп — не забывай, что он пастух. Он не хуже моего понял, что это за отметины.

— Ты так думаешь? — поразился Долф.

— Ансельм тоже понял...

— Что ты хочешь сказать?

— А то, что они разгадали хитрость отца Тадеуша. Теперь будь настороже, хоть сегодня все обошлось. Знай, что у тебя здесь много друзей, мы не дадим и волосу упасть с твоей головы, но все-таки...

— Я не хочу быть причиной раздора между детьми, — подавленно отозвался Долф. — Я так обрадовался, когда вмешался дон Тадеуш, еще и потому, что, благодаря его находчивости, ребята снова помирились.

— Тебе это только кажется, — шепнул Леонардо, — подожди до утра...

— А что будет утром?

— Увидишь, какой у Ансельма будет бледный вид, это я тебе обещаю.

Долф напрягся, пытаясь понять, на что намекает Леонардо, но так ничего и не придумал. Мысли его приковали к себе горные вершины, грозной тенью накрывшие лагерь. Там, за неприступным перевалом, грохотала далекая гроза.

Альпийское высокогорье виделось Долфу могучим врагом, которого он должен во что бы то ни стало победить, подчинить себе и который, если уж быть честным до конца, вселял в него страх.

“Завтра, завтра... — мысленно произнес он. — И да помогут нам небеса!”

В ГОРАХ

тром следующего дня Долф проснулся, ощущив на лице капли дождя. Он вскочил, с тревогой глядя на небо, обложенное тучами. Мелкий моросящий дождик окутывал недвижный лагерь серой туманной мглой.

Но спустя немного времени все пришло в движение. Ансельм размашистым шагом переходил от костра к костру и будил спящих:

— Подъем, подъем, дети. В путь! Иерусалим ждет нас.

“Он хочет сказать — Генуя”, — насмешливо подумал Долф.

Ребята уже привыкли обходиться без долгих сборов. Полчаса ушло на то, чтобы разбить всех по отрядам, во главе каждого стоял уже признанный ребятами командир. За спиной путников, исключая самых маленьких, болтались мешки с провизией и нехитрыми пожитками. Кто тащил с собой музикальный инструмент, кто — орудия своего ремесла, запасную рубашку или скатанную трубкой соломенную циновку. Долф натянул куртку. Молния сломалась несколько дней тому назад, и ее пришлось отпороть. Куртка хотя и не застегивалась теперь, все-таки была непромокаемой, на теплой меховой подкладке, как раз то, что нужно в горах.

В дальнем конце лагеря возникла какая-то суeta. Леонардо поспешил туда. Долф и Марики отправились вслед за ним.

Они увидели Фредо в окружении нескольких сотен ребят самого разного возраста, среди которых Долф узнал многих из отряда охраны, нескольких охотников, рыболовов и кожевников.

Рядом с Фредо возвышался Ансельм, размахивая руками перед самым носом мальчика.

— Ты повредился рассудком, Фредо! К северу отсюда ничего нет, кроме дремучих лесов.

— Хватит с нас, — стоял на своем Фредо, — дальше мы не пойдем. Самый дремучий лес не так страшен, как эти горы.

— Что случилось? — вмешался Долф.

Фредо тут же обратился к нему:

— Мы больше не верим в эту затею. Крестьяне тут неподалеку сказали, что никакого моря за этими горами нет — одни равнины. Настоящие крестоносцы никогда не ходили этим путем. Так нам не попасть в Иерусалим.

— Но это лучший путь в Геную, — твердил Ансельм, которому не улыбалось одним махом лишиться нескольких сотен ребят, да еще каких: белокурых крепышей, здоровых, сильных.

— Вы домой собирались? — с надеждой спросил Долф.

Бывало и раньше, кто-нибудь, потеряв терпение, уходил своей дорогой, но возвращались ли эти ребята домой, неизвестно. Зато теперь уже не один и не двое отказались идти дальше, а сотни! Так и до настоящего бунта недалеко.

“По мне, — решил Долф, — так лучше бы вся колонна повернула назад. Что бы там не ожидало их в Генуе, чуда им все равно не видать”.

Он не стал вмешиваться в спор, довольный уже тем, что у ребят хватило решимости заявить о своем желании и отстаивать его.

— Куда же вы пойдете? — запальчиво продолжал монах. — Вы погибнете в дремучих лесах.

— Ничего подобного, — спокойно возразил Фредо.
— Теперь мы сами сможем позаботиться о себе.

Долф кивнул.

— Вы пройдете через Баварский лес на севере, — пояснил он, — за ним лежат Богемские горы. Это невысокие лесистые холмы. Думаю, людей там почти не встретишь. В тех краях можно устроить небольшое поселение и жить вполне сносно...

— И ты туда же! — оборвал Долфа монах. — Фредо, ты не бросишь своих верных стражников.

— Пусть выберут себе другого командира, — отвечал мальчик.

— Вас растерзают дикие звери, — предрекал Ансельм.

— Мы вооружены.

Без дальнейших церемоний Фредо повернулся спиной к монаху и сделал знак своим ребятам. Еще минута — и внушительная колонна зазмелилась по той же дороге, но совсем в противоположном направлении. Долф сердечно махал им вслед. Он не беспокоился за Фредо, этого рассудительного, мужественного и крепкого потомка обедневших рыцарей.

Ансельм что-то пробурчал вслед уходящим, потом как будто захотел заговорить с Долфом, но передумал и сердито зашагал прочь.

Повернувшись к друзьям, Долф спросил у Леонардо:

— Ты об этом вчера хотел сказать мне?

Студент сразу понял его.

— Вообще-то ребята уже давно были недовольны, они не верят Николасу и Ансельму, как раньше.

Долф решил, что командиром стражников должен теперь стать Леонардо. Студент поначалу отнекивался.

— Мне нужно в Болонью, а не в Геную и не в Иерусалим, — говорил он.

Но дело было в том, что он просто не хотел занимать себя постоянным делом, опасаясь за свою свободу странствующего студиозуса. Переспорить Долфа было нелегко, и Леонардо в конце концов уступил. Собрав оставшихся стражников, Леонардо объявил им, что Фредо покинул крестоносцев и теперь командовать

отрядом будет он. Ребята приняли новость с воодушевлением. Они боготворили Леонардо, никогда не расстававшегося со своим винтовочным оружием.

Николас протрубил в рожок. Сбор! Около семи тысяч ребят, составлявших теперь армию крестоносцев, построились длинными рядами и двинулись вдоль ручья к зияющей впереди расщелине, которая открывала путь в горы. Тропинка, ведущая ребят, терялась в глубине расщелины; стайка за стайкой скрывались в ее недрах веселые, голосистые путники. Первыми туда вошли стражники под командой Леонардо. Долф вместе с Марике и Франком замыкали колонну. Между тем дорожка становилась все уже, теперь это была уже звериная тропа, по которой не пройти в ряд даже двоим или троим детям. В этих местах не поохотишься, а о том, чтобы ловить рыбу в бурлящем ручье, не может быть и речи. Тропинка, петляя, взлетала все выше и выше; отсюда казалось, что ручей уносится далеко-далеко вниз и пропадает в мрачной глубине. Долф следил за тем, чтобы ребята не отставали друг от друга, чтобы старшие помогали малышам перебираться через завалы камней и удерживали самых маленьких у скалистых стены подальше от края тропки, с которой так легко соскользнуть вниз, в бурные воды горного потока.

Дождь усиливался. Пара волов и те три овцы, которых гнали с собой ребята, очень скоро превратились в тяжелую обузу. Спустя два часа, после того как они вошли под своды ущелья, ребятам пришлось прикончить вола, который сломал ногу. Долф почувствовал пронзительную жалость к беспомощно ревущему животному, которое, несмотря на страдания, пыталось увернуться от мужей и тонноров. Но как животное затихло, можно было разделять его скотину: гордия мешала ему признать свою неправоту — ведь накануне он не позволил забить волов. Были порублены на части, и мешки с провизией стали теперь еще тяжелее.

Ребята продолжали подъем. Пробившись между скалами, узким, изогнутым коридором, они попали в темноту, в которой скрывалась опасность. Долф знал, что впереди, в темноте, скрывалась опасность.

словно вырвавшись из своего каменного плена, с шумом вздымалась вверх, орошая мох и редкий кустарник. Дорога была труднопроходимой, путники то и дело натыкались на огромные глыбы, скатившиеся сверху. Если шедшим в первых рядах удавалось столкнуть их, камни с грохотом летели в клокочущий поток. Многие шли босиком, едва прикрывая изможденные тела рваными лохмотьями. Они дрожали под непрерывно моросящим дождем. Тропинка взвивалась все круче. Этот медленный, нескончаемый подъем отнимал у ребят все силы. Те, кто шел в хвосте колонны, нетерпеливо подталкивали передних. Кто-нибудь постоянно спотыкался, налетал на острые камни, на колючий кустарник, царапая незащищенное лицо, руки и ноги. Толпа растянулась на многие километры, и Леонардо, который держался впереди, понятия не имел о том, что творилось сзади. Он сталкивал с дороги громадные камни, используя свою дубинку в качестве рычага. Вслед за ним продирался сквозь заросли Виллем, плечистый парнишка с топором в руках; он отрубал ветки, расчищая путь, а уж за ним тянулись остальные. Кто весело галдел, кто хныкал, но каждый стремился помочь товарищу, подбодрить, напомнить о потоке, несущем свои воды в опасной близости от извилистой тропки, об острых выступах и торчащих из-под земли сучковатых корневищах.

Николас, Ансельм и Йоханнес, двигавшиеся в середине шеренги, понукали и поторапливали детей.

— Мы должны выйти из ущелья до наступления темноты, — твердил Ансельм. — Вперед, вперед, дети, здесь нельзя оставаться на ночь!

Это все понимали и без него. Никто не знал, далеко ли еще до выхода из расщелины, которой, казалось, нет конца. Чем выше поднимались путники, тем круче вздымались над ними горы, а тропинка все бежала вперед.

К полудню движение колонны застопорилось в узкой трещине. Николас сам вел оставшегося в живых, который застрял в проходе и никак не мог выбраться. Ребята толкали вода, колотили палками, извивались, а вода в ущелье мчалась и упиралась в

прежнего. Овцы, хотя и не отличались подобной строптивостью, тоже задерживали идущих; терзаемые голодом, они останавливались на каждом шагу, чтобы погладить придорожный кустарник.

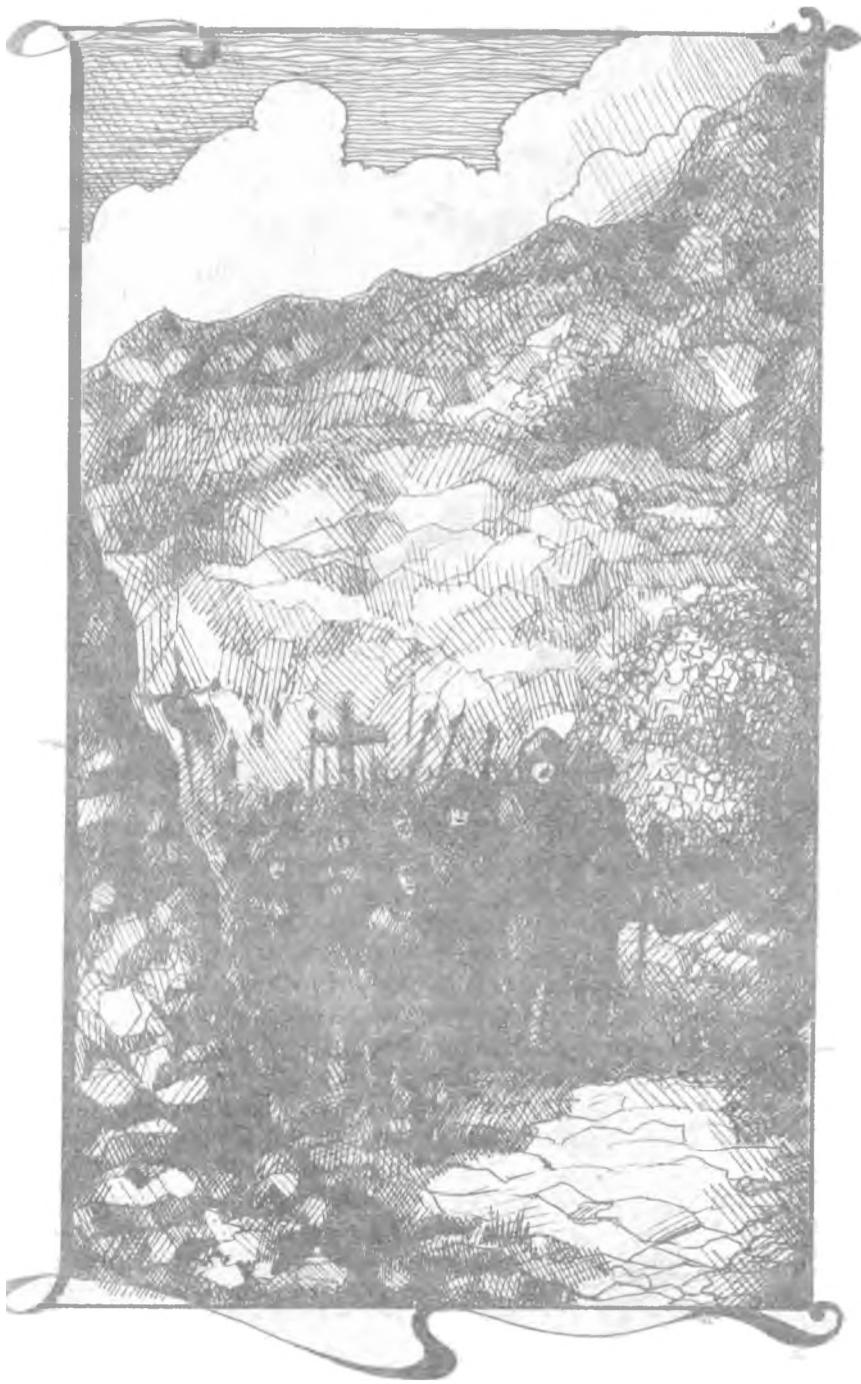
Во времена Долфа среди этих хребтов прямо над горным потоком нависало асфальтированное шоссе, пока же лишь узкая звериная тропа петляла между выступами скал, зимой ее полностью скрывали снежные лавины.

Отвесные кручи вселяли ужас в души путешественников. У подножия еще попадался редкий кустарник, а то и худосочное деревце, но, продолжая подъем, ребята видели перед собой одни лишь горные скалы, изрезанные трещинами да изредка оживляемые водопадами. На всем пути они не повстречали ни единого человека. Острый глаз Долфа улавливал движение каких-то животных на самой вершине гор. “Неужто серны?” — изумлялся он. Над тесным каньоном парили гигантские стервятники, каких ему еще не приходилось видеть. Вспоминались картинки из книг, прочитанных в другой жизни. Беркуты, что ли? В двадцатом веке беркуты принадлежали к исчезающим видам пернатых, зато здесь они были подлинными хозяевами Альпийских гор.

Каролюс не мог упустить такую возможность. Он прицелился, но стрела, не пролетев и половины расстояния, беспомощно опустилась в воду.

— Пожалей стрелы: они нам еще понадобятся, — посоветовал Долф.

Десятифунтовый мешок за спиной давил своей тяжестью. Долф надеялся, что его ботинки все-таки выдержат этот переход. За ним поспевала Марики, ее мешок с сухарями был ровно в половину легче. Долф позаботился о том, чтобы обуть ее в сапожки из оленьей кожи. На плечи она набросила шаль из небеленой овечьей шерсти, которая была ей очень к лицу. Она с легкостью перескакивала с камня на камень, ловко перебираясь через завалы, попадавшиеся на пути. Девочка позабыла о своих страхах, и переход через горное ущелье представлялся ей захватывающим приключением. Она с восторгом указывала Долфу на при-

чудливые нагромождения каменных обломков, на пениящиеся водопады, на дрожащих от испуга любопытных серн, глядевших на людей с высоты.

Долфу подумалось, что Марике теперь выглядит лучше, чем в первые недели похода. Она уже не казалась такой исхудавшей, на округлившемся лице пропал свежий румянец, серые глаза искрились весельем, светло-каштановые волосы ложились на плечи мягкими кольцами. Долгое пребывание на свежем воздухе преобразило не только ее. Дети окрепли, налились здоровьем; мясная пища, богатая белками, придала им силы. Невзгоды закалили их тела, мечта об Иерусалиме поддерживала дух.

Для многих, однако, поход стал суровым испытанием. В души тех, кто вырос среди равнин и невысоких холмов, мрачные горные кряжи вселяли суеверный страх. Ребята содрогались при виде пернатых хищников, круживших над головами, визжали от страха, когда прямо перед ними скатывались сверху и шлепались в воду огромные камни. Куда ни кинь взгляд, повсюду одни только горы, неприступные, непроходимые, теряющиеся в головокружительной высоте.

Сколько их, детей, оставленных без присмотра, поглотил рокочущий поток? Сколько засыпала каменная лавина, внезапно хлынувшая со склонов? Каменный дождь обрушился метрах в пятидесяти от того места, где находились Долф и Марике. Они и еще несколько ребят принялись откапывать попавших под обвал. Спассти удалось четверых детей, их вытащили из-под груды земли живыми, слегка поцарапанными. Поиски продолжались, ребята отыскали еще одного малыша, который уже не дышал. А сколько еще покончилось под этой лавиной? Добровольцам-спасателям нечем было подталкивать обломки камней, нечем разгребать, толстые слои грязи и обрубать ветки, которые мешали им. А ведь среди этих завалов наверняка оставались ребята, помочь которым может прийти слишком поздно. Вместе с отцом Тадеушем, который поторопился к месту несчастья, Долф продолжал поиски, но чисто логически знал, что это бесполезно. Но уединенное

тропе. Дон Тадеуш задержался, чтобы помолиться и оставить деревянный крест на месте обвала. Затем и он нагнал ребят.

Ущелье достигало десятка километров в длину, колонна тянулась по нему весь день, на исходе которого ребята вздохнули с облегчением: их взорам открылась просторная долина. Вскоре здесь вырос походный лагерь. Ребята измучились, упали духом.

На широком лугу, расстилавшемся перед ними, всем хватило места. Альпийские хребты здесь немного отступали, и хотя горы вокруг лагеря точно так же уходили вершинами в поднебесье, а к югу казались еще круче, их склоны, опущенные лесом, не оставляли мрачного впечатления. Долф покинул расселину с последней группой ребят, когда в долине уже разгорались походные костры. Шатер Николаса высился в центре лагеря.

Опасаясь, что мясо погибшего вола не выдержит длительного хранения, Долф распорядился тут же наварить побольше супа. Но никому не хотелось шевелиться — у ребят не было сил. Позабыв о еде и мечтая только об отдыхе, многие валились с ног и тут же засыпали. Долф и Леонардо, уставшие не меньше других после дня испытаний и тревог, все же пытались навести в лагере порядок. Всех, кто еще держался на ногах, они отправили заниматься делом. Ребят нужно было накормить.

— Они будут есть, хочется им или нет! — кричал Долф своим помощникам.

Они расталкивали осоловелых малышей, заставляли их проглотить горячий бульон, чуть ли не силком кормили не успевшим свариться как следует мясом, а у тех не было сил даже противиться. Тем временем Хильда со своими подругами переходила от костра к костру. Девочки перевязывали раненых, а тем, кто кашлял, подливали настой целебных трав. Вскоре тьма окутала лагерь.

Долф с факелом в руке пронерял сторожевые посты; то, что он увидел, сильно обеспокоило его. Мальчишки, чье дежурство приходилось на первыеочные часы, были крепким сном. Уж им было следит-

за кострами, зажженными на подходах к лагерю для защиты от хищников. Смертельно усталые ребята забыли о самых простых вещах, о том, что в костер надо подбрасывать хворост, а часовых нужно сменять на посту. Лето было на исходе, и теперь в восемь часов вечера уже смеркалось. Оставлять тысячи детей на всю ночь без присмотра — значило испытывать судьбу. Долф прятался между спящими, расталкивал их, тряс за плечи, крича в самое ухо:

— У кого первая вахта? Кто вам позволил ложиться?

За те недели, что он провел в пути, под открытым небом, он приобрел способность к обостренному восприятию, и сейчас предчувствие говорило ему, что ночевка в долине небезопасна. Леденящие душу звуки доносились со склонов, покрытых лесом. Вдали завывали волки, выходя на разбойный промысел. Из лесу доносился визг рысей, крики птиц, поднятых куницей. Ночь и безжалостная стихия готовились нанести удар.

Уцелеть в этом мире посчастливится лишь сильнейшим, самым хитрым и изворотливым. А как же дети, которых опекает Долф? Он чувствовал себя в ответе за них и винил себя за каждый несчастный случай, за каждую нелепую смерть.

Минувший день заставил его снова задуматься об этом. Преодолевая километр за километром в узкой теснине, он думал только об одном: как вывести ребят отсюда целыми и невредимыми. Прямо у него на глазах один из малышей соскользнул в пропасть, его вынесло бурлящим потоком на острые камни, запрудившие русло. После обвала Долф как безумный два часа разгребал землю — руками, палкой, чем попало, и все это лишь для того, чтобы извлечь из-под нее мертвого ребенка. Сколько еще погибших осталось там навсегда? Доподлинно он знал одно: все, кого завалило, погибли. Он перетаскивал малышей на руках через самые труднопроходимые места, видел, как мутились животные, которых ребята тянули за собой. Как-то змея укусила одного из мальчишек, и Долфу пришлось отсасывать кровь из ранки, еще не зная, ядовитая это змея или нет. Где он теперь, этот парнишка? Долф поднимал ребят, падавших от усталости,

и нес их на спине, но спустя некоторое время был вынужден опускать одного малыша на землю, чтобы подобрать другого. Все ли из тех, кому он помогал, вышли живыми из ущелья? Ведь он не может держать в поле зрения всех сразу. В лицо и поименно он знает пятьдесят, от силы сто ребят, но остальные также нуждаются в его заботе, а он не уследил за всеми — слишком много их было...

Неразбериха, царившая в лагере, тревожила его. Ночь таила в себе угрозу. Небо еще скрывали тучи, хотя дождь прекратился. Стояла кромешная тьма. Стая волков, привлеченные запахом вареного мяса, плотным кольцом окружили лагерь. Долф видел, как сверкают в темноте их глаза.

Иногда в воздухе свистела стрела, выпущенная кем-нибудь из стражников, а однажды Долф услышал вой раненого зверя, который поспешил убраться подальше от лагеря. И все-таки охрана была слишком немногочисленна, ребята засыпали на посту, и некому было сменить их. Да и у самого Долфа от усталости и отчаяния силы были почти на исходе. Он отослал Марике с малышами ночевать в середину лагеря, поближе к шатру. Долф был уверен, что Леонардо не спит, так же как и он сам, и делает все, что в его силах, охраняя спокойный сон маленьких крестоносцев. Ему встретились Петер, Франк, Виллем и Берто, которые шли по лагерю с горящими факелами в руках, с колчанами за спиной.

“В трудную минуту на помощь приходят всегда одни и те же”, — подумал он.

Пожалуй, так было и в его время. Люди мало изменились.

А где же Николас? Наверное, давно почивает в своем шатре, окруженный монахами и знатью. Николас поручил детей воле Всевышнего и больше не тревожился. Если бы Долф мог поступить так же! Но он не верил в Бога. Долфа воспитывали практическим реалистом, из заповедей он знал лишь такие, как: “Осторожно переходи улицу”, “Не доверяй незнакомым людям, что бы они тебе не обещали”, “Не подходи близко к подъемному крану”, “Не тронь провода” —

и все в таком же духе. Множество подобных предсторожений всплывало у него в памяти.

Проходя по лагерю, он натыкался на обглоданные кости, на которых еще полно было мяса; повсюду валились мешки с провизией. Выбившиеся из сил дети как попало побросали свои пожитки и сами свалились рядом. Вздохнув, Долф начал собирать все в кучу, аккуратно сложил мешки и узлы, выставил для охраны вещей часового, которого раздирала зевота. Долф понимал, что, стоит ему отойти, парень бухнется на землю и снова заснет. Бороться с этой нечеловеческой усталостью почти невозможно.

Волки больше не показывались, испугались, наверное, горящих факелов и стрелы, пущенной вслепую на их вой. И все-таки предчувствие грозящей опасности не покидало его. Он не мог сказать, откуда придет беда, но чутье подсказывало ему, что над их головами собираются тучи, о которых никто еще не подозревает и уберечься от которых им не суждено.

— Иди спать, сын мой. Господь позаботится о нас.

Кто это? Конечно же, отец Тадеуш, который никогда не оставался ночевать в шатре. Дон Тадеуш так же, как и Долф, принял на себя бремя ответственности за жизнь детей, но треволнения меньше одолевали его, ибо он полагался на пророчество. Как он может сохранять спокойствие? Ведь он тоже видел, как малышей, упавших в пропасть, сносило горным потоком, вместе с Долфом он откальпывал из завала мертвого ребенка, перевязывал раненых, вправлял вывихи. Дон Тадеуш, как никто другой, должен понимать, что Всевышний бросил детей на произвол судьбы.

“Проклятый монах со своим благочестием!” — в сердцах шептал Долф в темноте. Он знал, что несправедлив к отцу Тадеушу, но чего не бывает с человеком от усталости. Он и не заметил, как ноги принесли его к собственному костру. Марике протянула руки ему, навстречу.

— Рудольф...

Он опустился на землю рядом с девочкой и положил голову ей на колени; маленькая смуглая рука погладила его по голове, и он заснул как убитый.

ПОХИТИТЕЛИ ДЕТЕЙ

Ж

робуждение было ужасным. Занимался серый, ненастный день. В лагере царило отчаянное смятение, повсюду в панике метались дети и звали на помощь Николаса, Рудолфа, Леонардо. Долф вскочил и не поверил своим глазам. Долину галопом прочесывали всадники. Сколько их? Десять, пятнадцать?.. Затянутые в кольчуги, в облегающие штаны для верховой езды, нападавшие были вооружены мечами и копьями, головы прикрывали остроконечные шлемы. Размахивая своим оружием, всадники издавали устрашающие крики и пришпоривали взмыленных лошадей. Дети врассыпную бросились прочь. Марике прильнула к Долфу, крепко уцепившись за руку, и тихо плакала. Долф озирался вокруг в поисках Леонардо. Где же он? Он увидел своего друга во главе десятка парней с дубинками в руках. Но разве его маленький отряд справится с хорошо вооруженными рыцарями? Долф поспешил за ребятами, которые прорывались к шатру.

— Беги в лес и не попадайся им на глаза! — успел он крикнуть девочке. — Это разбойники.

Он бросился к шатру, у входа в который нападавшие придержали коней. Там уже стояли трое монахов, Николас, Леонардо со своими стражниками и дрожащие от страха знатные отпрыски. Маленький Каролюс натянул тетеву, но стрела упала наземь; его глаза мечтали молний. Николас, облаченный в белоснежные одежды, расправил плечи, желая сохранить остаток достоинства, хотя колени у него подгибались. Монахи, сгрудившиеся тут же, бросали на головорезов мрачные взгляды, но сохраняли молчание.

Первым заговорил предводитель шайки.

— Пятьдесят: тридцать мальчиков и двадцать девочек, — услышал Долф.

— Господь покарает тебя! — визгливо пригрозил Николас.

Долф расхохотался, — да, — это будет видно!

— Что здесь происходит? — спросил он, встав рядом с Николасом.

— Вот кто нам подходит, ну-ка хватайте его! — вскричал один из всадников.

Он подъехал к мальчику вилотную и, нагнувшись, щупал его мускулы. Долф вырвал руку и шагнул назад.

— Что случилось? Что нужно от нас этим всадникам?

Леонардо понуро ответил:

— Люди графа Ромхильда фон Шарница требуют пошлину за то, что мы идем через эту долину.

— Слишком большую пошлину, — злобно подтвердил Ансельм.

— Ну, так мы заплатим, — решил вопрос Долф.

Испуганные дети обступили его; большинство, впрочем, предпочитали держаться на безопасном расстоянии.

— Чем платить будем? — задал вопрос практичный Леонардо.

Долф суроно обратился к вожаку:

— Сколько рассчитывает получить ваш господин?

Он вспомнил о том, что у них оставался еще один белый вол. А что, если он послужит уплатой за переход графских владений?

Смех, прозвучавший в ответ, никак нельзя было назвать дружелюбным.

— Полсотни детей, полсотни самых крепких и здоровых ребят.

Разбойник признал в мальчике важную персону, хотя ничто, казалось бы, не указывало на это: у Долфа не было пышных одежд и украшенного драгоценностями оружия.

— Пятьдесят!..

Слова застряли в горле у Долфа. Чистейшее безумие! Неужели этот бандит думает, что священники позволят отдать полсотни детей в рабство?

— Ни в коем случае! — твердо заявил он. — Назовите другую цену, возьмите нашего вола и трех овец в придачу.

Николас оттолкнул Долфа с воплем:

— Замолчи, Рудольф ван Амстельвеен! Ты не имеешь права распоряжаться здесь — я командую походом. — Он обернулся к всадникам: — Господь не простит вам оскорблений, нанесенного нашему воинству. Наш путь лежит к стенам Иерусалима, который мы вырвем из лап неверных. Господь никому не позволит воспрепятствовать нам.

Всадник снова засмеялся, жестоко и язвительно.

— Если вы не хотите отдать нам пятьдесят человек, мы возьмем их сами, но устроим такое побоище, которое вы запомните надолго. А тебя и твою расфуфыренную свиту прикончим первыми.

Николас в страхе попятился назад, а Каролюс восхликал:

— Только попробуй! — и поднял свой лук.

Долф опустил руку на плечо мальчишки, он уже понял, что с этими бандитами шутки плохи.

— Перед вами свободные люди, командир, — бросил он, изо всех сил сдерживая закипающую ярость.

— Их нельзя обратить в рабство вопреки всем законам.

Наёмники затряслись от злобного хохота: в долине Шарница действовал только один закон — воля графа Ромхильда.

— Вот тебе закон, — сказал тот, кто верховодил ими, направляя прямо в грудь Долфу острие своего копья. Оно неминуемо пронзило бы Долфа, не отбрось отец Тадеуш мальчика в сторону мощным толчком. Долф отлетел и упал навзничь, а копье прошло мимо.

— Стойте! — вмешался Ансельм. — Вы получите пятьдесят человек, но только не этих, они знатного происхождения.

Долф попытался подняться на ноги, но отец Тадеуш, навалившись на него всем своим весом, прижимал его к земле, что было не так-то просто.

— Успокойся, мы не можем потерять тебя, — шептал он, совсем закрывая мальчика просторной рясой.

Долф услышал грубый голос наёмника:

— Нам не нужны баронские дети. Зачем графу Ромхильду возиться с ними? Он требует полсотни здоровых молодых работников. Выбирать будем сами. Эй, люди, сюда, хватайте их!

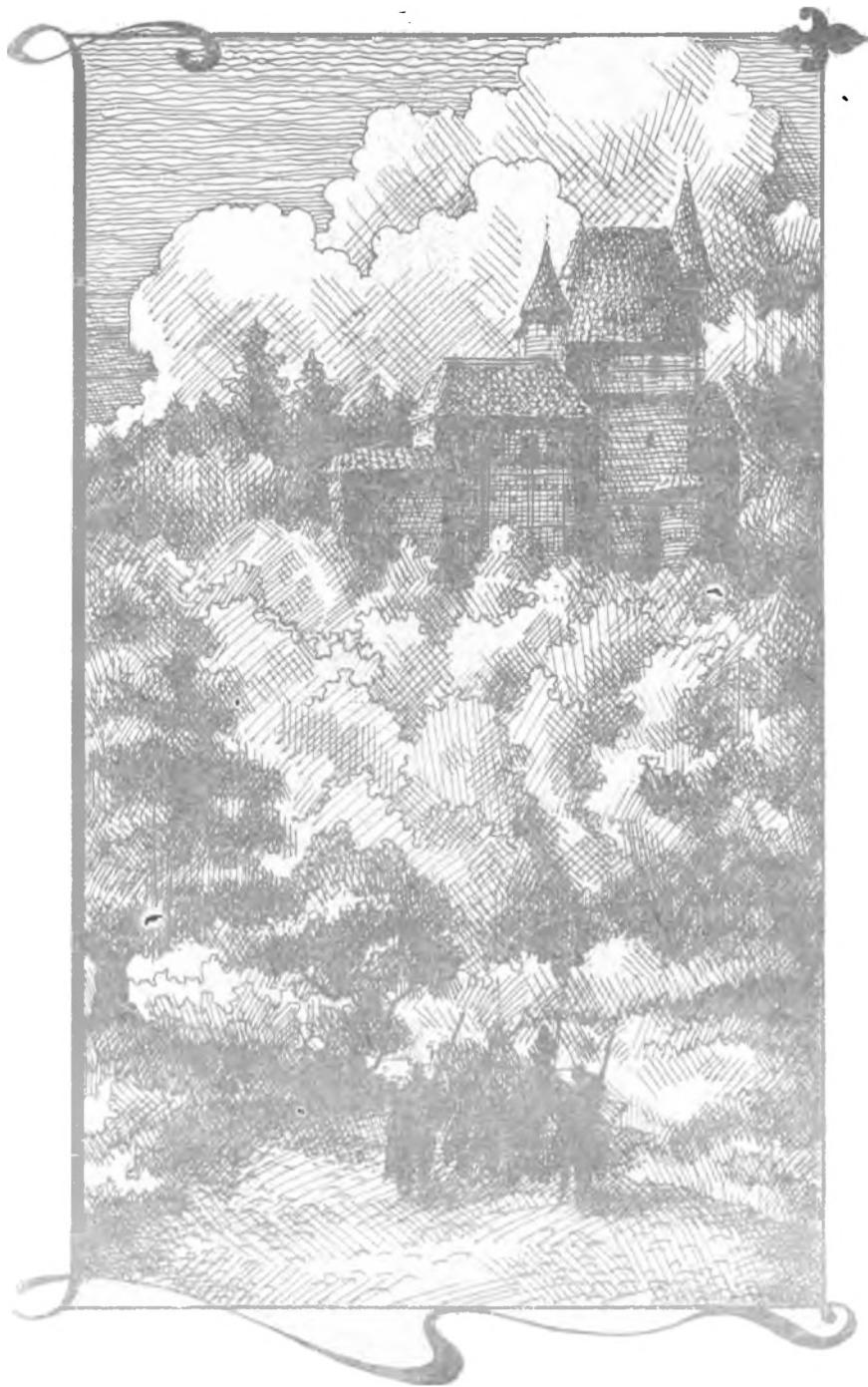
Долф, которого придавил собой дон Тадеуш, продолжал вырываться. Он ничего не видел и уже начал задыхаться, но слышал все: удаляющийся цокот копыт, стоны и рыдания, разразившиеся с новой силой, голос Леонардо, призывающего ребятам прятаться. Но разве можно спрятать тысячи детей в чистом поле? Внезапно все куда-то пропало. Это дон Тадеуш вкатил ему такую оплеуху, что Долф по крайней мере на полминуты потерял сознание, но этого было достаточно, чтобы монах втащил его в шатер и накрыл грудой шкур. Сам он усился сверху и принял горячо молиться о судьбе несчастных детей, угодивших в руки графа фон Шарница, о спасении хотя бы этого мальчишки...

Лагерь был охвачен смятением, дети не могли понять, что происходит. Всадники, пустив лошадей вскачь, хватали всякого, чья наружность казалась им подходящей, дети с воплями увертывались. Те, кого удавалось схватить, отчаянно вырывались, отбиваясь руками и ногами. Отряды охранников мужественно сопротивлялись и даже сами нападали на разбойников, но затупившиеся ножи ребят соскальзывали, натыкаясь на металлические кольчуги. Пять или шесть человек погибли, растоптанные копытами лошадей. Дети искали спасения в лесу, подступавшем к самому лагерю, но всадники настигали беглецов и за волосы вытягивали из укрытия. Отобрав полсотни пленников, их крепко-накрепко связали друг с другом. Среди них оказались Петер и Франк...

Спустя час все было кончено. Всадники ускакали прочь и угнали с собой пятьдесят два невольника. Бандиты сбились с ног в поисках высокого, широкоплечего юноши, который так внезапно появился у шатра, и, не обнаружив его, удовольствовались полусотней самых крепких мальчиков и самых красивых девочек. Долф, согнувшись в три погибели, весь в ссадинах, выбрался из шатра, в голове у него чумело. Увидев затерявшуюся вдали вереницу пленников, он заплакал изврыд.

Радуйся, что наше удалось: — ги тебя, — заявил Ансельм.

Уж вы-то, конечно, это знали, — мы сидим вместе с

ними, — огрызнулся Долф, но монах лишь покачал головой.

— Нет, Рудолф ван Амстелвеен, твоё время еще не приспело — иная судьба уготована тебе.

Долф не стал вникать в загадочный смысл его слов. Он отправился за Леонардо, чтобы с ним вместе навести порядок в лагере, перевернутом вверх дном. Дети с плачем собирали свои скучные и убогие пожитки; взвалив на плечи мешки, они вновь готовились тронуться в путь. Охранники спешили похоронить мертвых. Кто-то безутешно оплакивал друга, старшего брата или сестренку, большинство же детей, боясь, что люди графа вернутся еще раз, торопились быстрее покинуть страшное место.

Долф не мог прийти в себя. В растерянности он метался среди ребят, пытаясь определить урон, нанесенный армии маленьких крестоносцев. Где же Франк? А Марике? О Господи, Марике!

— Ты что, совсем потерял рассудок? — Это Леонардо схватил Долфа за руку.

— Марике!

— Она в безопасности. И ты мог подумать, что я отдаю нашу Марике этим бандитам?

— Где она?

Марике, дрожа, словно осиновый листочек, выбежала из зарослей кустарника и, обливаясь слезами, бросилась Долфу на шею,

— Я так боялась, что они схватят тебя, они искали самых сильных! — причитала она.

Теперь, когда Долф убедился, что девочка спасена, ему не терпелось узнать о судьбе остальных.

— Все в порядке, меня снова спас дон Тадеуш. — Он осмотрелся вокруг. — А где же Петер?

К ним подбежал Каролюс, по щекам его струились слезы.

— Рудолф, Рудолф, они увели Берто!

Мало-помалу истинный масштаб катастрофы начал доходить до него. Нет Берто, Франка, Петера, нет Виллема, Карла, Людвига, Фриды и с ними десятков других ребят, потеря которых еще долго будет напоминать

о себе. На счету у крестоносцев был только один убитый всадник.

Долф, не вмешиваясь, смотрел, как по приказу Ансельма с мертвого стянули доспехи, на которые тут же наложил руку Николас. Кольчуга была ему почти впору, в накинутой поверх нее белой хламиде он и впрямь походил на рыцаря-крестоносца. Николас и Ансельм снова заторопили ребят, но на этот раз никого не надо было подгонять.

Долф не участвовал в приготовлениях к походу. Он застыл у пепелища, на месте которого несколько часов назад горел его костер, пытаясь осмыслить постигшее их несчастье. Поднаторевшие в своем ремесле наемники наметанным глазом определили лучших из лучших, которые и стали их добычей. Потеря именно этих пятидесяти ребят, понимал Долф, ставила под угрозу дальнейший поход, несмотря на то что пятьдесятю едоками теперь стало меньше. Одним махом переломлен становой хребет детского воинства.

Друг Петер... Прежде крепостной, а теперь свободный человек, столько раз доказывавший делом свое мужество, силу, предусмотрительность. Пожалуй, немногие вызывали такое уважение Долфа, как он. Петеру вновь суждено стать рабом, обреченным от зари до зари трудиться на хозяина до седьмого пота, испытать на себе господский кнут. Нет, не выдержать больше Петеру такую жизнь. Он вкусила свободы, он почувствовал, на что способен человек, сбросивший ярмо раба. А Берто? Он трижды спасал от верной смерти беспечного Каролюса, дикий кабан оставил на его теле отметины своих клыков. Да один Берто стоит сотни несмышеных! И Фрида, прелестная девчушка, как никто другой, знающая толк в целебных травах, и смыщенная Мария, которая так замечательно готовит, и...

— Мы должны освободить их, — не раздумывая больше, сказал Долф.

Леонардо попытался охладить его пыл насмешкой:

— Выбрось это из головы, Рудольф, нам остается самим быстрее унести отсюда ноги. Хорошо, если граф Ромхильд впредь оставит нас в покое.

— Мы должны освободить их, — повторял Долф, словно во сне. — Как ты думаешь, куда их повели?

— В замок, разумеется. Где-нибудь тут неподалеку, на вершине утеса.

И Леонардо обвел долину неопределенным жестом.

— В такой замок не то что попасть — к нему и подойти-то не удастся. Смири гордыню, Рудольф. Нашим друзьям уже не поможешь. Нам не взять замок и с целой сотней опытных бойцов. Граф Ромхильд действует наверняка.

— Ты когда-нибудь слышал о нем?

— Нет, но я и без того могу представить себе, что это за птица. Он обосновался неподалеку от этой долины, отсюда несколько узких дорожек ведут в Иннсбрук. Шпионы графа наверняка еще вечером заметили, что мы остановимся на ночлег в долине, и доложили своему господину. Думаю, граф Ромхильд живет разбоем: грабит тех, кто отказывается заплатить ему дорожную пошлину. Эх, Рудольф, пройдет несколько лет — и Петер с Франком сами наденут кольчуги и точно так же, как эти негодяи, будут расправляться с мирными путниками. А иначе зачем бы они понадобились графу?

— Работать на него, — прошептала Марике.

— Ну, не без этого. Благородному господину вечно недостает крепостных и солдат, молодых, здоровых, у которых нет ни совести, ни Бога в душе. Петер и будет таким...

— Никогда, — встал на защиту друга Долф, — никогда Петер не станет разбойником, не такой он, и Франк тоже.

— У них нет выбора: строптивых быстро образумят каленым железом, а станут и дальше упрямиться — граф Ромхильд укорстит им рост ровно на одну голову.

— Вот поэтому мы и должны вызволить их всех до единого, — упрямо твердил Долф.

— Но каким образом? Только силой. Значит, ты хочешь бросить тысячи детей в атаку на замок? Рудольф, я был гораздо лучшего мнения о твоем уме.

— А я бы рискнул: — поддевжал Долфа маленький Каролинка.

Долф, который все еще не мог прийти в себя, отказывался принимать шутливый тон Леонардо.

— Почему бы, если на то пошло, и не взять замок штурмом? Собираются же дети дать бой сарацинам.

— Это совсем другое дело. Предполагается, что турки с криками разбегутся при одном появлении наших крестоносцев, а граф Ромхильд и не подумает сдаваться. С крепостных стен на детей обрушатся лавины стрел и потоки кипящего свинца.

— Все равно долгую осаду им не выдержать — они уступят силе, — возражал Долф.

— Хорошо. И ты готов положить тысячи жизней, чтобы отбить пятьдесят человек?

Каролюс подскочил от возбуждения.

— Нет, я бы все-таки рискнул! — снова воскликнул он.

— Дело не в том, хотим мы рисковать или нет, — рассудительно заметил Леонардо, — а в том, возможно ли это, но ты, Каролюс, знаешь не хуже моего, что это просто невозможно.

Долф расправил плечи.

— Наш долг освободить их — Франка, Берто, Петера, Фриду и всех-всех.

Они спорили, а мимо них проходили шеренгами тысячи ребят, держа направление на юг. Николас возглавлял шествие, Ансельм, как всегда, вертелся поблизости от него. Долф не замечал этого — он в раздумье смотрел в землю. Не заметил он и того, каким внимательным долгим взглядом окинул его Леонардо.

— Марике, — тихонько позвал студент, — плохи наши дела, если Рудольф ван Амстелвеен вбил себе что-нибудь в голову. Теперь сам дьявол не заставит его отступиться. Эй, Рудольф, проснись!

— Мы должны освободить их, — продолжал твердить Долф.

— А ведь Рудольф прав, — с жаром вмешался Каролюс. — Берто, и Фрида, и Петер тоже мечтали увидеть Иерусалим. Разве это не было им обещано? Значит, они должны быть вместе с нами, нельзя их бросать.

— Ребята, да будьте же вы благородны! — в от-

чаянии урезонивал их Леонардо. — Поймите: если мы бросим наше войско на штурм замка, то семь тысяч детей уж точно никогда не увидят Иерусалим.

— Какие еще семь тысяч? — вдруг пробормотал Долф. — Не семь, а семнадцать.

— Что-о-о?

— Семнадцать. Нечетное число дьявола, и к тому же простое число. До семнадцати-то Ромхильд и его люди смогут посчитать.

— Что ты хочешь этим сказать? Какое такое простое число?

— Тихо, — велел Долф. — Все оставьте меня, я должен еще подумать. В мое время... То есть я хочу сказать, у меня на родине говорят: где нельзя взять силой, там нужно брать хитростью. Сила не на нашей стороне, да и не люблю я кровопролитий, зато у меня есть хитрый план. Фантастический, очень рискованный. Я хочу еще раз обдумать его.

— Я с тобой, — без колебаний заявил Каролюс. — Как ты собираешься вызволить ребят, Рудольф?

— И сам еще не знаю толком. Пойшли, по дороге я еще подумаю и все расскажу вам.

Заговорщики присоединились к последним рядам колонны, поспешно и бесшумно покидавшей долину. Становилось теплее, тучи все еще скрывали небо. Долф поднял глаза, надеясь хотя бы на проблеск солнца. Дождь мог перечеркнуть все его планы.

Спустя несколько часов взорам путников открылись владения Ромхильда фон Шарница. Как и предполагал Леонардо, жилище графа представляло собой неприступную крепость, прилепившуюся к отвесной круче. Подобраться к замку можно было лишь с тыла, где вплотную к скале подступала лесная чаща. Дети в страхе бросали взгляды на замок, невольно ускоряя шаг, хотя путь их пролегал по противоположному краю обширной равнины.

— Вид не очень гостеприимный, верно? — легко-мысленно заметил Леонардо.

Обитатели замка несомненно обратили внимание на длинную колонну, растянувшуюся на километры. Как быть, если новый отряд похитителей вихрем обрушит-

ся на свои жертвы с этих вершин? Что делать тогда? Остается одно — скорее уносить ноги. Перепуганные дети готовы были бежать вприпрыжку. Ансельм довольно потирал руки.

Долф издали рассматривал крепостные сооружения, сожалея о том, что у него нет с собой бинокля. Интересно, какая планировка у этого замка внутри? Каким образом можно проникнуть в замок, если этот неуклюжий образец романского стиля и построен-то был именно в расчете на длительную осаду и задуман так, что захватить его силой или взять штурмом практически невозможно? Каролюс! Вот кто здесь необходим. Кому, как не маленькому королю, лучше всех знать об устройстве замков?

Долф поиском глазами маленького непоседу, который обретался уже где-то в самой гуще толпы. Каролюс нагнал Хильду и теперь шел рука об руку с нею. Лук и колчан у него за спиной выглядели до нелепого крошечными, вид у Каролюса был подавленный: он переживал потерю своего верного Берто. Марикие поспешила за Долфом и теперь семенила сзади, с любопытством поглядывая на замок, возвышающийся над долиной.

— Каролюс, мне нужно с тобой поговорить, — произнес Долф.

— Ты придумал что-то? — просияв, спросил Каролюс, отпуская руку Хильды. — Рассказывай скорее. Что мы должны делать?

— Марикие, поди поболтай с Хильдой — у нас с Каролюсом важное дело.

Девочка обиженно надулась:

— Если вы собираетесь напасть на замок, я пойду с вами.

— И не подумаем нападать, отчаянная ты девчонка, — засмеялся Долф. — Мы устроим заговор, который требует строжайшей тайны.

— Заговор! Против графа?

Глаза Каролюса загорелись воодушевлением.

— Тихо! — прошептал Долф.

Долф потянул его из шеренги и уселся вместе с

маленьkim королем прямо на обочине дороги. Мимо них торопливо шагали ребята.

— Послушай, — начал Долф, — я знаю, как освободить пленников сегодня же ночью — нет, лучше на рассвете.

— Как же это?

— Тише, никто не должен догадываться. Есть одна хитрость.

Каролюс энергично закивал:

— Я помогу тебе, выкладывай свой план.

Долф все объяснил ему. Он говорил не меньше получаса: Каролюс пришел в полнейший восторг.

— До чего же здорово придумано! — вырвалось у него после того, как Долф умолк. — Значит, я должен позаботиться о снаряжении?

— Точно. Повтори, что нужно.

Каролюс принялся поочередно загибать пальцы:

— Семнадцать рогов, семнадцать обручей для волос и набедренных повязок из травы, и еще перья, жир, древесный уголь, семнадцать пар обуви мехом наружу. Рога у нас есть — мы собираем их, а потом выдалбливаем, получаются отличные кубки.

— Пусть девочки сплетут повязки, только не рассказывай им для чего. Придумай что-нибудь.

— Но почему нас должно быть обязательно семнадцать? — спросил Каролюс.

Долф колебался. Он предпочел бы обсудить это с Леонардо, но отнюдь не с маленьким королем, для которого понятие арифметической прогрессии было тайной за семью печатями.

— В этом-то весь секрет, при условии, конечно, что люди графа удосужатся сосчитать нас. Семнадцать — магическое число.

— Но ведь чертова дюжина — это тринадцать, — напомнил Каролюс.

— Знаю, но тринадцать человек для нашей вылазки маловато, а семнадцать — самое подходящее магическое число, поверь мне.

— Но поймут ли это в замке?

— Сомнений не имею, каверзяка.

Было сказано,

Пока Долф рассказывал о своем плане, ему пришла в голову новая идея. Порывшись в кармане брюк, он нашупал драгоценный коробок спичек, который он берег все это время.

— Птичий помет, — вполголоса пробормотал он.

— Что такое?

— Из сухого птичьего помета. Его тут на каждом шагу сколько угодно. Сегодня наберу побольше. Так, еще уголь. Каролюс, позаботься как следует о нашем маскараде и подбери пятнадцать здоровых парней не робкого десятка. Спроси, хотят ли они помочь нам освободить ребят из графской темницы. Каждый может отказаться, я не скрываю, что дело рискованное, но пусть в таком случае держат язык за зубами.

— У меня есть на примете человек тридцать, каждый из них без колебаний пойдет за нами.

— Хватит пятнадцати, да нас двое, вот и набирается семнадцать, и ни одним человеком больше.

— Похоже, предстоит веселенький карнавал, — залыбался Каролюс.

— Все не так забавно, дружище. Дело, на которое мы идем, чертовски серьезно и может стоить семнадцати жизней.

— Думаешь, я могу струсить? — возмутился Каролюс.

— Ну что ты! Ты храбрейший из всех монархов, каких я встречал. А теперь мне нужно разобраться, как устроен замок. Отсюда он хорошо виден. Скала, на которой он стоит, неприступна, это ясно. А что может быть с той стороны, где к замку спускается лес?

— Ров, конечно, — с уверенностью ответил Каролюс.

— И подъемный мост?

— Да, я сам видел.

Острый охотничий взглядом Каролюс различал многое из того, что ускользало от внимания Долфа, он мастерски вел наблюдение за крепостью.

— Итак, единственный путь в замок лежит через подъемный мост над глубоким рвом с противоположной стороны... — задумчиво произнес Долф. А это

значит, мы должны атаковать, едва опустят мост. Как ты думаешь, когда они опускают его?

— Спозаранку, с восходом солнца, но там охрана человека два, не меньше.

— Так, что там дальше, позади моста?

— Крепостные ворота, конечно. Мощные кованые ворота, через которые нам все равно не пробиться.

— Мы и пробовать не станем. Они сами откроют нам ворота, вот посмотришь, — сказал Долф, придав своему голосу гораздо больше уверенности, чем он испытывал на самом деле. — А потом что, за воротами? Галерея, наверно?

— Вот не знаю. Может быть, переход, в конце которого еще одна дверь или опускающаяся железная решетка. Думаю, когда наружные ворота открыты, они поднимают и ее, если их ничто не настороживает.

— Потому-то ни одна живая душа, кроме нас с тобой и пятиадцати ребят, не должна ни о чем подозревать. Так, куда ведет вторая дверь?

— Во внутренний двор. Да ты что, Рудолф, в замке никогда не был?

— Почему же? Просто на моей родине не встретишь таких крепостей на вершинах скал — у нас ведь больше топи и низины, а замки защищают рвами вкруговую да толстыми стенами.

— Ромхильду ни к чему двойные стены, все равно на эту скалу не взобраться.

— Внутренний двор, — повторил Долф, — наверняка просторный и со всех сторон окружен постройками. А жилые помещения где? Напротив ворот?

Приложив ладонь козырьком к глазам, Каролюс вглядывался в далекие очертания замка.

— Точно. Я насчитал четырнадцать окон, что выходят на долину. Это и есть жилое помещение, справа и слева от него хозяйственные постройки. Видишь башенку? Часовня. Если стоять спиной к лесу перед входом в замок, то конюшня и складские помещения будут по левую руку, а часовня и оружейная по правую...

— Как ты думаешь, где они прячут ребят?

— Скорее всего, они заперты в пристройке, на пи-

воварне или в пустой конюшне. Только не вместе с лошадьми — эти бандиты слишком дорожат животными, чтобы подпустить к ним пленников.

— Сколько детей они увели?

— Никто их толком не сосчитал, да и я не успел сообразить. Николас кричал, чтобы мы попрятались в шатер, но я остался и стрелял вслед этим головорезам. Одному я попал в глаз, тот свалился с лошади, и ребята затоптали его. Ансельм все-таки затащил меня в шатер, ну и злился же он! Эверарт говорит, они схватили не полсотни ребят, а гораздо больше.

— Я и сам так думаю. Пусть Эверарт пойдет с нами.

— Непременно.

Долф огляделся.

— Скажи, зачем понадобились Ромхильду наши ребята? Вся эта долина принадлежит ему, значит, он и без того богат.

Каролюс с видом знатока подтвердил его слова:

— Разумеется. В этих местах можно накопить несметные богатства, обирая путников, но земля тут неплодородная и зимой в замке должно быть голодно.

— Откуда ты знаешь?

В ответ Каролюс показал на скалистые кручи, обрамляющие долину.

— Вон сколько непахотной земли. Ты хорошо рассмотрел всадников? У некоторых лица были изрыты оспинами.

— Чем?

— В долине, видно, не так давно свирепствовала оспа. Да не пугайся ты так, дело обычное. По крайней мере человек шесть из тех, что напали на нас, были в отметинах.

Долф задумался. Он не понимал, почему Каролюс заговорил об этом.

— Ну как ты не понимаешь? Смотри: поля стоят невозделанные, дороги никудышные, вон там виднеются какие-то хижины, но, похоже, заброшенные. Страшная болезнь косила здесь людей, и граф Ромхильд потерял не меньше половины своих крепостных, а значит, ему необходимы новые.

— Вот оно что...

“Как протекает грозная болезнь? — продолжал размышлять Долф. — Люди умирают в страшных мучениях, реже — поправляются, и на теле у них остаются такие же следы, как у этих всадников. А что могло померещиться в горячечном бреду этим головорезам? Видения ада, призраки преисподней? Ведь у каждого из них на совести ужасные преступления”.

— Они наяву увидят те кошмары, что преследовали их в бреду, — угрожающе пообещал Долф. — Мы их так напугаем, что они до конца своих дней запомнят. За дело, Каролюс.

Между тем остатки колонны уже покидали долину. Дон Тадеуш, который шел последним, с нескрываемым удивлением посмотрел на обоих друзей. Уж не приключилось ли чего с ними?

Ребята вскочили.

— Мы просто отдыхаем, вот решили поболтать.

Энергичнее этих двоих нет во всем детском воинстве, и вдруг им понадобился отдых. Это еще больше укрепило подозрения отца Тадеуша.

— Скажи все-таки, вы и вправду здоровы?

— Благословите нас, святой отец, — вдруг сказал Каролюс, — мы очень нуждаемся в этом.

Святой отец дал им свое благословение, но, прежде чем он успел задать хоть один вопрос, они сорвались с места и побежали догонять остальных. Качая головой, священник смотрел вслед мальчишкам. “Эти двое что-то замышляют, я нисколько не удивлюсь, если дело касается сегодняшнего нападения. Но почему они не открылись мне?”

Более всего святой отец был опечален тем, что ребята не доверили ему свою тайну.

Стремясь как можно скорее удалиться на безопасное расстояние от замка, предвещавшего новые бедствия, Николас и его приближенные распорядились не останавливаться на отдых. Было еще около четырех часов дня, а дети уже валились с ног от полного изнеможения. Но все могли выдержать такой быстрый темп, многие отставали от колонны, и движение волей-неволей замедлялось. Ребята постарше тащили на себе младших; все громче раздавались просьбы, сде-

лать передышку. Наконец крестоносцы были вынуждены остановиться и заняться поисками места для привала. Долф решил не тратить на это времени, ему был нужен Каролюс.

— У тебя все готово?

— Все: рога, набедренные повязки, обувь. Я завернул их в плащ и припрятал в лесу.

— Прекрасно. Что ребята?

— Ждут приказа. Как договаривались, пятнадцать парней вооружены и согласны на любое дело.

— Постарайся, чтобы никто не заметил, как они выскользнут из лагеря, и ждите меня в кустах. Мне нужно еще кое-что приготовить. У нас в запасе три часа. Пока не стемнеет, за это время нужно все успеть. Самое главное, постарайтесь, чтобы никто не заметил нашего отсутствия. Ребята знают, на что идут? Они и без того устали, наверно.

— Ничего, не маленькие, — взъерепенился Каролюс.

— Тогда до встречи.

Долф хотел поговорить с Леонардо. Студент как раз устраивал на отдых своего ослика.

— Послушай, дружище, вечером мне предстоит серьезное дело. Тебе я поручаю Марику. Пригляди за ней как следует да смотри, чтобы не увязалась за мной. И еще... Если я не вернусь, ты позаботишься о ней, Леонардо?

— Рудолф, что ты задумал?

— Пока ничего не могу тебе сказать, поверь мне... Студент понимающее улыбнулся.

— Может быть, мы скоро увидим тебя вместе с пятьюдесятью похищенными ребятами? — тихо спросил он.

Краска бросилась в лицо Долфу.

— Т-с-с-с! С чего ты взял?

— Успокойся, я ничего не знаю. Понимаю: ты хочешь сохранить свой план в тайне, я умею молчать. Я просто знаю тебя, Рудолф. Если уж ты что-нибудь вбил себе в голову, то так оно и будет, хоть бы весь свет ополчился против тебя.

Долф вздохнул и уверенно взглянув на студента, повернулся и кинул ему

— Иди с миром, Рудольф, и делай то, что велит тебе долг. Я не прошу взять меня с собой.

— Не нужно, — прошептал тронутый его ответом Долф, — один из нас должен остаться с ребятами и охранять их.

— Я буду молиться о тебе сегодня ночью, — очень серьезно и почему-то без своих обычных насмешек сказал Леонардо.

Они крепко обнялись, однако прощаться с Марией Долф не решился.

Ребята вовсю кашеварили — приближалось время ужина, — когда Долф скрылся, не замеченный никем. Он тащил с собой два мешка, в одном были сухари, а в другом все принадлежности, необходимые для нападения на замок фон Шарница.

В лесу его поджидал Каролюс со своими добровольцами, все пятнадцать были хорошо вооружены и экипированы для вылазки. Долф тихо обратился к ним:

— Сегодня вечером нам предстоит долгий переход, времени на отдых не будет. Нас ни в коем случае не должны видеть, но через три часа уже стемнеет. К замку мы приблизимся в обход, с тыла, там, где к нему подступает лес, заляжем в чаще до рассвета и подготовимся к штурму. Ребята, дело опасное. Тот из вас, кто сейчас дрогнул, еще может вернуться назад, вместо него мы найдем другого. Подробности обсудим по дороге. Ну как, никто не передумал?

— Мы все готовы, — выступил вперед один из мальчишек. — Наши друзья в плена, мы их не бросим.

То был Вальтер, отличный охотник. Маттис из команды рыбаков тоже подал свой голос:

— Мы пойдем на все, Рудольф, чтобы спасти Петера.

Вот что значит верные друзья. Долф был взволнован: несколько дней тому назад эти мальчишки встали за него горой, и снова они без колебаний пойдут с ним и в огонь и в воду, потому что друзья в опасности. Кто сказал, что лишь знатные рыцари отличались в средние века мужеством и благородством?

— Вперед!

В полном молчании отряд возвращался назад, к то-

му мести, где днем обсуждали свой план Долф и Каролюс. Все ребята сохраняли внешнее спокойствие; все они прошли испытания нескольких недель похода: лишения, ночевки под открытым небом, единоборство с дикими зверями. Не раз переходили они вброд стремительные горные потоки, не раз рисковали своей жизнью. Каждый был храбр и отважен. Каролюс сделал безошибочный выбор.

Маленький король вышагивал впереди отряда словно полководец, бросающий в сражение свое войско. Долф шел последним: он хотел еще раз удостовериться, что за ними нет хвоста.

Несколько недель тому назад, когда впервые зашла речь о переходе через Альпы, Долфу стало жутко. С той поры он думал об этом, как о чем-то невероятном. Во сне его преследовали стаи волков, он спасался от медведей, соскальзывал в пропасти и взбирался на головокружительную высоту, на него обрушивались горные лавины. И какие только ужасы не виделись ему!.. Но ничего даже близко схожего с событиями сегодняшнего дня не могло прийти ему в голову: нападение похитителей и теперь вот отчаянная попытка освободить друзей из неприступной темницы.

ПРИШЕСТВИЕ ДЕМОНОВ

T

емная могучая громада замка фон Шарниц нависла над сумеречной долиной. Заветное желание Долфа исполнилось: дождь прекратился, и даже небо казалось светлее.

Тишина и покой царили в долине. Ничто не шевелилось в ветхих лачугах землепашцев и крепостных, что прилепились у подножия скалы, на которой возвышался господский замок. Крепость кольцом охватывали посты стражи. Два окна в замке светились. Уж не в этом ли зале пирует граф Ромхильд с домочадцами?

Маленький отряд гуськом подтягивался все ближе и ближе, используя любое прикрытие: заросли кустар-

ника, валуны и пригорки... Небольшая речка преградила им путь, но ребята отыскали узкий деревянный мостик. Низко пригнувшись, они перебрались на противоположный берег, оттуда укатанный тракт со следами колес поднимался вверх по склону холма и терялся в лесной чаще. Каролюс решил, что идти этой дорогой не стоит, хотя, как предположили ребята, она петляя и поворачивая, должна была вывести их к тыльной части замка. Кто-нибудь из обитателей замка мог встретиться на этой тропе. Риск был слишком велик. Ребята рассыпались на приличное расстояние друг от друга и, надеясь на то, что в темноте они не различимы, перебегали отлогое поле, поднимаясь все выше и выше, пока не остановились на опушке леса. Непроглядная тьма лесной чащи, доносящаяся оттуда шорохи и звуки на миг поколебали их решимость. Справа, все так же высоко над ними, проступала на фоне белесого неба черная громада цитадели. Взметнулось и погасло пламя факела, все вокруг замерло. Гнетущая тишина, полная темноты. Крик совы. Шорох ветвей. Внезапно какой-то зверек, вспугнутый появлением ребят, выскоцил у них чуть ли не из-под ног, но что это было за животное, они так и не поняли. Зловещие, мрачные места.

Долф собрал всех ребят вместе.

— Держитесь поближе друг к другу, — шептал он, — возьмитесь за руки, чтобы не потеряться в темноте. Сейчас около одиннадцати часов ночи. В пять часов утра мы должны быть полностью готовы к штурму. Времени у нас осталось только-только подняться на вершину, немного отдохнуть и подготовиться. Пошли!

Восхождение по отвесному склону, поросшему лесом, да еще после двойного перехода днем, оказалось делом нелегким. Но мальчишки уже привыкли к таким нагрузкам, а фантастическое приключение, задуманное Долфом, манило их вперед. Они не сознавали до конца, какой опасности подвергали себя. Разве не заканчивались близопол, что самые рискованные затеи, стояло Рудолфу ван Амстелвеен взяться за дело? Но доверять Рудолфу может лишь глупец или трус, но только не они. Ребята карабкались выше. Луна вы-

глянула из-за облаков и посеребрила лес; теперь идти стало легче. Они не отваживались зажечь луцины или небольшие факелы.

— А вдруг медведь попадется? — прошептал Маттис прямо в ухо Долфу.

— Медведи бродят только днем, ночью охотятся волки, но они не нападут на отряд вооруженных людей. Волки — хитрые звери, они людей обходят, — ответил ему Долф.

Долф и сам не знал, правда это или нет, но чувствовал, что должен хоть как-то успокоить товарищей.

Наконец они поднялись на высоту крепостных стен, и тут снова заметили наезженную колею. По ней они не пошли, а избрали кратчайший путь — дорожку, отвесно взмывшую вверх. Дорога вывела их на площадку, с которой они теперь сами могли видеть чернеющий силуэт крепости.

— Отдохнем здесь, — распорядился Долф, — на рассвете снова спустимся к мосту.

Они попрятали свою ношу в кустах, отползли назад, в душистое разнотравье, в заросли папоротника, и закрыли глаза. Уф, до чего же они устали! Три человека постоянно несли вахту, сменялись через каждый час, последнюю вахтенную смену Долф взял на себя, потому что спозаранку ему еще нужно было кое-что приготовить. Он лег и провалился в сон, позабыв о треволнениях. За этот день Долф столько раз обдумал свой план со всех сторон, что он никак не должен сорваться. Неудача сулит всем им гибель. Третьего не дано. Так о чем еще беспокоиться? О маленьких кре-стоносцах позаботится Леонардо. Если Долфу суждено пасть в бою, Леонардо займет его место, хотя об этом между ними не было сказано ни слова.

Его растолкал Каролюс.

— Пора! — шепнул он, позевывая.

Луна скрылась из виду, все вокруг окутала кромешная тьма. Вглядываясь в окружающую его беспробсветную мглу, Долф различал тени часовых, которые пытались добираться своих сменщиков. Соблюдая пристороженность, он скользил к тому месту, откуда можно было все-таки увидеть за пределами леса обрыв.

ясь вне пределов видимости. Обступающий их со всех сторон лес продолжал и во мраке жить своей таинственной жизнью, но теперьочные звуки уже не пугали Долфа. Ему казалось, прошла вечность, прежде чем небо на востоке стало светлеть.

Теперь началась настоящая работа. Он извлек из мешка, принесенного с собой, пару деревянных плошек, кусок веревки, пропитанной жиром, два куска древесного угля и несколько пригоршней сухого птичьего помета, который собрал днем.

Он измельчил помет и древесный уголь в плошке и как следует перемешал, достал из кармана бесценный, бережно хранимый им коробок спичек. Он был почти полон.

Долф не мог припомнить точный состав пороховой смеси. Кажется, семьдесят пять процентов селитры, пятнадцать процентов угля и десять процентов серы, а может быть, все наоборот? Единственное, в чем он был полностью уверен, так это в том, что порох состоит из селитры, угля и серы. В птичьем помете должно быть достаточно селитры, сера — это спичечные головки, а уж древесного угля тут хоть отбавляй. А вдруг получится?

Даже если взрыв не удастся, чада и вони будет с лихвой, а это само по себе уже неплохо для его затеи. Долф потратил не меньше получаса на приготовление своей смеси. Тем временем занимался бледный рассвет. Долф еще раз перемешал измельченные спичечные головки, уголь и помет в плошке, накрыл сверху другой плошкой и плотно соединил обе половины, проложив между ними запальный шнур. Когда все было готово, сомнения вновь охватили его. Все-таки получится или нет? Он припрятал свое взрывное устройство в кустах, держа наготове две спички и коробок.

— Подъем, ребята. Пора за дело.

Короткая передышка вернула им силы. Правда, мальчики промерзли, руки и ноги их окоченели без движения, но одна мысль о дерзком предприятии заставляла кровь быстрее бежать по жилам.

Из развязанных мешков были извлечены на свет

принадлежности, необходимые для штурма: семнадцать обрущей для волос, увенчанных острым рожком посередине. Ребята сбросили свою одежонку, прикрыли ее ветками, а сами нарядились в короткие юбочки, сплетенные из травы. От свежего утреннего ветерка по коже побежали мураски, зуб на зуб не попадал, но никто даже внимания не обращал на такие пустяки. Сейчас всем станет жарко! Они украсили себя обручами, теперь на голове у каждого угрожающе торчал рог. Лица вымазали смесью угля и жира, оставив не-тронутой лишь светлую полоску вокруг глаз. Довершали наряд несколько перьев во встрепанных волосах.

Долф критическим взглядом осмотрел семнадцать существ, напоминавших нечто среднее между арапом Синтерклааса* и краснокожим обитателем Дикого Запада. Оставалась заключительная часть маскарада: нужно было вымазать все тело. Вначале Долф решил покрыть своих дьяволов с ног до головы черным, но теперь ему в голову пришла удачная мысль придать им еще более жуткий вид. Он набрал полные пригоршни угольной смеси и начал малевать каждому на спине и на груди черные разводы, потом таким же манером исполосовал им обнаженные руки и ноги. Ребята вздрагивали от холода. Но вот рассвет занялся в полную силу, и теперь они могли рассмотреть друг друга. Вид у них был и в самом деле чудовищный: семнадцать рогатых, полосатых выходцев из преисподней. Белые зубы сверкают, черные лица лоснятся жиром, ноги поросли шерстью. Долф удовлетворенно кивнул, приготовил свою "бомбу" и сделал ребятам знак следовать за ним.

Они двигались вниз по склону, пока не оказались на одной высоте с тыльной частью крепости. Отсюда был хорошо виден ров, преграждающий подходы к замку со стороны гор. Мост был поднят. Между лесистыми склонами, где укрывались ребята, и рвом пролегало открытое пространство в сотню метров шириной. Значит, нападая с этой стороны, обитателей

* Синтерклаас — святой Николай, приносящий детям подарки в Николин день, шестого декабря. Святого сопровождает черный слуга-негр.

замка не застанешь врасплох. Подобравшись к самому краю зарослей, ребята замерли в кустарнике, а Долф ползком еще немного выдвинулся вперед, надеясь, что его не сразу заметят с крепостных стен. Он выложил "бомбу" на землю, протянул запальный шнур и опять нырнул под прикрытие чащи.

— Слушайте меня внимательно, — шепотом скомандовал он. — Сейчас я подожгу этот шнур. Не бойтесь, если услышите грохот. Будет страшная вонь и много дыма — не обращайте на это внимания. Быстрее бегите вперед через завесу дыма, вам ничего не сделяется. Понятно?

Мальчишки дружно кивали, хотя на самом деле ничего не поняли. Но раз Рудолф говорит — значит, так оно и должно быть. Вздрагивая от напряжения, они всматривались в поднятый мост, наглоухо закрытые тяжелые ворота замка. Они рвались в дело, и Долф рассчитывал, что ждать им остается недолго.

Спустя некоторое время за стенами крепости послышались крики, цокот копыт и лошадиное ржание. Заскрежетал опускаемый мост и с грохотом встал на место. Ворота раскрылись наполовину, двое стражников, выйдя из ворот, осмотрелись и что-то прокричали тем, кто оставался внутри. Стражи посторонились, давая дорогу семерке всадников, выезжающих со двора. Всадники проскакали по мосту и начали спускаться по тропинке, ведущей в долину. "Отправились подстерегать ничего не подозревающих путников у входа в расселину", — подумал Долф.

Мост по-прежнему был опущен, ворота не запирали, люди шли в замок и выходили оттуда. Показались две женщины, они перебросились несколькими словами с охраной и тут же поспешили назад. Стражники разместились по обеим сторонам ворот, облокотились на свои алебарды и приготовились поскушать несколько часов. Жизнь в замке Шарниц шла своим чередом.

Дальше тянуть нельзя, нервы у ребят и без того напряжены до предела, да и эффект неожиданности от нападения семнадцати чертей не будет столь мощным. Он слышал, как ребята молились. Долф чиркнул спичкой и поднес ее к запалу.

— Приготовиться! — прошептал он. — Через мгновение грохнет взрыв — и мы тут же бросаемся вперед. Ничему не удивляться! Вам покажется, что это колдовство, но все так и задумано.

Он бросил взгляд на фитиль, по которому скользили язычки пламени, огонь медленно полз по каменистой земле, подбираясь к взрывному устройству. Выйдет или нет? Долф прижал ко рту тыльную сторону ладони, издав устрашающий боевой клич индейцев Дикого Запада, слышанный им в ковбойских фильмах: "Baу-вау-у-у-вау-у-у!"

Стражники, охраняющие подъемный мост, разом дрогнули и уставились на кромку леса. Ребята затаили дыхание. Пламя подбиралось к деревянной плошке.

“Бау-бау-у-у-бау-у-у!” — неслось из кустов леденящее душу завывание. Стражники в ужасе переглянулись, снова посмотрели в направлении леса и...

Бах!

Сработало! Клочья грязного дыма заслонили все вокруг, мглистая завеса с каждой секундой становилась все плотнее, в воздухе разносилась ужасающая вонь. Ошеломленные мальчишки растерялись, но Долф крикнул:

— За мной!

И они рванулись вперед сквозь облака дыма и копоти.

Стражники, у которых душа ушла в пятки, наблюдали жуткую картину: все началось с душераздирающего воя, потом раздался оглушительный грохот, и площадку у моста окутал черный дым. Из клубов адского пламени выскоцил... сам дьявол! Еще один, а за ним еще и еще. Низкорослые, рогатые, покрытые черными полосами, визжа и клацая зубами, эти исчадия ада неслись прямо на стражников. Охрана, оцепеневшая от страха, слишком поздно сообразила, что чудовища уже пересекли мост и вот-вот окажутся рядом. Враг рода человеческого прислал за ними своих подручных, чтобы те утащили грешников в преисподнюю. Солдаты с дикими воплями рванулись наутек и вбежали во двор замка, так и оставив ворота широко распахнутыми.

— Святая Богородица, спаси и помилуй нас!

Вслед за ними во двор ворвались семнадцать демонов, на которых нельзя было взглянуть без содрогания. Впереди скакал вприпрыжку самый рослый, сверкая торчащим рогом, размахивая огромным острым ножом. Вся эта орда издавала вой, крики, визг. Мужчины, женщины и дети, столпившиеся во дворе, тоже заголосили, побросали что у кого было в руках: ведра, тазы, седла, упряжь — и бросились врассыпную, преследуемые воющими чертями. Одна из женщин упала на колени, три дьявола пролетели над ней. Бородатый воин, за которым гнался предводитель демонов, внезапно обернулся и схватился за свой меч, но ужасное чудовище опередило его, вонзив в руку воина свой нож. Мужчина с криком боли свалился наземь, еще секунда — и дьявол взгромоздился на грудь раненому, прижимая его к земле.

— Пощадите, пощадите... спасите!

Волосатая нога наступила ему на ухо, и человек едва не умер от испуга.

— — Где пленники? — орал дьявол ему в лицо. — Отдайте нам полсотни детей из господнего воинства, мы высосем кровь этих безгрешных!

Черт вскочил, схватился за кольчугу поверженного воина.

— Быстро вставай! Тащи сюда маленьких святош, да поскорее, а то полетишь у меня в чан с кипящей серой, грешник проклятый!

Человек, так и не расправившись, на корточках отползл от своего мучителя. Во дворе замка царил несусветный переполох. На взрослых и детей с отвратительным визгом кидались черти, маленькие черные лапы раздавали щипки и пинки направо и налево. Людям и в голову не приходило сопротивляться. В жилых помещениях замка распахнулись окна, показались бледные, искаженные страхом лица и тут же попрятались. Сам граф фон Шарниц вышел на деревянную галерею, опоясывающую второй этаж.

— Тащите нам детей! Маленьких крестоносцев сюда! — что было силы орал Долф.

Эти вопли тут же были подхвачены остальными

чертями, которые словно безумные носились по всему двору, разгоняя людей графа.

— Отдайте им детей! — вскричал граф, охваченный отчаянием при виде того разорения, которому подвергался замок. Впрочем, он не находил ничего подозрительного в том, что дьяволам больше по вкусу дети из святого воинства, нежели закоренелые грешники, подобные ему.

Под ноги Долфа грохнулся серебряный крест, и он пинком отшвырнул его, полностью войдя в свою роль. Бородатый мужчина улепетывал от него в сторону боковой пристройки, он размахивал здоровой рукой, оставляя за собой кровавый след. С башни просвистели стрелы, но тот же громовой голос с галереи остановил лучников:

— Прекратите стрелять, глупцы!

Одну из женщин во дворе ранило стрелой. Люди искали убежища в часовне — там дьяволы не преследовали свои жертвы. Пятна крови покрывали землю: черти кололи ножами и острыми камнями всех, кто попадался им под руку, сея панику в толпе. Долф, кривляясь и пританцовывая, словно негр, охваченный амоком*, несся по пятам за бородатым воином.

— Скорее ведите сюда детей! — подстегивали слуг повелительные окрики сверху.

Двойная дверь распахнулась, и во двор высыпали ребята, похищенные наемниками графа. Все пятьдесят два человека были здесь. Но, увидев дьяволов, которые цепко хватали их, пленники пришли в ужас, их мольбы о пощаде слились с криками обитателей замка.

В мгновенье ока Долф оказался впереди всех и бросил Франку:

— Успокой ребят, это же мы.

Только теперь маленький кожевник догадался, кто перед ним.

Каролюс рванул на себя Берто:

— Бежим скорее, это мы придумали хитрость.

* АМОК — внезапно возникающее психическое расстройство, резкое возбуждение с агрессией, отмеченное преимущественно у аборигенов Малайского архипелага.

Однако далеко не все ребята сразу поняли, что демоны, беснующиеся вокруг них, вовсе не из преисподней, и прекратили сопротивление.

Черти получили то, что они требовали. Окружив кольцом пленников, они погнали их перед собой: быстрее, быстрее, через ворота, через мост, прямо в лес. А вслед им смотрели с облегчением еще не оправившиеся от пережитого потрясения люди графа.

После набега чертей внутренний двор замка представлял собой картину ужасающего разгрома: на заляпанных кровью булыжниках валялись сломанный нож, фазаны перья и все, что побросали слуги — побитые блюда и кувшины, растоптанный хлеб, рваные башмаки...

Вскоре все пятьдесят два пленника оказались в гуще леса, далеко от графской крепости. Пробегая мимо кустов, черти схватили припрятанную ночью одежду. Они забыли, как мерзли совсем недавно, пот градом лил по раскрашенным спинам. Несколько детей до сих пор так и не поняли, что нападение чертей было хитроумным замыслом. Бедняги молились и жалобно хныкали, подгоняемые своими ужасными преследователями. Франк метался от одного к другому, успокаивая их, но вид рогатых чудовищ был столь невыносим, что ребята отказывались поверить в то, что перед ними друзья.

Счастливый Каролюс радостно поспешал вслед за своим другом Берто.

— Мы с Рудолфом все придумали, а я устроил этот маскарад. Ты рад, Берто?

Конечно, все они были рады, и еще как! Пятьдесят два спасенных пленника обнимали своих отважных друзей, перепачканных сажей. Всем хотелось поскорее возвратиться в лагерь, но Долф остановил их:

— Мы догоним наших к вечеру, а день лучше пересидеть в лесу, чтобы никому не попадаться на глаза. Пусть Ромхильд и его люди думают, что мы утащили свою добычу прямиком в ад. Стоит им заметить, что мы переходим долину, они поймут, как их провели, и тогда уж нам не поздоровится.

Они залегли в лесу, утоляя голод ягодами и суха-

рями, о которых предусмотрительно позабочились заранее. Лишь под прикрытием темноты они спустились вниз и к утру снова были на месте вчерашней стоянки лагеря. Тут они снова укрылись в лесу, чтобы поспать несколько часов.

Они отошли от замка километров на десять, теперь можно было рискнуть двигаться и днем, чтобы нагнать колонну до наступления сумерек, пока она еще не вышла из долины.

Черти сменили свой маскарад на обычную одежду, но избавиться от въевшейся в кожу сажи им не удавалось. Сколько они не терли себя пучками сухой травы, мхом — вид у них был не лучше, чем у трубочистов. Сухари были съедены, охотиться некогда, ребята подкрепили силы ключевой водой и заторопились вдогонку армии крестоносцев. Поздним вечером вдали показалось пламя костров. Колонна остановилась на отдых у подножия новой гряды отвесно вздымающихся отрогов, последней цепи горного отрога Карвендел.

Они вступили в лагерь, спотыкаясь от изнеможения, черные от сажи и дорожной пыли.

Каролюс, едва держась на ногах, шагнул в палатку, выхватил из рук Ансельма кусок жаркого, но силы оставили его, и он свалился, так и заснув с куском мяса во рту. Хильда, два дня без устали искавшая своего нареченного, залилась слезами радости. Она смочила кусок полотна и отерла замурзанное лицо мальчика, а тот спал как убитый. Фрида, рыдая, бросилась обнимать подруг. Берто, Виллем и Карл опустились на землю у первого же костра, умоляюще протягивая руки к еде. Как же они изголодались!

Внезапное появление похищенных вызвало в лагере отчаянную сумятицу, но все вопросы ребят оставались без ответа. Спасенные, как и их спасители, с трудом ворочали языками. Они просили только немного поесть и спать, спать!

Долф, Петер и Франк услышали крики ослика, которые и привели их к Леонардо и Марике. Мальчики плюхнулись на землю, им бы сейчас только глоток воды! Горячий суп, которым их кормили друзья, обжигал жадно хлебавшие рты. Марике уцепилась за ру-

ку Долфа, черную от сажи, и расцеловала его, не помня себя от радости. Только Леонардо ничего не сказал. Он крепко обнял Франка и Петера, круглыми от изумления глазами посмотрел на Рудолфа, который устало стаскивал меховые башмаки. Наконец к студенту вернулся дар речи:

— Получилось, значит...

И его голос, обычно насмешливый, дрогнул.

У Долфа не хватило сил описать свои приключения в подробностях. Как был, пропитанный потом и грязью, он растянулся на земле и заснул, положив под голову скатанную куртку. Словно в тумане, он услышал слова Леонардо: “Мы совсем потеряли тебя...” Это было последнее, что он помнил.

Ему снилась мама, снился дом и душ в ванной, который почему-то не работал как следует: сколько ни крути кран, из него бежала только ледяная вода...

Шел проливной дождь.

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ

Иескончаемая колонна путников растянулась по отрогам Карвендела, минуя извилистые, путаные тропы, которые и дорогами-то нельзя было назвать, шумно низвергающиеся потоки, утесы и лощины, непролазную чащу и колючие изгороди кустарника; они скатывались по осыпающимся каменистым склонам, натыкались на обломки скал и вновь взбирались к вершине. С каждым днем холода усиливалась, дождь лил не переставая.

Казалось, это плачут горы — повсюду хлюпала, журчала, пенилась вода. На отлогих местах ноги по щиколотку увязали в грязи. Мешки с сухарями промокли и стали вдвое тяжелее. Грубые башмаки до крови натирали подошвы, плохо выделанная кожа прилипала к ногам, от нее исходил зловонный запах. Грязная жижа пропитала одежду и волосы. Пеньковая перевязь колчанов натягивалась, до крови врезалась в

тело, стрелы погнулись. Ребята на ходу грызли остатки сухарей, чтобы заглушить голод; сильный ливень не позволял разжечь костер и приготовить пищу. Устраиваясь на ночь, они вначале должны были повалить толстое дерево: самая сердцевина его ствола, пропитанная смолой, еще годилась для костра, но хворост насквозь отсырел, трава не загоралась, искры, высекаемые кремнем, тут же гасил дождь. Для того чтобы, вопреки стихиям, разжечь и поддержать пламя, требовалась незаурядная изобретательность и, конечно, легкая рука. Чего только не выдумывал Каролюс в эти дни всеобщего уныния, стремясь вселить бодрость в своих маленьких подданных! Но в горах не было ни тростника для плетения навесов, ни ивовых прутьев, из которых выходили прочные щиты, прикрывающие от ветра. Промокнув до нитки, хныча от изнеможения, немногие счастливцы забивались на ночь в расщелины скал, на худой конец, устраивались под кронами деревьев, сочившихся влагой. Остальные мерзли под струями дождя, дрожали на ледяном ветру.

Ноги разъезжались на осклизлых горных тропах, не слушались на крутом подъеме. То и дело происходили несчастья: кто-то оступился и угодил в пропасть, а тот упал, переломав себе ноги, или захлебнулся, унесенный потоком. Сколько их погибло за эти три нескончаемых дня восхождения? Долф не знал. Он, не задумываясь, рисковал жизнью, чтобы выручить ребят из цепких лап графа Ромхильда фон Шарница, но эти новые жертвы предотвратить не мог — слишком небольшна была армия крестоносцев. Долф и его помощники не могли поспеть повсюду. Не одни лишь несчастные случаи угрожали детям, ребята гибли от болезней — воспаления легких, истощения, сердечных приступов — и множества самых неожиданных напастей, на которые столь щедра коварная, не знающая снисхождения природа. Путников подстерегали свирепые звери, ядовитые змеи, лавины камней обрушивались на них с высоты. Над головами детей постоянно кружили стервятники. Однажды хищная птица камнем упала на отставшего от колонны малыша и принялась клевать его. Правда, Берто все же удалось подстрелить

ее, это был большой беркут, но изувеченный ребенок к концу дня умер, а у самого Берто прибавилось шрамов на теле.

В этот ненастный день сумерки рано окутали гористую местность, и ночь тянулась долго-долго. Леонардо, прокладывавший путь, обнаружил чуть выше пологую лужайку, подходящую для ночевки. Виллем заметил несколько пещер на склонах гор, обступавших поляну, и решил проверить, годятся ли они, чтобы разместить на ночь больных. Войдя в пещеру, он и охнуть не успел, как столкнулся нос к носу с медведем.

Медведь поднялся на задние лапы и, угрожающе покачиваясь, зарычал. Мальчишки, спустившиеся в пещеру вслед за Виллемом, завизжали при виде грозного зверя. Непривычные звуки и запахи сбили медведя с толку. Он бухнулся на все четыре лапы, в ярости устремился на вошедших и нанес Виллему смертельный удар исполнинской лапой.

Запыхавшийся Леонардо, услыхав крики о помощи, подоспел как раз вовремя. Он с размаху налетел на медведя, который, поматывая головой и урча, нависал над лежащим Виллемом, и, ни секунды не колеблясь, обрушил на голову зверя свою дубинку. Мог ли он медлить? Ведь он обещал детям расправиться с хозяином леса. Медведь попятился, качая ушибленной головой, потом тяжело развернулся и бросился наутек.

Раненый зверь несся прямо на ребят, с криком разбегавшихся во все стороны. Несчастное животное ничего не видело от боли, его череп выдержал сокрушительный удар, но боль усиливалась с каждой минутой. Берто и Каролюс выпустили в него град стрел, которые застряли в клочковатой шерсти, даже не коснувшись тела. Леонардо пошел по следу, но догонять зверя не стал, лишь наблюдал за ним издали. Медведь в панике, рыча и царапая когтями землю, взбирался по склону, не разбирая дороги, втаптывая в грязь ветки и камни. Когда он скрылся за уступом скалы, Леонардо отправился назад.

Ребята встретили победителя восхищенными взглазами, но в лагере наступила траурная тишина. Виллем

умер. Трое ребят отделались легкими царапинами. Всю оставшуюся жизнь будут они теперь рассказывать удивительные истории о том, как в горах на них напал кровожадный зверь, о том, как отважно они защищались и спасли свою жизнь. Слух о геройстве Леонардо, который в одиночку, вооруженный всего-навсего дубинкой, обратил в бегство такого великана, переходил из уст в уста.

Долф ничего не знал о случившемся. Он суетился в дальнем конце лагеря, устраивая вместе с Фридой, Марике и Хильдой закрытую площадку для малышей, заходившихся в кашле. Он не обратил внимания на крики, доносиившиеся сверху. Семь тысяч детей, которые устраивались на привал, гадели не переставая, он уже успел привыкнуть к этому.

Ночь прошла относительно спокойно. Медведь больше не показывался, волчьи стаи держались поодаль от лагеря, отпугиваемые кострами и недремлющей стражей. Леонардо так и не прилег этой ночью: он обходил лагерь и проверял посты, будил часовых, если кто-то из них норовил вздремнуть, — одним словом, он был постоянно начеку, освободив тем самым Долфа от множества забот. Теперь, когда Леонардо взялся командовать стражниками, Долф не беспокоился об охране лагеря, целиком полагаясь на своего друга. Он смертельно устал.

С рассветом колонна вновь тронулась в путь. Ребятам пришлось утолять жажду мутной водой из родника: стремительные горные потоки потемнели, смешавшись с землей. На вкус вода отдавала гнилью. Запасы вяленой рыбы, которые еще сохранялись у ребят, подернулись плесенью. Размокшие сухари превратились в крошево. Мясо вздулось, от него исходило неимоверное зловоние. Бесконечный путь к вершине под секущими струями дождя, под яростным ураганным ветром притуплял все ощущения. Чувство покорного оцепенения охватило детей. Они молили небеса послать им хоть чуточку тепла и солнца, но дни становились все ненастнее; они просили Святую Деву Марии защитить их, но вот на глазах у всех погиб юный охотник, погнавшийся за серной и угодивший в

пропасть. Твердая каменистая земля не принимала тела умерших, их складывали рядышком и присыпали сверху камнями. Да и времени на похороны не было, ребятам не терпелось поскорее выйти к перевалу и взглянуть оттуда на расстилающуюся внизу долину Инсбрука. Какой смысл хоронить погибших, если той же ночью к могиле слетятся стервятники и, разбросав камни, накинутся на свою добычу?

Они продолжали взбираться все выше и выше. К полудню третьих суток ливень сменился докучной моросью, от которой ребята мерзли и промокали не меньше прежнего. К тому же идти теперь приходилось в тумане, и чем круче становился подъем, тем плотнее была завеса тумана, окутывавшая лесистые склоны. Скоро ничего уже нельзя было разглядеть на расстоянии вытянутой руки. Но страшнее всего был холод. Больные надрывались в кашле днем и ночью, чихали, сопели. Слезящимися, воспаленными глазами всматривались ребята в обступавшие их скалистые глыбы, которые внезапно выныривали из тумана и вновь таинственным образом теряли свои очертания. И все-таки они двигались вперед, и казалось, ничто не остановит их на пути к Иерусалиму.

Фрида обнаружила пчелиные соты, полные дикого меда, — незаменимое средство при больном горле и простуде. Она собрала друзей, которые, подвергая себя нешуточной опасности, очистили улья. Пчелы облепили ребят, нещадно жаля. От укусов один из мальчиков умер. Но янтарные соты, сочившиеся горным медом, принесли облегчение многим.

На исходе третьего дня они увидели перевал. Туман еще не рассеялся, плотный слой облаков покрывал представшую взорам путников долину, и ребята не сразу сообразили, что вышли на самый пик кряжа. Ветер утих, дождь едва накрапывал, все вокруг было пропитано влагой. Начался спуск, и лишь теперь они наконец поняли, что одна сторона горной цепи осталась уже позади.

Спуск в долину также не обошелся без жертв. Извилистая тропинка, скользкая, словно каток, петляла по склону. Не было никакой возможности разглядеть,

где пролегает их путь: на расстоянии пяти метров все сливалось, повороты внезапно выныривали из тумана. Ребята скользили вниз, проносились по десятку метров кряду и останавливались, налетая на ствол дерева, падали, плача, со сломанными руками и ногами. Те, кто был постарше и посильнее — стражники, охотники, рыбаки, кожевники, — аукая, отыскивали малышей в тумане. Сотни крепких ребят и девочек тянули за собой и несли на руках больных, заплаканных малышей. Во что превратилась армия маленьких крестоносцев, с молитвами и песнопениями выступившая в дальний путь? Теперь они уподобились замученным выночным животным. Своего последнего вола они лишились на подступах к вершине: он свалился в глубокое ущелье и спасти его не удалось. Отчаянный рев бедного животного еще долго преследовал ребят. Берто наугад послал в ущелье несколько стрел, надеясь положить конец мучениям вола, но тщетно. Пришлось оставить беспомощное животное на произвол судьбы. Долф подумал, что хищники не замедлят прикончить его.

Теперь колонна ребят спускалась вниз, изредка ускоряя движение, что неминуемо завершалось несчастными случаями. На одном из крутых поворотов намокшая почва осела под ногами путников. До наступления темноты, которая опускалась теперь гораздо раньше, они останавливались на ночлег прямо на сбегающем под уклон лесистом скате холма, ибо ничего иного, кроме покрытых зарослями круч, на этой стороне горного массива не было. Костры, которые удавалось разжечь с таким трудом, чадили и не согревали. Долф закутал в свою непромокаемую куртку дрожащего от холода малыша, и теперь, продрогший до костей, лежал у тлеющего костра, с неприязнью думая о Николасе, который вместе со своими приближенными отдыхал в теплой, сухой палатке. Долфу стоило немалого труда сдержать себя. С каким удовольствием он бы сейчас вытащил из шатра этих задавак. Стоп! Какое право он имеет упрекать их в эгоизме? Этот шатер не что иное, как символ высшей власти. Никому из тех ребят, кто тщетно пытаясь согреться, засыпает на голой земле, и в голову не приходит выступить

против подобного неравенства. Напротив, это вполне согласуется с их восприятием мира.

Так ли уж все изменилось во времена Долфа? В двадцатом веке на большей части земли власть имущие тоже не отказывали себе ни в чем, обрекая простой народ на бедность, голод и нищету. Тех, кто осмеливался восстать против заведенного порядка, ждали тюрьмы, страдания, гибель. В этом отношении век двадцатый был ненамного гуманнее и цивилизованнее тридцатого — подтверждения тому Долф встречал в телепередачах. Люди тоже почти не изменились: лживость, эгоизм, злоба им были свойственны по-прежнему. И в двадцатом веке точно так же гибли народы, целые государства подвергались опустошению во имя какой-либо идеи, ради обогащения, ради борьбы за власть. Конечно, теперь народы ожесточенно сопротивлялись диктатуре или эксплуататорскому режиму, но ведь и населения на земле прибавилось вчетверо, а вместе с тем изощреннее стали и формы угнетения народа. Раньше с инакомыслящимиправлялись каленым железом — теперь им грозит электрический стул. И так ли уж велико различие между средневековым крепостным, которого подгоняет хозяйствский кнут, и современным рабочим, над которым висит угроза безработицы? И того и другого безжалостно эксплуатируют, одновременно суля пряник: райскую жизнь и христианские добродетели — крепостному, тотализатор* и прибавку к отпуску — фабричному рабочему. Но свободен ли каждый из них? И современники Долфа, и те крестьяне, которых он видел на господских полях, одинаково вынуждены трудиться на хозяина, зарабатывая себе на жизнь.

Если кто и был воистину свободен, то это, пожалуй, лишь маленькие крестоносцы, увлеченные в дальнее странствие прекрасной мечтой. Да, они страдали от непогоды и лишений, тысячи опасностей подстерегали их, они становились добычей диких зверей, но разве не сами они приняли решение отправиться в Иерусалим? Все эти бродяги и нищие сироты, беглые крепо-

* Тотализатор — игра на деньги на скачках или бегах.

стные сознательно сделали свой выбор и сами расплачивались за его последствия. Сознавая, что не каждому из них суждено дойти до конца, они все же упрямо рвались вперед. Тот, кто больше не верил в идею об Иерусалиме, тоже был свободен в своем решении повернуть назад, как это сделал Фредо, за которым ушли восемьсот ребят. У Долфа потеплело на душе, когда он впервые понял, что означает на деле крестовый поход для этих обездоленных, которым еще никогда не доводилось самим решать свою судьбу. Одного глотка свободы оказалось достаточно, чтобы превратить никому не нужных, замученных тяжким трудом детей в крепкую армию, которую не свернут с пути любые преграды и лишения. И все же не одна только фанатичная вера гнала их в дальнюю дорогу: крестовым походам к этому времени было уже более столетия, интерес к ним должен был и поубавиться. Возможность отдать за веру Христову свою жизнь не воодушевляла теперь и взрослых, а этот поход захватил детей! Они ощутили свободу и надежду на иную, счастливую жизнь.

Нет сомнений, Ансельм задумал какую-то хитрость. Долф не предполагал, что ждет детей в Генуе, но уж, во всяком случае, не чудеса. Он твердо знал одно: решающие события произойдут именно там, когда эти ребята вновь встанут перед выбором. Как-то решит тогда каждый из них свою дальнейшую судьбу?

Но сколько же внутренней силы таит в своей душе свободное дитя человеческое! Сколько упорства и веры в чудо! Долф, сам промокший до нитки, озябший, вдруг почувствовал гордость за ребят, которым достало мужества и душевных сил перенести столько испытаний. Наконец-то он понял, что заставляло его, не щадя сил, во всем помогать им. Они заслуживали этого.

К вечеру следующего дня крестоносцы спустились к подножию горного кряжа и могли устроиться на ночлег в широкой долине реки Инн. Позади них остался Карвендел, первая альпийская гряда.

Многих товарищей потеряли они. Жертвы, по подсчетам Долфа, исчислялись сотнями. Марике, выдержавшая этот переход, хлопотала в лазарете. Впервые

за долгое время Долфу попался на глаза отец Тадеуш. Без сомнения, скромный священник, как всегда, не щадил своих сил, помогая ребятам на горных тропах, и наверняка, не хвалясь этим, спас не один десяток детей. Армия крестоносцев растянулось на такое расстояние, что вполне можно было по нескольку дней не видеть своих лучших друзей.

Долф совсем недавно узнал, что Виллем, один из тех, кого он вызволил из графского замка, погиб. Мальчик, не подозревая об опасности, спустился в поисках ночлега в пещеру, где его подстерег медведь. Ирония судьбы потрясла Долфа.

— Не освободи я его из неволи, он был бы жив теперь, — срывающимся голосом проговорил он. — Какая нелепая, страшная смерть!

Дон Тадеуш, утешая его, положил руку на содрогающиеся плечи Долфа.

— Не плачь, сын мой. Виллем умер свободным. Он на небесах теперь.

Несмотря на заметные потери, настроение в лагере было приподнятым: в течение одной только недели ребята оказались свидетелями двух героических поступков, обраставших легендарными подробностями. Это были вылазка в замок графа фон Шарница и схватка Леонардо с исполинским медведем. Дети не говорили ни о чем другом, в который раз пересказывая друг другу эти истории, словно услышанные ими когда-то от странников.

Фокус, к которому прибегнул Долф в замке, имел огромный успех, все потешались над шуткой, с помощью которой ему удалось провести самого графа и его людей. Дубинка Леонардо, которой тот едва не проломил череп медведю, — дубинка, от которой громадный зверь с ревом пустился наутек, представлялась детям оружием могучего великаны.

Долина реки Инн была обширной, пологой и весьма плодородной. В пятнадцати милях от нее лежал славный город Инсбрук, за которым вновь вздыпалось страшное препятствие — скалистая гряда, закрывающая дорогу на Ломбардию. После спуска с гор ребятам предстоял еще целый день пути, прежде чем они до-

стигли древнего города. Благочестивые жители сердечно встретили маленьких паломников. Съестное, что принесли им горожане, ребята поделили между собой. Впервые за много дней они попробовали зелень, а у малышей наконец появилось молоко. Солнце прорвалось сквозь тучи, и бескрайняя долина грелась в золотистых лучах.

Ребята могли теперь просушить намокшую одежду, привести в порядок покоробившиеся от сырости башмаки. Городской костоправ осмотрел сломанные руки и ноги и наложил — довольно неуклюже — шины на переломы. Сам епископ вышел из резиденции, чтобы благословить маленьких крестоносцев. Путники продали мяснику трех овец, которым посчастливилось благополучно пройти через горы, а на вырученные деньги закупили колбас и окороков. У ребят словно появилось второе дыхание, надежда окрыляла их. Переход через Карвендел отнял много сил, но решимость крестоносцев не была сломлена. Теперь они без страха готовились к следующему переходу, через Бреннер.

Проходя по лагерю, Долф наткнулся на Каролюса.

— Все в порядке? — весело спросил он.

Маленький король довольно улыбнулся в ответ. И тут Долф вспомнил, что давно хотел задать ему один вопрос.

— Слушай, Каролюс, я все забывал спросить тебя: как вышло, что тебя провозгласили королем? Это была воля самих ребят?

— Ребят? Ну что ты!

Маленький Каролюс горделиво выпрямился.

— Граф Марбургский удостоил меня этой чести. Я служил у него оруженосцем. Вообще-то у него было четверо оруженосцев, я самый младший. Представляешь, что значило для меня это предложение? Те трое чуть не умерли от зависти.

Долф опустился на землю, потянув за собой маленького короля.

— Выходит, ты не сбежал из дома, как Фредо?

— Мог ли я нарушить обет верности, данный моему господину? Нет, граф Марбургский сам отправил меня

в поход вместе со своей дочерью Хильдой. Она станет королевой Иерусалимской.

— Постой-ка! — вскричал Долф, припоминая. — Значит, этот граф снарядил в поход тебя, а заодно и свою собственную дочь, да еще с полного одобрения архиепископа?..

— Конечно, архиепископ благословил нас и поручил заботам Николаса.

— Но ведь уже есть один король Иерусалимский, не у сарацин, разумеется, а добрый христианин дворянской крови, именующий себя этим титулом.

— Есть такой король, но, пока святой город пребывает во власти неверных, этот почетный титул остается пустым звуком. Первым настоящим королем Иерусалима буду я.

“Эге, да тут замешана большая политика, — размышлял Долф. — Германская знать стремится укрепить свои позиции в Палестине, надеясь, что рать маленьких крестоносцев с Божьей помощью потеснит турков, а уж затем в дело вступят взрослые господа. Каролюс лишь ничтожная пешка в крупной игре. В этой игре пригодился даже Господь Бог, пообещавший Николасу сотворить чудо”.

— Как зовут нынешнего короля Иерусалима?

— Не знаю, какой сейчас — их уж столько было... Какой-то франкский дворянин.

“Правильно, — продолжал про себя Долф, — осталось заменить его германским дворянином, который будет настоящим королем в городе, захваченном крестоносцами”.

Однако больше всего поразило Долфа то, что взрослые именитые люди — граф Марбургский, архиепископ Кельнский и кто знает, какие еще политические авантюристы, замешанные в этой интриге, — по всей видимости, не сомневались в успехе крестового похода детей. Архиепископ, скорее всего, затеял это предприятие вместе с Ансельмом и Йоханнесом. Он представил в распоряжение Николаса повозку, упряжкуолов, походный шатер, а граф Марбургский без колебаний отправил в странствие свою дочь вместе с оруженосцем... В своем ли он уме?

Если бы знать... А вдруг они рассчитывают на счастливый случай, на то, что обещанные чудеса произойдут, и оба владетельных господина отхватят жирный кусок пирога. Так, наверное, они думали, посылая детей в далекие края. А то, что поход, скорее всего, завершится гибелью восьми тысяч детей, никого особенно не заботит. Вполне возможно, у тех, кто стоит за этим предприятием, было и такое соображение: наши земли и без того перенаселены, множество бездомных бедняков скитаются по дорогам, а тут представляется прекрасная возможность одним махом избавиться от них.

“А каких великолепных исполнителей подобрали они для осуществления своих политических замыслов, — сказал себе Долф. — Хильда ван Марбург, неутомимая сестра милосердия, сильная, благородная, очаровательная, такая девушка — одна на тысячу. Неужели отцовская любовь не помешала графу обречь свою дочь на опасности и лишения этого страшного пути? Впрочем, Хильда, скорее всего, не была в семье любимым ребенком. На что может сгодиться девочка в глазах господина графа? Хорошо, если удастся выгодно пристроить ее, выдав замуж, она же не свободный человек, а вещь, которую можно обменять, получив власть или деньги. А Каролюс? Самый младший из оруженосцев при дворе графа, немногим отличающийся от простого слуги. Граф не мог не заметить исключительное мужество, честность и верность своего вассала, и он использовал эти качества парнишки наилучшим образом. Бог ты мой, до чего же здорово соображали тогда люди! Не удивительно, что в средние века игра в шахматы пользовалась такой популярностью; в реальной жизни знатные господа играли взрослыми и детьми, целыми армиями, словно фигурами на шахматной доске”

— В шатре неспокойно, — пожаловался вдруг Каролюс. — Йоханнес с Ансельмом все время ссорятся. Ансельм торопится, а Йоханнес стоит на том, что детям нужен отдых.

Долф был заметно удивлен, и Каролюс продолжал

с удовлетворением, потому что сам недолюбливал Ансельма:

— Николас умоляет их сохранить мир, ибо нелады монахов плохо скажутся на всех детях. Вообще-то Йоханнес неплохой человек, да? Мне он нравится.

— Неужели?

— Ну, Ансельм тоже, конечно, — поспешил добавить Каролюс, всем своим видом показывая, что он так не считает. — Ансельм благочестив, хоть и весьма строг. Так оно и должно быть, ибо среди нас великое множество дерзких, негодных детей, которые не желают подчиняться никому, но Йоханнеса и особенно отца Тадеуша они все-таки слушаются. А ведь ни того, ни другого нельзя назвать слишком суровым, странно, да?

— О чём они спорят? — поинтересовался Долф.

— Да я толком и не понял, о каком-то Больо. Дон Йоханнес уверяет, что Больо еще ждет их, Ансельм же опасается, что Больо не станет ждать так долго. Ты что-нибудь понимаешь?

— Нет еще, но я разберусь в этом.

До сих пор он не слышал имени “Больо” — оно звучало на итальянский лад.

...И снова путь крестоносцев пролегал через горные кряжи. Дети с трудом карабкались по петляющей вверх тропе. Подъем был крутой, прячущаяся в непрходимых зарослях дорога изобиловала неровностями и ухабами. Солнце пригревало и подсохшая грязь превратилась в пыль, которую вздымали в воздух тысячи ног. Пыль забивалась в ноздри, царапала глотку, от нее слезились глаза. Насекомые нещадно жалили детей, острые камни царапали подошвы, на открытых местах поджаривало солнце, в тени леденила влажная прохлада. Они продолжали подъем, метр за метром. Каждый шаг приближал их к вершине, но какие же это были мучительно медленные шаги и как много сил стоил каждый!

Тропа звала все выше и выше. Иной раз, останавливаясь на лесистой просеке, дети бросали взгляд на затерявшийся далеко внизу гостеприимный Инсбрук. Там в одном из монастырей им пришлось оставить

несколько десятков больных, которые не могли продолжать путь.

Крутой изгиб дороги скрыл очертания города от взглядов путников. Детей вновь обступили мрачные скалистые вершины, неприступные утесы и дремучие леса. Горные потоки, яростно бурля, несли свои воды среди вековых сосен, разросшегося кустарника и зеленого мха. А сколько цветов было на горных лугах! Цветы, цветы повсюду. Ребятам встречались орлы и лисицы, горные козы и сарычи, форель в прозрачных ручьях и сурки в расщелинах скал. Природа этих мест одновременно поражала своей первозданной красотой и вселяла трепет. Нечто зловещее чувствовалось в этом бескрайнем горном ландшафте, в моги низвергающихся с высоты водопадов и мертвенною глади озер. Лишь один раз ребятам попался пастух со стадом овец. День спустя они наткнулись на разбойников. Нескончаемая вереница детей произвела на них неожиданное действие: разбойники сами обратились в бегство. Встречались ребятам и немногочисленные обитатели горных склонов, до сей поры не видавшие такого множества путешественников и в страхе забрасывавшие ребят камнями. В ответ охотники Каролюса обрушили на них град стрел. Убедившись, что маленькие крестоносцы способны защитить себя, местные жители остали их в покое.

Дети пробирались над пропастями и расселинами, мимо отвесных скал и альпийских лугов, расцвеченных всеми красками радуги. Одежда рвалась в клочья, обувь терялась; путники жевали заплесневелые сухари, подпорченную рыбу да иной раз мясо подстреленных горных коз, пили студеную воду, от которой начинались в животе колики. Долф приказал выбросить припасы, подпорченные влагой, и вскоре детскому воинству вновь грозил голод. Каролюс и его охотники, рыбаки Петера старались вовсю. Но трудно было выдержать более получаса в ледяной воде горного ручья — ноги немели от холода. Зато какое разнообразие птиц повстречали они здесь! Настоящее птичье царство. Несметные стаи кружили над ущельями, гнездились в лесной чаще, тысячами галдели на склонах гор

в поисках корма. Дети ловили руками, стреляли и во множестве били всех пернатых, какие только попадались им. С болью в сердце смотрел Долф на Каролюса, который со счастливым видом свернулся шею дикому гусю. Что ж, Долф понимал: теперь будет чем полакомиться на ужин.

Они продолжали взбираться, оставляя позади километр за километром пути, поднимаясь на сотни метров и снова спускались в долину, по которой змеился еще один горный ручей. На переправу обычно уходило по несколько часов. Ребята более крепкого сложения становились цепочкой поперек течения и передавали с рук на руки малышей. Мосты, если они и были когда-то переброшены через бурлящие стремнины, были снесены весенним половодьем. Иной раз в цепочке образовывалась брешь, и тогда нескольких ребят уносило течением. Спасти почти никого не удавалось. Глубина здесь была не столь велика, но течение необыкновенно сильное, вода ледяная и скользкое, покатое дно.

Во всю ширину реки ребята протягивали сети, и хоть дело это было небезопасное и трудоемкое, не проходило и получаса, как сеть переполнялась серебрившейся на солнце форелью. Охотники били косуль, горных коз, диких уток. День на день не приходился. Вечером, бывало, ребята потуже затягивали пояса, а утром вдруг их ожидало сказочное изобилие. Не зря старались опытные охотники и закаленные рыболовы.

Долф, к своему изумлению, чувствовал себя счастливым. Раньше он никогда не задумывался, какими были Альпы в далеком прошлом. Дикая, не тронутая человеческой рукой природа. Какой необыкновенный мир! Никаких заправочных станций, не дымят внизу промышленные города, на высокогорных плато и в помине нет многоэтажных коттеджей и туристских кемпингов. Изредка попадаются убогие крестьянские лачуги да жилища пастухов. На далеких вершинах круч прилепились рыцарские замки, плодородные участки склонов заняты возделанными полями, а вокруг, куда ни кинь взгляд, необъятная пустошь, сплошь покрытая травами и кустарником, кое-где оживляемая

скалистыми утесами. Лишь дикие звери хояйничали здесь. Пропасти огомной глубины, еще не соединенные мостами, преграждали путь маленьким крестоносцам. Ни плотин, ни электростанций, ничего, кроме суровых, неприступных гор, которые, казалось, бросали вызов отваге и силе человека.

Колонна перевалила через Бреннер, потеряв в горах не один десяток ребят, но гигантская процесия от этого не казалась меньше. Синяки, шишкы, ссадины в избытке украшали каждого, нарядные одеяния приближенных Николаса заметно потерлись и поблекли. На преподобном Йоханнесе ряса болталась мешком. Правый глаз Николаса заплыл от пчелиных укусов — мед был его слабостью. Марике чудесным образом преобразилась: из жалкой уличной бродяжки она превратилась в маленькую нимфу гор, с легкостью порхавшую между скал, звонкий смех ее сливался с журчанием горного ручья. Горы забирали лишь слабых и немощных, тех же, кто выдерживал переход, вознаграждали не только дичью и шкурами, но выносливостью и мужеством. Солнце то припекало, то пряталось за тучами, причем в обоих случаях путники немедленно разражались проклятиями. Впервые после горных ручьев показалась полноводная река Изарко, и колонна потянулась по течению реки. Изарко также не преминула сбить свою дань, затянув в темный водоворот новые жертвы. Взамен река накормила ходоков свежей рыбой. Горы подарили им силу духа, стальные мускулы и неизведенную дотоле радость свободы.

До чего же это было изнурительное, великолепное, ужасное и необычайное восхождение!

К концу пути перед воротами старинного горного селения Больцано* выстроилась армия, состоявшая из семи тысяч поджарых, обожженных солнцем и одичавших сорванцов, едва прикрытых изодранными лохмотьями, сквозь которые проглядывало загорелое тело. Эти ребята прошли огонь и воду, зато теперь им не страшны и муки ада; с песнями и шутками, перепол-

* Больцано — город в северной Италии, основан римлянами в XIV веке до н.э.

няемые радостью бытия, спешили они навстречу новой жизни.

Если бы достойные горожане могли предполагать, что за паломники подошли к Больцано!

БИТВА В ДОЛИНЕ ПО*

Больцано крестоносцы позволили себе передышку. Жители приютили измученных малышей в своих семьях. Остальные ребята расположились на постай прямо у городских стен. Ласковые солнечные лучи, теплые южные ночи, изобилие пищи и в особенности фруктов быстро восстанавливали силы путников. Хильда устроила нечто вроде пункта первой помощи, куда потянулись ребята, которым требовалось перевязать раны, вскрыть или прижечь нарывы на ногах, чтобы остановить нагноение. Для хирургических процедур использовался хлебный нож Долфа. Подержав его над пламенем, Фрида и местный костоправ надрезали раскаленным ножом воспаленное место. Пациенты кусали губы, крепко зажмуривали глаза, изо всех сил стараясь не крикнуть. Очищенные от гноя раны быстро заживали благодаря примочкам из целебных трав.

Растения в этих местах были не похожи на те, что встречались на родине Фриды, но лекарь Больцано щедро делился с девочкой всем, что знал сам. Фрида быстро и жадно впитывала знания. Живи она во времена Долфа, из нее вышел бы прекрасный доктор, а тут через несколько лет, вполне возможно, ее обвинят в колдовстве.

...Ансельм злился: Генуя по-прежнему была далеко. Но ребята уже не спешили — их путь в Святую землю был так долог, что еще одно промедление ровным счетом ничего не значило. Преодолев горные вершины, дети попали в незнакомый цветущий мир тепла и солнечного света, — мир, в котором люди с радостью

* По — река на севере Италии, самая длинная в стране (652 км).

предавались повседневным трудам. Впрочем, ребята не имели ни малейшего представления об оставшемся расстоянии, они искренне полагали, что за этими горами и лежит то море, которое, как было обещано, расступится перед ними. Они привыкли жить сегодняшним днем, не задумываясь над тем, что ожидает их завтра. Так жили их отцы и деды, с тупой покорностью исполняя волю господ. Этим ребятам, которых никогда ничему не учили и чьи поступки определялись просто-напросто стадным инстинктом, в голову не приходило задуматься над своей судьбой. Для них не было особой разницы, ползти ли по неприступным горным склонам, бродяжничать на грязных улицах или трудиться на хозяйством поле. “Рабские души”, — вынес Долф свой приговор.

Но среди этих маленьких несмышленышей теперь, пожалуй, набралось бы не меньше тысячи тех, кто всем сердцем ощутил прелесть вольной жизни. Для них крестовый поход стал поистине откровением, пробудил достоинство и самостоятельность. У них выработалась привычка сообща решать насущные дела, заботиться о товарищах и быть за них в ответе. В недавнем прошлом невежды и бродяги, они с любопытством всматривались в окружающее, пытливо изучая мир животных и растений. Юные художники заполняли досуг резьбой по дереву, плели изящные блюда и корзинки, мастерили утварь, которой так не хватало в пути. Умельцы изготавливали простейшие ткацкие станки, сплетали полотна из стеблей и шили из них новые сорочки. На каждом шагу они делали собственные маленькие открытия. Теперь они ничего не желали принимать на веру, их уверенность в своих силах росла с каждым днем.

Причину, по которой жители Больцано не поспутились на щедрый прием, Долф выяснил на следующий день. Вот что рассказал ему Леонардо:

— По городу ходят небылицы про наш поход, такие глупые, что и повторять не хочется, но люди им верят. Я сам слыхал, будто бы наше воинство в Кельне насчитывало тридцать тысяч душ. Подумать только — тридцать тысяч! Откуда они это взяли?

— А сколько это — тридцать тысяч? — спросила Марике.

— Малышка, ты и представить себе не можешь. Во всем Кельне не наберется такого количества детей. Зато теперь я кое-что понимаю. Они здесь, в Больцано, решили, что мы потеряли по дороге двадцать тысяч детей, а посему можно и побаловать несчастных, оставшихся в живых, так они думают.

— Кто пустил слух о том, что нас было тридцать тысяч?

— Дьявол его знает! Все твердят об этом, и каждый верит. Дойдет до того, что мы и сами поверим.

— Никто не подсчитывал численность колонны, — заметил Долф.

— Нет, конечно, но разница между восемью и тридцатью тысячами видна и без того. Вспомни, когда мы наткнулись на них возле Спирса, в колонне не могло быть более восьми тысяч душ.

— Но и потери были немалые, — удрученно заключил Долф.

— Ну, здесь как раз все обстоит совсем не так плохо, — вслух размышлял студент. — Из этих восьми тысяч в Ломбардию* пришли семь... Не забывай, что Фредо увел с собой человек восемьсот, да и остальные, кого мы недосчитались, не обязательно погибли. Вон сколько детей осталось в городах и селениях. Думаю, и мы с тобой неплохо потрудились, сберегая ребят.

Долф, который винил себя в смерти каждого ребенка, не разделял его оптимизма.

— Но ведь нас еще много? — с тревогой спросила Марике. — Достаточно, чтобы завоевать Иерусалим?

— Станем мы его завоевывать! Сарацины сами разбегутся, едва увидят нас, — насмешливо отвечал Леонардо.

— Ты не веришь, что все так и будет, — возмутилась девочка, задетая за живое его тоном.

— А ты что, до сих пор веришь? — спросил Долф.

— Я не знаю, — робко призналась она, — иногда мне кажется, что...

* Ломбардия — область в Северной Италии.

Ну и ну! Марике — и вдруг засомневалась.

— Что? — в один голос спросили Долф и Леонардо.

— Иногда мне кажется, тут что-то не так. Почему море так далеко? Когда мы вышли в поход, нам об этом не говорили. Я думаю, Николас тоже не знал об этом. И почему так много детей погибло? Ведь Господь хранит нас...

— Господь сохранил тебя, Марике, — мгновенно отозвался Леонардо.

— Это ваша с Рудолфом работа!

Маленькая безбожница!

— И сарацины... Неужто они разбегутся, завидев нас? Ведь они бились с настоящими рыцарями-крестоносцами, бились храбро, а иногда и побеждали.

— Малышка делает успехи, да, Рудолф? — засмеялся Леонардо. — Ты права, Марике, конечно же, тут что-то не так.

Этот разговор взбудоражил Долфа: уж если Марике сомнения одолели, это что-нибудь да значит. Наверняка не одна она задумывается сейчас об этом. Как поведут себя ребята, оказавшись через две недели в Генуе и не увидев обещанного чуда?

...Они продолжали путь по берегу Изарко. Природа здесь была совершенно иной. В ней не чувствовалось больше мрачной угрозы, повсюду распускались цветы, долины становились все обширнее. Ребята миновали сады, в которых поспевали яблоки. Горные кручи уже не казались такими грозными, они все чаще перемежались с низинами. Множество встреч происходило теперь на дорогах — встреч, не всегда безопасных. Попадались ребятам не только путники, но и шайки разбойников, и просто обозленные крестьяне, и подозрительные горожане. Всякий новый день приносил с собой приключения и трудности, страдания, надежды и удачи. Спустя неделю пути они приблизились к живописному горному озеру.

С какой радостью дети бросились в воду, купались, ловили рыбу! Бесшабашный, поистине каникулярный дух овладел маленькими крестоносцами. Вот уже десять дней, как их не донимают дожди и туманы. Альпы остались позади, а перед взорами детей

открывались плодородные, богатые дичью холмистые предгорья.

Озеро поражало обилием рыбы и водоплавающей птицы. Долф не переставал изумляться чистой красоте природы, кристальной прозрачности воды, неописуемому разнообразию цветов, роскошному великолепию почти не заселенной земли. Ему вспомнилась прошлогодняя поездка с родителями как раз в эти места, на озеро Гарда*. В двадцатом веке люди стремились использовать каждую пядь этой благодатной земли, понастроили здесь отелей, кемпингов, сувенирных лавок... Но зрелица, равного этому, ему не доводилось видеть никогда в жизни: каких только пернатых здесь не было! На башнях замков вили гнезда аисты, в прибрежных камышах на озере гнездились дикие лебеди. Днем птицы сплошь покрывали озерную гладь, высматривая рыбешек или отдыхая после долгого перелета.

Ребята пускались во все тяжкие, приманивая птиц. В дело шли сети, палки с крючками на конце, стрелы с привязанным к ним длинным шнурком, короткие заостренные пики. Сострадания к животным и птицам дети не испытывали. Да и нельзя было по-другому, иначе — голодная смерть. Каролюс очутился в своей стихии. Неиссякаемые сокровища природы подстегивали его быстрый, изобретательный ум. Он собирал крупные рыбьи кости — из них выходили отличные расчески, щетки, иголки.

Появилась нужда и в головных уборах — они были теперь, пожалуй, поважнее одежды. Солнце дочерна опалило спины, обжигало непокрытые головы ребят, и они прикрывались самыми несуразными шляпами, сплетенными из травы и соломы, украшенными цветами. Очень скоро они подошли к городу Брешиа**, жители которого в испуге скрылись за наглухо запертыми воротами и молили детей как можно скорее покинуть их края. Ребята продолжали путь к югу, в Геную.

“Ну где же море? Когда мы увидим его?” — не-

* Гарда — озеро в Северной Италии у подножия Трентских Альп.

** Брешиа — город в Северной Италии, в области Ломбардии.

престанно спрашивали они. До сих пор они не сомневались в том, что море лежит за горами, но вот и горы позади, а перед ними все та же необозримая долина реки По.

— Вот пройдем до конца эту долину, перевалим через холмы, а там уж и море, — обещал дон Ансельм.

Дети изумленно смотрели на него.

— Идти дальше? Так далеко?

“Бесконечно далеко, — с горечью думал Долф. — Для чего Ансельм дурачит детей, почему не скажет им правду?” Но мальчик держал язык за зубами: чем сильнее раздражение ребят, тем лучше. Пусть сами поймут, что их обманули. Все равно, сколько ни объясняй, их не остановишь, они просто не уразумеют, о чем толкует Долф.

В долине По вновь участились несчастные случаи, и дети все сильнее роптали, видя, как их товарищи гибнут от солнечного удара, от недостатка воды, от укусов диких пчел и ядовитых змей. Река По, которая перерезала долину с запада на восток, все еще не показывалась, и воды почти не было. Земля здесь по большей части стояла невозделанная. Местность, которая через несколько веков станет житницей всей Италии, представляла собой безводную равнину, которую, словно оазисы среди пустыни, изредка оживляли селения, окаймленные полоской пашен и фруктовых садов. В весенне и зимнее время равнина превращалась в болотистую топь, летом — в иссохшую пустыню, лишенную растительности. Ребята добывали себе пропитание охотой на зайцев и косуль, поедали жареных кузнецов и дикий мед. Жители этих пустынных мест не отличались гостеприимством: у ломбардов хватало причин не доверять крестоносцам из Германии, ведь это германские императоры на протяжении многих лет захватывали, жгли, опустошали земли Ломбардии. Не раз пытались ломбардцы сбросить йго германских феодалов, но посланные императором войска жестоко расправлялись с непокорными. Германская знать не желала поступаться и малой толикой завоеванных владений. Столетиями в долинах Ломбардии сходились армии всех государств Европы. Не далее как

два десятка лет тому назад здесь разбойничал Фридрих Барбаросса*, память о его злодеяниях еще жива. А что предвещает нашествие маленьких крестоносцев из Германии? Не последует ли за этим очередная волна бедствий, грабежей, набегов?

“Мы мирные крестоносцы!” — возвестил Николас.

Поди ж ты! На крестоносцев они вовсе не похожи. Дочерна загорелые, непослушные и озорные. Разве таковы благочестивые дети? Неужели этот неуправляемый сброд и есть то самое безгрешное воинство, что призвано обратить в бегство сарацин? Да они похуже шайки дезертиров: опустошают поля, дерутся, словно заправские бойцы, а отчаянны, как дьяволята. Им неведомы сомнения, они не знают ни страха, ни стыда.

Девчонки ничем не лучше парней — такие же бесстыдные, никакого уважения к чужой собственности. Сборище воров и мошенников, которые хозяйничают в чужих землях, подобно стае саранчи, пожирающей все, что попадается на пути.

Так оно и было. Тех ребят, что прошли через испытания высокогорного перевала, больше не страшило ничто. Безучастное отношение к их судьбе жителей Брешиа лишь подзадоривало путников. Да, они хотят есть и пить! И если им отказывают в этом, они все возьмут сами. Жизнь под открытым небом, непрестанный голод, лишения ожесточили их. Им больше не нужны для защиты специальные отряды стражников. Какая ерунда! Каждый из них теперь способен сам постоять за себя. А для чего им отряды охотников, снабжавших ребят провизией? Среди них теперь не было никого, кто бы не носил с собой оружие. И какой толк от рыбаков в краях, где нет воды? Рыбаки становились охотниками, а то и вовсе пробовали кражами...

В паломничество из Кельна отправилось набожное воинство: умильно сложенные руки, неумолчные молитвы и песнопения, но вот пролетело два месяца, которые превратили святых крестоносцев в армию бро-

* Фридрих Барбаросса (Краснобородый) (ок. 1125 — 1190) — германский король и император Священной Римской империи.

дяг и разбойников, не отступающих ни перед чем. Остальное довершили сомнения, нараставшие с каждым днем. Кто знает, быть может, их ведут совсем не в Иерусалим? Что, если Всеышний раздумал предавать Священный Город в руки детского воинства? Но добывать себе пропитание им нужно!

Ансельм не предпринимал ни малейших усилий, чтобы восстановить упавшую дисциплину и поднять настроение ребят. Йоханнес оставался все тем же приветливым, добрым малым, с которым всегда можно поделиться своими бедами, да и проделки детей на крестьянских подворьях он находил весьма забавными. Николас, напротив, не интересовался ничем, ему было важно одно — поскорее достичь Иерусалима и без промедления исполнить предначертанную миссию, а цена, которую придется заплатить за это, его не беспокоила. Долф вместе с отцом Тадеушем и Леонардо пытались навести порядок среди ребят, совершенно отбившихся от рук, но те лишь посмеивались. Все прекрасно понимали, что Господь Бог не позаботится о хлебе насущном для святого воинства, предоставив это дело собственным стараниям крестоносцев, — и они старались как могли.

Крестьяне оказывали им ожесточенное сопротивление, и встречи с местными жителями стали опасны. Однажды между ребятами и разъяренными землепашцами завязалась настоящая битва.

Прошагав целый день по сухой, потрескавшейся земле, они приблизились к речушке под названием Ольо*. Ребята, измучившись без воды, с визгом окунулись в речную прохладу, приятно холодившую разгоряченные тела, взахлеб глотали сырую воду, зарабатывая себе расстройство желудка. Хотя до вечера было еще далеко, они наотрез отказались идти дальше и начали устраиваться на привал в тени небольшой рощицы. Дон Ансельм мог ворчать сколько его душе угодно. Здесь была свежесть тенистых крон, сюда их манила живительная влага, и здесь они намерены провести остаток дня и предстоящую ночь. Долф, ликуя

* Ольо — приток реки По.

в душе, помогал собирать сухую траву и хворост для костров. Он оторвался от остальных и углубился в заросли. Внезапно он выпрямился и прислушался. Одинокое дерево возвышалось перед ним, мальчик взобрался на него и осмотрелся. Вдали на фоне неба, подрагивавшего в солнечном мареве, четко обрисовывалась церковная колокольня. И тут он увидел их: несколько десятков, а может, и целая сотня, крестьян стягивались к лагерю, полускрытым высокой пожухлой травой. Вооружение нападавших составляли вилы, дубинки, ножи и железные прутья.

Испуганный Долф кубарем слетел с дерева и помчался в лагерь.

— К оружию! Малышей в середину! Мы окружены! Он подскочил к Франку.

— Где мой нож? Дай мне его. Собирай стражников и охотников. Быстро! На нас идет отряд крестьян.

Весь лагерь был поднят на ноги по тревоге. Стражники выбежали из лесу наперерез атакующим. Зареванных малышей, испуганных девочек, больных, которые едва держались на ногах, собрали в центр лагеря. Им было поручено готовить стрелы. Старшие мальчишки, а вместе с ними и многие девочки вознамерились дорого заплатить за свою жизнь. Они хватали все, что попадалось им под руку: затупившиеся, изъеденные ржавчиной топоры, ножи, дубинки, поджигали ветки и палки.

Крестьяне тем временем вплотную подошли к лагерю и теперь пустились бегом, угрожающе размахивая своим оружием. Они пытались оттеснить детей в реку и тем самым навсегда избавить свои надежды от маленьких крестоносцев. Ребята, не дрогнув, встретили их горящими ветками и сучьями. Кто палками, а кто и голыми руками отбивалась от нападавших. Но все же крестьянам удалось прорвать первую линию обороны и обойти отчаянно сражавшихся защитников, за которыми тут же выстроилась вторая линия укреплений и посыпалась заостренные стрелы, палки, метко брошенные камни. Ребята царапались, кусались и наконец сами перешли в наступление, выхватывая у крестьян тяжелые вилы и цепы, которые становились грозной

силой в руках быстрых и ловких подростков, окрепших в суровом походе.

Ломбардцы не рассчитывали встретить столь яростное сопротивление, столь неукротимую решимость — их противники и не помышляли об отступлении. Нападавшие были в меньшинстве: один против десяти, а эта малышня словно оголтелая кидалась на них с горящими ветками да так и норовила полоснуть ими прямо по лицу. Обожженные крестьяне с воплями повернули назад.

Долф в страхе наблюдал за ходом боя. Заметив раненого мальчишку, он устремился к нему и оттащил подальше, к лесной опушке. Он плохо представлял, что ему делать дальше. Если бы нападали на него, Долф, без сомнения, сражался бы за свою жизнь до конца, но командовать битвой — это не по нем. Подскочил Петер, выхватил у него из рук нож и был таков. Для чего ему нож? Убивать людей, таких же, как он сам?

— Отдай нож! — крикнул вдогонку Долф, но бывший крепостной уже скрылся между деревьями.

Долф подумал, что без оружия ему теперь нельзя, и подобрал камень. В следующую секунду он застыл на месте. Он стоял на краю подлеска и видел, как высохшая трава занялась огнем. Крестьяне обратились в бегство. Пламя перекинулось на ближайший сухостой, еще немного — и весь лагерь будет охвачен пожаром.

Долф побежал назад.

— Все на ту сторону! Переходим на другой берег!
— закричал он.

Он подхватил раненого и потащил его к берегу. Тысячи ребят заторопились к спасительной реке. Скорее, скорее на другой берег! Несколько мальчишек задержались и, рискуя жизнью, свернули шатер Николаса. Долф метался по лагерю в поисках раненых. Огонь надвигался молниеносно, и вот уже Долф перепрыгивал через полыхающие прогалины, чтобы добежать до воды. Через несколько мгновений поле сражения превратилось в бушующий океан огня. Крестьян нигде не было видно.

Сколько детей пало в этой схватке, сколько утонуло в реке и погибло в огне? Этого не знает никто. Похоронить тех, кто погиб в этом бою, не удалось: пламя, охватившее останки детей, заменило им погребальный костер. Там, где недавно зеленела роща, чернели обугленные пни.

На противоположном берегу реки, уже в полной безопасности, ребята вновь разбили лагерь. Долф разыскал Марику, Леонардо, Петера, Франка и, конечно, Каролюса, нарядное облачение которого было прожжено в нескольких местах. Заметил он Николаса, троицу преподобных отцов и Хильду с Фридой. Вздох облегчения вырвался у него: спасены!

Леонардо удвоил стражу для охраны лагеря в ночное время, но поселяне больше не показывались. Стычка с ребятами, видно, образумила их.

Утром следующего дня Долф и еще несколько мальчишек рискнули вернуться в низину, выжженную до тла, и осмотреть место, где разыгралось сражение. Они выкопали глубокую яму, чтобы похоронить погибших, опознать которых было невозможно. Долф сосчитал мертвые тела. Двадцать шесть крестьян и тридцать два ребенка. Откровенно говоря, это нельзя было назвать катастрофой. В смятении боя, когда лагерь занялся огнем, и дети толпами кидались в реку, он боялся, что потери окажутся несоизмеримо большими. И все же они были невосполнимы: в рукопашном бою нашли свой конец самые храбрые, самые сильные.

На противоположном берегу к этому времени заканчивались последние приготовления к новому дню пути, ребята складывали шатер Николаса.

Возвратившись Долф нашел Каролюса в слезах.

— Эверарт пропал, я не могу найти его.

Долф обхватил руками вздрагивающие плечи мальчика. На смену печали в душе его поднимался гневный протест против бессмысленной гибели верного друга, храброго охотника.

Ребята продолжали путь измученные, но не сломленные. Мрачные, еще более ожесточившиеся, плелись они по бескрайней, опаленной солнцем равнине. Местные жители с опаской смотрели им вслед, жен-

щины провожали испуганными взглядами, а ребята все шли и шли, отбиваясь от роившихся над ними оводов и мух. Все, что годилось в пищу, становилось их добычей.

Семь тысяч оборванных, грязных бродяг держали путь в Святую землю.

ЗАВЕЩАНИЕ КАРОЛЮСА

Пни миновали городок Кремона на реке По. Затем еще несколько дней тянулась проклятая равнина, и наконец показались отроги Апеннин. Это зрелище вызвало вспышку возмущения в стане крестоносцев, ибо хребты были в точности такими же отвесными и неприступными, как те, что уже были пройдены ими. Ансельму стоило немалых трудов убедить детей в том, что перед ними последняя преграда на пути в Геную.

— Верьте мне, дети, — взывал Ансельм к возбужденно гудящей толпе, — за этими горами расстилается море. Горная цепь неширока, мы пройдем ее за пять дней, самое большее. Еще пять дней, и мы придем в Геную, где море развернется перед Николасом, я обещаю вам это. Клянусь всеми святыми, мы почти у цели. Не отчайвайтесь, милые дети, ваше терпение будет вознаграждено сторицей.

Но дети больше не верили ему.

— Мы сбились с пути, — гадели они, — никогда нам не попасть в Иерусалим, мы плутаем по кругу и возвращаемся к тем самым горам, где погибло столько наших.

— Ничего подобного, — с жаром доказывал Ансельм, — это вовсе не Альпы. Апеннинские горы не страшнее обычных холмов, покрытых лесом, это вам не ледяные северные кручи. Я хорошо знаю эти места, потому что родился здесь... то есть, я хочу сказать, прожил здесь много лет. Спросите Рудолфа ван Амстелвеен, если вы больше доверяете ему. Он бывал

здесь прежде, знает, где расположены города. В конце концов, разве это вина Николаса или моя, что мы задержались в пути? Это все Рудолф ван Амстелвеен — он добился, чтобы мы шли в обход и сделали крюк. Так что гнев ваш, дети, несправедлив. Спрашивайте с Рудолфа за этот долгий переход.

Ребята дрогнули. Спрашивать с Рудолфа они не смели. В разговор вмешался дон Йоханнес:

— Успокойтесь, дети. Рудолф был прав, настаивая на обходном пути, да и ни к чему нам спешить — лето в этих краях долгое.

Ансельм подтолкнул его, но Йоханнес продолжал:

— Эти горы лишь на первый взгляд кажутся суровыми, но, если вы не хотите идти дальше, мы можем вернуться.

— Ты что, спятил? — прошептал ему на ухо Ансельм.

Но Йоханнес уже выкрикал:

— Кто хочет домой?

Надежда на то, что все семь тысяч голосов хором ответят “да”, чувствовалась в его голосе, но ребята молчали. Возвратиться назад, теперь, когда Генуя так близко? Возвратиться, когда лишь несколько дней пути отделяют их от морского берега, где на глазах у них свершится чудо?

Посовещавшись между собой, ребята решили обратиться к Рудолфу за советом. Рудолф уж точно знает, последняя это преграда на пути к морю или нет.

Но где же Рудолф?

Его звали, искали повсюду. Вдруг ребята увидели Франка, который, запыхавшись, бежал им навстречу.

— Скорее! — кричал Франк. — Совсем плохо...

С этими словами он промчался мимо. Сотни две ребят с оружием в руках поспешили вдогонку ему. Неужели нападение на замыкающих колонну?

Франк направлялся к тенистой рощице в полулиле пути назад. Увидев, что происходит, ребята остановились как вкопанные. Поверх разостланной на земле алой мантии лежал Каролюс. Он стонал и корчился от нестерпимой боли. Рудолф, Леонардо, Хильда и Берто, удрученные, стояли рядом.

— Каролюс болен! Каролюс ранен! — передавалось из уст в уста.

Тотчас были забыты распри, тревога охватила детей, ибо Каролюс был не просто их будущим монархом — он был всеобщим любимцем.

Вперед протиснулся дон Тадеуш и наклонился над больным, метавшимся в жару.

— Что с ним?

Маленький король страдал, лицо его пыпало. Леонардо поддержал его запястье: пульс сильно частил.

Отчаяние обрушилось на Долфа. Что же случилось с мальчишкой? Он подумал об испорченной пище, о ядовитых ягодах, но Каролюс в минуту просветления выдавил, что уже два дня во рту у него не было ни крошки.

О том, чтобы продолжать путь, не могло быть и речи. Горы подождут. Дети разбили лагерь. Каролюса перенесли в шатер, откуда Долф выставил всех, кроме своих ближайших помощников. Остались только Хильда, Леонардо и, конечно, дон Тадеуш, но затем пришлось крикнуть Марике, потому что у Хильды все валилось из рук. Хильда, которая, не дрогнув, перевязывала страшные раны, сама обмывала больных, сейчас только плакала, глядя на муки своего нареченного.

Все, по-видимому, ожидали, что и на этот раз Рудольф проявит свои чудесные способности врача-вателья и спасет Каролюса. Сомнения одолевали Долфа. При обычном расстройстве желудка не бывает такого жара. Не очень уверенно он ощупал живот больного и определил воспаленное место. Страшная догадка поразила его. Аппендицит!

Кто бы стал делать из этого трагедию во времена Долфа? Аппендицит — явление не столь уж редкое; пациента тут же отправили бы в больницу, срочно положили на операционный стол, и спустя неделю он встал бы на ноги. Но что делать сейчас? Операция невозможна. Далеко ли зашел воспалительный процесс? Есть ли шанс выжить? Нет! В прежние времена аппендицит заканчивался смертельным исходом. Долф не мог представить, что его другу уготована такая судьба. Нет, не может быть! Он отказывается верить.

— Марике, — шепнул он, — нужны тряпки, смоченные в холодной воде, скорее...

Неподалеку от лагеря журчала маленькая речка Треббия*. Марике мигом слетала туда и возвратилась, неся чистые холсты и кувшин с холодной водой. Долф положил Каролюса на живот холодный компресс, мокрым полотенцем увлажнил пылающий лоб — вот и все средства, которые имелись у него в распоряжении, чтобы остановить воспалительный процесс. Он попросил девочек приготовить прохладный настой из трав и попробовал добиться ответа у Каролюса, который бредил не переставая.

— Как давно у тебя эти боли, Каролюс? — настойчиво спрашивал он, втайне надеясь, что воспаление не зашло далеко.

Каролюс не слышал друга, за него ответила Хильда:

— С тех пор, как мы вышли из Кремоны, он откачивался от еды, и несколько раз я слышала, как он стонал, говорил, что ему плохо от жары...

Долф оцепенел. Значит, Каролюс в течение сорока восьми часов переносил на ногах приступ острого аппендицита, страдая от боли и лихорадки, но никому и словом не обмолвился о своей болезни. Королю не пристало выказывать свои недомогания. Он свалился час назад, и теперь уже ничего нельзя сделать. Покой и ледяная вода не спасут его, скорее всего, ему не дотянуть до вечера.

Долф закрыл лицо руками, слезы полились у него из глаз. Леонардо и Марике обменялись встревоженными взглядами. В безутешном отчаянии Долфа они прочли приговор. У Марике дрожали губы, она меняла влажные полотенца, понимая, что надежды нет, и все-таки продолжала аккуратно выполнять порученное ей дело.

Приходя в сознание, маленький король взглядом искал отца Тадеуша, который, стремясь успокоить мальчика, обещал ему загробную жизнь на небесах. В один из таких моментов Каролюс с трудом выговорил:

— Берто... мой кравчий...

* Треббия — река в Северной Италии, правый приток По.

И еще:

— Рудолф ван Амстелвеен наследует после меня...

Сказав это, Каролюс вновь впал в беспамятство. Долф побледнел. Он понимал, что другие тоже слышали последнюю волю умирающего. Он поднял глаза и встретился взглядом с Николасом, молча застывшим у входа в шатер. Не проронив ни слова, Николас окинул Долфа враждебным взором.

Всю ночь напролет ребята дежурили у ложа умирающего. На заре маленький король Иерусалимский навсегда покинул своих подданных.

Долф, окаменев от горя, смотрел, как дон Тадеуш прикрыл потухшие глаза, расправил на узкой груди скрюченные руки. Он смотрел, как тело покрыли алоей мантией, как Марике безмолвно убирала ставшие ненужными полотенца и чашки с водой, слезы струились по ее щекам. Он слышал молитвы Хильды и рыдания Йоханнеса, но случившееся не доходило до его сознания, не верилось, что все это взаправду. До этой минуты судьба не наносила ему более тяжелого удара. Он сделал все, чтобы победить Багряную Смерть, он спас ребят от неминуемого голода в горах, он освободил пленных из графской неволи, и все вместе они устояли против натиска вооруженных крестьян в долине реки По. Эти победы оплачены немалыми жертвами, и все же это были победы над жестокой, безжалостной реальностью. На этот раз он потерпел поражение, не сумел спасти товарища, которого любил больше всех остальных.

Дон Тадеуш вышел из шатра, низко склонив голову. Сотни ребят столпились вокруг. Они тоже не спали и провели эту ночь в молитвах. Монах поведал им, что Господь призвал к себе Каролюса, и вечером тело его будет предано земле. Объявил он и последнюю волю покойного: преемником его становится Рудолф ван Амстелвеен.

Печальная весть мигом облетела лагерь. Облаченного в великолепный наряд Каролюса положили перед шатром, нескончаемой вереницей тянулись мимо ребята, отдавая последние почести своему королю. В изголовье положили цветы, в ногах поставили крест, а

ребята все шли и шли, усыпая его цветами. Это зре-лище надрывающей душу скорби стояло перед глазами Долфа весь день. Никто не вспоминал о еде, купании, рыбной ловле. Умер король в подлинном смысле этого слова, своему королю отдавали они дань любви и уважения, о нем лили безутешные слезы.

Долф обезумел от горя, он ушел подальше от шатра и оплакивал друга в одиночестве. Ребята не решались тревожить его.

Лучи заходящего солнца озаряли погребальную церемонию. Гроба не было, тело Каролюса просто обернули в алую мантию, и баронские дети отнесли его к могиле, вырытой под сенью дерева-великаны. Под пение псалмов тело, усыпанное цветами, на перевязи опустили в могилу. Долф, их новый король, первым должен был бросить горсть земли на груду цветов, но каких неимоверных усилий это стоило ему! Комья красновато-коричневой земли с глухим стуком полетели в могилу. На холмик, выросший сверху, ребята пересадили цветы, с корнями вырытые в поле. Берто и еще несколько мальчишек смастерили крест из цельного куска дерева, на котором Леонардо вырезал латинское изречение. Дон Тадеуш приступил к молитве за усопшего. Это было погребение, достойное короля. Сумерки сгостились над лагерем, и ребята печально расходились, многие плакали, молились. Боязливо поглядывали они на Рудолфа, который упорно отказывался занять подобающее ему место в шатре среди знати. Когда отец Тадеуш напомнил ему о последней воле Каролюса, он лишь покачал головой.

— Король я или нет, мое место среди ребят.

Не хватало еще изображать короля перед тысячами одураченных детей. Пусть сами выберут преемника Каролюса.

Ребята не понимали, почему Долф отказывается выполнить завещание маленького короля, а уж что такое выборы — они понимали и того меньше. Желая успокоить их, Долф пообещал наконец:

— Я буду вашим монархом, но не теперь. До тех пор, пока мы не освободим Иерусалим, я остаюсь одним из крестоносцев, таким же, как и вы все. Лишь

после того, как мы завоюем Священный Город, вы можете почитать меня своим королем, но не ранее.

Объяснение удовлетворило ребят.

Кончина Каролюса вызвала столь сильную скорбь, что порядок в лагере восстановился сам собой. Ансельм, который на протяжении всего пути вел своеобразный календарь, рассчитал, что к середине августа они достигнут Генуи, тремя неделями позже, чем он предполагал вначале, но, как он надеялся, не слишком поздно. Он снова принял покрикивать на детей, по-торапливая их, но они не протестовали: каждый мечтал о том дне, когда они увидят море, а вместе с ним и обещанное чудо. С таким настроением они вступили в гористую местность, сухую, неплодородную, скучную населенную. Как и прежде, они кормились охотой, рыбной ловлей да лесными ягодами. Охотниками теперь командовал Берто, стрелявший в цель не хуже Каролюса, но куда более рассудительный и осторожный. Местное население пробавлялось разбоем, набегами на крестьянские дворы да поборами со случайных путников. Детей они не тронули. Громадное число ребят, громко распевающих песни, надежная охрана, в которой под руководством Леонардо был наведен образцовый порядок, — все это отпугивало разбойников. Леонардо в буквальном смысле стоял над душой у часовых, как будто он не менее самого Ансельма или Николаса торопился достигнуть моря. Особенно странно повел себя Йоханнес: он перестал заходить в шатер, и, когда, покачивая головой, он плелся в хвосте колонны, по всему было видно, что его гнетет какое-то горе.

— Рудольф, — однажды обратился он к мальчику,
— остерегайся Генуи.

Как ни подступал к нему Долф с расспросами, он больше не сказал ни слова. Нет, не одна только смерть маленького Каролюса печалила Йоханнеса, понимал Долф. Йоханнес боится, но чего?

ДОЛГОЖДАННОЕ МОРЕ

автра мы увидим Геную!.. Завтра мы выйдем к морю!..” Весть мигом облетела колонну, и ребята невольно ускорили шаг. Николас, поддавшись общему нетерпению, быстро шел впереди в своей накидке, которая уже не сияла белизной, как в самом начале пути, но зато была перетянута расшитым драгоценными камнями поясом, с которого свешивался изящный кинжалчик в серебряных ножнах. Пояс Каролюса!

Долф полагал, что маленького короля похоронили вместе с принадлежащими ему драгоценностями. Но Николас, очевидно, не устоял перед искушением и присвоил себе кинжал. Долфу поступок бывшего подпаска показался детской выходкой, хотя, в общем-то, ему было все равно. Сколько бы ни наряжался Николас, напуская на себя важный вид, он оставался все таким же ничтожеством — вожака из него никогда не получится. Даже увешанный золотом и драгоценными камнями, он останется игрушкой в руках Ансельма, послушной марионеткой, безвольной и готовой уничтожаться.

Однако Долф недооценивал то впечатление, которое производил внешний вид на людей средневековья. Он и не подозревал, как много потерял в глазах своих спутников, позволив Николасу увенчать себя знаками королевского достоинства.

“Генуя близко!.. Завтра мы будем в Генуе!..”

Эта новость распалила воображение детей, уверенных, что с песчаных отмелей Генуи им откроется Иерусалим на противоположном берегу моря. Наконец-то они у цели! Теперь оставалось всего-навсего дождаться, пока море отхлынет от берегов, и они с ликованием ворвутся в Белокаменный Город. Ох, ну и нагонят же они страху на нечестивых турок! Больше всех тараторил, конечно, малыш Тисс, готовый померяться силой с огромным медведем и сразиться врукопашную с десятю сарацинами.

Колонна неожиданно застрияла. Слева от наезжен-

ного тракта угрожающе поднималась каменная башня, на вершине которой толпились лучники. Дорога была перекрыта: ребят поджидали всадники и воины с альбардами — передовые дозоры городской стражи. Не защищенная со стороны моря, Генуя другим своим концом примыкала к предгорьям, в которых находили приют многочисленные шайки бродяг и разбойников, и потому с этой стороны подходы к городу надежно охранялись. Генуя в эти дни слыла богатейшим, могущественнейшим и самым укрепленным из городов Средиземноморья. Никому не удавалось приблизиться к городу незамеченным. Внезапная остановка вызвала ропот недовольства среди охваченных волнением детей.

Вместе с Долфом Леонардо протиснулся вперед — дон Ансельм и Николас уже вели переговоры с командиром стражников. Изумлению Долфа не было пределов, когда он услышал, с какой легкостью мрачный монах объяснялся на тосканском наречии!

Долф по собственной инициативе уже несколько недель брал у студента уроки итальянского языка и все-таки почти ничего не мог понять. Леонардо пришлось взять на себя обязанности переводчика.

— В городе узнали о нашем приближении. Дож* не позволил впускать нас в город, крестоносцам разрешают выйти к морю, но только по другой дороге, которая ведет на берег у юго-восточной окраины города.

Детям было все равно, какой дорогой идти, лишь бы она привела их к морю, но Ансельм, как видно, разозлился и потерял терпение.

— Генуя еще пожалеет об этом!

Он наговорил множество всякой всячины, призывая на город и его жителей громы небесные, и вел себя, словно уличный торговец, который норовит всучить покупателям второсортный товар. Стража была неумолима. Детям не будут чинить препятствий, пусть себе идут к морю, но Генуя отказывается принять их.

К спорящим приблизился дон Йоханнес, который

* Дож — глава правительства Генуи.

вдруг удивил всех: он обнял командира стражников и сквозь слезы, струившиеся по щекам, проговорил:

— Господь да благословит тебя за это, добрый человек, а я буду каждый день молиться за тебя.

Ансельм наградил своего собрата увесистым тумаком, но тот продолжал:

— Нам вовсе ни к чему заходить в город, дойти бы только до берега моря — и мы будем счастливы.

Долф не понимал причину внезапной встревоженности Йоханнеса. Николас тоже во все глаза таращился на толстого монаха. Что это взбрело ему в голову?

Так или иначе, кордон стражи, отрезавший дорогу к городу, означал, что путникам придется делать петлю. Двое всадников, отправившихся с ними в качестве провожатых, указывали путь. И вот в разгар полуденного зноя они увидели внизу море. Справа, окаймленная холмами и отрогами гор, в широкой долине лежала Генуя, нежась в солнечном сиянии. Сверху город напоминал бриллиант, добытый среди скалистых ущелий сказочным великаном. Бриллиант выпал у него из рук, скатился по склонам холмов да так и застрял здесь между горами и кромкой воды. Бесчисленные башенки сверкали под лучами солнца, словно алмазные грани, а между ними рассыпались блестками крыши домов — целое море крыш! — и над всем этим великолепием вздымался купол собора, половина которого еще была скрыта строительными лесами.

Долф вместе с тысячами ребят, застывших на холме, изумленно рассматривал грандиозные укрепления, набережные, гавань и пристани. Перед ними лежал один из богатейших и наиболее влиятельных торговых центров Европы, который в тысяча двести двенадцатом году превосходил своим могуществом и только набиравшую силы Венецию, и древнюю Пизу. Город контрастов: величественные соборы соседствовали здесь с грязными харчевнями, дворцы — с трущобами, свалками, навозными кучами, и все это рядом! В городе множество бездомных собак, бродячих кошек, но не меньше роскошных экипажей, драгоценных украшений, и повсюду нечистоты. На улицах Генуи можно было повстречать выходцев из разных стран: датчан и

арабов, славян и греков, ирландцев, болгар, сирийцев. Попадались там крестоносцы, отставшие от своего войска, разорившиеся торговцы и зажиточные купцы, толпы попрошаек и бродяг. Средоточие тайн, заговоров, убийств — и одновременно сокровищница произведений искусства, доставленных сюда из всех известных в ту пору частей света. Исполин, купающийся в роскоши и плодивший бедность. Мощная крепость, впоследствии ослабленная раздорами собственных жителей. Ожившее воплощение богатства и великолепия, однако мраморные ступени соборов были здесь усеяны нищими калеками. Во дворцах кишили крысы и блохи, и вшей было наверняка больше, чем людей. Город, которому суждено решить судьбу семи тысяч маленьких крестоносцев.

Позади домов открывалось море. Сверкающее, необозримое, оно блестало в жарких солнечных лучах, так что глазам было больно смотреть. Море терялось за линией горизонта, в синей дали сновали рыбацкие шхуны и гребные лодки, покачивались на волнах плоты, над ними с пронзительными криками кружили чайки, то ныряя в волны, то вновь взлетая над водой. Средиземное море... Во времена Долфа Средиземноморское побережье неизменно привлекало туристов из северных стран. В средние века море было грозным врагом человека.

Дети застыли в безмолвном восторге. Никто больше не смотрел на огромный город внизу — они не могли оторвать глаз от моря, великолепного, лазурного и устрашающего моря. Пожалуй, никому из них не доводилось еще в своей жизни видеть моря, они не представляли себе, как оно выглядит. Действительность превзошла все ожидания. Дети, открыв рты, взирались на безграничную водную гладь. Еще немного, они спустятся к берегу, Николас возденет руки — и морская пучина расступится... Правда, теперь, когда они своими глазами увидели море, терявшееся где-то в необозримой дали, неясные сомнения закрались в душу. Неужели безбрежное море и впрямь отступит перед ними?

Малыши подумали, что город, раскинувшийся вни-

зу, и есть долгожданный Иерусалим. Они разразились ликующими криками, они рвались поскорее спуститься к берегу, чтобы увидеть, как побегут сарацины. Старшие с трудом сдерживали лихорадочный напор малышни, но и терпению старших наступал предел. Они желали наконец увидеть обещанное им чудо. Подстегиваемые радостным ожиданием, крестоносцы ускорили шаг, устремляясь по склону холма вниз, к берегу моря.

Волнами обтекая скалистые уступы, колонна детей спустилась к пустынному побережью. На отмели, затененной кронами сосен, вырос походный лагерь. Некоторые ребята попытались проникнуть в город, но по пути были остановлены стражей и отправлены восвояси. Генуэзцы твердо вознамерились не подпускать близко крестоносцев. Впрочем, те не особенно огорчались. С вожделением всматривались они в морскую даль: там, за горизонтом, ждет их Иерусалим, белоснежное чудо, поражавшее детское воображение.

— Завтра, — звучно объявил Ансельм, — Николас явит нам чудо. Раскиньте шатер, дети, ему предстоят сутки поста и молитв.

И дети, измученные ожиданием, поняли его. Что это за чудо, которое происходит само по себе? Нет уж, чудотворец вначале должен подготовиться. Шатер поставили под тенистой сосной, и Николас молча удалился к себе. Ни один человек не нарушил уединения затворника, даже баронские дети не осмеливались войти к нему.

Наблюдая все это, Долф поймал себя на том, что сочувствует бедняге: Николас-то и впрямь надеялся на чудо. Конечно, вера горами движет, но Средиземное море ей не осилить. Вера утешает человека в несчастье, но против законов природы она бессильна. Долф знал, что затея Николаса обречена, но ему было горько от этой мысли. Радостное возбуждение, овладевшее детьми, страшило его. Как поведут они себя завтра, когда никакого чуда не произойдет?

Дон Йоханнес метался по лагерю, словно курица, которая пристраивается на насест. Долфу бросилось в глаза, что преподобный отец извелся от переживаний.

Глаза его были полны слез, он с плачем гладил ребят по голове и приговаривал, обнимая их:

— Да сжалится над вами Господь, милые детки...

Долф решил, что монах просто-напросто рехнулся.

Напрасно Ансельм уверщевал своего безутешного брата:

— Успокойся, брат мой, иначе дети могут подумать, что им грозит какая-то опасность.

— А то как же... — содрогаясь от рыданий, выдавил Йоханнес. Ансельм перебил его:

— Тише... Займи детей работой, мне нужно в город, пока не стемнело.

— Нет! Нет! — вскричал Йоханнес, бухаясь коленями прямо на камни и умоляюще протягивая руки к Ансельму. — Прошу тебя, не делай этого!

Ничего не подозревающий Долф проходил мимо, монахи не заметили его, и он, ошарашенный, застыл на месте.

Ансельм с раздражением оттолкнул Йоханнеса ногой, да так, что тот едва не упал.

— Вставай, дурень, забыл ты, что ли, какое вознаграждение нам обещано?

В следующую секунду Ансельм замолчал: он примирился с Долфом.

— А ты что здесь крутишься? Убирайся отсюда! Какое тебе дело до того, о чем беседуют между собой святые отцы? Позаботься лучше о пище для детей.

Долф ничего не ответил, повернулся и зашагал прочь. Мозг его лихорадочно работал. Он понял, что проникнет в тайну Ансельма, если отыщет подход к отцу Йоханнесу, который больше не хочет... Чего же он не хочет? О чем он молил Ансельма? Из-за чего он так страдает и почему жалеет ребят? Йоханнесу известны какие-то планы Ансельма в Генуе, и он уговаривает того отказаться от них. Но от чего же все-таки отказаться?

“Позаботься лучше о пище для детей”. Ансельм прав, это забота Долфа, слова монаха напомнили мальчику о привычных обязанностях. Вскоре, однако, Долф убедился, что ребята в состоянии сами подумать о собственном пропитании. Сотни мальчишек и девчо-

нок, вооружившись неводами и дротиками, зашли на мелководье и оторопели: вода была теплая! После ледяной стужи горных рек, в которых им доводилось ловить рыбу за эти недели пути, южное море встретило их ласковой негой. Они глотали воду, но тут же с отвращением выплевывали — соленая!

Как только в этой теплой, соленой воде живет рыба? А рыбы тут было в избытке, и шла она целыми косяками, крупная и мелкая вперемешку — такой они сроду не видывали.

Дети взбирались на прибрежные скалы, совершали набеги на небольшие теплые заливчики и бухты; они вылавливали омаров, крабов, собирали моллюсков, но не знали, как с ними поступать. Долф учил их чистить и готовить диковинную добычу, он убедил их в том, что маленькие рыбки-сардинки, и почти прозрачные креветки, и даже крошечные каракатицы отменно вкусны, если их приготовить как следует. Дети с энтузиазмом принялись разделять свой улов, хотя мощные клешни, присоски и выпученные глаза страшной и скользкой морской живности вызывали содрогание.

“Сегодня у нас соленый рыбный суп, — порадовался Долф. — Наконец-то можно хорошо поесть”.

Маленькие ловцы сильно пострадали — крабы и каракатицы хватали детей за голые руки и ноги. В этот вечер Хильде и ее подругам хватало забот с пострадавшими. Человек учится на собственном опыте, дети учатся особенно быстро. Они стали осторожнее, сноровистее, отыскали пещеры, кишевшие крабами. Петер охотился за ними в свое удовольствие.

Охотники между тем прочесывали лесистые склоны холмов, окружающих город. Дichi здесь было немного, не в пример северным лесам, охота запрещена, как и повсюду, но голод заставлял забывать обо всех запретах. Воды было в достатке, хоть и соленой. В полумиле от лагеря разведчики набрели на горный ключ, кативший свои воды в море.

Жители Генуи не проявляли интереса к судьбе детского воинства. Главное — не допустить ребят за городские ворота, а в остальном они вольны поступать

как вздумается, иной раз даже браконьерство сходило им с рук. Если же ребята заходили слишком далеко, отряд стражников, скрестив копья, молча преграждал им дальнейший путь. Тогда они решили попытать счастья подальше к югу. Долф ничего не понимал. Генуэзцы не проявляли враждебности, это ясно, но и помощи от них не дождешься. Может быть, жители Генуи не понимают, зачем сюда пришли крестоносцы? И в самом деле, зачем они пришли сюда?

“Я-то уж точно не знаю, — раздумывал Долф. — Почему именно Генуя, которая лежит в стороне от пути на Иерусалим?”

Он снова вспомнил о странном поведении Йоханнеса и отправился на поиски монаха. Ансельма не было видно, значит, он все-таки отправился в город. Николас молился в своем шатре, отказавшись от еды. Дон Тадеуш, подобрав рясу, вместе с ребятами ловил рыбу. Где же Йоханнес?

Долф нашел его неподалеку от лагеря в зарослях кустарника. Бедняга снова стоял на коленях с видом неподдельного отчаяния.

Долф присел рядом, взял его за руку:

— Дон Йоханнес!

— Оставь меня... — срывающимся голосом отвечал монах.

Он натянул на голову капюшон, спрятал лицо в ладонях.

— Дон Йоханнес, вы больны?

— Я боюсь.

— Чего же?

— Моря...

Долфу подумалось, что он разгадал наконец причину тревоги Йоханнеса: завтра Николас сделает попытку подчинить своей воле морские волны, из этого ничего, разумеется, не выйдет, и тогда может произойти нечто ужасное. Предводителям похода придется сознаться, что они обманывали детей.

— И я тоже боюсь, дон Йоханнес, — серьезно сказал Долф. — Меня, как и вас, терзают сомнения. Я не верю в чудо.

Монах поднял голову и окинул мальчика удивленным взглядом.

— Дело не в этом, — пробормотал он.

— Так вы верите в чудо?

Йоханнес качнул головой.

— Корабли... — едва слышно прошептал он. — Я все время думаю о судьбе детей, которые сели на корабли в Марселе.

У Долфа голова пошла кругом.

— Каких еще детей?

— Несколько месяцев тому назад... франкские дети...

Еще одна загадка.

— Их перевезли на кораблях, — все так же шепотом продолжал монах, — после того как море не расступилось перед ними. Всего было пять кораблей, три погибло во время шторма, а два других... Говорят, они благополучно пересекли море, и дети сейчас в Тунисе...

Он замолчал, подавленный горем.

— Дон Йоханнес, я не понимаю вас. Что это за дети? Как они попали на корабли?

— Суда ожидали их в гавани Марселя.

— Вот оно что... А кто же все это устроил?

Долф вспомнил, что Леонардо однажды обмолвился о крестовом походе детей, который отправился из Франции примерно в это же время.

— Дон Йоханнес, объясните же наконец, что случилось с теми детьми и как они вообще попали в Марсель?

— Так все было задумано. Двое взрослых и один пастушок привели их туда, а дети были уверены, что отправляются в Святую землю. Стефан — так звали пастушка — пообещал им, что море отхлынет от берегов. Никакого чуда, конечно, не произошло. Безмерное отчаяние охватило детей, но тут как раз показались пять кораблей, которые поджидали их уже неделю. Корабли, как уверяли взрослые, должны доставить их прямо в Святую землю.

— Ну хорошо, а что им делать в Тунисе?

— Неужели ты не понял, Рудольф? Корабли держали

путь прямехонько в Северную Африку, на рынки рабов, как и было условлено с самого начала.

— Что-о-о?

Долф не мог прийти в себя. Страшный смысл этих слов медленно доходил до него.

— Значит, детей обрекли на... Но это же невозмож-но! Дон Йоханнес, не хотите ли вы сказать, что и эти ребята из Германии тоже... что в порту Генуи ожидают суда, готовые отправить всех нас в Африку, где мы будем проданы в рабство? Неужели вы это хотите сказать?

Монах молча кивнул головой и боязливо огляделся.

— Вот почему он торопил нас в Геную... Боже мой, но это же... — Йоханнес испустил тяжелый вздох. — Три из тех кораблей пошли ко дну, спастишь не уда-лось никому, — удрученно бормотал монах. — А слу-чилось это как раз в те дни, когда непогода застигла нас в Альпах.

— И наши ребята тоже?

Йоханнес пристыженно молчал, склонив голову.

— Выходит, — Долф перешел на сдавленный шепот, — в Генуе нас ожидают суда, готовые отплыть в Аф-рику? А ребята думают, что они направляются в Па-лестину...

Йоханнес кивнул головой.

— И вы... допустите это?

— Нет! — вскричал монах. — Не могу я больше! Я упрашивал Ансельма, но куда там! Он и слушать не желает. У него одно на уме — получить свое серебро.

— Дело обговорено заранее, — в бессильном отча-янии сокрушался Долф, — а ведь я все время подо-зревал, что детям морочат голову этой сказкой, что за всей этой историей кроется какая-то возня. Дон Йоханнес, давно ли вы об этом знаете?

Йоханнес не ответил.

— Неужто вы знали с самого начала, еще в Кельне? — не веря себе, допытывался Долф.

И вновь ответом ему было молчание.

— Вы... вы сами придумали это?

— Я тут ни при чем, да и Ансельм тоже, мы только исполняли.

— Кто же задумал это? Кому пришла в голову проклятая мысль заманить в ловушку тысячи детей, хитростью загнать их в эту гавань, чтобы отправить в неволю? Кому?

Йоханнес только пожал плечами.

— Значит, Ансельму?

Снова молчание.

— О Господи, дон Йоханнес, ну скажите же хоть слово! Что теперь будет?

— Не знаю, — удрученно прошептал монах. — Мы опоздали. Господь пожелал, чтобы мы пришли слишком поздно, и корабли уже снялись с якоря.

— Слишком поздно!

— Вообще-то нас ждали к середине июля, а теперь середина августа.

— Так... середина августа. Вот почему Ансельм так спешил, вот почему он все время злился и подгонял нас!

Йоханнес кивком подтвердил.

Чудовищный замысел не укладывался в сознании Долфа. Можно ли поверить, что взрослым людям могла прийти в голову мысль обманом привезти тысячи ничего не подозревающих детей на невольничьи рынки Африки?

— Иерусалим-то ведь не в Северной Африке, — медленно произнес он.

— Это мы с тобой знаем, да и Ансельм тоже, а детям откуда знать?

— Но для чего это? — исступленно спрашивал Долф.

— Нам посулили большие деньги. В Генуе нам заплатят по динарию за каждого здорового ребенка.

— Недурно, — заметил Долф, который к этому времени уже успел разобраться в достоинстве монет, имевших здесь хождение, — семь тысяч динариев, да это целое состояние!

Йоханнес опустил голову и заплакал.

— Я не хочу, — твердил он, — не могу больше... Дети, они такие доверчивые, они ни о чем не подозревают, они мечтают увидеть Иерусалим... И я так привязался к тебе, Рудольф.

Долф кивнул головой. Смятение его усиливалось с каждой минутой. Подумать только! Марике на рынке рабов в Тунисе, прелестная отважная Хильда, белокурая Фрида, знающая толк в целебных травах, силач Берто, и Петер, Франк, Карл... Немыслимо!

— Нужно сорвать этот замысел, дон Йоханнес!

Монах съежился.

— Не называйте меня титулом священнослужителя, я этого не заслуживаю.

— Так вы не настоящий монах?

— Нет, теперь уже нет... Ах, Рудольф, когда-то я был добрым малым, хотел посвятить себя Господу нашему, но меня, недостойного, изгнали из монастыря... Тяжко мне было — ни ремесла в жизни, ни будущего; бродяжничал, дошел до воровства, и вот в Генуе по-встречал Ансельма. Дела его в ту пору были столь же плачевны, как и мои, но сам он намного хитрее меня. Хитрее и бесчестнее. У него обширные связи среди людей самой дурной славы — пиратов, контрабандистов. Один из них, некто по имени Больо, попросил нас помочь ему. Кому из них первому пришла в голову мысль завлечь в западню тысячи ребят из северных земель, я не знаю. Однажды Больо рассказал о двух мнимых монахах, отправившихся во Францию, чтобы набрать там целую армию бездомных маленьких бродяг и привести их в Марсель. Он спросил, готовы ли мы проделать то же самое в германских землях. Вознаграждение он посулил королевское: красивые белокурые рабы с севера идут в Тунисе по высокой цене. Арабы охотно покупают их.

Долф подавил дрожь отвращения, попытался овладеть собой. Он готов был сейчас в глотку вцепиться этому Йоханнесу... Огромным усилием воли он сдержал себя.

— И вы пошли на это?

— А что я мог сделать? Выбирать не приходилось... И я не видел в этом ничего особенно дурного.

— Ничего дурного в том, чтобы обманом отправить в рабство тысячи детей? — переспросил потрясенный его словами Долф.

Йоханнес только ниже склонил голову.

— Всем известно, что арабы — народ просвещенный, и тем, кто попадет к ним в рабство, живется не так уж плохо, если только рабы не отличаются строптивостью. Да и кто шел с нами в поход? Бездомные бродяги и сироты, беглые маленькие крепостные, ленивые и неповоротливые попрошайки, живущие воровством и вымогательством. Им все равно бы не дожить до зрелого возраста, очень скоро они закончили бы свои дни на виселице или замерзли на дороге... В ту пору я чуть ли не благодеянием почитал сбрать этих обездоленных и отправить их в теплые края, продать богатым и просвещенным хозяевам. В любом случае их ожидала лучшая судьба в сравнении с той жизнью, которую они вели на родине...

— Но в рабство! — взорвался Долф.

— Ну да.

— И христианские дети попали бы в рабство!

Йоханнес молча кивнул.

— А для чего им нужны дети из северных краев?

— Язычники предпочитают светловолосых, бледнокожих рабов, особенно здесь, на юге... Рыцарей Ломбардии и Тосканы никогда не увлекали крестовые походы. Итальянцы стремились не столько сражаться в походах, сколько наживаться на них. В северных землях, напротив, крестовые походы влекут многих, особенно простолюдинов. Знатных господ теперь не соблазнишь этим, а вот дети — те готовы тут же идти в заморские земли. Мы с Ансельмом родом из Ломбардии, по-немецки говорим сносно, вот и решили отправиться в Германию и прикинуть, сколько детей можно собрать разом. Оказалось, великое множество, гораздо больше, чем мы рассчитывали, больше, чем могут вместить те шесть кораблей, что ждали нас в Генуе к середине июля.

— Вы решили, что по крайней мере половина из их числа погибнет, затеряется или отстанет в пути?

Йоханнес помалкивал.

— Какая подлость! — прошептал Долф. — Так воспользоваться их неопытностью, их верой в Бога... да еще рассказать им эту сказку о Белокаменном Городе! Ведь вы же все это время, все время знали, что... Как

же вы могли пойти на это, Йоханнес? Неужели совесть не мучает вас? Этих отважных и ловких ребят, с такой решимостью сметавших все преграды на своем пути, ребят, которые познали свободу, вы их собирались продать в рабство!

— Не могу я, — сдавленно буркнул Йоханнес, — они стали мне дороги, все, как один. О Рудольф, неужели ты не понимаешь? Я так хорошо их знаю теперь, я видел, как они отбивались от диких зверей, сражались с разбойниками, сносили непогоду... и при этом помогали друг другу, подбадривали тех, кто рядом... Помоги мне, Рудольф! Не дай им попасть в рабство, ведь теперь это совсем не те ничтожные, достойные сожаления создания, какими они представлялись мне поначалу, а великолепные, как на подбор, ребята, которых надо спасти.

— Согласен с вами, но как это сделать?

Долф углубился в раздумья. У него не было сомнений в том, что его собеседник искренне раскаивается. Можно было лишь порадоваться тому, что он не выдержал до конца этот чудовищный спектакль, но в душе мальчика кипела едва сдерживаемая ярость.

— Мы должны остановить их, — продолжал, приободрившись, Йоханнес, который обрел некоторую решимость после того, как с души у него свалилась тяжесть. — Нужно сделать все, чтобы ребята не взошли на палубы кораблей.

— Да ждут ли еще эти корабли? Не могут же они столько времени стоять на рейде? — с надеждой спросил Долф.

— Не знаю. Ансельм пошел в город, там у него встреча с Больо. Я молю Всевышнего, чтобы было поздно, но не могу знать наверняка.

Внезапная мысль пронзила Долфа.

— А как же Николас? — воскликнул он. — Николас-то знает, почему ребят привели в Геную?

— В том-то и дело, что нет. Он думает, что мы и впрямь собирались освобождать Иерусалим.

— Как вам удалось вбить ему в голову эти глупости насчет того, что он святой?

— Вот уж это было нетрудно. На исходе зимы Ан-

сельм и я перевалили через горы и отправились на север. Мы смотрели в оба и отыскали подходящего пастушка крепкого телосложения; ему мы и показали чудо. Выждав до наступления темноты, запалили деревянный крест и выставили его из-за вершины холма, сами спрятались в укрытии. Парень видел только пылающий крест, а мы наблюдали за ним... Он упал на колени, воздел руки к небесам. Мы быстренько убрали крест, потушили пламя. И Ансельм, прижав руки ко рту, крикнул сдавленным голосом: "Господь призывает тебя, сын мой!" Тогда мы еще не знали его имени. В запасе у нас было множество других фокусов. Поздно ночью, когда подпасок улегся, а спал он прямо в поле, ибо крова у него не было, мы подкрались к мальчишке, и Ансельм принял нашептывать ему на ухо весь наш план, при этом он внушал парню, что тот слышит ангельские голоса, призывающие его собрать детское воинство и прямиком отправиться в Святую землю, ну и все такое. Пастух проснулся, но слушал как завороженный, цепенея от ужаса и изумления, — хочешь верь, хочешь нет, — у него не было и тени сомнения в том, что именно он избран свыше для свершения святого дела.

Перед тем мы дважды испробовали эту шутку. Первый пастушок с криком бросился наутек, завяз в болоте и утонул. Второй мальчишка тоже пустился бежать со всех ног — да прямо к приходскому священнику и выложил тому все как есть о чуде, что явилось ему во сне. Так что оба раза мы остались ни с чем, зато Николас в одну секунду поверил, что он и есть избранник Господа. Видно, нрав у парня заносчивый.

— Это уж точно, — подтвердил Долф. — Что же было дальше?

— Три ночи кряду мы разыгрывали перед Николасом комедию с горящим крестом и ангельскими голосами, пока не увидели, что он и думать позабыл про своих овец, он уже вошел в роль избранника. Тут мы среди бела дня приблизились к нему в своем монашеском облачении, пали ниц перед мальчишкой, воздавая ему почести, и рассказали, что нам было откровение:

якобы Всевышний избрал Николаса своим орудием, дабы привести в Святую землю невинное детское воинство, а нас призвал помочь ему.

— И он поверил вам?

— Конечно. Теперь мы втроем держали путь в Кельн. По дороге мы только и делали, что проповедовали, и вскоре собрали изрядное число детей, которые пошли за нами, так что в Кельн вступило шествие, насчитывающее множество сотен детей. Николас старался изо всех сил. Он молился целые дни напролет на большой Соборной площади перед новым храмом, и дети отовсюду стекались к нам. До Троицы оставалось две недели, когда мы вышли из Кельна, а дети из ближних и дальних краев все собирались под наши знамена. Сам архиепископ Кельнский принял Николаса вместе с Ансельмом — я-то не удостоился чести, — уж и не знаю, что они наговорили архиепископу. Впрочем, Ансельм хитер... После этой аудиенции мы разжились упряжью белых волов, повозкой и шатром, впридачу его преподобие отправил с нами собственную племянницу Хильду и верного оруженосца Каролюса. Тут уж к нам потянулись наследники знатных баронов, хоть Ансельм и побаивался этого. Оно и понятно: сгинут нищие бродяги, никто о них и не вспомнит, а если станет известно, что дети благородного сословия проданы в рабство, нам несдобровать.

— Боитесь родительского гнева?

— А то как же. По счастью, отпрысков знатных семейств среди нас немного, и окружены они почетом, подобающим их сословию.

— Это я успел заметить, — ядовито отозвался Долф.

— Я так обрадовался, когда Фредо покинул нас и увел с собой ребят — мы тогда вступили в предгорья Альп. Воинство крестоносцев разрослось, мы и не расчитывали на это. Как накормить такую прорву детей, как уследить за ними? Да они бы все не поместились на тех шести судах, что ожидали нас в Генуе, но Ансельм твердил свое: “Чем больше, тем лучше. Кто знает, сколько погибнет в пути, до конца дойдут самые крепкие, нам за них и заплатят больше”

Долф содрогнулся от этого неприкрытоого цинизма.

— Вот дьявол! — скрипнув зубами, выдавил он.

— Но тут явился ты, — продолжал свое повествование Йоханнес, — то есть вы с Леонардо, и сразу все переменилось. Вначале мы приняли тебя за юного знатного рыцаря, ты держался с таким гордым, независимым видом. Ты упрекнул нас в том, что мы плохо заботимся о детях, и это была сущая правда. Тогда меня начал мучить стыд, и вся наша затея стала мне не по нутру. А ты будто с неба к нам свалился, чтобы научить нас, как все устроить, чтобы сберечь побольше детей. И все же я не доверял тебе до конца...

— Это еще почему?

— Ты не покладая рук трудился во имя благополучия детей, словно догадывался о наших тайных планах, словно и твоей единственной заботой было привести в Геную побольше здоровых и сильных детей. Я и подумал: Ансельм и Рудольф — одного поля ягоды.

— Ты меня считал работоговцем? — не сдержал негодования Долф.

— Не знаю, иной раз мне так казалось... Сомнения терзали меня. Я спросил Ансельма об этом, он ушел от ответа, зато я понял, что он ненавидит тебя и хочет использовать в своих целях, как раньше использовал Николаса.

Долф напрягся, пытаясь вникнуть в хитросплетение мыслей Йоханнеса.

— И еще я думал, — тихо признался лжемонах, — что ты подослан к нам самим дьяволом, ибо адский план продать детей на невольничих рынках Африки был задуман не иначе как в преисподней, а ведь ты помогал Ансельму, ты спасал детей от смерти... Я стал радоваться каждой остановке в пути: чем позднее придем в Геную, тем больше возможностей избежать страшной участи. И тут только до меня дошло, что и ты тоже не торопишься. Сомнения вспыхнули в моей душе с новой силой. Наконец Багряная Смерть обрушилась на нас, и я понял: это воля Господня. Небесам не угодно, чтобы мы достигли Генуи. А что в это время делал ты? Ты сражался с Багряной Смертью и победил ее. Это было выше моего разумения.

— Вы должны были раньше открыться мне, Йоханнес.

— Понимаю, но я не смел. Я боялся Ансельма. Дознайся он, что я передумал и не желаю продавать детей в рабство, да он бы при первом же удобном случае своими руками толкнул меня в пропасть. А тебе я еще не доверял... И все время нашего пути я горячо надеялся на спасительное чудо, на то, что какое-нибудь непредвиденное событие заставит нас повернуть назад, и потому я с радостным сердцем встречал каждую новую беду, постигавшую нас. Но дети и не помышляли о возвращении, ничто не могло поколебать их решимости. Они жили мечтой о море. Ох, Рудольф, что нам теперь делать?

— Надо остановить ребят и помешать Ансельму снести с пиратами.

— Я же просил его...

— Не тот он человек, чтобы его упрашивать. Остановить такого негодяя может только смерть, — мрачно заметил Долф.

— Твоя правда, Рудольф. Ансельму не ведома жальность.

— Вот и нам пора забыть о ней — зло продолжил Долф.

— Что ты собираешься предпринять, Рудольф? Если рассказать детям, что их ждет, они все равно не поверят, зато Ансельм разнюхает, что тебе известны его планы. Он убьет тебя.

— И вас заодно, — подтвердил Долф.

Йоханнес задрожал.

— Слишком поздно, — пробормотал Долф, — Ансельм уже на пути в город...

— Знаешь, — признался Йоханнес, — как он предвкушал ту минуту, когда увидит тебя на палубе пиратского корабля? Какая-то дьявольская радость переполняла его при мысли, что ты, такой сильный, умный, через какие-нибудь несколько недель будешь продан на невольничьем рынке.

Долф открыл рот, но тут же закрыл его. Ярость захлестнула его. И все же Йоханнес прав: нужно прикинуться, что он ни о чем не подозревает. Мысль о

Марике и тысячах других ребят, которым угрожала опасность, поддерживала его решимость.

— Черт возьми! — выругался он. — Я заставлю этого негодяя Ансельма расплатиться за все сполна.

— Проучи его, Рудольф, ты все можешь, придумай что-нибудь, ты ведь не боишься его.

— А вы что же, до сих пор трусите?

Йоханнес стыдливо отвел глаза.

— Это правда, — еле слышно произнес он, — боюсь, ибо я много грешил. Я боюсь смерти, потому что душа моя обречена мучиться в аду...

— Скажите, Йоханнес, почему вы решили довериться мне?

— Это случилось не вдруг, я решился давно, я видел, как он невзлюбил тебя, как стремился погубить тебя на суде. Тогда я окончательно уверился в том, что ты ему не сообщник, а первейший враг.

— Что же вы тогда не выдали мне его планы?

— Не осмеливался, и я думал, я надеялся еще... что Господь не допустит страшного конца и помешает нам добраться до Генуи. Но...

— Но мы же все-таки пришли сюда.

Йоханнес примолк.

— Ну почему, почему вы раньше не рассказали мне обо всем? Тогда, может, и Каролюс остался бы жив...

— повторял Долф со слезами на глазах.

— Правильно, — покоянно вторил ему мнимый монах. — Господь не дал ему стать рабом и потому взял к себе на небеса... И когда я понял это, понял, как неизмерима моя вина, какой тяжкий грех лежит у меня на душе, я решил что-нибудь сделать... что угодно, лишь бы помешать Ансельму, даже если это будет стоить мне жизни. Но и потом я все никак не мог собраться с духом, все боялся... Какой же я трус, Рудольф! Я сам знаю, что я дурной человек. Нужно действовать, а я не могу, никак не могу решиться. Сними с меня это бремя: оно мне не по силам. Останови детей под любым предлогом. Как только они ступят на корабль, им конец, Рудольф...

— Ну, конечно же, я остановлю их! — вскричал Долф.

— Что ты собираешься делать?

Покамест Долф и сам толком не знал. Предупредить детей... Легко сказать, а поверят ли они ему? Ведь они сжились с этой сказкой о Белокаменном Городе. Он попытался привести мысли в порядок, но в голове все путалось; ясности не было. Страшная тайна, открывшаяся Долфу, ошеломила его, сознание отказывалось воспринимать ее. Между тем нельзя было терять времени: Ансельм уже в Генуе, договаривается со своими сообщниками, как им лучше переправить детей.

Но каким же образом можно заманить на борт корабля тысячи детей, которые ожидают чуда совсем иного рода? Да с ними просто не совладать завтра, когда хваленого чуда не произойдет.

— Завтра... — в раздумье повторил он вслух. — Йоханнес, что же Ансельм думает делать завтра? Намерен ли он держаться поближе к Николасу, когда тот начнет колдовать над морскими волнами?

— Когда всем станет ясно, что чуда не будет, дети с болью и разочарованием устремят свои взоры в синюю даль, сокрушаясь о том, что теперь им не увидеть Иерусалим, вот тут-то и появится Ансельм, говоря что-нибудь вроде: “Господь все-таки сотворил чудо, милые дети, он послал нам эти суда”.

— Вот как? И он рассчитывает, что дети без разговоров взойдут на борт?

— Наверное...

Долф вздохнул. Поди попробуй остановить семь тысяч возбужденных детей, да еще в одиночку.

Но почему в одиночку? Йоханнес поможет ему. Помощников у него хватит, вон сколько друзей...

— Йоханнес, могу я положиться на вас? Способны ли вы забыть о страхе и помочь мне задержать детей? Хотя бы ради спасения вашей души.

— Рудольф, я... Да, конечно!

— В таком случае отправляйтесь-ка к отцу Тадеушу и расскажите ему обо всем сами. Все! Слышите? Он очень добрый человек и к тому же большой умница. Он же ничего не подозревает об этом чудовищном заговоре. Дети слушаются его, он придумает, как не пустить их на корабли.

Нервная дрожь с новой силой охватила Йоханнеса. К удивлению Долфа, оказалось, что бедолага трепещет перед мягкосердечным отцом Тадеушем гораздо более, чем перед суровым Рудольфом ван Амстелвеен.

— Отбросьте сомнения, Йоханнес, — подбодрил его мальчик, решительно поднимаясь. — Нельзя терять ни минуты, начинаем действовать.

— Дон Тадеуш проклянет меня! — в смертельном страхе шептал несчастный.

— Этот великодушный человек простит вас от всего сердца, — пообещал Долф и подтолкнул раскаявшегося грешника.

Они отыскали преподобного отца в дальнем уголке лагеря, где размещались больные, за которыми ухаживала Хильда. Долф оставил обоих мужчин наедине, а сам побежал к Леонардо. Темнело. Походные костры освещали лагерь. Долф застал своих друзей за ужином. Они лакомились рыбным супом. Долф схватил целую пригоршню вареных креветок и подмигнул Леонардо:

— Иди сюда, скорее, поговорить надо.

Он на одном дыхании выложил другу все, что узнал от Йоханнеса. Леонардо выслушал его молча, не прерывая.

— Нужно что-то придумать, — в отчаянии закончил Долф свой рассказ. — Как объяснить ребятам, что их обманывали?

Леонардо размышлял. Он был потрясен, возмущен, но своего обычного спокойствия не утратил.

— Как ты собираешься поступить? — неторопливо спросил он.

— Помешать им усадить детей на корабли.

— Само собой разумеется.

— Но как? — допытывался Долф.

— Очень просто. Ты что же, думаешь, хоть один корабль может выйти из гавани без позволения дожа?

— Дожа?

— Ну да, герцога Генуэзского, вот уж кто здесь держит в своих руках всю власть, — кивнул головой Леонардо. — Значит так, слушай внимательно: ты остаешься здесь, день завтра будет тяжелый, ты должен

сам поговорить со стражниками. Я отправляюсь в город и беру с собой Хильду ван Марбург.

— Что ты задумал? И почему именно Хильду?

— Рудольф, пошевели мозгами. Я все-таки Леонардо из Пизы, сын богатого купца. Мой отец хорошо знаком с торговыми людьми Генуи, я добуду у них рекомендательные письма, которые откроют нам дорогу во дворец дожа. Я сам хочу рассказать об этом герцогу. Конечно, судьба тысяч немецких голодранцев не может заботить его высочество, но, думаю, он не допустит, чтобы в Генуе продали в рабство знатных христианских детей. Для того я и беру с собой Хильду, чтобы показать герцогу, что войско крестоносцев не сплошь беднота и бродяги.

— Думаешь, тебе удастся попасть во дворец?

— Если повезет, а там будь что будет. Есть еще один путь: незамедлительно уведомить епископа Генуэзского. Он не потерпит, чтобы добрые христиане попали в неволю к язычникам. Дон Тадеуш знает об этом?

— Я послал к нему Йоханнеса, он сам ему расскажет.

— Прекрасно. Тогда разумнее всего будет сделать так: мы с Хильдой идем во дворец дожа, а дон Тадеуш предупредит епископа.

— Не слишком ли поздно сейчас идти в город? Тебя могут не пропустить.

— Меня не пропустить? — все так же спокойно переспросил Леонардо.

Долф благодарно пожал ему руку. Он был тронут.

— Что бы я делал без тебя, друг?

— Вот и я иной раз спрашиваю себя об этом же, — резонно заметил студент.

Он решительным шагом приблизился к костру и склонился над сонной Марике.

— Малышка, я оставляю тебя на пару деньков, при-
смотри тут за Рудольфом. Скажи, если нам с тобой не придется больше увидеться, ты будешь иногда вспоминать обо мне?

— Ты что задумал, Леонардо? — изумленно спросила девочка.

— Спасти тебя, малышка.

Он поцеловал девочку, отвязал своего ослика и скрылся в темноте.

Марике подбежала к Долфу.

— Что у вас тут произошло? Куда ушел Леонардо? Неужели все-таки отправился в Болонью?

— Нет еще, детка. Он скоро вернется, — старался успокоить ее Долф.

У него на душе было тревожно. Захочет ли герцог выслушать Леонардо? Удастся ли отцу Тадеушу убедить епископа? И как отнесутся жители Генуи к тому, что в один прекрасный день буквально к ним на голову свалятся семь тысяч застрявших на берегу детей?

Долф огляделся. В лагере мирно завершался день. Ребята ужинали, шутили и без умолку тараторили о завтрашнем чуде. Завтра они пройдут, не замочив ног, по дну морскому и увидят Иерусалим. Вот удивляться горожане! Великолепное будет зрелище!

Ясно одно — детей нужно предупредить, но как?

— Ты почему не ешь? — озабоченно спросила Марике.

Долф рассеянно сделал несколько глотков и вздохнул. Больше месяца длится его странствие, шесть недель пути, — теперь дело заическими часами. С чего начать, как подступиться к ребятам?

— Ты можешь рассказать мне, в чем дело? — настаивала Марике.

Долф посмотрел на нее, перевел взгляд на Петера, Франка, Берто, Карла, подумал о Фриде, которая не отходит от больных, обо всех стойких и мужественных вожаках детворы и понял, что нужно делать.

— Могу, — спокойно отозвался он, — сейчас соберем совет.

ЗАГОВОР НА БЕРЕГУ МОРЯ

леонардо ушел вместе с Хильдой и отцом Тадеушем. Долф послал Петера и Франка за командирами постов из охраны лагеря, а девочкам — Фриде, Марике и Марии — приказал быть наготове. Вскоре не меньше сотни мальчишек и девчонок плотным кольцом окружили Долфа.

— Послушайте, ребята, — начал он, — нам нужно посвящаться, но только здесь, посреди лагеря, это делать негоже. Пойдемте-ка на берег.

— Что-нибудь случилось? — с тревогой спросил Берто.

— Еще нет, но может случиться, и нужно быть наготове.

Долф привел ребят в небольшую бухту, зажатую между скалами, здесь их никто не подслушает. Солнце недавно зашло, и сумерки еще не сгостились. Казалось, море само излучает свет, а луна, повисшая над шатром сосен, лишь высекает сверкающие искры из глубины морской. Дети, сгорая от любопытства, окружили Долфа и Марике и теперь не отрывали выжидательных взглядов от самого главного своего командира.

— Вы знаете, что Николас уединился для поста и молитвы, он готовится совершить чудо, — заговорил Долф, еще не зная, как доступнее пояснить свою мысль. Все энергично закивали. — Николас полагает, — уже не так решительно (это не урок у доски отвечать!) продолжал Долф, — что море развернется перед ним, как только... как только он прикажет...

Все снова закивали.

— Вы верите, что все так и будет?

— Нам обещали, — твердо заявил Франк.

— Да, я знаю... Но тут есть одна сложность.

Они напряженно смотрели на него.

— Дело в том, что Иерусалим, — сказал Долф, покрываясь испариной от волнения, — вовсе не на том берегу, а в тысяче миль к востоку отсюда!

Размашистым движением он показал вглубь материка.

— Я не понимаю, — испуганно отозвалась Фрида.

— Сейчас поймешь, — ответил Долф. — Так уж получилось, что мне в точности известно расположение городов и стран на нашей земле. Этой премудростью когда-то поделился со мной один старый и очень умный человек. Послушайте меня: на том берегу моря лежит Африка, населенная дикарями.

— Африка?

У него создалось впечатление, что это название знакомо им.

— Там водятся львы? — с сомнением спросил Петер.

— Именно. Африка — огромная земля, населенная неграми, там полным-полно диких зверей — львов, слонов, пантер... В общем, это такие места, где нам, христианам, нечего делать.

— Мы не боимся врагов, они побегут от нас! — задиристо крикнул рослый крепыш.

— Ты прав, Карл, но ведь мы собирались в поход против турок и сарацин, что хозяинчивают на Святой земле, а не против магометан в Тунисе или на побережье Северной Африки. С ними нам связываться как будто ни к чему.

— А это разве не одно и то же? — спросила Фрида.

— Нет, конечно. Вы же сами теперь знаете, как необъятна наша земля, правда? Нам пришлось идти не одну неделю, прежде чем мы достигли Генуи, а ведь этот город находится меньше чем на полпути до Иерусалима.

— Иерусалим лежит на другом берегу моря, — упрямо стоял на своем Петер.

— Нет же, Петер. Чтобы дойти до Иерусалима, действительно нужно переплыть море, но только не это. За этим морем — Африка. Вот над чем я ломал голову все это время: для чего понадобилось Ансельму и Николасу вести нас в Геную? Никак не мог я этого понять и вот наконец разобрался во всем.

— Дон Ансельм и Николас сказали нам, что море отхлынет от берегов близ Генуи, — вступил в разговор высокий мальчик, чьего имени Долф не знал, — а им было откровение свыше. Как смеешь ты говорить нам, что это не так?

Долф напрягся, сейчас он скажет самое главное.

— Дон Ансельм соглашал вам.

Последовало замешательство, затем поднялся негодящий ропот.

— И все потому, — поспешил закончить Долф, — что Ансельм никакой не монах, а самый настоящий авантюрист и проходимец.

— Он же умеет читать! — воскликнула Фрида.

— Разумеется. Ансельм получил неплохое образование и даже собирался пойти в священники, но он вступил на плохую дорожку, и его выгнали из монастыря.

— Не хочешь ли ты сказать, Рудольф ван Амстелвен, что Николас тоже не святой? — угрожающе прозвучал голос откуда-то сзади.

— Николас слышал ангельские голоса, видел своими глазами пылающий крест, — вторил ему другой голос.

— Знаю, Николас не обманул вас. Он честно рассказал обо всем, что видел сам, но его тоже обманули, как и всех вас.

— Господь не мог обмануть! — подал голос Франк.

— Послушайте, дети, я расскажу вам, как все это было. Пылающий крест, который видел Николас — это самый обычный деревянный крест, сколоченный Ансельмом и затем подожженный им. Это Ансельм махал крестом из-за гребня холма, чтобы Николас поверил, что перед ним видение. Откуда ему было знать, что он стал жертвой обмана?

Дети остолбенели.

— Ангельские голоса, — продолжал Долф, — тоже сплошной обман. Ансельму нужен был пастушок, который мог сойти за святого, значит, Николаса требовалось уверить в том, что он действительно избранник небес. Пока он спал, Ансельм подбирался к нему поближе и нашептывал на ухо что-нибудь о божественном предопределении, а Николас думал, что внимает ангелам.

— Откуда же ты знаешь об этом? — Этот естественный вопрос возник сразу у нескольких ребят.

— Я расскажу вам позже.

— Ничего не понимаю, — внезапно заявила Мария.

ке. — Говоришь, Ансельм обманывал Николаса? Я терпеть не могу Ансельма, и наверняка он отъявленный проходимец, но для чего ему это? Не шутки же ради?

— Какие уж тут шутки, — потеплевшим голосом произнес Долф ("Маленькая Марики становится сообразительнее с каждым днем!"). — Вы знаете, что Ансельм родом из Ломбардии, а ломбардцы — народ темный, верить им нельзя.

В душе он устыдился своих слов — полнейшая чушь! — но как заставить их поверить ему? Сыграть на их предрассудках! Еще свежа в памяти схватка при Ольо, в которой полегло три десятка самых храбрых и сильных ребят. Все согласно закивали.

— Мошенники они все, эти ломбардцы! — раздавалось вокруг.

— Теперь слушайте. Ансельму пришла мысль сбратить в германских землях побольше детей и продать их работоторговцам в Северной Африке. Разумеется, ни один из вас не пошел бы за ним, догадайся вы, что из Генуи суда повезут вас на невольничьи рынки. Вот Ансельм и пустился на хитрость. Стоило ему убедить вас, что он направляется в Иерусалим, и вы с радостью отправились за ним. Для того чтобы это сошло за правду, ему не хватало как раз такого пастушка, возомнившего, что он святой, предводительствующий тысячами детей. Теперь вам понятно?

Некоторое время они вникали в смысл услышанного, ярость медленно закипала в них, однако, прежде чем они дали выход своему негодованию, Долф вытянул перед собой руки со словами:

— Слушайте дальше. Ансельм привел детей в Геную, где его ожидают сообщники — пираты, готовые взять на борт своих шхун тысячи белых рабов. Конечно, на шести судах не поместятся все дети, даже если бы они стояли вплотную друг к другу. Ансельм отберет самых сильных и здоровых, а малышей и больных бросит на берегу, пусть погибают, ему нет до этого дела.

— Зачем же корабли, если море и так расступится перед нами? — возразил Карл.

— В таком случае, конечно, можно обойтись без

кораблей, но расступится ли оно? Это Николас так думает, Ансельм же знает наверняка, что никакого чуда завтра не произойдет. А знает он это потому, что не Господь Бог обещал Николасу чудеса, а парочка мнимых монахов, проходимцев, вознамерившихся пропасть в рабство тысячи детей. Неужели Господь допустит, чтобы морская пучина разверзлась, и вы, пройдя посуху, попали в рабство? А ведь именно такая судьба уготована вам на том берегу. Никакой Святой земли там и в помине нет, никакого Иерусалима и перепуганных сарацинов — ничего! Только иссохший под лурами палящего солнца берег да редкие поселения арабов, готовых платить любые деньги за белокожих рабов из северных стран.

— Но мы не видели кораблей, — заметил Франк.

— Они скрыты в гавани. Мы слишком задержались в пути и пришли в Геную намного позже, чем рассчитывал Ансельм. Вспомните, как он спешил! Боялся, что корабли не дождутся его. Я раскрыл его план. Завтра не произойдет чуда, море все так же будет плескаться у ваших ног, и тогда появится Ансельм со словами: “Милые дети, если море высохнет, этот город придет в упадок, и Господь внял мольбам его жителей, но в своей неизъяснимой милости он явил нам другое чудо. Он послал корабли, чтобы доставить вас прямехонько в Святую землю. Следуйте за мной, корабли ждут вас”.

Что сделаете вы? С радостью взбежите на борт и позволите увезти себя, но только не в Иерусалим, а в неволю, на рынки рабов. Ребята, еще не поздно! Все вместе мы можем спасти детей.

— Лжешь, Рудольф ван Амстелвеен! — вскричал тот же высокий мальчик. — Море отступит перед нами. Николас обещал нам это, а он говорит правду.

— Дружище, хотел бы я, чтобы это было так, — сказал ему Долф, — и сам бы посмотрел на это чудо, но, клянусь всеми святыми, этого не будет, и не будет потому, что Николас сам обманут Ансельмом.

В качестве последнего довода он вытянул из-под свитера медальон с изображением Святой Девы и при-

льнул к нему губами, что произвело на всех глубокое впечатление.

— Откуда ты знаешь об этом, Рудольф? — испуганно спросила Марике.

— Да, и давно ли ты знаешь? — подхватил Петер.

— Дорогие мои, я услышал об этом лишь несколько часов назад. Вспомните, Ансельм ведь был не один, когда он дурил голову Николасу своими видениями и голосами, с ним был его пособник.

— Дон Йоханнес! — догадался потрясенный Франк.

— Точно, но дон Йоханнес не так погряз в грехе как Ансельм. Поначалу он согласился было на это мошенничество, но совесть замучила его. Смерть Каролюса разбила его сердце. Он сам поведал мне сегодня о дьявольском заговоре, жаль только, что он не сделал этого раньше. Я тоже сперва ушам своим не поверил, но Йоханнес поклялся, что говорит чистую правду. Он не может больше быть заодно с Ансельмом, не может смириться с мыслью, что тысячи детей, которых мы ревностно сберегали в пути, кончат свою жизнь в рабстве, и сегодня, обливаясь слезами, он признался во всем. Я отправил его исповедоваться к отцу Тадеушу.

— Неужели ч дон Тадеуш предал нас? — опять спросил Франк.

— Да нет же, он, как и все мы, понятия не имел об этом чудовищном злодеянии.

— Где они? — прозвучал в тишине решительный девичий голос. — Убить их мало!

— Успокойся, Марта, — урезонил девочку Долф, — как только отцу Тадеушу стало известно о заговоре, он отправился к епископу Генуэзскому. Леонардо вместе с Хильдой тоже ушли в город, они добьются аудиенции у герцога и расскажут ему обо всем. Где пребывает Ансельм, мне также доподлинно известно. Он крутится в порту, оповещая работоговцев и пиратов, что семь тысяч ничего не подозревающих детей наконец-то пришли в Геную и встали лагерем на берегу. Он сейчас сговаривается с капитанами пиратских шхун о том, чтобы перевезти вас на тот берег. Завтра днем мы увидим его — он прихватит с собой свору головорезов и примется уговаривать нас подождать чу-

да... Он делает расчет на то, что ни одна душа не догадывается о его замыслах, и не подозревает о раскаянии Йоханнеса.

— Где Йоханнес? — сурово спросила Фрида:

— Да, да, мы хотим услышать его, — добавил Франк.

— Поищите в лагере, — распорядился Долф, — только не обижайте. Помните: своим признанием он спас всех нас, он душой болеет за вас.

— Так болеет, что по его милости мы проделали этот путь неизвестно зачем! — гневно бросил Петер. — Сотни ребят погибли за это время, а Йоханнес молчал. Он спокойно смотрел, как мы идем все дальше и дальше на восток, как взбираемся на горные вершины, как солнце обжигает нас на безлюдных равнинах, прекрасно зная, что уготовано нам в Генуе, — и молчал.

— Сегодня он все сказал, Петер, и, слава Богу, как раз вовремя.

Дети загадали, снова и снова повторяя услышанное, впрочем, не все еще поверили, что они жестоко обмануты. Фрида, Франк, Петер взялись привести Йоханнеса, остальные тем временем засыпали Долфа вопросами, на которые он терпеливо отвечал. Чтобы все поняли, как далеко отсюда расположен Иерусалим, он при помощи ракушек и морской гальки выложил на гладкой поверхности скалы подобие карты земного шара и показал ребятам, что на противоположном берегу моря, прямо напротив Генуи, простирается Африка. Не прошло и получаса, как трое посланцев возвратились из лагеря, ведя за руку Йоханнеса. Увидев Долфа в окружении сотни ребят, выражение лиц которых не сулило ничего хорошего, Йоханнес отступил.

— Не бойтесь, — ободрил его Долф, — они ждут вашего рассказа. Передайте им все, о чем мы с вами говорили утром. Мы готовы пощадить того, кто искренне раскаивается.

Дрожащий Йоханнес пристроился поближе к Долфу. Нельзя сказать, чтобы в плотном кольце воинственно настроенных ребят он чувствовал себя в безопасности. Он напряженно вслушивался в их не-

громкий разговор. Бежать некуда, они в два счета на-
гоняют и скрутят его.

Закаляясь от страха, он повторил свой рассказ; не скрыл от них историю своего мрачного прошлого, кру-
шение своих надежд, мечту разбогатеть; подтвердил,
что они с Ансельмом дурачили Николаса видениями.
Ансельму всегда удавалось главенствовать над ним,
признался мнимый монах. Смерть Каролюса обруши-
лась на Йоханнеса подлинным горем, и в нем пробу-
дились чувства вины и раскаяния. Дети слушали,
затаив дыхание. Они так верили ему, и кем же он
оказался? Негодяй и мошенник, который хотел на-
житься на торговле рабами. Как ни странно, они не
испытывали к нему ненависти. Он всегда был с ними
ласков, он приободрял этих ребят, в трудные минуты
поддерживал в них веру. Да и может ли не встретить
сочувствие столь глубокое, искреннее раскаяние? Все-
таки он не довел до конца задуманное Ансельмом пре-
ступление, одно это говорило в его пользу. Значит, в
сердце у него любовь к детям пересилила корысть, что
более всего подействовало на юных крестоносцев.

Теперь, когда Йоханнес выдавил из себя признание,
все ребята до конца поверили Долфу. Взгляды слуша-
телей вновь обратились к нему.

— Ну что, теперь верите? — с облегчением спросил
Долф. — Тогда слушайте внимательно. Завтра решаю-
щий для нас день. Николас все еще ничего не знает,
он расставил охрану вокруг шатра, так что войти к
нему нельзя. Он просто не поверит нам, так пусть
завтра сам убедится во всем. Море, конечно, не отсту-
пит от берегов. И что же дальше? Дети придут в от-
чаяние, возможно, захотят немедленно расправиться с
Николасом, и тут мы должны помешать им. В конце
концов, его вины здесь нет. Может вспыхнуть бунт,
но мы постараемся навести порядок. Самое главное,
не дать Ансельму заманить детей на корабли — иначе
всему конец! У нас есть еще два пути: надо поговорить
с детьми, чтобы завтрашняя неудача Николаса не была
для них полной неожиданностью. Тут уж всем вам
придется поработать. И еще: будем защищать Никола-
са от расправы, когда его неудача станет очевидной, а

лишь только появится Ансельм и предложит взойти на корабли, нужно немедленно заткнуть ему рот.

Ребята совещались до самой полуночи. Когда луна скрылась за тучами, они начали расходиться, усталые, разочарованные, ожесточившиеся. Некоторые боязливо поглядывали на шатер, в котором скрывался Николас. Стараясь не шуметь, заговорщики пробирались к своим кострам и устраивались на ночь. Кто-то плакал. Страх подкрадывался к Долфу. Он точил в темноте свой нож и думал, что ему не хватает Леонардо. Удается ли ему одному завтра сдержать возмущенную охруану? Захотят ли стражники подчиниться приказу Рудолфа ван Амстелвеен в отсутствии своего командира? Он мог лишь надеяться, не будучи уверенным, что ребята послушаются его, ведь до сих пор они ощущали в нем что-то необычное, какую-то непонятную им тайну.

“Я нисколько не удивлюсь, — вдруг подумал он, — если Николас вздумает завтра обвинить меня в неудавшемся чуде, и во всех прочих бедствиях”.

Измученный сомнениями и страхом, он наконец уснул.

РАСПЛАТА

 ень занимался ясный, лучезарный, еще лучше вчерашнего. Солнце взошло над холмистой грядой, окаймляющей город, золотое сияние разливалось по бескрайней водной глади, расцвечивало пробуждающуюся Геную, ласкало своим теплом детей, которые сладко потягивались, стряхивая сон. Настал великий день, день волшебства на море, они вспоминали об этом и тут же вскакивали. Немногие отправились сегодня ловить рыбу. От малышей не было отбою, они носились по лагерю, приставая ко всем с одним только вопросом: “Уже пора?” — и с любопытством поглядывали на шатер, в котором не было заметно никакого движения. Чем занят Николас? Коротает время в молитвах или

забылся сном? Неизвестно... У входа в шатер выстроились пять силачей с дубинками наперевес, готовых преградить путь любому. Ближе к полудню их предводитель покажется своему воинству, а до тех пор нужно набраться терпения.

Тем временем сотня ребят, с которыми накануне совещался Долф, приступила к своей нелегкой задаче: подготовить детей, радостно ожидающих чуда, к тому разочарованию, которое неизбежно придется пережить. Их не хотели слушать. Время от времени комуто из охраны удавалось-таки собрать вокруг себя нескольких человек и шепотом начать рассказ. Они старались поговорить с каждым, но единственное, чего добились помощники Долфа, так это всеобщего замешательства и растерянности. История чудовищного обмана представлялась непосвященным столь невероятной, что они с плачем бежали жаловаться Рудолфу на "больших мальчиков", которые снова обижают их. Рудолф не мог сказать им ничего утешительного в ответ, он отправлял всех к Йоханнесу, сидевшему в мрачном одиночестве у входа в лазарет; встревоженные распросы детей были нескончаемой пыткой для мнимого монаха, но и он тоже не мог успокоить детей.

— Ждите, дети. На все Господня воля.

А ведь малыши так истово верили в святое чудо, с надеждой и нетерпением предвкушали его, и вдруг по лагерю поползли слухи, большие ребята принялись убеждать их, что все это сплошной обман. Не может быть! Вместо того чтобы подготовить детей к этим событиям, Долф и его помощники достигли обратного. Напряжение в лагере усиливалось с каждой минутой. Ничего, ничего, Николас покажет этим смутияням, как отступит море, пусть тогда сознаются, что поддались наущению дьявола!

Долф ни во что не вмешивался, всячески отдавался от малышей, в испуге лынувших к нему. Он отпустил жалел детей. До чего же ему не хватало сейчас отца Тадеуша с его спокойной уверенностью, насмешливого Леонардо.

Время приближалось к полудню, волнение ребят достигло предела. Вооруженная охрана рассыпалась по

берегу, и от сурового вида подростков зрителям, которые начали стягиваться сюда, становилось не по себе. Иным казалось, что они уже слышат громы небесные, это и впрямь бушевала гроза вдали, но над побережьем не пролилось ни капли дождя, небо оставалось безоблачным. Долф бросил взгляд на часы. Половина двенадцатого. Точный ли у них сейчас ход? Он часто слышал перезвон колоколов намного раньше того времени, что показывали его часы. Видно, в средневековых монастырях счет времени вели весьма приблизительно — какие тут у них инструменты... Часы обычно не подводили Долфа, может быть, это и не столь важно, но в моменты, подобные этому, когда напряжение грозило взорваться с каждой минутой, ему была так необходима скрупулезная точность человека двадцатого столетия.

Он взял с собой Марику, и вместе они забрались на скалистый уступ, с которого хорошо просматривалось побережье. У него не было ни малейшего желания находиться в гуще толпы во время жалких попыток Николаса обуздить морские волны. Он знал по опыту: в тех случаях, когда требуется найти козла отпущения, лучше держаться подальше.

Ансельма не было видно — еще не вернулся из города. Долф не знал, радоваться этому или нет. Появясь Ансельм сейчас, он быстро смутился, что заговор раскрыт, но в то же время трудно доказать виновность лжемонаха в его отсутствие. Попробуй-ка одолеть невидимого врага!

На берегу столпилось множество народу. В небе высоко стояло полуденное солнце. С минуты на минуту звон колоколов на башнях Генуи возвестит наступление полудня; с минуты на минуту распахнется белый полог шатра, и Николас выйдет к детям. Неудержимо напирая, ребята едва не сталкивали стоящих впереди прямо в воду. Теперь они заполнили берег во всю ширь, однако пространство, отделявшее первые ряды от шатра Николаса, оставалось незанятым. Сотни ребят устроились на отлогих склонах холмов, откуда до них не доносились слова, зато было хорошо видно все, что происходит внизу. Лагерь, затененный лист-

вой, совсем опустел. В лазарете осталась только Фрида, которая металась между больными и ранеными, стараясь успокоить каждого:

— Ничего, не сможешь сам дойти до Иерусалима — мы понесем тебя на руках, — приговаривала она срывающимся голосом, прекрасно понимая, что Белокаменный Город — всего лишь красивая сказка, прикрывающая неслыханный обман.

Долф внимательно разглядывал детей, тесно прижавшихся друг к другу и ожидающих божественного откровения. Он обратил внимание на серьезные лица ребят-охранников и снова подивился их спокойствию. Малыши, приплясывая от нетерпения, по колено забрались в воду. Тисс крикнул в порыве восторга:

— Ох и побегут же сейчас эти сарацины, ох и побегут от нас!

Он еще верил. Он еще верил всем этим рассказням, звучавшим так необыкновенно, так захватывающе.

— Вот они, — вдруг сказала Марике.

Долф проследил взглядом в направлении ее вытянутой руки. В стороне от детей, неподалеку от покинутого ими лагеря, замаячила темная ряса Ансельма, рядом с ним держались три мрачных бородача. Долф почувствовал, что сердце вот-вот выскочит из груди. Явился-таки, негодяй! Не подозревает, что его планы известны. А эта троица и есть, значит, те самые пираты, чьи шхуны поджидают в гавани... Интересно, сколько детей поместится на одном таком судне? Долф понятия не имел. Так или иначе, присутствие троих работорговцев очень беспокоило его.

Неужели Леонардо не смог проникнуть во дворец герцога? Или хотя бы к городским властям? Неужели отец Тадеуш не сумел убедить епископа? Что же случилось с его друзьями?

Сплошные вопросы, на которые нет ответа. Который час? Стрелки показывали десять минут первого. Беспокойство зрителей нарастало, кое-кого из малышей уже столкнули в воду, и те, растянувшись на мелководье, заходились плачем. Двое стражников выловили их и помогли подняться. Дети гудели, словно рой потревоженных пчел. Вдалеке зазвонили колокола, и тот-

час же полная тишина воцарилась на берегу. Все застыли на месте, никто больше не кричал и не толкался, все взгляды скрестились на шатре, полускрытом деревьями.

Полог шатра откинулся, и Николас предстал перед ними. Вид его был великолепен. Поверх кольчуги, добытой в схватке с наемниками графа, он набросил свою белоснежную накидку, стянутую драгоценным поясом Каролюса. Длинные белокурые волосы Николаса были тщательно приглажены и отливали на солнце.

— Ну, прямо архангел Гавриил, — шепнула Марике.
Похоже, ничего не скажешь.

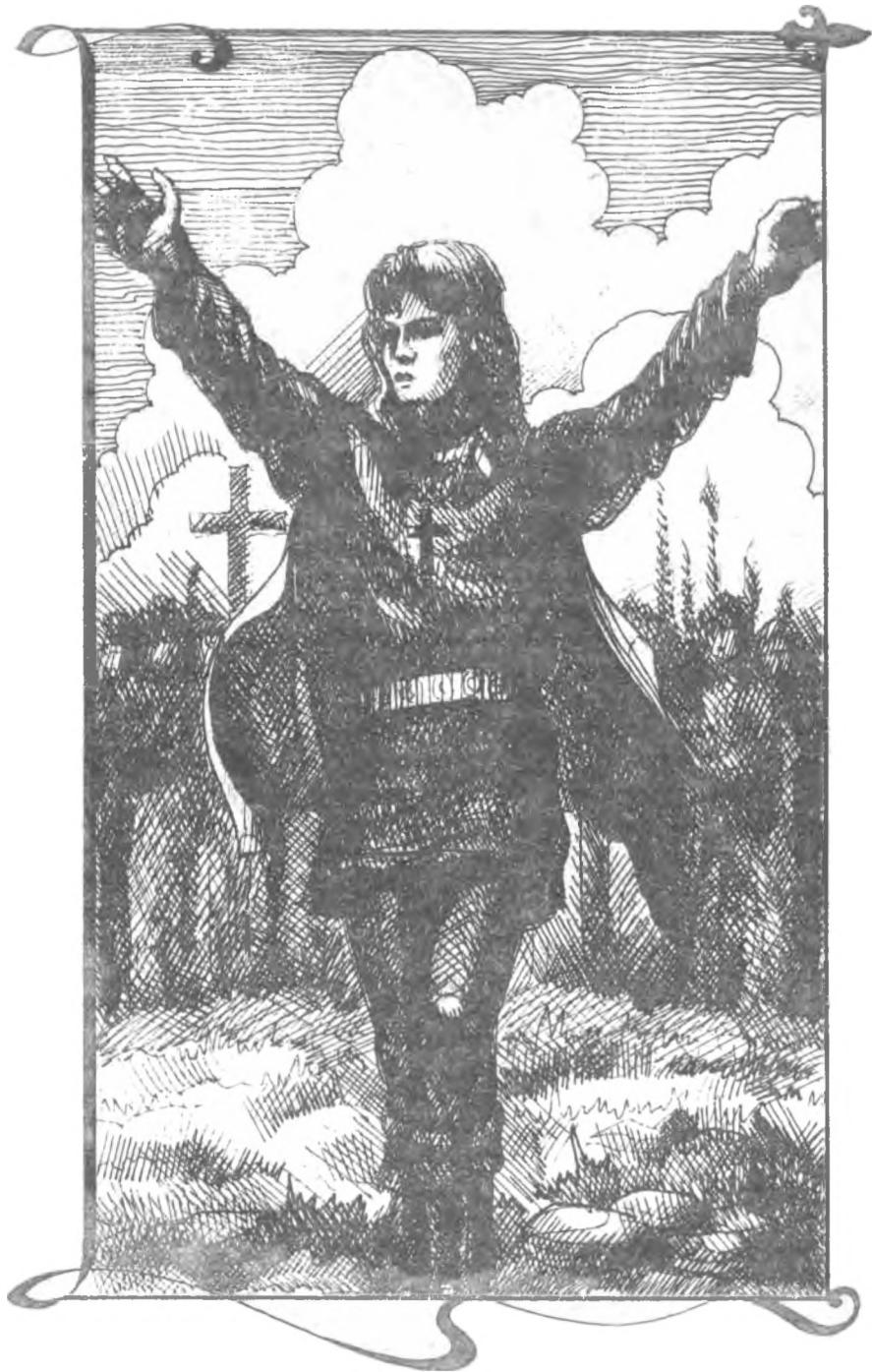
Николас даже осунулся за прошедшие сутки. Бледный, глядя прямо перед собой застывшим взором, он решительно двинулся к самой кромке берега вдоль расступавшейся перед ним живой стены. Пятеро мальчиков, что несли вахту у шатра, следовали за ним. Пропустив Николаса и его сопровождающих, ребята в молчании смыкали ряды. Немое ожидание сковало их, и в этом молчании Долф почувствовал зарождающееся сомнение.

Он был настолько захвачен зрелищем, которое разворачивалось на берегу, что совсем позабыл про Ансельма и его сообщников. Он не мог оторвать взгляда от Николаса, который все так же, глядя в одну точку, шествовал к воде. Руки молитвенно сложены, глаза опущены долу. В наступившей тишине гулко шумел прибой, накатывавший на утес, где стоял Долф. Колокольный звон утих. Николас, не сбавляя шага, приближался к морю, еще секунда — и вода накрыла его босые ноги, вот он уже по колено в пенящихся волнах, которые омывают край его одеяния. Остановился.

“О чём он думает сейчас?” — спрашивал себя Долф. Воображение мальчика работало с удивительной яркостью, он невольно представил себя на месте бедолаги-подпаска. А что, если бы сейчас он стоял там внизу, один на один с сияющей морской далью. Начинается...

Николас воздел руки:

— О великое море! Повелеваю тебе отступить перед детьми, посланными Богом.

Тишина. Семь тысяч жителей замерли, боясь вздохнуть. В простых, бесхитростных словах Николаса звучала неподдельная вера, которой проникнут весь облик предводителя крестоносцев, и эта вера завораживала ребят. Картина и впрямь необыкновенная — одинокая фигурка затерялась на фоне безбрежного моря, голос разносится над волнами.

Между тем на море ничего не происходило, все та же даль, без конца и начала, рыбацкие шхуны так же покачиваются на синей, до боли в глазах искрящейся поверхности, которая скрывает в свое глубине косяки рыбы, морских чудовищ и, конечно же, неразгаданные тайны.

— Молю тебя, Господи, сделай так, чтобы море отступило перед святым воинством, призванным освободить Иерусалим!

Снова мертвая тишина. Мерный рокот прибоя, набегающего на камни, с тихим плеском омывающего прибрежную гальку. Едва слышное дыхание притихших ребят.

Опять ничего. Море, величественное и недвижное, нежится в солнечных лучах.

“Вот так и я ждал чуда, стоя на камне близ Спирса, так же мучительно долго тянулись минуты, — вдруг вспомнил Долф. — И чуда не произошло. У меня душа ушла в пятки, когда прямо на глазах машина времени унесла того мальчишку, а я остался здесь! Я смотрел и понимал, что все пропало. Николас переживает сейчас то же самое: леденящий страх и осознание: чуда не будет”.

Николас вытянулся стрункой, будто вознамерился кончиками пальцев дотянуться до небосклона.

— Расступись, непокорная стихия, расступись перед Божьим воинством и дай нам пройти. Господь желает этого!

Лазурная ширь, безбрежная, почти неподвижная, простиралась до самого горизонта, солнечные блики все так же скользили по волнам. Большой корабль вышел из гавани. Чайки вились над водой, то ныряя вглубь, чтобы выхватить рыбешку, то взлетая к небу...

Николас рывком обернулся и воскликнул:

— Молитесь! Молитесь же!

Некоторые ребята попытались было опуститься на колени, но их со всех сторон зажимала толпа, остальные продолжали стоять неподвижно, даже не подумав молитвенно сложить руки и возвести глаза к небесам. В суровом молчании взирали они на своего предводителя.

— Молитесь! — звенел его отчаянный крик.

“До него доходит, что все без толку”, — сочувственно подумал Долф.

Николас еще раз обратился к морю, заклиная воды отхлынуть от берегов и пропустить крестоносцев. Голос его срывался; приподняв край одежды, он сделал несколько шагов вперед, высоко поднимая ноги, словно и впрямь собрался пройти по воде, еще немного — он был уже по пояс в воде и в эту секунду наступил босой ногой на морского ежа...

Эти отвратительные существа прятались в прибрежных камнях. Если кому-то из ребят случалось натыкаться на них, острые колючки обламывались и застrevали в голой ступне. Накануне вечером Фриде хватило забот с колючками, которые она при помощи твердой рыбьей кости десятками вытаскивала у немилосердно покалеченных рыбаков. Ребята стали заходить в воду, не снимая обуви, надежно защищавшей ноги от мощных клешней и острых щипов.

Но Николас стоял босиком, и море, которое он надеялся подчинить своей воле, ответило ему безжалостным “нет!”. Он пошатнулся и, едва держась на ногах, заковылял назад. Зрители встретили его мрачным, угрожающим молчанием, злобное выражение их лиц не на шутку перепугало Николаса, и он снова рванулся к воде. Отчаяние охватило его, раненая нога нестерпимо болела, море не слушалось его. Теперь уже всем было понятно, что представляет собой тот, кто вначале напоминал им архангела Гавриила: разряженный пастух, жалкая марионетка.

И все-таки он еще раз протянул руки к морю и возвысил голос. Полководец, выступающий на врага; целитель, заклинающий злых духов покинуть тело больного и вернуться в царство тьмы; несчастный, об-

манутый мальчишка, вообразивший себя святым и посягнувший на законы природы...

Море не послушалось его, не снизошло к его мольbam и по-прежнему тихо плескалось у его ног. Море смеялось над ним.

Вспышка негодования и ярости охватила многотысячную толпу. Рудольф-то, оказывается, прав, чуда не будет! Их жестоко обманули, заставили пешком пропащагать тысячи миль пути, они готовы были сносить голод, холод, жару — и ради чего все это? В пылу гнева никто не подумал, что Николас сам стал жертвой обмана. Волна возмущения, прокатившаяся среди зрителей, должна была найти выход.

С истошными воплями ребята бросились к бедолаге Николасу, готовые растерзать его.

Охрана попыталась пробиться к Николасу, расталкивая драчунов.

— Они убьют его! — взвизгнула Марике.

Но Долф уже вскочил, кубарем слетел вниз и бросился в гущу свалки. Он изо всех сил работал локтями, прокладывая себе путь, раздавая тумаки направо и налево. Охранники тоже старались помочь Николасу; размахивая дубинками, они оттесняли толпу, чтобы очистить проход к середине.

Кольчуга, добытая у графских наемников, спасла Николасу жизнь.

Его отбросили на камни, и он упал на спину. Нарядное одеяние изорвано, лицо в ссадинах, в крови. Нападавшие сами испугались захлестнувшей их ненависти и теперь нерешительно отступали. Охрана подобралась к Николасу и окружила его. Долф опустился на камни рядом с мальчишкой и тут же заметил Марике, которая все это время держалась поблизости. Она приподняла голову Николаса, положила к себе на колени, из глаз девочки полились слезы.

— Как вам не стыдно! — крикнула она, глядя на ребят.

Потом набрала пригоршню морской воды и обмыла исцарапанное лицо. Соль, просочившись в ссадины, причиняла Николасу жестокую боль. Он открыл глаза.

— Господь покинул меня... — произнес он шепотом, полным безысходного отчаяния.

— Господь не покинул нас! — громом среди ясного неба прозвучал голос Ансельма.

А вот и он сам, сопровождаемый компанией бородачей. Все замерли.

— Господь не осушил море, милые дети, — сладко приговаривал Ансельм, стараясь, чтобы его услышали далёко. — Но он не оставил нас своими милостями. Он послал корабли, чтобы перевезти вас через море прямо в Святую землю...

Долф подскочил.

— Лжешь! — воскликнул он.

Дети зашумели.

— Рудолф ван Амстелвеен, я возвещаю, что ты не достоин даже ступить ногой на палубу судов, ниспосланных нам Всевышним.

— Ты забыл сказать — невольничьих судов! — бросил Долф в искаженное изумлением и ненавистью лицо. — Запомни хорошенъко: ни один из нас не вступит на палубу, а ты не дождешься, чтобы Рудолфа ван Амстелвеен или одного из этих детей выставили на продажу на рынке Туниса.

Ансельм побелел от злости, быстро повернулся к спутникам и что-то крикнул им на своем тосканском наречии. Один из них сделал молниеносное движение. Долф услышал, как закричала Марике и увидел блеснувшее лезвие ножа. В ту же секунду Долф метнулся под ноги Ансельму, и тот, потеряв от неожиданности равновесие, ничком рухнул прямо на мальчика.

Возглас Петера перекрыл всеобщий шум:

— Бейте мошенников!

Все смешалось в одну секунду. Ребята оттащили Ансельма, сотни маленьких рук вцепились в него. Ноги бегущих мелькали над распластанным телом Долфа, он задыхался. Людские волны перекатывались по всему побережью; крики, визг, шлепки и удары, и над всем — истошные вопли раненых. Долф попробовал подняться, но его тут же опрокинули, и он упал, погрузившись в соленую, теплую воду. Сумятица усилилась. После нескольких неудачных попыток Долфу все-таки

удалось встать. Он осмотрелся, и то, что он увидел, так ошеломило его, что он не поверил своим глазам.

Ребята спешили обратно в лагерь, мальчишки подхватили Николаса и тащили его к шатру. Марике тянула Долфа за руку и что-то кричала, но слов он не разобрал. Неподалеку от них по внезапно опустевшему побережью катился громадный, запутанный людской клубок. Из глубины сцепившихся тел доносились жалобные вопли, которые мало-помалу утихали. Вдали троица пиратов, отчаянно карабкаясь по склону холма, уносила ноги от разъяренных преследователей.

Неожиданно живой клубок распался. Первым из этой свалки вынырнул Петер. Руки у него были в крови. Затем высвободился Берто и побежал к морю, чтобы охладить водой подбитый глаз. Ребята прекратили барахтаться и, еще не остыв от потасовки, в изодранной одежде, бормоча проклятия, потянулись в лагерь. Иные едва прикрывали лохмотьями голое тело; широкая полоса вдоль берега была покрыта изорванным в клочья тряпьем. Господи, что они такое натворили?

А случилось вот что. Посреди кучи затоптанных в пыль тряпок он увидел то, что осталось от Ансельма: лицо обезображенено, конечности неестественно вывернуты, словно ему перебили и вывихнули все кости до единой, волосы вырваны с корнем. Долф отвернулся, тошнота подкатила к горлу, его рвало, а по лицу текли слезы. Да, он ненавидел Ансельма, но какой страшный конец!

Дрожащий, белее полотна, он кое-как добрел до лагеря. Его заметил один из перепуганных баронских детей и позвал в шатер, где он застал Фриду, которая обмывала и перевязывала раны Николаса.

— Как он?

— Ничего страшного, отдался ссадинами и царапинами, — ответила девочка. — Что там стряслось на берегу? Почему они набросились на Николаса? Он же никому не причинил зла.

Простая логика ее суждения тронула Долфа до глубины души. Он с отвращением подумал об изуродованном теле Ансельма.

— Конечно, нет, — выговорил он. — Николас никому не причинил зла. Позаботься о нем, Фрида.

Он вышел, чтобы позвать охрану.

— Надо скорее похоронить Ансельма, нельзя оставлять тело на берегу, — сказал он ребятам, сгрудившимся вокруг шатра.

Он встретился взглядом с Петером и отвел глаза. До сих пор ему не приходило в голову, как опасна доведенная до отчаяния армия крестоносцев. Он втайне пожелал незадачливым пиратам благополучно ускользнуть от своих преследователей.

Лагерь возбужденно гудел. Долф, весь в шишках и синяках, чувствовал себя далеко не лучшим образом. Чтобы сбить накал страсти, он принял раздавать приказы. Рыбакам пора заняться своим делом. Потом он кликнул Берто и объявил ему:

— У нас опять нечего есть, собирай свой отряд и отправляйся на охоту.

Франку приказал занять работой кожевников. Одних он гонял за пресной водой, других посадил драить котелки, плести циновки из сухих водорослей — лишь бы у каждого была работа. Ребята подчинялись неохотно, все чаще слышался недовольный ропот.

Долф с тревогой думал: “Справляться с ними становится все труднее. Мечта о Белокаменном Городе разлетелась вдребезги, больше их ничего не сдерживает. Что еще остается им вдали от дома, без всяких средств к существованию, кроме как разбойничать и грабить?”

Он решил созвать совет командиров охраны и воожаков отрядов и вместе с сотней-двумя ребят обсудить планы на будущее. Повернуть ли им назад в Германию? Снова пройти долиной реки По? Еще один переправа через Альпы?

Но совещаться без Николаса негоже, а он, весь израненный, лежит в шатре и, по-видимому, не скоро осмелится выйти. Шатер — надежное убежище, но стоит сделать шаг наружу...

То тут, то там звенели команды Долфа.

— Петер, прочесывай залив! Берто, где дичь? Мар-

та, отправляйся за кореньями и ягодами! Карл, нам нужна еще пресная вода, много воды!

Спустя час охотники с триумфом возвратились в лагерь. Они возбужденно размахивали огромным крикливым ножом, который отобрали у захваченного ими пирата. О том, что сталося с пленником, можно было лишь догадываться. Тело Ансельма спешно погребли. Фрида и Марике еще долго перевязывали пострадавших и прикладывали примочки раненым.

Вечер прошел относительно спокойно. Ребята поужинали и рано легли спать, измученные событиями дня. Изменив на этот раз своим привычкам, Долф вместе с Марике отправился ночевать в шатер знати. Николас безмолвно лежал на куче сухой травы. Йоханнес не показывался: он скрывался у Фриды в лазарете, где чувствовал себя в безопасности.

“МЫ НЕ ВОРОТИМСЯ”

H

аутро Долфа разбудили шумные возгласы. Он выскочил из шатра и, к своей неописуемой радости, увидел Леонардо и отца Тадеуша в сопровождении десятка солдат и кучки генуэзских патрицийев*. Леонардо, как вскоре выяснилось, принес хорошие новости.

Ему все же удалось попасть к отцам города, которые выслушали его рассказ вначале недоверчиво, а затем с негодованием. По приказу герцога ни одно судно не имело права покинуть порт без предварительного обыска: Генуя не допустит разбойниччьего похищения детей на своей земле. Озабоченный появлением в окрестностях города семи тысяч застрявших в пути маленьких крестоносцев, сенат возвзвал к епископу. Епископ, с которым тем временем поговорил дон Тадеуш, также отдал свои распоряжения. Среди добрых христиан Генуи — а таковыми в ту пору были поголовно все, — устроили сбор пожертвований, и монахам

* Патриции — в средние века городская (купеческая) аристократия.

удалось собрать изрядное количество одежды, обуви и съестного. Повозки, груженные щедрыми дарами, вот-вот прибудут в лагерь.

Но это еще не все. Генуэцы решили побыстрее избавиться от опасного соседства, понимая, что самый простой способ добиться этого — помочь детям вернуться по домам. Город изъявил согласие приютить несколько десятков сирот, которым некуда вернуться, если они станут трудиться на портовых складах или наймутся подмастерьями к достойным ремесленникам. Плотно населенный город вполне мог прокормить трудолюбивых, смелых и бодрых работников. Тем, кто пожелает пуститься в обратный путь, городские власти пообещали предоставить продовольствие и вооруженное сопровождение до Милана.

Долф облегченно вздохнул. Можно возвращаться.

Вперед протиснулся Йоханнес.

— Я хотел бы взять на себя подготовку к обратному путешествию, — попросил он.

Один из знатных всадников недобро всматривался в лицо монаха.

— Так ты из тех проходимцев, что заманили детей в Геную? — с угрозой в голосе спросил он. — У меня приказ арестовать тебя. Эй, люди, хватайте его!

Долф не разобрал половину сказанного, но он быстро оценил ситуацию, когда двое вооруженных людей бросились к Йоханнесу.

— Скажи им, чтобы отпустили Йоханнеса, он нужен нам всем, — попросил он Леонардо.

Леонардо принялся уговаривать своих соотечественников, и дело закончилось пожизненным изгнанием Йоханнеса за пределы Генуи и окрестных земель, где ему запрещалось появляться под страхом смерти. Йоханнес кашнул головой, словно сбросил с себя тяжелый груз, и расплылся в улыбке.

— Где Ансельм? Вы и его хотите выгородить? — с издевкой спросил Леонардо.

Долф подавленно молчал, вместо него ответил Питер:

— Мы убили его.

В голосе его звучало столько ненависти, что Долф

невольно содрогнулся, однако Леонардо продолжал тем же шутливым тоном:

— Негодяй заслужил, чтобы его растерзали. Надеюсь, вы проделали это не торопясь.

Всадники удовлетворенно кивнули, повернули лошадей и тронулись в обратном направлении. Зрелище тысяч своих равных оборванцев, как видно, пришлось генуэзцам не по душе.

— Где же Хильда? — спросил Долф, заметив отсутствие девочки.

— Герцог Генуэзский пожалел ее и оставил у себя при дворе, — беспечно отозвался студент и добавил:

— Весной он пошлет гонцов к отцу Хильды, графу Марбургскому, ее будущее решится.

— Бедная Хильда, что же она сама говорит об этом? Леонардо удивленно поднял брови:

— А что она может сказать? Она радоваться должна: не придется больше перевязывать гнойные раны, спать на соломе. Со временем найдется знатный жених, если не здесь, так при дворе отца. Думаю, о ней не стоит беспокоиться.

— Ей было хорошо с нами, — негромко ответил Долф.

— С этой ватагой разбойников? Да полно тебе...

“Может быть, и прав Леонардо, так будет лучше для нее?” — в сомнении думал Долф.

— Не собирается ли герцог сделать что-нибудь для других детей благородного происхождения? — поинтересовался он.

— Нет, он узнал, что это всего лишь потомки мелких рыцарей, и потерял к ним всякий интерес.

Долф пожал плечами. Нет, не привыкнуть ему к непреодолимым преградам, разделявшим средневековое общество.

Неужели крестовый поход окончен? Долф ошибался и на этот раз. Будь на месте этих обманутых детей его современники, они бы воспользовались первой же возможностью вернуться домой и одним махом покончить со всеми мытарствами. Но эти ребята, по крайней мере, большинство из них, думали иначе. Не возвращаться же в Германию, где земля мокнет под дождем,

зимы долгие и холодные, где их снова ждет постылая нищета.

Еще до полудня из города потянулись длинной чередой подводы. Чего только в них не было — хлеб, зелень, фрукты, старая одежда и стоптанная обувь, покрывала, иконки и распятия. Для кого-то старый хлам, а для ребят — настоящие сокровища. Прибывшая на подводах охрана и монахи наблюдали за дежежом присланного. Во все глаза смотрели они на юнцов, вознамерившихся завоевать Иерусалим. Они ожидали увидеть маленьких, фанатично верующих святош, а вместо этого перед ними предстали крепкие, мускулистые сорванцы в лохмотьях, а то и почти нагишом; их лица почернели от загара, кожа задубела от ветра, волосы выцвели на солнце, взгляд горел решимостью.

Жители Генуи мечтали теперь только об одном — поскорее отделаться от многочисленного детского воинства — и были весьма признательны отцам города за принятые ими предосторожности, которые помогли удержать детей подальше от городских стен.

После того как подводы скрылись из виду и каждый из ребят получил свою долю, Долф с помощью Йоханнеса, Франка и Петера начал приготовления к обратному пути, но тут же столкнулся с противодействием. Особенно ратовали за продолжение похода командиры отрядов.

Неужели еще не верят, что Белокаменный Город лишь сказка, которая не сбудется никогда?

— Ни за что не пойдем назад, — заявил Петер и тут же присоединился к бунтующим охранникам. — Чего мы там не видали? Нет, домой нас не заманишь.

— Нет у нас дома, — решительно подтвердил Карл.

— Не хочу больше просить милостыню на улицах, — вставила свое слово Марике.

Долф только молчал и беспомощно поглядывал на Леонардо, который с улыбкой положил руку на плечо Петера.

В этот момент из шатра появился Николас. Понял ли он, что настроение ребят круто изменилось, гнев остыл? Они не держали зла на него. Едва увидев Николаса, облачившегося в золотанный белый хитон

(правда, без кольчуги), дети по привычке расступились перед ним.

Николас по-прежнему украшал себя поясом, когда-то принадлежавшим Каролюсу. В руке зажато серебряное распятие. Чтобы выйти к детям, ему пришлось собрать все свое мужество и остаток достоинства. Он надеялся, что гордо выпрямившись и надменно вскинув голову, сумеет побороть свой страх. Долф быстрым шагом направился к мальчишке и подал ему руку. Они стояли рядом на виду у ребят, которые грызли орехи и яблоки, отщипывали хлеб. Марике протянула Николасу половину булки, и тот принял, поблагодарив девочку кивком.

Раны Николаса были не столь серьезными, как опалася Долф. В тот страшный день металлическая кольчуга прикрыла его плечи и грудь, хотя разъяренные дети исцарапали ему лицо. Лоб его пересекал глубокий шрам, подбитый глаз почти полностью заплыл, правая щека вздулась и покраснела, а в общем, пустяки!

— Дети! — обратился к собравшимся Николас. — Все, что случилось, превосходит мое разумение. Я думал, Господь покинул меня, но нет, Господь лишь не пожелал явить чудо перед воинством, в рядах которого были мошенники и лжецы. Я слышал, что Ансельм мертв, а Йоханнес готовится сопровождать детей в обратный путь. Вам известно повеление герцога: кто хочет, пусть возвращается в Германию. Но я слышал также, что Ансельм обманом завлек нас совсем к другому морю, что Иерусалим лежит далеко к востоку отсюда. А потому — внемлите мне, дети, — тот, кому не по душе странствия, пусть остается в Генуе или отправляется домой вместе с Йоханнесом, но те, в ком еще живет надежда увидеть Иерусалим, следуйте за мной. Я приведу вас к далекому морю на востоке, и там Господь явит свое чудо.

Долф обомлел. Тысячи ребят вокруг него кричали, обезумев от радости:

— Веди нас, Николас!

Что же вновь разожгло угасший было энтузиазм ребят? Все та же сказка? Нет... Навряд ли кто-нибудь из них до сих пор рассчитывает на чудеса. Просто-на-

просто они не хотят возвращаться. Соблазны и трудности походной жизни увлекают их гораздо больше. Месяц за месяцем их жизнь заполняло одно лишь движение вперед, к заветной цели, и это движение не остановить, пока не пройдут они всю землю до самого конца, если только не встретят раньше свой собственный конец.

Долф отметил, к своему удивлению, что в обратный путь вызвались только малыши, а из ребят постарше — самые робкие и несмелые, но среди них он не увидел маленького Тисса, который до сих пор с воинственным кличем рвался в бой с сарацинами. Не было среди них ни Франка, ни Петера, ни Фриды, не повернули назад Берто, Карл, Марта...

Напрасно Долф подступал с уговорами к своей маленькой подопечной.

— Для чего мне возвращаться в Кельн? — с несчастным видом отвечала ему Марики.

Долф вздохнул. Девочке некуда было возвращаться.

— Тогда оставайся в Генуе, поступиша камеристкой к Хильде, она поможет тебе, вы же подруги.

Марики решительно тряхнула головой. Нет, Генуя не для нее, этот громадный город ничуть не лучше того, в котором она появилась на свет: кривые улочки, широкие площади перед соборами, толпы горожан, которые скользят равнодушными взорами по толпе нищих и калек, а то и просто отворачиваются от них. Все это ей знакомо: толчая и давка, воровство, постоянное чувство опасности и ни капли милосердия. Разве милосердие руководило генуэзскими богачами, которые поторопились собрать продовольствие и деньги для детей? Нет, они спешили избавиться от маленьких крестоносцев. Собственной корысти ради позаботились они о судьбе несчастных, сбившихся с пути, оставаясь глухими к мольбам нищих в собственном городе.

— Если Николас поведет нас, я пойду с ним, — твердо сказала она.

— А мне что прикажешь делать? — поинтересовалася Долф.

— Я думала, ты идешь в Болонью вместе с Леонардо.

— Леонардо хочет сначала навестить родителей в Пизе, а уж на следующий год отправиться в Болонью.

Леонардо поверг Долфа в немалое изумление, решив пройти вместе с крестоносцами еще часть пути. Перемену своих планов он объяснил с легкостью:

— Я не видел свою семью уже много лет, но раз мы оказались поблизости, я должен повидать мать.

Так ли все на самом деле? Долф не мог понять товарища, хоть успел привыкнуть к тому, что люди средневековья часто говорят одно, а на уме у них совсем другое. До сих пор он не замечал у Леонардо тоски по дому. Неужели студент остается с ребятами из-за Марике?

— Пойдем с нами, — уговаривала Долфа Марике.

Он согласился. А что ему еще было делать?

Армия крестоносцев, вошедшая снова в предгорья Апеннин, насчитывала теперь около пяти тысяч человек — все еще немало, и внушительная численность детского воинства ограждала его от нападения жителей этих мест. Теперь, когда от колонны оторвались малыши, трусы и нытики, воинство, заметно поредевшее, казалось сильным, как никогда прежде. Тысячи сорванцов, которые уже ни перед чем не дрогнут, с песнями шли по земле Италии, делая привалы, чтобы наловить рыбы или пострелять дичи. Они двигались не спеша, торопить их больше было некому.

С ними вместе шел дон Тадеуш; из знатных отпрысков лишь двое продолжили путь на восток: надменная и честолюбивая Матильда, которая мечтала стать королевой Иерусалима вместо Хильды, и Бертолд, младший сын обедневшего рыцаря, болезненно застенчивый и пугливый от природы. Он и домой-то не вернулся из страха, ведь в свое время он сбежал из отцовского замка, потому что его обижали старшие братья. И вот теперь он брел на восток вместе с крестоносцами, молчаливый, робкий, подавленный.

Они вступили на землю Тосканы*. Впереди шествовал Николас, как признанный вожак, за ним нестройными рядами тянулись отвыкшие от порядка кресто-

* Тоскана — область в Центральной Италии.

иосцы. Когда представлялся удобный случай, они промышляли воровством либо попрошайничали. В этой малонаселенной местности они чувствовали себя вольготно: воровали кур, поросят и коз, рвали с деревьев яблоки и опустошали поля. Случалось, между ними вспыхивали жестокие схватки за право командовать небольшим отрядом. Теперь они не признавали запретов и правил. А как потешались они над обозленными селянами, надутыми рыцарями, негодующими торговцами и священниками, призывавшими на них громы небесные!

От фокусов, которые они придумывали, отец Тадеуш морщился, зато Долф забавлялся от души. Завидев городские башни или большое селение, ребята вмиг прекращали баловство и напускали на себя чинный вид маленьких святош, направляющихся в Святую землю: руки умиленно сложены, глаза воздеты к небесам, каждый шаг сопровождается пением и бормотанием молитв. Одним словом, нестройная толпа приобретала трогательный вид, впоследствии описанный в исторических хрониках. Они корчили страдальческие физиономии, демонстрировали свои ужасающие лохмотья и подтянутые животы. Они без конца твердили об ужасах пути и притворялись вконец обессиленными. Набожные жители благословленного тосканского края принимали их жалобы близко к сердцу, ребят завалили хлебом и пирожками, к месту привала путников тянулись телеги, груженые бочками с питьевой водой и копчеными окороками. Откуда взялись тревожные слухи о толпах воришек и попрошаек, недоумевали тосканцы? Это же тихие, богобоязненные дети, души которых озаряет пламя веры Христовой.

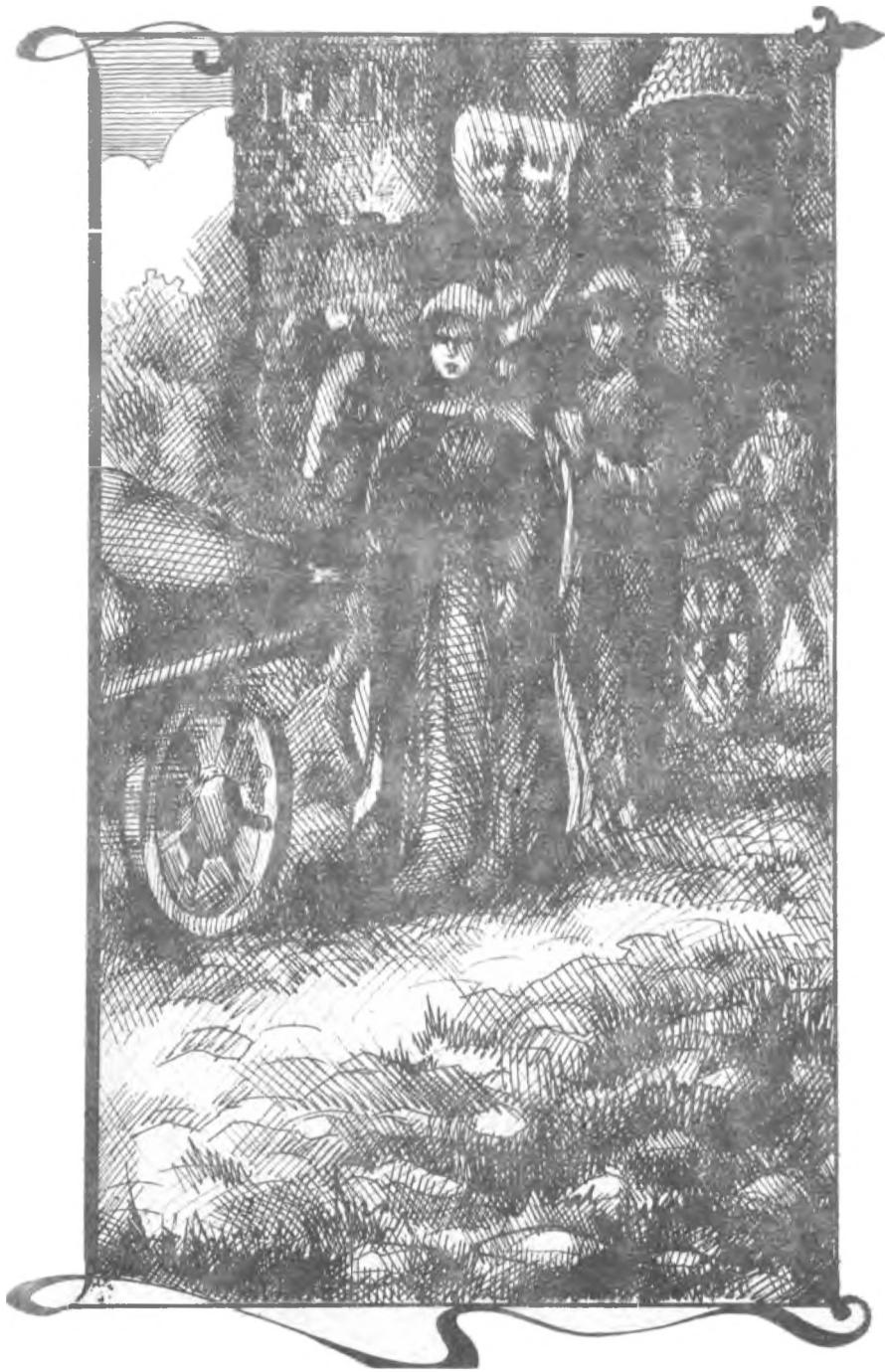
Кому пришла в голову эта затея? Долф подозревал, что главным зачинщиком был Петер, который обладал большим запасом изобретательности и не обременял себя угрызениями совести...

Стоило ребятам отойти подальше от города, бесшабашно веселое настроение вновь охватывало их. Вот это жизнь! Свежий ветерок, пролетавший меж холмистыми грядами, приносил им сладкое дыхание свободы. Солнечные лучи ласково согревали их. Украсив

себя венками из полевых цветов и трав, навсегда забыв о своих страхах, ребята бесстрашно и неудержимо рвались вперед, только вперед. Случалось им проходить мимо изумительных уголков природы, которые покоряли даже равнодушных к ней детей средневековья. Прозрачное озеро, окаймленное живописными берегами; речка, несущая обильные воды мимо пойм и заливных лугов и прихотливо огибающая сплошь покрощие лесом кручи. Вот бы остаться здесь навсегда! К чему искать Иерусалим, если земной рай уже обретен в этих краях?

Многие из них отказывались идти дальше. Они строили хижины, ловили диких коз и приручали их — словом, начинали новую жизнь. Удастся ли поселенцам выжить в этих местах, Долф не знал. Иной раз сомнения одолевали его, хотелось самому остаться с ребятами, помочь им наладить сельскую жизнь. Но те кто решил осесть на этой земле, больше не нуждались в его опеке: за время длительного странствия они привыкли сами заботиться о себе. И хоть здешнему лету, казалось, не будет конца, они хорошо помнили другие, северные, зимы, голодные и холодные. Возможно, и в райских долинах Тосканы наступит зима, готовиться к ней нужно заранее: поставить домишко для себя и стойло для скота, обнести поселение частоколом, запастись едой. Если дома некоторые из них и отлынивали от работы, то поход отучил их лениться. Они трудились не покладая рук и с радостью смотрели на плоды своего труда, ибо трудились для себя.

Города, возносившиеся над просторными долинами, манили детей не меньше, чем плодородные нивы. Величественные, словно из волшебной сказки, башни сверкали в лучах южного солнца. Жители этих городов отличались независимым нравом и не желая подчиняться никому. Соседние города постоянно враждовали между собой, принимая то сторону папы, то императора, пока оба властителя пребывали в состоянии войны, но ни за какие сокровища эти города-крепости не поступились бы своей свободой. Города Италии, и в особенности Тосканы, в это время достигли расцвета, их жители развивали ремесла, расширяли

свои торговые связи, открывали все новые источники богатства. Лихорадочное предвкушение неизведанного захватывало каждого. Вот где нужны сильные и умелые руки, горячие, кипящие отвагой сердца. Очень многие ребята, не устояв перед соблазнами города, задерживались там.

Колонна крестоносцев сильно уменьшилась, однако Николас как будто не замечал этого. Да видел ли он вообще, что происходит вокруг него? Он жил мечтой о Белокаменном Городе и не осознавал, что крестоносцев эта мечта больше не увлекает.

Долфу хотелось, чтобы путь до Пизы продлился как можно дольше, ведь ему придется разлучиться с Леонардо. Однако всему наступает конец, и они все-таки пришли в Пизу.

За год до того Долф побывал в этом городе с родителями во время каникул. Тогда это знаменитое историческое место разочаровало его: так, провинциальный городишко. В городе толкались сотни туристов, жаждавших увидеть Пизанскую башню. Они не задерживались здесь, обходили Площадь Чудес и отправлялись дальше, поскольку ничем иным город заинтересовать не мог. Руины, которые довелось видеть Долфу на месте этих стен и мощного фундамента, лишь смутно напоминали о временах расцвета.

Но сейчас, в начале тринадцатого века, Пиза была центром, в котором сходились важнейшие пути, городом более могущественным, нежели Флоренция, более величественным, чем Рим, и более многолюдным, чем Генуя. Собор с падающей башней был уже воздвигнут. Теперь город открылся перед ними во всем своем блеске. Впечатление было необыкновенное. Что за чудесный город! Леонардо уговаривал друга остаться и воспользоваться гостеприимством семейства. Заманчиво...

— А как же Марике?

— Она может остановиться у меня в доме.

— Как же я оставлю ребят?

Но это была не единственная причина, по которой он отказался от приглашения Леонардо. Конечно, Италия тринадцатого века бесконечно увлекательна и так не похожа на ту Италию, где он бывал раньше с отцом

и мамой. Прекрасная, неизведанная, полная неожиданностей страна. Среди тосканских холмов ребята то и дело натыкались на полуразрушенные виллы времен Древнего Рима или храм, пришедший в запустение. Чистые, незамутненные реки, узкие, покрытые белой пылью дороги, каждый поворот которых обещал новые, удивительные открытия. На вершинах складчатых холмов красовались одинокие замки или ютились скромные селения; на склонах, покрытых сочной зеленью, паслись стада коз и овец. Вся эта земля дышала по-коем, тишиной, словно бы вслушиваясь в музыку природы. Краюха хлеба здесь слаше на вкус, чем самые изысканные пирожные, мясо диких индеек, подстреленных в дубраве, несравненно ни с одним кушаньем, известным Долфу. Воздух наполняли птичьи трели, стрекотание кузнечиков, возгласы поселян. Пройдешь еще несколько миль вперед — и оглушит внезапная тишина знойного полдня, и приветят недвижимые со-сны-великаны, благоухающие разнотравьем перелески, в которых роились тучи пчел, бабочек, мохнатых шмелей. Вот эта звенящая убаюкивающая тишина, дотоле незнакомая Долфу, и притягивала его.

Свободную жизнь странника, которую он познал здесь, он не променял бы на любые соблазны города. Пусть могущественная Пиза пленяет своим великолепием, пусть на улицах и площадях кипит жизнь — Пиза остается средневековым городом с его вопиющими контрастами, городом, кишащим крысами и паразитами, пристанищем нищих и бродяг, постоянно втянутым в кровопролитные стычки, отталкивающим своей надменностью, невежеством и бесстыдством. Нет, здесь не почувствуешь себя дома.

Расставание друзей было грустным. Марике пролила несколько слезинок и пробормотала:

— О Леонардо, мы будем так скучать без тебя!

Петер и Франк молча пожали студенту руку. Берто обнял его со словами:

— Помни о Каролюсе!

Колонна держала путь на юго-восток, далеко позади оставались сияющие под солнцем горные кряжи, леса и топи. Сколько их было теперь? Тысячи две, от силы.

Очень многие остались в Пизе, несколько больших отрядов вышли в направлении Флоренции, находившейся примерно в двух днях пути отсюда. Прошел слух, что Флоренции необходимы рабочие руки: город спешно вооружался, готовясь к войне. Вскоре в центральной Италии перестали быть редкостью стайки немецких детей, которые бродили в поисках работы, еды и крыши, объясняясь на ломаном тосканском наречии. Они быстро приживались здесь и смешивались с местными жителями.

Воинство крестоносцев, вступившее в начале сентября в итальянскую провинцию Умбria, составляло около полутора тысяч бродяг, отощавших и готовых на все.

В ЗАПАДНЕ

T

яжелые времена настали для путников. Лето близилось к концу; крестьяне убирали урожай с полей и засыпали его в закрома, которые охраняли, вооружившись вилами и ножами. Фрукты с деревьев собраны. Крестьяне, объединившись по несколько человек, прочесывали поля и охотничьи угодья, и горе тем воришкам, что попадались на месте преступления. Дичь, поднятая многолюдными, шумными облавами, перестала быть легкой добычей. Призрак голода снова замаячил перед крестоносцами.

Но ничто не могло помешать им любоваться красотой тех мест, по которым пролегал их путь. Отлогие пригорки, расшитые цветочным ковром; живые на полях; тронутая желтизной и отливающая золотом под лучами солнца листва деревьев; лазурная гладь озер, над которыми кружились, собираясь в далекий путь, стаи перелетных птиц. Долф не мог оторвать глаз от великолепия осеннего ландшафта, открывавшегося в новом блеске за каждым поворотом дороги.

Сверкающим алмазом поблескивало меж холмистыми склонами озеро Тразимено. Ребятам уже приходи-

лось слышать о рыбном богатстве этого озера и его удобном расположении. Они вышли к нему, почти не плутая кружными тропами. Полторы тысячи изголовавшихся детей — серьезная ударная сила, на этот счет у владельца замка Тразимено не могло оставаться никаких сомнений.

Граф Лудовико Тразимено ввязался в войну с городом Перуджа, но ему досаждали и собственные крестьяне, поднявшие мятеж. В ярости от того, что ему приходится воевать на два фронта, граф вознамерился подвергнуть непокорную деревенщину жестокой каре и послал своих рыцарей проучить селян. Вырезанный домашний скот, пепелища на месте домов и амбаров должны были показать мятежникам, что с графом шутки плохи. Крестьяне и не думали сдаваться, но они хорошо понимали, что без помощи соседних городов им не пережить зиму в разоренном селении. Тогда они снеслись с жителями города Перуджа, готовыми любой ценой навредить графу Лудовико, который лишил свободных граждан права ловить рыбу в озере и без зазрения совести обирал торговые караваны на дорогах, связывающих Перуджу и Флоренцию.

Еще за несколько часов до того, как ничего не подозревающие дети появились на берегах озера, шпионы донесли графу, что из ворот Перуджи вышло огромное войско и направилось к владениям графа. В это же самое время с тыла к замку подбиралось несколько сот жаждавших мщения крестьян, которым теперь нечего было терять, а потому они приготовились биться до последнего. Замок Тразимено, построенный на песчаной косе и с трех сторон окруженный водой, был хорошо защищен от любого противника, но выдержит ли он нападение с двух флангов одновременно?

А тут еще словно из-под земли явилась целая армия детей. Весть об этом повергла графа в панику. Как, еще одно войско? Они окружают его с трех сторон! Но он скоро понял, что дети здесь ни при чем, и придумал, как их использовать. Навстречу детям вышла вооруженная стража в сопровождении капеллана замка, который в самых приятных выражениях передал

им приглашение графа погостить на живописном берегу озера. Пусть сделают привал, разобьют вокруг замка походный лагерь и ловят рыбу в озере сколько душе угодно. Граф Лудовико почтет за честь принять в замке тех, кто командует походом, и позаботится о том, чтобы у них ни в чем не было нужды.

Изумление Николаса сменилось радостью. Впервые за все время странствия владетельный господин с такой изысканной учтивостью приглашает его воспользоваться своим гостеприимством. Для простого подпаска это приглашение было подобно признанию его равным рыцарям, оно приобщало его к знати. Он гордо распрымил плечи, поправил драгоценный пояс и произнес:

— Я предводитель похода, а это мои советники.

Он показал на разнаряженную Матильду и покрасневшего как рак, застеснявшегося Бертольда. Тот предпочел бы отсидеться в лагере, но отказаться от приглашения не посмел, хоть до смерти боялся рыцарских замков — не зря же он сбежал из дома. Сказать твердое “нет” ему не довелось еще ни разу в жизни.

После того как Леонардо ушел, отряд стражников остался без командира. Долф? Он сразу же отказался. Рудолф ван Амстелвеен не ищет военной славы. Берто? Сильнее его не сыскать, но он низкого происхождения, а потому не в счет. Фредо был из рыцарского рода, Леонардо — купеческий сын и к тому же ученик. Но бывший крепостной Берто не может быть командиром, единогласно решили все. Так и вышло, что Бертольд, единственный из оставшихся с ними знатных отпрысков, стал командиром охранников...

Бертольд понятия не имел о том, как нужно командовать; робкий, трусоватый малый, он заливался краской, отдавая приказы, а высокомерная Матильда — та вовсю помыкала им. Дело кончилось тем, что охраной распоряжался его младший командир Берто вместе с Долфом, хотя оба числились его помощниками. Точно также Николас и Бертольд еще считались предводителями.

Прослышиав о приглашении в графский замок, Долф

задумался, не пойти ли ему вместе с Николасом и его знатной свитой. Петер тихонько дернул его за руку:

— Не нужно, Рудольф, оставайся лучше с нами.

— Но почему? Мне хочется посмотреть, как устроены изнутри итальянские замки. Может быть, такого случая и не будет больше?

Петер только головой качнул.

— Знатные господа не бывают ласковы без причины, — процедил он сквозь зубы.

— Ерунда! — отмахнулся Долф. — Граф — достойный христианин, его заинтересовало наше паломничество в Иерусалим.

— Заинтересовало? Итальянца? Скажешь тоже.

— Народ здесь набожный, — стоял на своем Долф, — сами юятся в тесных лачугах, а соборы отстроили будь здоров...

— Пройдохи они все, — твердил Петер, упрямством не уступавший Долфу, — и на крестоносцев им наплевать, если, конечно, из них нельзя вытянуть чего-нибудь. Но что может понадобиться от нас благородному господину? Подумай-ка сначала об этом.

Долф не понимал его. Он обратился к отцу Тадеушу:

— Петер говорит, что гостеприимство графа внушиает ему подозрения. А вы как думаете, дон Тадеуш?

— Мне трудно судить, — честно признался священник, — я плохо понимаю язык этой страны, но то, что я успел повидать, тревожит меня. Разоренные хутора, женщины, рыдающие в разграбленных селениях, вытоптанные поля и опустевшие загоны для скота, и мужчин совсем не видно. Похоже, война не обошла эти края, вот что мне не нравится.

— И я о том же, — вставил Петер. — Нужно ухом держать востро в таких местах, где еще недавно лилась кровь.

Долф кивнул. При всем своем неукротимом и жестком нраве Петер был на редкость проницателен, и Долф знал, что ему можно верить. Если Петер говорит, что дело нечисто, значит, так оно и есть. Долф остался в лагере и вместе с Петером отрядил на озеро рыбаков. Берто обшаривал побережье в поисках дичи. Фрида,

устроившись в уголке, начала перевязывать раны и промывать ссадины пострадавшим в пути. Каждый занимался своим делом, жизнь в лагере текла спокойно и мирно. Впервые за много дней ребята досыта наелись. А в это время под звуки охотничьих рожков и барабанный бой обитатели замка опустили подъемный мост. Николас, Бертолд и Матильда были встречены по-королевски. В трапезной их ожидал обильный ужин. У стен замка, прямо под открытым небом, не допущенные к столу знати простые смертные веселились, жгли костры, пекли рыбу на угольях, жевали доставленный из замка свежий хлеб и были счастливы наступившей передышке.

Судьба нанесла удар на заре следующего дня. В зарослях подлеска, к западу от песчаной косы, замелькали фигуры крестьян, их было не меньше сотни. Исполненные неукротимого гнева, вооруженные пиками, вилами, ножами и топорами, они выдвинулись из сумеречной тени кустарника и тут же замерли, будто ожидая чего-то, предпочитая держаться у основания береговой косы, чтобы не стать мишенью для графских лучников. Дети, не веря себе, терли глаза, испуганно жались поближе друг к другу. Что означает эта вооруженная толпа? Неужели крестьяне охотятся за ребятами?

С юга также надвигалась опасность. Ребята увидели внушительную рать, которую составляли всадники в полном боевом облачении, а за ними сгрудились пешие воины и множество лучников. Повозка, запряженная волами, тянула многоголовые осадные орудия. Не успели ребята и глазом моргнуть, как подошедшее войско отрезало подходы к замку с юга, и они оказались в ловушке.

Приготовления противника не ускользнули от графа Лудовико. Желчно усмехаясь, хозяин замка поднялся на галерею, опоясывающую башню, и оттуда наблюдал за осадой. Узкая полоска суши, на которой стоит замок, отрезана со всех сторон, о бегстве и помышлять нечего, но и врагов графа ожидал сюрприз: у стен замка, который они рассчитывали взять лобовой ата-

кой, их встретили полторы тысячи ребят с оружием в руках. Явь это или сон?

Вот уж преграда, которой никак не предполагали ни крестьяне, ни воины Перуджи. Граф от души посмеялся над теми и над другими. Люди графа высыпали на крепостные стены, во дворе в больших чанах кипятили воду и варили смолу. В подземелье замка за мощными запорами и непробиваемыми коваными дверями томились почетные гости графа, которых он торжественно принимал накануне. Лудовико досконально про-думал свой замысел.

Начальник стражи показался на зубчатой крепостной стене и оттуда крикнул оторопевшим детям:

- Кто у вас тут командует?
- Берто! — кричали одни.
- Рудольф! — отвечали другие.

Стражник объяснялся на ломаном германском наречии, и они понимали его.

Долф, Берто и Франк вышли вперед, чтобы лучше расслышать слова, доносившиеся со стены.

- Вы предводители этого похода?
- Нет! — крикнул наверх Долф. — Николас здесь главный.
- Николас и еще двое — наши пленники, мы оставляем их у себя в залог. Мы вернем их живыми лишь после того, как вы разобьете наших врагов.

Долф не верил своим ушам. Значит, Лудовико задумал выставить детей в качестве заслона от нападающих? Ну и подлец! “Выиграть время во что бы то ни стало”, — пронеслась мысль. Приставив руки ко рту, он прокричал:

- Не понимаю вас!

Он растерянно огляделся и подозвал Петера. Безумие какое-то! Не имеет он права положить здесь сотни детей, даже если сами они захотят прорываться с боем сквозь кольцо окружения. Ребята, как всегда, настроены воинственно, но дело кончится резней, да и кто поручится, что заложники еще живы?

Начальник стражи еще раз громко повторил свое требование, и на этот раз его услышали не только

Долф с друзьями, но и остальные ребята. Вопль ужаса прокатился в толпе.

— Они взяли нашего Николаса заложником!

Судьба двух других знатных пленников не очень беспокоила ребят, а Николас дорог им, потому что он такой же, как они сами, бедняк. Пусть неудача постигла их в Генуе, но они всегда помнили, что по воле Всевышнего крепостному мальчишке выпала честь возглавить крестовый поход. Николас был для них не просто предводителем, он был символом всех отверженных, которых Всевышний уравнивал с королями и знатью.

— Мы обдумаем ваше предложение! — крикнул Долф и обернулся к ребятам.

Петер, Франк, Берто и множество других окружили его; взгляды, полные надежды, устремились на него. Как же ему не хватало в эту минуту умницы Каролюса, спокойного и уверенного в себе Леонардо!

— Что будем делать? — в растерянности обратился он к ним.

— Биться, — сурово отвечал Петер, — но не с тем войском, что позади нас, будем прорываться в замок и освободим Николаса.

Долф покачал головой. Нет, он не может приказывать сотням детей броситься на верную смерть, на штурм неприступной цитадели.

— А что, если начать переговоры с врагами графа? — предложил Франк.

Берто бросил озабоченный взгляд через плечо.

— Они строятся в боевом порядке, выкатывают орудия, атака вот-вот начнется.

— Нельзя больше терять время, — решился Долф.

— Ищите белый флаг и длинную палку. Марики, Фрида, пойдемте со мной.

— Нет, не ходи! — закричала Марики. — Они убьют тебя.

— Они нас всех убьют, если я не пойду, — рассудительно заметил Долф.

Парламентарию положено быть безоружным, и потому Долф припрятал хлебный нож за подкладкой куртки, которую набросил на плечи. Фрида взяла в руки

белый флаг. Чуть позади нее шел Долф вместе с Марике. Он поднял руки, показывая, что не вооружен. Они почти вплотную подошли к передовым позициям войска у основания песчаной косы. Долфу стало страшно.

Предводитель воинов Перуджи пришпорил своего коня и выехал навстречу детям, подозрительно глядя на них.

— Вы из замка? — спросил он на тосканском диалекте. — С поручением от графа Лудовико? Передайте ему: пусть сдается без всяких условий, мы не пойдем на переговоры с ним.

Долф не понял и половины сказанного, несмотря на уроки Леонардо. Любознательная Марике всегда присутствовала на их занятиях, поэтому он и взял ее с собой. Правда, отдельные слова он понимал неплохо — не зря же он несколько недель странствовал по земле Италии. Впрочем, понимать иностранный язык — это одно, а говорить на нем — совсем другое. Он умоляюще воздел руки и заговорил, немилосердно коверкая и с трудом подбирая слова тосканского наречия, а то и просто заменяя их немецкими и латинскими:

— Поступайте с графом и его людьми как вам заблагорассудится, нам все равно. Мы крестоносцы, самые обычные дети, нас ждет Иерусалим. Граф Лудовико заманил нас в ловушку, а теперь принуждает сражаться за него, но это нам не по душе. Мы, крестоносцы, не воюем с рыцарями-христианами.

Понял ли его командир воинов? Удалось ли Долфу польстить ему, причислив простых горожан к рыцарям? Этот-то уж явно не из аристократов. Всадник все с тем же суровым и неприступным видом разглядывал детей.

— Умоляю вас, разрешите детям пройти, — просительным, почти заискивающим тоном упрашивал Долф.

— Ты кто таков? — буркнул воин.

— Мое имя — Рудольф ван Амстелвеен, я родом из графства Голландия, это моя сестренка Марике, а это Фрида, она у нас врачует больных.

— Что-то ты не похож на сына знатных родителей.
— подозрительно проворчал горожанин.

Долф в своей заношенной куртке и разодраных джинсах больше всего походил на нищего попрошайку.

— Я всего лишь бедный паломник, господин, как и любой из этих детей.

Марике тоже умоляюще сложила руки и устремила на всадника серьезный взгляд больших серых глаз. Грубое лицо воина потеплело. Может быть, дома он оставил дочку одних лет с Марике?

Явно колеблясь, он еще раз, поверх головы Долфа, посмотрел на ребят, которые сбились вместе у стены замка и молились о том, чтобы Долфу повезло. Но вооружение ребят — их луки, дубинки, топоры и копья — отнюдь не усиливало их сходство с безобидными странниками.

— А почем я знаю, что вы не в сговоре с графом? Может, вы тут для отвода глаз болтаете, а граф готовится к нападению? — бросил им предводитель.

Долф перевел дыхание.

— Позвольте нам отходить по частям, — упрашивал он. — Я не поверю, что вы станете воевать с детьми. Граф Лудовико вам заклятый враг, да и нам тоже. Он обманул нас притворным гостеприимством и обещаниями, а теперь хочет поставить под удар, чтобы спастись самому. Но мы не желаем воевать. Мы мирные крестоносцы-пилигримы и в военных делах не смыслим.

Говоря так, Долф вспомнил свою первую встречу с Леонардо. В ту пору он едва мог объясниться на древнегерманском наречии, теперь ему так же трудно справиться со средневековым итальянским. Язык не слушался, на память не приходили нужные слова. Он уже начал опасаться, как бы у него не получилось вовсе не то, что он хотел сказать. Произношение у него ужасающее, но итальянец, кажется, понимает. Во всяком случае, он ответил на тираду Долфа язвительным смешком:

— Смирные да кроткие, говоришь? Наслушались мы

о ваших похождениях. Мирные странники! Ватага разбойников, вот вы кто, и деретесь хоть куда.

— Если бы вы только знали, сколько опасностей нам пришлось изведать в пути, генералиссимо, — убедительно сказал Долф.

Ему показалось, что титул “генералиссимо” пришелся воину по душе.

Из толпы крестьян, стоявших рядом с воинами Пруджи, выступил коренастый человек и направился к месту переговоров.

— Мои люди желают знать, скоро ли мы начнем,
— бросил он, недоверчиво косясь на ребят.

Он говорил на диалекте, из которого Долф не понял ничего, кроме слова “начнем”, да и то потому, что человек подкреплял свою речь угрожающими жестами, показывая то на недовольных крестьян, то в сторону замка и вопрошающе глядя на всадника.

— Подождите! — рявкнул тот. — Я отдаю приказ, когда наступит время!

— С переговорами у вас ничего не выйдет, — продолжал крестьянин. — Нам нужна голова графа Лудовико.

— А мне, по-твоему, что нужно? Помолчи пока. Не с детьми же ты собрался воевать?

— Деточки? Бамбини? — насмешливо хмыкнул крестьянин. — Хороши детки, нечего сказать. Да они, словно туча саранчи, налетели на наши земли и растащили последнее, что осталось после разбоя Лудовико. Они нам столь же ненавистны, как и графское иго.

Долф уловил слово “разбой”, но гораздо больше слов сказали ему выражение лютой злобы и ненависти на лице крестьянина. Дело снова принимает опасный оборот. Он покорно сложил руки.

— Молю тебя, господин, дозволь нам покинуть эти места. Всевышний вознаградит тебя за твою доброту.

— Отпетый сброд! — взревел крестьянин. — Переянулись к нам после того, как император выкурил их с севера. Ничего, мы укоротим их рост ровно на одну голову.

Долф плохо понимал крестьянина, но взгляд, которым он сопровождал свою речь, не оставлял сомнений

в его намерениях. Долф распрямился, отбросил угодливую манеру и просительный тон и крикнул в лицо мужчинам:

— Тогда убивайте неповинных детей! Но попомните меня: ваши руки до конца дней будут запятнаны их кровью. Я уже не говорю о том позоре, которым покрывают себя солдаты, воюющие с детьми, неспособными даже постоять за себя. Делайте свое дело вместе с самим дьяволом. Расправляйтесь с детьми, заодно поднимите руку на святого отца, что находится при них, и вся Умбрия содрогнется от ваших мерзких действий.

Марике в ужасе затаила дыхание. Белый флаг в руке Фриды затрепетал. Крестьянин в бешенстве кинулся к мальчику, но всадник на лошади встал между ними.

— Как ты смеешь, Рудольф ван Амстелвеен? — вскричал он.

Люди той поры очень высоко ставили личную храбрость человека, пусть даже граничившую с дерзостью и нахальством, не был исключением и воин из Перуджи.

— Побожись! — приказал он мальчику, ставшему белее полотна. — Побожись всеми святыми, что дети-крестоносцы и вправду хотят уйти и никакой хитрости здесь нет.

Долф понял. Он достал из-под свитера медальон с изображением Богоматери и прильнул к нему губами, затем высоко поднял над головой.

— Пресвятая Дева свидетельствует о том, что я говорю истинную правду. У нас нет сговора с Лудовико, мы сами ненавидим его. Он хитростью заманил нас в ловушку, из которой мы не знаем, как выбраться.

— Аминь, — твердо произнесла Фрида.

— Аминь, — прошептала Марике и вновь устремила взгляд на всадника. — А теперь нам можно пройти? — спросила она на ломаном тосканском.

Дело решилось. Была ли тому причиной кротость хорошенъкой Марике или беспомощный взгляд ее больших серых глаз смягчил суровое сердце воина? А может быть, он опасался навлечь на свое войско пре-

зрение всех жителей Перуджи, которые узнают, что его солдаты сражались с малыми детьми?

— Даю вам час времени, — отрезал он. — Я прикажу своим людям беспрепятственно пропускать вас небольшими партиями, но запомни хорошенько: одно подозрительное движение, один брошенный в солдат камень — и мы сотрем вас в порошок. Понял?

Долф упал на колени, выражая свою благодарность.

— Вы благородный человек, генералиссимо. Мы будем молиться о вашей победе. Позвольте еще раз обратиться к вам с просьбой?

— Тебе все мало? — недовольно буркнул воин.

— Простите, господин, в замке содержатся трое заложников из наших, святой Николас, предводитель крестоносцев, и с ним двое детей знатного рода. Обещайте сохранить им жизнь, когда захватите замок.

Всадник изумленно уставился на него:

— Так у графа еще и ваши заложники? И вы так легко бросаете их?

Черт подери, ну и дела! Он внимательно рассматривал Долфа, и во взгляде его сквозило презрение.

Долф ответил:

— Мы надеемся, что ваши солдаты освободят невиновных.

— Ладно, ладно, поторапливайтесь. Через час мы начнем штурм.

Воин начал терять терпение, но Долфу не требовалось повторять дважды. Он неумело отвесил поклон и вместе с девочками поспешил в лагерь.

— Быстро! Строимся по двадцать человек в ряд. Ножи спрятать под одеждой. Луки и стрелы бросаем здесь. Пусть думают, что мы полностью безоружны, тогда нас пропустят беспрепятственно. Поторапливайтесь!

Какое облегчение снова говорить на германском наречии. Отец Тадеуш, Петер, Франк, Берто, Фрида, Труде, Марики, Карл, Марта, а также все стражники и охотники принялись собирать ребят, делить их на группы, строить в ряды и отправлять к позициям осаждающих. Воины, уже закрепившиеся в боевом порядке, расступились, пропуская детей. Ликование Долфа не

было пределов. Они вырвались из мышеловки. Хитрость графа не удалась.

Движение полутора тысяч детей не могло оставаться незамеченным. В замке быстро сообразили, что маленькие крестоносцы, вместо того чтобы выполнить требование графа, убираются вовсю. Граф возлагал надежды на эту живую преграду, что стала между ним и противником, но вот преграда стронулась с места и удаляется у него на глазах. Войско Перуджи пропускает детей.

Кипя от злобы, граф раздавал приказания. На отходящих детей обрушился град стрел, полетели горящие факелы. Ребята закричали, смяли ряды и в беспорядке рванулись вперед, прямо на цепи нападающих, где тут же образовалась зияющая брешь, достаточная, чтобы пропустить толпу. Еще несколько мгновений — и боевой порядок воинов был сломлен. Внезапно подъемный мост, ведущий к замку, опустился, и больше полусятни всадников молнией устремились по дощатому покрытию, намереваясь воспользоваться возникшим хаосом. Предводитель войска Перуджи заметил их, и его боевой клич разнесся над озером. Солдаты вновь сомкнули цепь. Последняя партия ребят, среди которых находились Долф, Марике и Петер, оказалась отрезанной от своих и зажатой между людьми графа и армией осаждающих. Сейчас разгорится кровопролитное сражение, и тогда им грозит неминуемая гибель.

Крестьяне тоже пришли в движение, кровь ударила им в голову при виде рыцарей Лудовико, всего неделю назад разбойничавших на их землях. Грубо отталкивая ребят, крестьяне с гневными воплями кинулись в бой. Долф обернулся и застыл на месте: прямо на него стремглав летел конный рыцарь. Позабыв обо всем на свете, мальчик выхватил свой нож и вонзил острие в круп лошади, которая заржала и взвилась на дыбы. Угодить бы Долфу под копыта, если бы один из крестьян мощным толчком не отбросил его в сторону, пока четверо других стаскивали рыцаря с седла. Поле боя, на котором сошлись защитники замка, воины Перуджи и мятежные крестьяне, являло ужасную картину. Полтысячи ребят, зажатых между воюющими

сторонами, яростно дрались, хватаясь за все, что только было у них под рукой — обломки мечей, камни, палки, они висли на ногах всадников и тянули их к земле. Они мешали воинам, путались у них под ногами, но отказать ребятам в смелости было нельзя. Многие видели, как упал Рудолф ван Амстелвеен. Они отомстят за своего командира!

Но Рудолф был жив и к тому же целехонек, а спасли его те самые крестьяне, что совсем недавно с ненавистью поминали маленьких крестоносцев. Он потерял равновесие и упал, рискуя быть раздавленным копытами лошадей. Никто не обратил на него внимания, когда он попытался подняться на ноги, держась под прикрытием распростертой на земле лошади. Он в отчаянии озирался вокруг. Где же Марике? Ее не видно. Зажав в правой руке окровавленный нож, а в левой — камень с острыми краями, он двинулся к лесу, где понемногу собирались уцелевшие ребята. Они тут же принимались за изготовление луков и стрел: оружие могло понадобиться в любой момент. Накал сражения на прибрежной полосе не ослабевал, бой шел на подступах к замку.

Исцарапанный, весь в ссадинах и ушибах, Долф благополучно добрался до леса. Навстречу ему вышла Фрида.

— Где Марике? — воскликнул он.

Никто не видел девочку. Он внимательно осмотрелся — отовсюду стягивались ребята. По их виду было ясно, что каждый шаг к спасению давался им с боем. Марике среди них не было.

Рыцари Лудовико не устояли перед напором противника, во много раз превосходившего их своим числом. Что за наказание эти дети, которые без малейшего страха словно обезумевшие набрасывались на всадника, не позволяя ему двинуться. Люди графа дрогнули и повернули вспять к подъемному мосту, но лишь семерым из них посчастливилось проскочить, остальные были настигнуты и уничтожены на месте. Впустив семерку уцелевших в замок, его защитники наглухо заперли ворота и поспешили поднять мост. Лудовико не сдавался, хотя уже было понятно, что,

имея под своим началом немногочисленный гарнизон да женщин с детьми, он не устоит против наступающего по трем направлениям врага. На галерее, опоясывающей замок, он собрал всех своих дворовых, которые еще держались на ногах и могли биться. Он все еще надеялся отбить атаку. Ребята в отчаянном порыве одним махом переплывали через ров и хватались за массивную цепь, на которой держался мост. Сверху на них обрушивались смертоносные стрелы, громадные булыжники, но тут крестьяне, позабыв о своих обидах, подоспели к детям на помощь, и, спустя короткое время, деревянный мост с глухим стуком рухнул на землю. Торжествующие возгласы разнеслись по всему побережью, когда в ворота крепости ударили тараны. После нескольких ударов тяжелые двери поддались, и крестьяне, воины, маленькие крестоносцы неудержимым потоком хлынули внутрь, по путиправляясь с каждым, кто оказывал сопротивление.

Лудовико осознал наконец, что все пропало и, ускользнув из замка, попытался на лодке пересечь озеро, но ребята заметили его. Десятка два рыбаков бросились в воду, им не составило труда догнать лодку с беглецом и перевернуть ее. Тяжелые доспехи потянули графа на дно. Десять ребят погибло... Замок графа Лудовико ди Тразимено пал...

Крестьяне принялись опустошать замок. Вскоре они бы и камня на камне не оставили от графского гнезда, если бы не вмешался предводитель воинов. Мощный форпост на берегу озера еще сослужит хорошую службу городу Перуджа. Граф погиб, почти все его рыцари и дворовые были вырезаны — цена человеческой жизни в те времена была невелика, в особенности среди тех, чьим ремеслом была война. Пленники отыскались в подвалах замка — семеро крестьян и трое детей. Все они были мертвы. Скорее всего, их уничтожили после того, как Лудовико убедился, что хитрость не удалась и детское воинство отходит.

Ребята, те тысяча двести крестоносцев, что остались живы, разбили лагерь на новом месте. В лесной чаще они чувствовали себя намного безопаснее, чем на открытой прибрежной косе, где на них обрушилась беда.

Они были вынуждены задержаться: раненым был необходим уход и покой. Фрида и несколько ее помощников целый день занимались только тем, что перевязывали раны, накладывали самодельные шины и примочки. В большинстве своем раны не были серьезными. Тяжелораненых Фрида потребовала доставить в замок, где они были немедленно приняты. На воинов Перуджи произвели большое впечатление "мирные" крестоносцы, которые дрались с ожесточенным упорством и помогли одержать быструю и сравнительно легкую победу.

Долф не мог прийти в себя, он бродил по лагерю, спрашивая каждого встречного:

— Не видели Марики? А Петера?

Смерть Николаса и его приближенных не слишком опечалила его. Он никогда не испытывал к Николасу ничего схожего с той привязанностью, которую чувствовал к Марики, Каролюсу, Петеру. Где же сейчас его друзья? С замирающим сердцем он отправился взглянуть на тела убитых, сложенные на берегу, пока воинырыли могилу. Оторвавшись от своего занятия, они с любопытством смотрели на высокого юношу в лохмотьях.

— Ищешь кого-нибудь?

— Сестренку...

Воины вырыли три большие могилы, одну для горожан, погибших в этом бою, другую для убитых детей, а третью для врагов. Мертвые тела положили в три ряда, отец Тадеуш ходил между ними, творя молитву. Но ни Марики, ни Петера среди убитых не было.

Где же они? Что с ними случилось? Что, если они утонули, запутавшись в водорослях? Или растоптаны копытами лошадей и обезображенены до неузнаваемости?

Проходили часы, но Долф не прекращал поиски. Он вызвался помочь воинам хоронить погибших, все еще страшась увидеть своих друзей среди мертвых тел. Видя тревогу Долфа, отец Тадеуш успокоил его привычными словами:

— Наберись терпения, сын мой. Господь сохранит тех, кто дорог нам.

“Как же! — в отчаянии думал Долф. — Карл погиб, и Марта тоже, утонул Маттис, рыбак, который не дал уйти графу, а ведь каждый из этих ребят всем сердцем был предан Всевышнему... Я думал только о себе, когда начинался бой, — сокрушился Долф, — я отбивался и бежал, спасая свою шкуру. А Марики в это время...”

Когда он возвратился в лагерь, было уже поздно. Навстречу ему бежал Франк, целый и невредимый, не считая того, что одна рука у него была на перевязи.

— Петер тебя ищет повсюду! Он хочет с тобой поговорить.

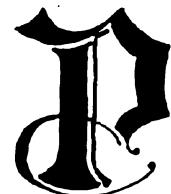
Петер!

— Где он?

— У костра, где же еще, и Марики с ним.

К немалому изумлению Франка, Долф опустился на землю, прямо тут же на камни и сосновую хвою, и слезы ручьем полились у него из глаз.

НАДГРОБИЕ СВЯТОГО НИКОЛАЯ

ебята продолжали путь. Это единственное, что им оставалось, — нескончаемый путь вперед. Возвращаться имело не больше смысла, чем двигаться дальше, к тому же возвращение означало неудачу похода. До сих пор еще некоторые ребята верили сказке о Белокаменном Городе, большинство же шли просто по привычке куда-то идти.

— А если Господь не осушит моря из-за того, что с нами нет Николаса, то он пошлет корабли, чтобы перевезти нас в Святую землю? — приставал малыш Тисс с расспросами к отцу Тадеушу, но тот повторял одно и то же:

— Благословенны все деяния Господа нашего.

Тяжелораненых оставили в замке Тразимено на попечение Фриды и ее помощников. Оправившись, они смогут остаться в Перудже. “Город весьма обязан ма-

леньким крестоносцам", — заверял ребят командир воинов. Ему пришлась по душе белокурая решительная Фрида. Он пригласил девочку к себе погостить. Дома храброго воина ждал его сын... Вместо нее ухаживать за ранеными осталась Труде, которой помогала Марике. За эти месяцы она сама научилась разбираться в недугах и увечьях.

Ребята достигли берегов Адриатики. На этот раз никому и в голову не приходило заклинать морские волны. Путники шли на юг вдоль песчаных отмелей, мимо топких болот, по пересеченной холмами местности. Море не оставит странников без пищи, но эту пищу сначала нужно добыть из его глубин, а ребята столкнулись с новой бедой. Малаярия! Тучи комаров осаждали путников. Крестоносцы думали, что лихорадка, накинувшаяся на них, вызвана ядовитыми испарениями с болот. Одному лишь Долфу было известно, что болезнь разносили комары.

Он распорядился ежевечерне разводить костры, чтобы отпугнуть комаров дымом, заставлял детей окунаться в море и после этого не вытираясь, а обсыхать на солнце.

— На коже сохранится тонкий слой морской соли, которая комарам не по вкусу, — говорил он.

Долф не знал, так это или нет, но ребята перестали быть лакомой добычей для комаров, и число больных сразу уменьшилось.

Однажды они сделали привал на берегу огромного озера, которое буквально кишило крабами. Ребята наслаждались обильным ужином, когда всех поднял на ноги крик часового:

— Всадник!

“Почему один? — недоумевал Долф. — Путешествовать по этим дорогам в одиночку отважится лишь очень храбрый и превосходно вооруженный человек”. Долф выбежал на дорогу и с любопытством всматривался в приближающееся облако пыли. Вскоре он разглядел человека, который что-то кричал, размахивая руками. Темнело. Долф непроизвольно схватился за нож. Хочет ли незнакомец предупредить детей об опасности или намерен прогнать их отсюда?

Как выяснилось, ни то и ни другое.

Перед ним был Леонардо Фибоначчи из Пизы.

Долф узнал друга, когда тот подлетел вплотную и придержал коня, взмыленного, покрытого хлопьями пены. Усталый Леонардо выскользнул из седла. Долф обнял друга.

— Уф-ф-ф!.. — выдохнул студент. — Ну и прогулочка...

. Долф онемел от радости, подскочила Марике и бросилась Леонардо на шею. Франк с улыбкой смотрел на них. Отовсюду с ликованием сбегались ребята.

— Леонардо! Леонардо приехал!

— Что-то я проголодался, — как ни в чем не бывало заметил студент.

Ребятам не нужно было повторять дважды. Пока Берто возился с измученной лошадью, Марике принесла Леонардо миску, до краев наполненную вареными мидиями, плошку супа из раков и парочку свежеприготовленных крабов.

— Неплохо вы тут устроились, как я погляжу, — проговорил юноша с набитым ртом. — Маловато у вас народа, я не всех вижу. А где остальные ребята?

Голос его звучал все так же весело, а взгляд посеревшевших глаз обежал лагерь.

— Многие остаются по пути, — пояснил Долф, — в каждом городе оседает полсотни ребят, не меньше. Нас и крестоносцами-то не назовешь теперь, скитаемся, словно бродяги, в поисках лучшей доли.

Леонардо кивнул.

— Почему ты поехал за нами? — поинтересовался Петер.

— Да так, — уклончиво ответил Леонардо. — Пиза мне быстро надоела, да и потом, наш город снова готовится воевать, на этот раз с Флоренцией, все мужчины станут под ружье, об учебе придется позабыть, а в мои ближайшие планы не входит ни идти на войну, ни жениться. Попытаю-ка я счастья при императорском дворе в Палермо. Отправлюсь туда зимой. Император Фридрих — просвещенный монарх, и я привезу ему кое-что интересное — тайну арабского исчисления.

Он с улыбкой взглянул на Марику.

— Я вижу, малышка, ты здорова и еще краше, чем прежде, но когда я дотронулся губами до твоей щеки, она была соленой.

— Это все из-за лихорадки, — ответил за нее Долф.

— После морского купания на коже остается соль, и комары кусаются меньше, а лихорадка появляется из-за укусов комаров, понимаешь?

— Откуда тебе это известно?

— Случайно узнал.

— Укусы комаров не ядовиты.

— А здешние ядовиты, — не вдаваясь в подробности, объяснил Долф, — они заносят отправу в кровь, и человек заболевает, от этого у нас умерло уже столько детей! Скорее бы кончились эти гибкие места.

— Вот бы тебе пойти со мной в Палермо — император обожает собирать умников у себя при дворе, — подразнил его Леонардо и снова внимательно посмотрел вокруг. — Я не вижу Карла и Фриды...

— Карл погиб в бою у Тразимено, а Фрида задержалась в Перудже.

— Слыхал я кое-что о битве у Тразимено, — с напускной небрежностью бросил Леонардо. — У нас побывал компаньон отца, купец из Перуджи, он рассказал, что пролилось много крови и предводитель детей-крестоносцев убит.

— Бедный Николас... — вздохнул Франк. — Упокой, Господи, его душу.

Леонардо замолчал, сделал еще глоток и поверх пламени костра посмотрел прямо в глаза Долфу. “Он решил, что меня убили, — пронеслось в голове мальчика, — вот и поспешил к нам. Или все-таки из-за Марики?”

— Какой был страх! — начала рассказывать Марику.

— Кругом бой идет, а я вижу: Рудольф падает под копыта лошади, я как закричу — думала, погиб. Тут Петер хватает меня и тащит куда-то. Я отбиваюсь изо всех сил, расцарапала ему лицо. Хотела вернуться к Рудольфу, а он утащил меня в лес.

Петер молча смотрел на огонь.

— Не обижайся на него, Марику, — поспешил всту-

питься Долф, — Петер спас тебе жизнь, я ему так благодарен.

— Я не просила меня спасать! — дерзила Марики.

— Я хотела найти тебя, я же видела, как ты упал...

— Ну и что из этого? — вдруг строго спросил Петер. — Рудолфа ничто не берет, он просто споткнулся, вот и все.

— Уж не знаю, правда ли, ничто меня не берет, — засмеялся Долф, — но разукрасили меня здорово, да и потом я три дня пластом лежал, пошевелиться не мог — так все болело. Я никогда не забуду, что Петер спас нашу Марики.

— Ты освободил меня из замка Шарниц, — все так же строго отвечал Петер, — теперь мы квиты.

— Я рад, что вижу всех вас живыми, — сказал Леонардо, оставляя свой шутливый тон.

— А Николаса больше нет, — с печальным вздохом продолжала Марики, — Бертольд и Матильда убиты... А помнишь Лену — ту девочку, что метко стреляла? Погибла. Карл, Вигбольд и Фридрих... тоже.

— Как маленький Тисс?

— Жив-здоров и весел, без умолку тараторит о том, как побегут от нас сарацины.

Долфу не давал покоя вопрос: почему Леонардо затаропился вдогонку крестоносцам? Ответа у него не было. Конечно, он счастлив, что друг снова рядом. Но кто поверит, что Леонардо променял беззаботную жизнь в родительском доме на скитания вместе с маленькими бродягами? Испугался, что Рудолф погиб и Марики осталась без своего защитника? А что Марики? Обычная девчонка, бездомная сирота. Хорошенькая, конечно, но образования никакого. Чтобы ради маленькой нищенки сын богатого купца проделал такой путь?

Они прошли Умбрию и вступили на землю королевства Сицилии, занимавшего в ту пору почти половину Италии. Голод терзал ребят, их кожа покрылась сыпью, тучи комаров и мошек облепили их. Под стать всему остальному и жители отлогого побережья — злобные, подозрительные, сущие дьяволы. Прокладывая себе путь в этих местах, ребята не раз брались за оружие. Они очень ослабли, одежда болталась на исхудавших

телах. Если прежде им недоставало соли, то теперь уж чего-чего, а соли было с лихвой. Леонардо поторапливал их: нужно скорее добраться до горных отрогов на крайнем юге.

...Наконец-то! Они вошли в древний город Бари, который очень удивил Долфа. Раньше ему не доводилось бывать в южной части Италии, и он плохо представлял себе, как выглядело это место в двадцатом столетии. Долф ожидал увидеть захолустный портовый городишко, каких тут было множество. Городишко, благополучие которого всецело зависит от капризов моря. Не таков был Бари — морские ворота юга, многолюдный, оживленный порт, где шла бойкая торговля с Востоком. На здешних улицах, как и в Генуе, попадались выходцы из всех известных в ту пору краев. Арабы в белоснежных одеждах, ниспадающих до земли; греческие мореплаватели, темный народ, того и гляди, обведут вокруг пальца; турки в пышных тюрбанах; персидские купцы в расшитых шелками халатах. Оружейные мастерские и верфи, бочарные и парусные цеха, прядильни — все это жило своей хлопотливой жизнью, принося изрядный доход в городскую казну. Над городом нависал романский замок Кастелло, могучий и неприступный. Церквей в городе было великое множество...

Леонардо уже знал, что его друг в каждом незнакомом городе первым делом отправлялся осматривать церкви и соборы (у Долфа сохранились привычки заядлого туриста двадцатого столетия), и теперь сообщил мальчику, что здесь, в Бари, он может любоваться ими вволю.

— Вот где ты можешь выставить напоказ свое благочестие, Рудольф. В Бари покоятся останки святого Николая.

— Святого Николая? — удивленно переспросил Долф, вспомнив убитого предводителя маленьких крестоносцев.

— Ну да, епископа Миры, покровителя всех мореплавателей и путешественников, заступника детей. Лет сто назад кучка мореплавателей выкрала его прах в Мире, и его захоронили здесь, в Бари. Горожане на

радостях выстроили церковь для своей реликвии, там и по сей день пребывают мощи святого Николая. Говорят, паломничество к ним исцеляет от всех недугов, отводит несчастья и вселяет храбрость.

— И храбрость? — спросила Марике. — Вот бы мне чуть-чуть...

— Лучше бы от несчастий нас избавил, — сказал свое слово Петер.

Каждый из них был по-своему прав. Ребята к этому времени совсем упали духом. Медленно, но уже окончательно наступала пора осеннего ненастяя. Пока их путь пролегал по сухому благодатному краю, идти между этими лесистыми холмами было одно удовольствие, но что там за ними? Куда идти дальше?

Долф загорелся этой идеей. Так вот где похоронен святой Николай, которого так любят дети, защитник всех слабых и обиженных, покровитель Амстердама, хранящий от беды мореплавателей, и добрый гений всех, кто делает для детей игрушки и всяческие подарки. Что там утверждает наука в двадцатом веке? Святой Николай — выдумка, такого человека не существовало в действительности?

Город Бари встретил маленьких крестоносцев на редкость дружелюбно. Может, и это дело рук святого? Ребят не гнали из города, жители просили их лишь об одном: раскинуть лагерь за пределами жилой части города, улицы, дома и набережные которого были и без того переполнены людьми. Но не чинили никаких препятствий тем, кто хотел у них работать или приходил в порт напоминаться на корабль, тем, кто направлялся в храм, чтобы испросить у Всевышнего душевной крепости. По тесным городским улицам группками разбредались ребята из Германии, они бегло объяснялись по-итальянски и дивились шумной толчее. Не удивительно, что многие из них остались попытать здесь счастья.

Дон Тадеуш, Марике, Долф, Леонардо, Петер и Франк отправились к базилике* святого Николая; спут-

* Базилика — здание прямоугольной формы, разделенное на несколько продольных частей рядами колонн, распространенный тип композиции христианских храмов.

ники Долфа — помолиться за упокой души бедного подпаска, а он сам — окинуть взглядом заядлого туриста все, что примечательно своей древностью и несет на себе отпечаток истории.

Храм, одно из великолепнейших творений архитектуры в романском стиле*, какие доводилось встречать Долфу, поражал своей красотой. Они спустились в часовню, расположенную под ним. Там в нише, высеченной из камня, покоились мощи святого Николая, обложенные цветами и дарами богомольцев. По натуре Долф был далеко не сентиментален, в нем преобладали сомнения и скептицизм человека его времени, но почему-то эта картина проняла его до глубины души.

Давным-давно жил священник по имени Николай, который заступался за нищих, гонимых всеми детьми, помогал странникам и морякам, путешествующим на суше и на море. Добрый человек щедро одаривал терпящих нужду, приносил удачу и радость людям (многое столетий о его дарах напоминают пряничные орешки). И такой человек — выдумка? Разве эти останки не доказывают, что он существовал? Трудно установить, кому принадлежал этот полуистлевший прах, но у Долфа не было на этот счет никаких сомнений. По наитию он уверовал в подлинность святого. Вслед за своими друзьями он преклонил колена и принял ис-тово молиться.

...Как-то на Николин день Долф получил игрушечного медвежонка. После четырехлетний карапуз с восторгом рассматривал картинку с изображением святого. С тех пор прошло одиннадцать лет, но воспоминание вернулось к нему. Он снова ощущал себя таким же маленьким и беспомощным перед лицом высшей силы, которая приносит людям добро. Ну и пусть ученые доказывают все, что им вздумается, а он, Долф, верит в этого святого. Помог же им святой Николай перевалить через Альпы! Кто, как не милосердный святой, спас детей в иссохшей долине реки По и не дал им погибнуть на земле Италии? Кто,

* Романский стиль — архитектурный стиль эпохи раннего средневековья (X — XIII вв.); отличается простотой, строгостью и массивностью.

наконец, помешал заманить их в Генуе на суда работорговцев?

От всего сердца Долф благодарил святого за то, что остался жив сам, за то, что спасена Марике, за то, что ему посчастливилось испытать настоящую дружбу и верность Леонардо, доброту и милосердие отца Тадеуша, за все испытания пролетевших месяцев. Он благодарил святого за то, что странник, навечно затерянный во времени, обрел надежду на будущее. Пусть даже в этом, тринадцатом веке...

На площади перед собором лежал, поблескивая под солнечными лучами, маленький ящичек, не замеченный никем.

ВЕСТЬ ИЗ БУДУЩЕГО

ва дня пути на юго-восток отделяют Бари от городка Бриндизи. Колонна крестоносцев, в которой оставалось теперь никак не больше тысячи мальчишек и девчонок, двигалась до него пять дней. Бриндизи слыл прибежищем морских разбойников. В эпоху Древнего Рима это был крупный морской порт, а построенная в те времена пристань сохранилась и по сей день. Теперь город захирел — не выдержал соперничества с Бари. Суда еще причаливали в местной гавани, хоть торговый люд был здесь весьма немногочисленным. В Бриндизи свозили товары, награбленные пиратами, здесь тайно процветали контрабанда и работорговля. В плотную к Бриндизи подступали необъятные оливковые рощи, главный источник городского дохода. Отсюда вывозили великолепное оливковое масло. Немалую прибыль жителям приносили контрабандный промысел и морской разбой. Помимо этого, они зарабатывали, перевозя крестоносцев и паломников в Палестину, поэтому говорить о полном упадке города не приходилось. И все же времена расцвета Бриндизи остались далеко позади.

Здесь помещалась резиденция епископа Адриана. Этому благочестивому и добрейшему из слуг церкви

стало известно о том, что воинство маленьких крестоносцев приближается к городским стенам. Сердце его обливалось кровью при виде оборванных, огрубевших детей. Он представлял себе нескончаемый долгий путь, который они прошли пешком... Какие ужасные испытания должны были преодолеть эти дети, чтобы оказаться так далеко от дома. Тридцать тысяч вышли в поход, и только одна тысяча из них дошла до Бриндизи — невероятно! Мифическая цифра — тридцать тысяч, впервые названная жителями Больцано, стала известна и в других итальянских городах, ее не опровергнуть и теперь.

Сострадательный епископ воззвал к горожанам, отказавшимся впускать в свои дома нищих оборванцев, но жители напомнили его преосвященству о дурной славе, которая сопровождала детей по всей Италии. Нет уж, за этими одичавшими разбойниками нужен глаз да глаз. Почтенные горожане согласились передать в лагерь одежду и припасы, большего епископу не удалось от них добиться.

Ребят не огорчил отказ жителей впустить их в город, им это было не впервой. Какая разница — остановиться лагерем у стен Бриндизи или какого-нибудь другого города? Лишь бы не голодать. Но относительному благополучию ребят наступил конец, когда зарядили осенние дожди. Осень в этом году рано пришла на смену сухому, жаркому лету и принесла с собой нескончаемые дожди. Дожди изо дня в день... Оливковые рощи, сплошь покрывающие холмистую местность, уныло мокли. Солнце, которое неделями согревало путников, теперь спряталось за тучами, набухшими влагой. Ветер гнал по воде зыбы, ловить рыбу становилось все труднее. Дрожа от холода, ребята слонялись по песчаным отмелям, натыкаясь на выброшенных прибоем моллюсков, развлекались, навешивая на себя ожерелья из ракушек, лепили замки из песка, но порывы штормового ветра и раскаты грома гнали их прочь от моря, под прикрытие рощиц на склонах.

Холод и сырость угнетали ребят, их пыл стал заметно угасать. Продуваемые со всех сторон ветрами, они еле-еле согревались у костра, ночью тесно жались

друг к другу, а просыпаясь утром, обнаруживали, что несколько человек умерли ночью.

Епископ Адриан посетил детей и позволил им укрыться в старинном полуразрушенном аббатстве, находившемся в получасе ходьбы от городских ворот. Там ребята могли хотя бы спрятаться от дождя, обсохнуть и переждать непогоду.

Сотни две больных простудами, бронхитами и туберкулезом епископ поручил заботам монастырей, остальные восемьсот человек добрались до заброшенного аббатства и принялись обустраиваться среди пыльных развалин. В момент относительного затишья между грозовыми шквалами ребята выскакивали за дровами; они смастерили грубые столы и скамейки из досок, натаскали соломы, служившей им вместо постелей. Лагерь крестоносцев напоминал теперь цыганский табор. Продолжать путь в такую непогоду было невозможно.

У всех было такое чувство, будто они дошли до самого края земли. Остался позади город Бриндизи, а что за ним? Ничего больше, полоса бесплодной, словно вымершей земли. Торная дорога, что привела их в Бриндизи, обрывалась за городскими стенами. Дальше, на крайний юг полуострова, можно было попасть только узкими, извилистыми тропами, где ноги вязли в грязи. Если отсюда не переправиться в Святую землю, то им ее никогда не увидеть. Епископ предостерегал ребят не доверять тем, кто возьмется перевезти их: это могли оказаться пираты.

Многие ребята, как водится, не послушались совета и нанялись матросами на корабли местных судовладельцев. С тех пор никто больше о них не слышал. Некоторые искали работу в городе. Но что делать тем семистам ребятам, что застряли в разрушенном аббатстве? Пожалуй, нечего.

Странствие близилось к концу. Бриндизи стал последним городом на пути крестоносцев.

Настал день, когда ливень утихомирился и проглянуло солнце. Сотни ребят высыпали во дворик аббатства, чтобы просушить одежду, погреться в лучах осеннего солнца. Долф и Леонардо промостились на

поросшей мхом каменной скамье напротив заброшенной часовни.

— Я тут нашел кое-что, — вдруг вспомнил Леонардо.

— Да?

Долф слушал его рассеянно, размышляя о том, что ему предпринять дальше. Он не верил, что ребятам удастся выбраться из Бриндизи, но оставаться здесь надолго нельзя.

— Смотри, — сказал Леонардо, доставая из кармана маленький ящичек белого металла, — как ты думаешь, что это такое?

Долф уставился на предмет, и голова у него пошла кругом.

— Это...это... — с трудом выдавил он, — алюминий!

— Как ты сказал?

— Алюминий, очень легкий металл. Как он попал к тебе?

— Я же сказал — нашел.

— Где?

— В Бари, на лестнице, ведущей к базилике святого Николая, прямо на улице. Мне эта коробочка показалась такой необычной, что я прихватил ее с собой, а потом забыл о ней. Повтори еще раз, как ты назвал этот металл?

— Алюминий. Дай мне взглянуть.

Долф чувствовал, как бешено колотится сердце. Был ли уже известен алюминий в тринадцатом веке? По всей вероятности, нет. Во всяком случае, это название ничего не говорит Леонардо.

Осторожно, словно мог обжечься, Долф коснулся ящичка и принялся рассматривать его. Крышка плотно вдавлена, он поддел ее ножом.

— Не сломай, — озабоченно предупредил Леонардо.

— Там что-то есть внутри.

— И в самом деле, письмо! — изумленно вскричал студент. — А пергамент до чего тонок!

— Это бумага, — выдавил Долф, побелев как полотно.

— Ничего не понимаю. Это буквы? Я не могу их прочитать, а ты?

Долф молчал. Он почти терял сознание, туманная пелена заволокла все перед глазами, напечатанные на машинке буквы расплывались. Он понимал только одно: письмо пришло к нему из будущего.

Наконец он смог прочитать:

“Дорогой Долф! Как только получишь эту записку, напиши ответ на ней же, засунь ее в этот контейнер и верни его на то место, где он лежал. Ни в коем случае не меняй порядок цифрового кода. Ровно через двадцать четыре часа мы снова пришлем контейнер. Мы хотим точно знать, где ты находишься. Доктор Симиак”.

Под этими строчками чернел длинный ряд цифр и знаков. Оборотная сторона записи пуста, здесь он должен написать ответ.

— Тебе плохо? — встревожился Леонардо.

— Да... то есть нет... Где ты нашел эту вещицу? — Долф не мог сдержать дрожь волнения.

— В Бари, когда мы вышли из часовни святого Николая. — Студент привычно окрестил себя крестным знамением. — Коробочка лежала на ступенях у входа в храм.

— Но прошла уже... уже целая неделя, даже больше! — в отчаянии прошептал Долф.

— Ну да.

Значит, когда ученые сделали первую попытку вернуть контейнер, его не оказалось на месте. Долф покрутился, противоречивые чувства охватили его. Скорбь, разочарование, страх и необъяснимое облегчение. Слишком поздно, опять слишком поздно.

Но откуда доктор Симиак узнал, что именно в этот день Долф будет находиться в Бари? Голова шла кругом. Долф закрыл глаза и прислонился к стене.

— Что там написано?

Леонардо встряхнул его за плечо.

— Рудольф, опомнись! Что все это значит?

— Не спрашивай пока ни о чем, — со слезами на глазах взмолился Долф. — Я...

Он вскочил и опрометью кинулся в здание. Ему нужно было побывать одному.

Забившись в самый дальний угол просторного зала,

в котором ребята устраивались на ночлег, он попытался привести в порядок *свои мысли*. Пока ясно одно: его ищут. Доктор Симиак не теряет надежды отыскать его во мраке прошлого, он уже совсем рядом! Долфа била лихорадка. “Почему не я нашел контейнер? Тогда еще не было поздно. Почему он попал в руки Леонардо, который понятия не имеет о том, что это такое?.. А если бы я нашел его, — в замешательстве подумал Долф, — так ли уж счастлив был бы я?”

Странно, но он не мог ответить на этот вопрос. Хочет ли он вернуться домой, к родителям? Конечно! И все-таки...

Хочет ли он назад, в свое время, в родной город, в школу?

Он бросил взгляд вокруг. Солнечные лучи пробивались сквозь дыры в крыше и освещали убогую обстановку. Прямо на грязном полу брошены охапки сена, сухой травы — и это постели! Повсюду разбросаны нищенские пожитки. Вон там в углу двое ребят, они еще не встают после малярии. Со двора доносились голоса детей, занятых игрой или немудреными повседневными делами.

Мало-помалу все начали понимать, что Бриндизи — последняя остановка на их пути. Отсюда им не выбраться, дальше дороги нет, возвращаться теперь, когда зима на пороге, тоже невозможно.

Они просто ждали. Ждали, сами не зная чего. Среди полуразрушенных стен, под дырявой крышей. Кое-как перебивались подаянием или тем, что удавалось раздобыть самим. Семьсот детей, затерявшихся вдали от дома, брошенных на произвол судьбы, и каждый из этих семисот дорог ему.

И теперь покинуть их, едва ему самому представилась возможность вернуться? Он не знал, как поступить. Он все еще чувствовал себя в ответе за этих детей. Куда деваться этим маленьким отверженным, которых никто нигде не ждет? Марике, Франк, Петер, Берто — что им в этой жизни?

Он нервно теребил записку. “Не для того я уберег Марике и благополучно привел ее в Бриндизи, чтобы оставить здесь на волю случая”, — горестно шептал он.

Он и сам не мог объяснить почему, но мысли его обратились к маленькому Каролюсу, воспоминания о котором до сих пор причиняли ему жгучую боль. Долф знал наверняка, что маленький король Иерусалима ни за какие сокровища мира не согласился бы оставить своих подданных в беде. “Каролюс, помоги мне, — обратился он к погившему другу. — Я не знаю, что делать, если снова получу такое письмо”. Он был уверен, что на этом доктор Симиак не прекратит свои поиски.

Он перечитал записку и задумался над словами: “...ни в коем случае не менять порядок цифрового кода”. Этот код так важен потому, что ученые отправили такие же сообщения и во множество других мест...

“Если это так, — все еще теряясь в путанице мыслей, размышлял он, — то им должно быть известно, что я шел дальше вместе с маленькими крестоносцами, они попытаются нащупать мой след по всему пути крестового похода детей. Увидеть меня они не могут, вот и подбрасывают такие контейнеры по маршруту крестоносцев, надеясь, что когда-нибудь одна из посылок все же попадется мне на глаза. Но все-таки... Откуда они знают, что я иду с крестоносцами?”

— “Тот мальчишка! — осенило его. Парень, что вскочил вместо меня на камень и был заброшен в двадцатый век. Он рассказал им о крестовом походе детей, с которым шел сам. Неужели они догадались, что у меня не было иного выхода, кроме как пойти с колонной? Но известно ли в двадцатом веке что-нибудь о нашем безумном предприятии? Маршрут похода, города, в которых мы побывали? В школе мы такого не проходили”.

Как бы там ни было, контейнер у него на ладони неоспоримо свидетельствовал о том, что транслятор материи восстановлен и работает вовсю. Долф заставил себя рассуждать логически.

“Леонардо наткнулся на него у входа в церковь святого Николая. Предположим, что базилика сохранилась до нашего времени. Мой отец мог сказать им, что моя слабость — старинные храмы. Ну и что? Станут они забрасывать свои контейнеры во все церкви Европы,

чтобы отыскать меня? Чушь какую-то несу... — вздохнул он. — Наверняка в двадцатом веке известно о крестовом походе детей. Возможно, они пригласили консультанта-историка или перерыли библиотеки. Навряд ли это письмо попало в Бари по чистой случайности. Интересно, повторят ли они свою попытку в Бриндизи?"

В зал влетела Марике и бросилась к нему, опустилась на колени и с тревогой выпалила:

— Леонардо сказал, ты болен. — Она положила руку ему на лоб. — Да ты весь горишь.

— Нет, со мной все в порядке.

— А у нас новости, — возбужденно поведала Марике, — дон Тадеуш получил приглашение от епископа, который завтра утром ожидает у себя наших предводителей. Рудольф, я боюсь, что горожане просто хотят избавиться от нас.

— Ничего удивительного, — огорченно бросил Долф.

— Куда же нам деваться? Можно ли идти дальше?

— Не знаю.

— Ты заметил, что Леонардо тоже расстроился? Мне кажется, и он не знает, куда идти дальше.

Долф подавил тяжелый вздох.

— Но он же не бросит нас тут совсем одних, — продолжала тараторить Марике, — он сам это говорил. А еще он говорил, что Франк, Петер и Берто поступят к нему на службу и он отправит их учиться.

— Здорово.

— Еще бы. А ты почему прячешься здесь? Смотри, какая чудесная погода.

Он потрепал девочку по плечу, не отрывая глаз от полоски солнечного света, в которой кружился столб пыли. "Малышка, что же с тобой будет? Не могу я взять тебя с собой..."

— Почему ты плачешь, Рудольф?

— Я не плачу.

Это была неправда. Как все опять запуталось!

Вечером Долф решился. Когда все собрались за ужином, он достал ящичек, принесенный Леонардо, и показал его ребятам.

— Посмотрите как следует на эту вещицу. Если кому-нибудь из вас попадется такая же, где бы вы ее ни нашли, тут же возьмите ее, обязательно пометьте место, где она лежала, и сразу же несите мне...

Дети ничего не поняли, но каждому хотелось поближе рассмотреть таинственный предмет, который переходил из рук в руки, удивляя всех своей невесомостью.

— Что это такое? Зачем это тебе? Для чего нужно замечать место?

Вопросы сыпались, а ответить ему было нечего.

— А вдруг это колдовство какое?

— Да нет же, дети, ничего подобного. Просто кто-то из моих земляков обронил здесь этот ларчик.

— Так-таки обронил? — заинтересовался Леонардо.

— Студент был слишком умен, чтобы верить его рассказам. — Интересно, как это можно просто обронить такую дорогую вещь?

— Этот ларчик ценен лишь для того, кто понимает в нем толк, — отозвался Долф. — Ты прав, Леонардо, подобные вещи просто так не роняют. Это означает, что мой отец ищет меня. Он не знает, где я, и его люди повсюду оставляют знаки, смысл которых понятен только мне. Отец надеется, что я вернусь, понимаешь?

— Твой отец?

— Ребята, выручите меня! — обратился к ним Долф. — Я помогал вам чем мог, а теперь мне нужна ваша помощь. Это очень важно для меня.

Ребята, у которых не было причин не доверять Долфу, согласно закивали, один лишь студент с большим сомнением смотрел на мальчика. По-видимому, ему представлялся довольно странным способ искать человека, разбрасывая по всему свету таинственные ларчики. Он прав: этот способ не из лучших, но что же делать, если в распоряжении ученых нет ничего, кроме машины времени, и необходимо отыскать человека, затерявшегося во времени больше семисот шестидесяти лет тому назад?

На следующий день дон Тадеуш, Долф, Леонардо,

Франк и Берто отправились на аудиенцию к епископу, а Петер со своими рыбаками — на берег моря.

Франк и Берто остались на страже у входа в резиденцию епископа, скромную каменную постройку. Внутрь вошли только Долф, священник и студент. Почтенный прелат ожидал их в своем кабинете в окружении секретарей, нескольких торговых людей и моряков.

После традиционных почтительных приветствий и целования руки епископа гостям было задано несколько вопросов, а затем преподобный отец перешел к сути дела. Он объяснялся на латыни, и спутникам Долфа не составляло труда понять его, но сам мальчик потерял нить разговора. Пришлось Леонардо выступить переводчиком.

— Ясно как божий день, — говорил епископ, — что дети, нашедшие пристанище в руинах аббатства, не могут продолжать свой поход, ибо дороги ведут только до Бриндизи. Да и возможно ли, чтобы семьсот малолетних детей переплыли море и приступом взяли Иерусалим? Какой здравомыслящий человек поверит в это? Таким образом, им остается одно — возвратиться туда, откуда они пришли.

“Так я и думал, — с беспокойством размышлял Долф, — избавиться от нас хотят. Куда же нам деваться?”

В разговор вступил дон Тадеуш:

— Монсеньор, ваши слова свидетельствуют о мудрости и благородстве, но все дело в том, что у этих детей нет на родной земле дома, куда они могли бы вернуться, — большинство из них неприкаянные сироты.

— Мне известно об этом, — негромко заметил епископ. — Обратный путь в преддверии зимы чреват многими опасностями. Детям не удастся перевалить через горы на севере до первых снегов, но и у нас в Бриндизи им более оставаться непозволительно. Мы достаточно позаботились о них, но целую зиму кормить сотни детей мы не можем. Расселить их в городе нельзя, ибо у нас собственных жителей в избытке, да и некуда нашему городу растя: Бари мешает нам.

Леонардо кивнул. Лицо его, всегда сохранявшее на- смешливое выражение, было очень серьезно. Дон Тадеуш в бессильном отчаянии поднял сжатые руки к небу.

— И все же, — продолжал епископ, — помочь этим детям — наш христианский долг.

Он указал на купцов и мореплавателей, стоявших поодаль.

— Мы сговорились с богатыми купцами и надежными капитанами судов, которые перевезут детей в Венецианскую республику на своих кораблях. С детей не возьмут платы, достаточно, если они будут помогать команде. Их разместят на восьми кораблях, груженных товаром. В Венеции вы перезимуете, я вручу вам рекомендательные письма к епископу и правителям республики с просьбой приютить детей в городе до будущей весны и, поелику возможно, снарядить их в обратный путь на родину. Тем, кто пожелает навсегда поселиться в Венеции, это будет позволено. Мне известно, что среди вас есть много способных и разумных детей, которые не чураются любой работы, хоть за время долгого пути вы и отвыкли от послушания старшим...

Епископ остановился. Леонардо быстро переводил Долфу основное.

— Другого выхода у нас нет, — твердо закончил епископ.

Дон Тадеуш опустился на колени и припал губами к перстню прелата.

— Благодарю вас, монсеньор, — проговорил он, — Господь да вознаградит вас за вашу доброту.

— Встаньте, дон Тадеуш, не меня нужно вам благодарить, а Всеышнего, что просветил нас мудрым решением. Через три дня корабли уйдут в море. Подготовьте детей к плаванию. Подробности вам сообщат хозяева судов. Прощайте. Да благословит вас Бог...

На том и завершилась аудиенция. Долф был на седьмом небе от счастья. Теперь, когда будущее ребят устроено, он может со спокойной совестью вернуться домой, если только...

Франк и Берто с нетерпением ожидали появления

друзей, и ребята поспешили обрадовать их известием о предстоящем отъезде.

— Я не поеду с вами в Венецию, — быстро сказал Леонардо, — я собираюсь в Палермо ко двору императора Фридриха.

Вместе с купцами и моряками они направились в гавань осмотреть корабли, которые показались Долфу утлыми суденышками, зато отца Тадеуша их вид вполне удовлетворил. Видно, ему эти калоши представлялись достойными бороздить моря.

Долф не был уверен, как ему поступить: расстаться с Леонардо и отплыть в Венецию или задержаться в Бриндизи на случай, если послание доктора Симиака снова придет сюда? Колебания друга не укрылись от Леонардо.

— Ты скорчил такую мину, будто Венеция тебе не подходит. Пойдем тогда со мной.

— Я еще не знаю, — признался Долф. — Отец разыскивает меня, а если я уйду, он никогда не найдет меня.

— А ты хочешь, чтобы тебя нашли? — серьезно спросил студент.

— Да, теперь да.

— Тогда оставайся здесь и жди.

— Пожалуй, ты прав... А как же Марике?

— А в чем дело?

— Отец отыщет меня, и я вернусь домой, но я не смогу взять с собой Марике, то есть я очень хочу этого, но просто не могу.

— В этом нет нужды, — невозмутимо отрезал Леонардо. — Она остается со мной.

— Ты серьезно? Дружище...

Изумлению Долфа не было пределов, когда студент, отвернувшись, заговорил снова:

— Ты хоть раз внимательно посмотрел на нее, Рудольф? Милее ее на свете не сыскать. Я привезу ее в дом своих родителей, ей нужно учиться. Затем вместе с Франком и Петером я отправлюсь в Палермо и, если мои услуги понадобятся императору, вызову туда же и Марике. Мы поженимся с ней.

— А если она не захочет?

— Захочет, когда ты не будешь крутиться поблизости.

Смысль этих слов не сразу дошел до его сознания, затем на мгновение его захлестнула ревность, вполне понятная в таких обстоятельствах, но потом он рассудил, что лучшей доли для Марике и пожелать нельзя. Она превратится в хорошенькую девушку, миловидную, заботливую, сообразительную. К Леонардо она относится почти с такой же нежностью, как к Долфу.

— Она совсем девочка еще...

— Одиннадцать. Через три года она достигнет брачного возраста.

Долф знал, что в те времена выдавать замуж тринадцати- и четырнадцатилетних девушек было самым обычным делом, особенно в знатных домах.

— Твоя семья не будет против? У нее же ничего нет.

Леонардо усмехнулся:

— У нее есть золотое сердечко, а это лучшее приданое.

Долф потупился. На душе было тяжело. Через несколько дней он простится с ними навсегда. Он вздохнул и отвернулся. К нему спешил Франк.

— Рудолф!..

— Погоди, — перебил его Долф, — не хочу ни о чем говорить сейчас.

— Но...

Долф направился было в аббатство — ему хотелось повидаться с Марике. Франк схватил его за руку:

— Ты же сам говорил вчера, как это важно.

— Ну что еще?

— Ларчик.

Долф застыл на месте.

— Ларчик? — спросил он, и у него перехватило дыхание.

Маленький подмастерье-кожевник достал коробочку из легкого металла.

— Ты о таком говорил?

Долф порывисто схватил коробочку.

— Где ты ее взял?

— Нашел сегодня утром.

— Где? Место запомнил?

— В городе. Я увидел ее под ногами, когда мы с Берто ждали вас у дворца епископа.

— Когда это было?

— Точно не могу сказать — вы были на приеме у епископа.

“Часов десять утра”, — лихорадочно соображал Долф. Едва сдерживая дрожь, он подцепил крышку и открыл коробочку. Внутри была записка, в точности такая же, как и в первый раз. Только цифры другие.

— Наверно, сразу было нужно показать тебе, — оправдывался Франк, — но, когда вы вернулись и рассказали нам о Венеции, я позабыл обо всем на свете.

— Не беда. Думаешь, мы сможем найти это место?

— Конечно.

— Тогда пошли.

— Что ты собираешься делать?

— Пойдем в город, я должен посмотреть, где лежал этот ларчик.

Не прошло и получаса, как ребята опять появились на Соборной площади Бриндизи. Франк показал на улочку, выходившую на площадь. Улочка вела к резиденции епископа.

— Мы с Берто стояли вон там, спиной к стене, вдруг я вижу, что-то блестит под ногами, и вот...

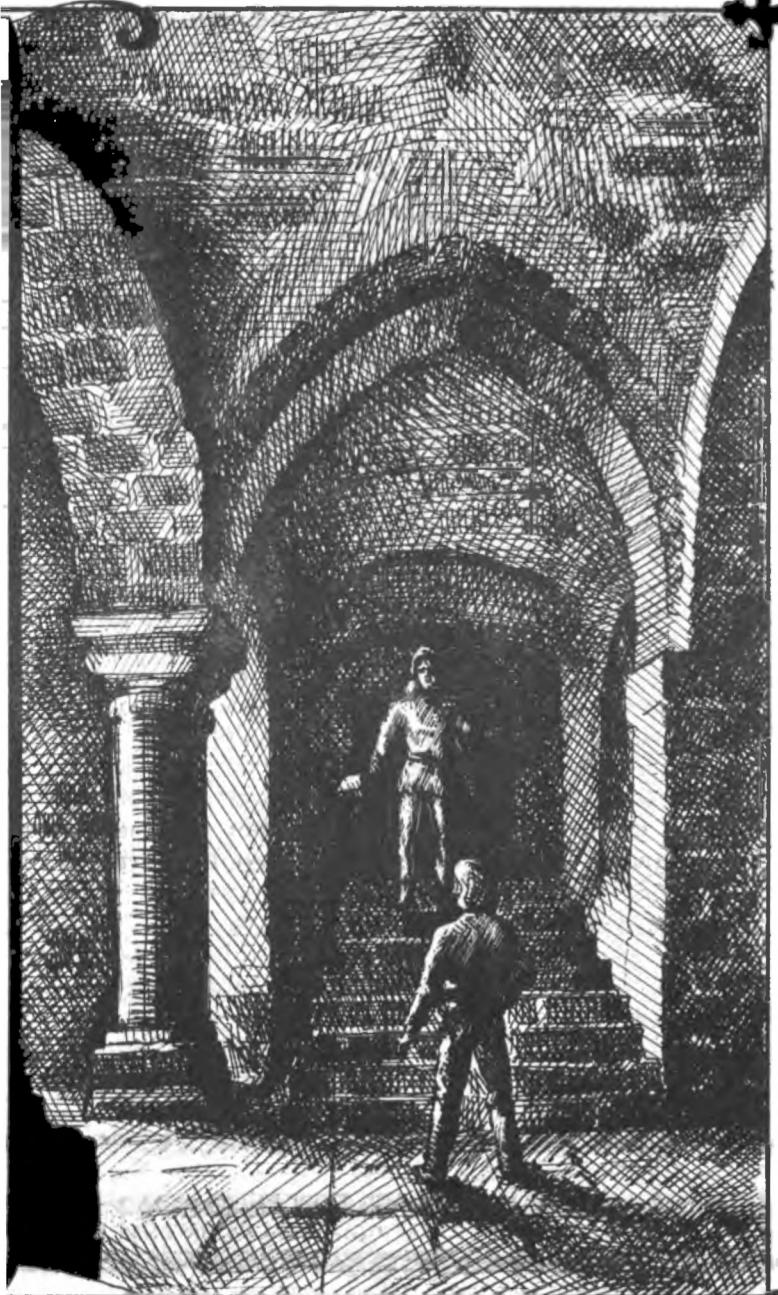
— Так, понятно. Ты уверен, что он лежал именно там, у стены и ни на метр дальше? — настойчиво расспрашивал Долф. Он с сомнением посматривал на выщербленную мостовую — куски засохшей грязи, пыль, мусор и никаких особых примет.

— Я стоял здесь, — продолжал Франк, — точно помню, что выступ стены приходился мне как раз между лопатками, ноги вот так... да. И вдруг вижу: блестит у левой ноги. Все точно, на этом камне.

Палец Франка уперся в грязь. Наклонившись, Долф разгреб слой грязи и удовлетворенно кивнул.

— Нужно пометить это место, чтобы завтра я сразу нашел его.

Он оглянулся в раздумье. Скромный вход в канцелярию епископской резиденции подсказал ему, как поступить.

— Подержи-ка здесь руку, Франк, и жди меня так. Я мигом.

Долф распахнул дверь и влетел в канцелярию. Он спросил секретаря епископа и после долгих объяснений был допущен к нему.

— Синьор, — заговорил Долф на своем ломаном итальянском, — позвольте обратиться к вам с просьбой. Нельзя ли мне воспользоваться вашим письменным прибором? Мне необходимо отправить письмо своему отцу.

— Ты обучен грамоте? — изумился монах, косясь на лохмотья мальчишки.

Он подвинул Долфу чернильницу, стоявшую перед ним, и вручил гусиное перо. Раскрыв рот, монах следил, как нищий оборванец достал из кармана белый листок, погрузил перо в чернила и начал старательно выводить буквы неизвестного языка.

— Не могли бы вы сказать мне, какое число... день у нас послезавтра?

— Послезавтра? Святого Маттеуса, разумеется.

— Ах, да...

На самом деле Долф и представления не имел, что это за дата такая, пусть они там дома разбираются. На другой стороне листочка, который прислал ему доктор Симиак, Долф написал: "Нахожусь в Бриндизи, координаты на обратной стороне. Через сутки, после того как получите ответ, буду находиться на этом же месте. День святого Маттеуса, числа не знаю. Заберите меня отсюда. Долф".

Получилось не очень аккуратно: гусиное перо царапало бумагу и разбрызгивало чернила, слишком густые для тонкой бумаги, ведь ими писали на плотном пергаменте. Затем пришлось долго ждать, пока чернила высохнут.

— Это письмо для епископа? — любопытствовал секретарь. — И что это за пергамент, столь мягкий и тонкий?

— Мы называем его бумагой, — уклончиво пояснил Долф. — Синьор, не могу ли я позаимствовать у вас эту чернильницу на короткое время?

— Позаимствовать?

Подозрительность итальянца была понятна Долфу.

Еще бы! Такой изящный алебастровый сосуд. Он умоляюще сложил руки.

— Прошу вас! Мне нужно лишь немного чернил, а чернильницу я верну вам в целости и сохранности.

— Зачем тебе чернила?

— Хочу начертить крест, вон там, перед домом.

— Как, на улице?

— Пойдемте со мной, увидите сами, что ничего дурного я не делаю. У меня на родине так поступают благочестивые люди.

— Что ж, пошли.

Долф появился на улице с алебастровой чернильницей под мышкой, сердце его радостно билось, секретарь поспешал за мальчиком. Долф приблизился к Франку.

— Ну-ка взгляни, — позвал он мальчишку.

Он тщательно очистил кусочек мостовой от наслонения грязи — руками, естественно, — затем приподнял чернильницу и осторожно наклонил ее так, чтобы чернила переливались через край, оставляя несмываемую отметину на том месте, где Франк только что держал руку. Он постарался придать своему знаку очертания креста, зная отношение людей средневековья к знакам благочестия. Затем он поднялся и вернулся чернильницу недоумевающему монаху.

— В вашей стране молятся Господу на улицах? — спросил тот.

Ну как было Долфу объяснить ему свой странный поступок? Он лишь дружелюбно улыбнулся и поблагодарил секретаря, которому ничего не оставалось, как удалиться. Долф еще немного постоял рядом с Франком.

— Подождем, пока высохнет как следует.

— Что все это значит? — прошептал верный друг.

— Ты делаешь какие-то непонятные вещи.

Долф молча смотрел на черный крест. Завтра утром он положит контейнер на это место и будет наблюдать за ним. Если все пройдет благополучно, через день он сам будет стоять на этом же камне и тогда, может быть...

Он продолжал стоять, ожидая, пока высохнут чер-

нила; спустя четверть часа потер изображение рукой, потом послюнявил пальцы и потер еще раз, наконец потрогал носком ботинка.

— Все в порядке, можно возвращаться. Спасибо тебе, Франк, ты даже сам не знаешь, как ты выручил меня.

— Скажи, Рудольф, ты колдун?

— Что ты! Я просто очень хочу попасть домой. Люди моего отца, которые разыскивают меня, увидят крест и сразу поймут, что я здесь.

— Да, — ответил Франк, — наш поход закончен.

— Зато какие замечательные приключения у нас были, — подхватил Долф, — тяжело, конечно, но интересно ведь. Мне очень повезло, что удалось столько всего пережить вместе с ребятами.

— И даже выжить, — добавил Франк.

— Это уж точно!

Долф положил руку на плечо товарища.

— Франк, я скоро отправлюсь домой, но тебя я никогда не забуду. В самое трудное время я всегда мог положиться на вас с Петером. Правда ли, что вы остаетесь с Леонардо?

— Нет, — ответил Франк, — мы с Петером и Берто едем в Венецию, и дон Тадеуш с нами. Мы пройдем путь до конца.

Долф понял. Он научился уважать непреклонное упорство этих людей далекого прошлого.

Веселая суета царила в разрушенном аббатстве. Дети, возбужденные предстоящим отплытием в сказочную Венецию, собирали и укладывали немудреные пожитки. Леонардо и Марике нигде не было видно: они пошли в город, чтобы договориться с капитаном, который через несколько часов повезет их в Пизу.

Рано утром следующего дня Долф уже поджидал в заветном уголке на улице, ведущей к резиденции епископа. Он положил металлический ящичек в самый центр нарисованного креста и сел рядом, чтобы случайным прохожим не пришло в голову отбросить с дороги непонятный предмет или подобрать его. Мимо прошел секретарь епископа и недоуменно пожал плечами.

чами. Долф ждал, ежеминутно глядя на часы. Ровно без четверти десять ящичек исчез.

Долф застыл на месте, сердце его то учащенно билось, то замирало. Он не мог отвести взгляда от опустевшего камня. Алюминиевый контейнер пропал. Приборы все рассчитали точно, машина времени работает! В этот самый миг доктор Симиак наверняка уже читает его записку. Возгласы радости. Бежит к телефону... «Долф нашелся! Мы все-таки отыскали его! Через двадцать четыре часа он будет здесь. Коллега Кнефелтур, заряжайте передатчик материи на полную мощность!» Что-нибудь в этом роде...

Полил дождь. Потоки грязной воды неслись в канавах, вода заливала крест, но чернила не смывались. А Долф все не мог заставить себя подняться и уйти отсюда. Завтра... завтра он увидит родителей...

Он вымок до нитки, но продолжал все так же сидеть, уронив голову на колени, и слезы текли по его лицу.

— Рудолф ван Амстелвеен, что с тобой? — прозвучал над ним голос, полный дружеского участия, и ласковая рука легла на плечо.

Дон Тадеуш! Он вернулся из гавани, где завершаются последние приготовления к отплытию.

Долф кое-как поднялся.

— Я возвращаюсь домой, — прошептал он, — мой отец отыскал меня.

Он в волнении схватил священника за руку.

— Вы понимаете, что это значит? Я увижу маму!

— Так ты не едешь с нами в Венецию?

— Нет, мне уже не нужно, я смогу вернуться домой. А вы как же? Остаетесь с детьми?

— Я не покину их до той минуты, пока они не сойдут на берег в Венеции, и каждый из них будет хорошо устроен.

— Какие замечательные люди живут в этом веке!

— не удержался Долф.

— Я не понимаю тебя, сын мой.

— Я хочу сказать, — не очень уверенно поправился мальчик, — что мне так грустно уезжать отсюда и знать, что все это канет в прошлое.

Он обвел рукой вокруг себя: дома, тесно прилепив-

шиеся друг к другу, почти все сплошь из дерева, площадь перед собором и разбегающиеся от нее во все стороны кривые улочки.

— Весь этот мир... Я хочу сказать, ничего этого уже не будет, все изменится, вот чего мне жаль. Раньше это время мне казалось захватывающим. Я выдумывал доблестных рыцарей в латах и на белых конях, юных красавиц, менестрелей и... Я думал, увижу, как возводились знаменитейшие соборы, полюбуюсь живописными празднествами торговых и ремесленных гильдий. А все повернулось по-другому. Я и в замке-то ни в одном толком не побывал, и турнир не посмотрел, а уж рыцарям в полном боевом облачении старался и вовсе не попадаться на глаза. Зато я повидал эту землю и крестьян, которые трудятся на ней, нищих бедняков и этих заблудившихся в своем странствии детей; видел простой народ, а не тех знаменитых феодалов, о которых начитался в романах. А люди... иной раз они бывали невежественны и злы, но сколько необыкновенных людей я повстречал тут... Я многому научился у них и у вас, отец Тадеуш.

— У меня? Чему же?

— Милосердию, любви к людям, верности.

— Это христианский долг всякого, сын мой.

— Но разве вами руководил долг, а не чувство?

“Чувство любви к ближнему, позабытое людьми, — задумался Долф, — ну не полностью, конечно, забытое. Вон в двадцатом столетии целая система общественного обеспечения не дает умереть с голода инвалидам, больным, неимущим, которых в прежние времена ждала неминуемая гибель... Все так, но куда же делась любовь, просто любовь к человеку, ради спасения которого дон Тадеуш готов пойти даже на обман. Мы забыли о ней, подменив теориями, которых у нас в десять раз больше, чем самого чувства”.

Ночью Долф почти не спал. Сумбурные мысли роились в голове, но стоило ему забыться, кошмары начинали преследовать его. Перед ним возник граф фон Шарниц и требовал полсотни пленников; всплывало искаженное злобой лицо властелина замка Тразимено, который хотел отрубить ему голову; на него галопом

неслись всадники, они растопчут его прежде, чем он успеет выхватить нож. Боясь проспать, он поминутно открывал глаза и поднялся ни свет ни заря. В сумерках он различал Марику, спящую на своей соломенной постели. Он попрощался с ней вчера. Оба были расстроены. Он заметил, что лицо девочки мокро от слез. Ох, Марику... Он посмотрел на Леонардо, свернувшегося калачиком во сне, бросил последний взгляд на Франка и Петера, а вот и маленький Тисс рядом с ними...

Он потихоньку встал, взял куртку, служившую ему вместо подушки, и осторожно накрыл ею Франка; поцеловал в лоб Марику, она ничего не почувствовала; еще раз взглянул на Леонардо; прислушался к мирному посапыванию отца Тадеуша.

“Прощайте!” — шепнул он и на цыпочках выскользнул из зала, служившего ребятам спальней. Предрас-светная стужа сковала его. Четверо мальчишек на страже у входа в аббатство не спали. Они узнали Рудольфа ван Амстелвеен, но он приложил палец к губам.

— Никому не говорите, что видели меня. Прощайте, ребята, и счастливого пути в Венецию.

Однокая фигурка спешила по дороге в Бриндизи.

РЕШАЮЩАЯ МИНУТА

н появился в городе слишком рано, до назначенного времени оставалось еще несколько часов. Старухи, поспешавшие к заутрене, кланялись, обходя Долфа, который неподвижно сидел на земле, обхватив колени руками. Он уселся прямо на крест, нарисованный чернилами.

Скопление народа поразило его. Торговый люд уже раскинул ряды, жонглеры зазывали прохожих посмотреть на их фокусы. Люди принарядились, будто на праздник. Что у них сегодня — никто не работает, что ли?

Он ждал. Площадь и прилегающие к ней улицы заполнял народ. Мужчины, женщины, дети. Лотошники, акробаты, карманные воры вертелись среди толпы. Попадались матросы, купцы-арабы, так же мало понимав-

шие причину всеобщего волнения, как и он сам, воины, нищие попрошайки. Он взглянул на часы. Когда же стрелка доползет до без четверти десять? Он похолодел от ужаса. На часах — без четверти восемь. Не может этого быть! Он яростно потряс запястье, прислушался. Никакого движения. В течение долгих месяцев странствий часы верой и правдой служили ему, он и в воду с ними нырял, и карабкался по горным склонам, и с врагами бился — и ни разу часы не подвели его. Они выдержали все, и вот теперь, когда его жизнь зависит от часовой стрелки, они остановились.

Поживи не один месяц в средневековье, поневоле станешь суеверным. Долф предчувствовал, что начиная с этой минуты все пойдет вкривь и вкось. Сломается машина времени. Или машина в порядке, а он ждет не там. Или из-за какой-нибудь неожиданности все пойдет наスマрку, как тогда в Спирсе. Или еще...

От его уверенности не осталось и следа. Взошло солнце и озарило площадь золотистым светом. Стало невыносимо жарко. Долф сбросил зеленый свитер, швырнул его на грязную мостовую и как был, в серой, изодранной рубашке и помятых джинсах, выпрямился во весь рост. Прохожие бормотали проклятья, налетая на парня, который и не думал уступать дорогу. Куда они торопятся? Долфу казалось, весь город столпился вокруг него.

И впрямь, что ли, собрались посмотреть, как исчезнет чужеземец? Кто-то вложил ему в руку монетку. Ага, его принимают за нищего! Монету он все-таки спрятал в карман. Над городом поплыл колокольный звон. Да что у них тут происходит? То ли хоронят кого-то из знати, то ли женят?

День святого Маттеуса! Большой праздник, наверно, тут и ярмарка, и шествия...

Ошеломленный происходящим, Долф огляделся. Он стоял точно посередине нарисованного им креста с твердым намерением ни на шаг не отходить в сторону, как бы его ни толкали. Узкую улицу теперь сплошь запрудил людской поток: Все взгляды были устремлены в направлении собора, люди будто ждали чего-то.

А колокола все трезвонили. С ума можно сойти от

этого звона. Долф приготовился, еще раз проверил положение ног. Правильно ли он стоит? Когда он снова поднял глаза, торжественное шествие уже выходило из храма. Под сенью балдахина, который придерживали одетые в белое мальчики, величественно шествовал епископ Адриан в полном облачении, за ним выступали священники, служки, маленькие девочки в белом, украшенные цветами. Они несли моши святых. Над процессией возносилась деревянная фигурка Богоматери в богатом убранстве. Долф вдруг вспомнил Хильду.

Люди, заполнившие площадь, упали на колени.

Долф чертыхнулся. Шествие двигалось прямо на него. “Нужно отойти в сторону, но я не двинусь с места. Ни на шаг не отойду на этот раз. Уже скоро”.

Но почему-то пришли мысли о Эверарте, который пал в битве при Ольо, о том, как Хильда недрогнувшей рукой зашивала страшную рану Берто, поддетого кабаном.

Шествие медленно приближалось. Все, кто стоял рядом с Долфом, расступились, давая процессии дорогу, и преклонили колени. Дрожа всем телом, он продолжал стоять.

— Ой, да это же Рудолф! — раздался знакомый голос. — Вон он стоит!

Долф крепко сцепил руки и устремил взгляд в синее безоблачное небо. Хорошая погода сегодня.

“Скорее, скорее, — мысленно просил он, — только бы они не столкнули меня с дороги”.

— Рудолф!

Голос, который он хорошо знал, перекрыл песнопения. Петер! Наверняка все его друзья здесь, среди толпы. Он не будет смотреть на них.

— Рудолф!

Голос Леонардо за спиной.

— Отойди! — прошипел Долф. Неужели и Марики тоже здесь? Только не это!

Шествие подходило все ближе, до него оставалось метров пять, не более. Можно было предполагать, что они пойдут этой улицей, раз на нее выходит дворец епископа. Внезапно перед собой он увидел самого епископа, который творил крестное знамение. Теперь Долф был единственным человеком на площади, кото-

рый не встал на колени. Сердце его, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

— Прочь с дороги! — прозвучал грубый окрик на городском диалекте Бриндизи.

Стражник с алебардой, расталкивая толпу, пробился вперед и уже протянул руку к Долфу.

— Дай дорогу!..

— Не трогайте меня, я не могу! — кричал Долф.

В глазах у него потемнело. Чьи-то руки схватили его и потянули в сторону. Он с воплями отбивался, сопротивлялся что было силы.

— Пустите меня! Отойдите все!

Но грубые руки не отпускали его, тащили куда-то. Тяжелое, клокочущее дыхание у него над ухом заглушало звон колоколов.

— Нет! — кричал он. — Я не сойду с этого креста!

— Долф!..

Кто назвал его этим именем? Он Рудольф Вега ван Амстелвеен. Он зажмурился и, не глядя, колошматил, пытаясь сбросить цепкие руки.

— Черт бы вас всех побрал! Леонардо, на помощь!

Он шарил в поисках ножа, гримаса исказила его лицо.

Внезапно до его сознания дошел резкий голос:

— Опять не тот.

Он знал этот голос, и язык, на котором были произнесены эти слова, показался ему знакомым. Туман в голове потихоньку рассеивался. Цепкая хватка рук, державших его, разжалась. Он покачнулся, метнул быстрый взгляд под ноги. Где же крест?

Изображение креста пропало. Он стоял на ровном полу, выкрашенном в зеленый цвет. Его бросило в жар, вокруг раздавались чьи-то голоса.

— Это же Долф! Долф...

Колокольный звон затих. Он медленно поднял взгляд на высокую красивую женщину, чьи серые глаза смотрели на него со страхом и ожиданием. Рядом с ней стояли и другие люди, непривычно одетые, с любопытством разглядывающие его... Нет, это не глаза Марике. Но какие знакомые глаза... Вокруг звучал чужой язык, но — странно! — он все понимал. Голова пошла кругом.

- Дайте ему прийти в себя.
- Господи, какой ужасный вид!
- Это шок...
- Долф, мальчик мой, Долф!..

Он вдруг спохватился, что все еще угрожающе сжимает свой нож. Женщина, всхлипывая, осторожно приблизилась к нему и чуть коснулась его руки. Только теперь происходящее стало медленно доходить до него. Он находился в лаборатории доктора Симиака. Красивая сероглазая женщина — его мама. Вокруг распространялся чад, от перенапряжения плавились провода транслятора материи. Мужчина, мягко удерживавший Долфа на стуле, — собственный отец Долфа. Нож выпал из внезапно ослабевшей руки и вонзился в пол.

Рудольф ван Амстелвеен вернулся в свое время.

СТРАНСТВИЕ ПО РЕКЕ ВРЕМЕНИ

Древние говорили: “В одну и ту же реку нельзя войти дважды”, подразумевая под этим неумолимый бег времени, которое никому не дано повернуть вспять. А как хотелось бы своими глазами увидеть живые страницы давно минувшего, окажись у нас вдруг та самая машина времени, которой завладел наш современник из Нидерландов пятнадцатилетний Долф Вега.

Что бы вы предпочли? Побродить по улочкам античных городов, полюбоваться великолепием храмов древней Эллады и римских амфитеатров? А может быть, оказаться в числе зрителей блестящего рыцарского турнира? Несомненно одно: картины, проходящие перед нашим мысленным взором, яркие, многокрасочные, живописные, хорошо знакомы по учебникам истории, по историческим фильмам.

Не случайно Долф, начитавшись исторических романов, отправляется прямиком на большой рыцарский турнир во Францию. Мальчику как-то не приходило в голову, что средневековая Европа — это не только поединки благородных рыцарей, королевские пиры да охотничьи выезды, но еще и ужасающая нищета, страшные болезни, дикие суеверия. И постоянная неуверенность в завтрашнем дне, ибо жизнь человеческая зависела от капризов природы, от прихоти владетельного сеньора, просто от случая. Не очень-то уютная картина, верно?

Именно такую неприкрашенную изнанку средневековья открывает для себя Долф. В средневековом обществе высшие сословия отделялись от низших незыблемыми границами: одним надлежало молиться за всех (церковники), другим защищать страну (рыцари), третьим же — трудиться.

Рыцари занимались нескончаемыми войнами и приготовлениями к ним. Война была единственным способом решения любой тяжбы. Владельцы замков устраивали между собой поединки, враждебные наезды, мстили друг другу за нанесенные обиды. При этом вся тяжесть кровопролитных стычек падала на кресть-

ян, у которых отнимали скот, вытаптывали посевы враждующие соседи-рыцари.

Дни простолюдина текли, похожие один на другой, заполненные тяжким, отупляющим трудом на хозяйственном поле. Вся жизнь была пронизана страхом, тосклившим ожиданием новых бедствий: того и гляди, налетят рыцари, разорят, отберут последнее, а то еще напасть — неурожай, тогда верный голод. К тому же непосильная барщина, оброк, жестокие поборы и наказания, всецело зависящие от прихоти феодалов, многие из которых имели перед замком собственную виселицу для устрашения непокорных.

Жизнь детей в те далекие времена немногим отличалась от жизни взрослых, а взросльть приходилось рано. Собственно, и понятие такое — “детство” — отсутствовало в том смысле, который мы связываем с ним сегодня. Детство... Какое оно? Счастливое, беззаботное, радостное — вот слова, которые первыми приходят на ум. В представлениях людей средневековья дети были маленькими взрослыми, которые еще не успевали вытянуться и набрать сил, еще не способны выполнять тяжелую работу. Даже одевали детей точь-в-точь как взрослых. С самых ранних лет начиналась школа жизни, в которой учебу заменял повседневный труд наравне со взрослыми.

Лишь надежда на загробную жизнь, где каждому воздастся по заслугам, согревала души людей, ибо с детства человеку было знакомо чувство безнадежности, невозможности иного исхода, кроме предопределенного ему судьбой, и одновременно страстное чаяние избавления. Исступленная вера в чудо, готовность к встрече с ним прорывались необуздаными вспышками религиозного экстаза, случаями массового психоза и “видений”, особенно частыми среди детей и подростков. По сообщениям немецких летописцев, например, в 1237 году около тысячи детей, охваченных непонятным безумством, прошли путь от Эрфурта до Арнштадта, непрерывно приплясывая и пританцовывая. А в летописи XV века содержится сообщение о детях Гаммельна. Как гласит легенда, сотни детей враз покинули родные места и навсегда исчезли, повинуясь

наигрышу серебряной дудочки в руках неизвестно откуда взявшегося молодого человека.

Только бы вырваться из беспросветных будней, и не где-то там в загробной жизни, а здесь и сейчас! Простой люд упивал на странствие в далекую Святую землю, как называли тогда Ближний Восток, как на избавление от тягостного, заполненного непосильным трудом существования. Рыцари также стремились на Восток в надежде захватить там сказочные богатства и приобрести плодородные земли. Дело в том, что население Европы к XI — XII векам сильно выросло, а неподеленных земель оставалось все меньше и меньше. По феодальным обычаям наследовать земли имел право только старший сын сеньора, в то время как многочисленный слой знати составляли младшие сыновья феодалов, которые не имели земли и стремились получить ее любой ценой. Не удивительно, что призыв церкви направить на Восток христианское ополчение, чтобы очистить от мусульман Иерусалим, где, по преданию, находился гроб Господень, — этот призыв подействовал, словно искра, высеченная близ смоляного факела. Так в 1095 году по призыву папы Урбана II был начат первый крестовый поход, открывший целую эпоху крестовых походов, сотрясавший и христианский, и мусульманский мир вплоть до 1270 года.

В путь двинулись два очень разных ополчения. Одно, собравшее простой люд, зачастую поднимавшийся целыми деревнями, было скучно вооружено, не имело снаряжения и припасов. Другое ополчение составляли рыцари в боевых доспехах, на выносливых скакунах. Знатные сеньоры, рассчитывающие на затяжную военную кампанию, везли с собой домочадцев, слуг, музыкантов, за ними двигались обозы, груженные утварью, охотничими принадлежностями и даже музыкальными инструментами.

О том, где лежит конечный пункт их устремлений, понятия у людей того времени были самые фантастические, имевшие мало общего с реальностью. Да и само направление их движения зачастую было выбрано наугад. По свидетельству летописца, один из отрядов крестоносцев пустил перед собой в качестве

проводника, прокладывающего маршрут... обыкновенную козу. Да и каковы могли быть познания в географии у людей того времени, если даже карты, составленные учеными мужами, изображали мир в виде круга с центром в Иерусалиме. В круг была вписана буква "Т" рассекавшая его на три части. Часть, расположенная вверху над перекладиной буквы "Т", представляла Азию, две нижние части — Европу и Африку.

Первый крестовый поход, начатый в 1095 году, завершился летом 1099 года падением Иерусалима. Победители жестоко расправились с населением города. После трехдневной резни крестоносцы, одевшись в платье смиренных богомольцев-пилигримов, отправились в храм молиться.

Второй крестовый поход постигла неудача. Неудачен был и третий крестовый поход, несмотря на участие в нем таких знаменитостей, как германский император Фридрих Барбаросса и английский король Ричард Львиное Сердце. В 1187 году на Запад пришло известие о том, что Иерусалим вновь захвачен войсками египетского султана.

В 1212 году случилось одно из самых невероятных и жестоких событий, которыми изобиловала эта эпоха. В крестовый поход двинулись дети. Нам, людям двадцатого века, трудно представить себе, как могли ребята отважиться на предприятие, которое зачастую было не под силу взрослым воинам. Без оружия и снаряжения, не имея карт, босые, в убогой одежонке, дети десяти — двенадцати лет шли к стенам Иерусалима, свято веря, что небеса помогут им чудесным образом одолеть мусульман. Весьма неприглядную роль в этой трагической эпопее сыграли взрослые. Начать с того, что поход просто не мог бы состояться, а тем более собрать огромное число участников, если бы его не взяла под свое покровительство церковь. Папа Иннокентий III и не подумал остановить эту безумную затею, на против, он ставил детей в пример рыцарям-крестоносцам: "Эти дети служат укором нам, взрослым; пока мы спим, они с радостью выступают за Святую землю".

Сознание средневекового человека было насквозь религиозно. Умонастроениями простонародья (а в этот поход собирались в основном дети бедноты) отвечала распространяемая церковью идея о том, что после окончания земной жизни в царство небесное войдут не богатые и знатные, а бедные, много страдавшие. Именно корыстолюбием рыцарей объясняли церковники неудачи прежних крестовых походов. Детей было нетрудно убедить, что Всевышний сотворит чудо, если у стен Священного города соберется безгрешное детское воинство, воинство угодных Богу, невинных и неимущих.

Однако самым чудовищным было то, что наивную веру детей использовали купцы, торговавшие рабами. Армия маленьких крестоносцев, вышедшая из окрестностей Парижа в Марсель, с тем чтобы там сесть на корабли, стала добычей алчных торговцев, которые пообещали путникам перевезти их через Средиземное море. Семь кораблей, заполненных ничего не подозревающими детьми, отплыли из Марселя. Два из них погибли во время шторма, а пять достигли Александрии, где тысячи ребят были проданы на невольничьем рынке. Немногим лучше была и участь детей, которые отправлялись из Германии и совершили переход через Альпы, намереваясь достичь Италии. Те из них, кому посчастливилось добраться до Италии, частью рассеялись по стране, частью попали в рабство. Жалкие остатки крестоносцев двинулись в скорбный обратный путь на родину.

Историю, как и жизнь, не перепишешь набело, не вычеркнешь из нее тяжелые, трагические строки. Мы можем лишь попытаться представить себе вместе с известной нидерландской писательницей Теа Бэкман, что было бы, если...

Если бы кто-нибудь из нас оказался рядом с этими обманутыми детьми... Их еще можно предупредить, можно спасти! Трудно было бы упрекнуть Долфа, предоставив он маленьких крестоносцев их собственной участи. Мудрено ли самому упасть духом, вот так затерявшись во времени? Но Долф рассудил иначе. Мальчишка, мечтавший хоть одним глазком взглянуть

на поединки рыцарей, принес с собой из двадцатого столетия подлинно рыцарское стремление встать на защиту обиженного, помочь слабому. Поэтому ему, а значит, и нам с вами, довелось прошагать вместе с колонной детей по средневековой Европе, пережить все испытания, выпавшие на их долю.

Столетия изменили облик Европы, и вдруг в двадцатом веке напоминание о детях-крестоносцах пронзительной болью отзывалось в замечательной книге американца Курта Воннегута, рассказывающая о варварской, ничем не оправданной бомбардировке немецкого города Дрездена англо-американской авиацией. Книга так и называется — “Бойня номер пять, или Крестовый поход детей”. 13 февраля 1945 года этот город, в котором не было военных объектов и в котором скопились тысячи беженцев, за несколько часов был превращен в груду развалин и дымящегося пепла. Трагическая история детского крестового похода стала символом беззащитности маленького человека, втянутого в жестокие игры сильных мира сего.

Стремит свой бег река времени, бредут по дорогам средневековой Европы вслед за своей мечтой босоногие крестоносцы, и до того, как первые снаряды разорвутся на улицах древнего немецкого города, до того, как взмоют дрезденские сирены, еще целых семь столетий...

Н.Иванова

Оглавление

Большой прыжок	3
Потерпевший крушение	10
Гроза	27
Король Иерусалимский	43
Опасная охота	73
Чудо хлебов	84
Схватка с багряной смертью	100
Обвинение в ереси	117
Правый суд	137
В горах	159
Похитители детей	171
Пришествие демонов	189
Переход через Альпы	200
Битва в долине По	216
Завещание Каролюса	228
Долгожданное море	236
Заговор на берегу моря	260
Расплата	268
“Мы не воротимся”	280
В западне	292
Надгробие святого Николая	309
Весть из будущего	317
Решающая минута	337
Н.Иванова. Странствие по реке времени	342

Издательство “Странник”
в 1992 году

Серия:
Переводная сказочная
повесть

Впервые

самое полное издание А.А.Милна “Винни-Пух и Все-Все-Все”. В книге не восемнадцать глав, как во всех предыдущих изданиях, а двадцать. Кроме того, включены все стихи и песенки, написанные Борисом Заходером к мультфильмам, спектаклям и мюзиклам.

Издательство “Странник”

в 1993 году

предполагает выпустить:

- * книги из серии “Переводная сказочная повесть” — лучшие произведения мировой литературы для детей, в том числе ранее неизвестные в нашей стране**
- * книги из серии “Заводной апельсин” — для молодежи и о молодежи, независимо от времени и географии их создания**
- * бестселлеры Виктора Ерофеева, Грегори Макдональда, Патриции Мойес, Дика Трейси.**

**Книги
издательства “Странник”
— это увлекательное чтение
для детей и взрослых.**

Теа Бекман
Крестоносец в джинсах

Редактор Н.Ступина
Художник О.Санников
Набор А.Дудинов
Компьютерное обеспечение О.Тюпин

Подписано в печать 10.12.92. Формат 84×108/32. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 18,48. Тираж 100 000. СО22. Заказ № 2046—2049.

Издательство «Странник». 426000, Ижевск, пер. Северный, 61

· Отпечатано в Ижевской республиканской типографии. ·

Франция

Карлсруэ

Альпы

Пиза

Ун

Римская империя (немецкие земли)

Emperium